

2024

Том 15. № 3

2024. Vol. 15. No. 3

DOI: [10.19181/vis.2024.15.3](https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.3)

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института* СОЦИОЛОГИИ

www.vestnik-isras.ru

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

Тема номера:

**Формирование ценностей:
диалектика инновационного
и традиционного**

/Динамика жизненных установок

/Православный активизм

/Общественная эффективность
образования

/Структура жизненного пути

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 3'2024

Рецензируемый сетевой научный журнал
Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2024. Том 15. № 3
DOI: 10.19181/vis.2024.15.3

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Главный редактор: М. К. Горшков
Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова
Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 73108:
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Год регистрации: 2018 г.

© Вестник Института социологии, 2024
© Vestnik instituta sotziologii, 2024

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН,
Научный руководитель ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, начальник Управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, руководитель Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич – доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: damdin80@mail.ru

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Алексантери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КУЧЕНКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель Отдела исследований социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (Орел, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЦЭЦЭНБИЛЭГ Цэвээний – Ph.D., ассоциативный профессор, главный научный сотрудник Отдела социологии Института философии АН Монголии (Улан-Батор, Монголия)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Сеул, Республика Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Academic Coordinator of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center for the Study of Russian Regions of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: illai@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Members of the Editorial Board

Damdin D. BADARAEV, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (Ulan-Ude, Russia)

E-mail: damdin80@mail.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanitarian and Social Sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, Republic of Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Markku KIVINEN, Professor of Sociology, Research Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Anna V. KUCHENKOVA, Candidate of Sociological Science, Senior Researcher, Center for Sociological Research Methodology, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration Under the President of the Russian Federation, Altai Branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, Professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Tseveen TSETSENBILEG, Ph.D., Associate Professor, Principal Researcher of the Department of Sociology of the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Содержание

EDN: VQWYNZ

О Выпуске	8
<i>Аксенова О. В.</i> Прогресс и традиция в эпоху перемен	8
Тема номера:	
Формирование ценностей:	
диалектика инновационного и традиционного	13
<i>Шереги Ф. Э., Приведенцева О. С.</i> Среднесрочный прогноз динамики жизненных установок россиян	13
<i>Авксентьев В. А., Иванова С. Ю., Шульга М. М.</i> Репрезентации этнополитической ситуации на Северном Кавказе в медиа пространстве региона	37
<i>Богатова О. А., Долгаева Е. И.</i> Православный активизм в восприятии населения региона: основные фреймы	55
<i>Островская Е. А., Бадмацыренов Т. Б.</i> Сетевые технологии как инструмент самопрезентации малых религиозных групп (кейс новых для России направлений буддизма)	79
Региональная идентичность в России и за рубежом	107
<i>Косов Г. В., Ярмак О. В., Гарас Л. Н.</i> Галичина и Донбасс как идеальные модели региональной идентичности: социокультурные корни противостояния западной и восточной Украины	107
<i>Коломиец В. К.</i> Проблема Севера и Юга: о возможностях сопоставления межрегиональных неравенств в Италии и России	135
Проблемы образования в России.....	156
<i>Осипов А. М.</i> К научной трактовке общественной эффективности образования	156
<i>Адиев А. З.</i> Профилактика экстремизма и терроризма в школах: опыт Республики Дагестан	172
Жизненный путь и карьерные траектории россиян	189
<i>Андреевкова А. В., Медведева А. А.</i> Динамика событийной структуры жизненного пути в России	189
<i>Тев Д. Б.</i> Высокопоставленные чиновники полномочных представительств Президента РФ в федеральных округах: каналы рекрутирования и карьера	210
Научные дискуссии	233
<i>Вершинина И. А., Лядова А. В., Мартыненко Т. С., Григорьева Е. А.</i> Современный дискурс о неокOLONIALИЗМЕ: аналитический обзор исследований.....	233

Contents

About the Issue	8
<i>Aksenova O.V.</i> Progress and Tradition in an Era of Change.....	8
Topic of the Issue:	
Formation of Values: Dialectics of Innovative and Traditional	13
<i>Sheregi F. E., Privedentseva O. S.</i> Medium-Term Forecast of the Dynamics of Life Attitudes of Russians	13
<i>Avksentev V. A., Ivanova S. Yu., Shulga M. M.</i> Representations of the Ethno-Political Situation in the North Caucasus in the Regional Media Space	37
<i>Bogatova O. A., Dolgaeva E. I.</i> Orthodox Activism as Perceived by the Population of the Region: Main Frames	55
<i>Ostrovskaya E. A., Badmatsyrenov T. B.</i> Network Technologies as a Tool for Self-Presentation of Small Religious Groups (The Case of Buddhism New for Russia)	79
Regional Identity in Russia and Abroad	107
<i>Kosov G. V., Yarmak O. V., Garas L. N.</i> Galicia and Donbass as Ideal Models of Regional Identity: Sociocultural Roots of the Confrontation Between Western and Eastern Ukraine	107
<i>Kolomicz V. K.</i> The North-South Problem: On the Possibilities of Comparing Interregional Inequalities in Italy and Russia	135
Problems of Education in Russia	156
<i>Osipov A.M.</i> Towards a Scientific Interpretation of the Social Effectiveness of Education	156
<i>Adiev A. Z.</i> Prevention of Extremism and Terrorism in Schools: Experience of the Republic of Dagestan	172
Life Path and Career Trajectories of Russians	189
<i>Andreenkova A. V., Medvedeva A. A.</i> Dynamics of the Event Structure of the Life Course in Russia.....	189
<i>Tev D. B.</i> High-Ranking Officials of the Plenipotentiary Representative Offices of the President of the Russian Federation in the Federal Districts: Recruitment Channels and Careers	210
Scientific Discussions	233
<i>Vershina I. A., Liadova A. V., Martynenko T. S., Grigoreva E. A.</i> Contemporary Discourse on Neocolonialism: An Analytical Review of Research	233

О ВЫПУСКЕ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.2

EDN: ELDYKT

Прогресс и традиция в эпоху перемен

Ссылка для цитирования: Аксенова О. В. Прогресс и традиция в эпоху перемен // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 3. С. 8–12. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.2; EDN: ELDYKT.

For citation: Aksenova O. V. Progress and tradition in an era of change. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 8–12. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.2; EDN: ELDYKT.

Прогресс долгое время был одной из главных ценностей советского и постсоветского общества, безусловной и (в определенном смысле) традиционной. Однако его новейшие проявления, среди которых отрицание культуры и истории, декларация свободы человека от всякой аскриптивности, от любой детерминированности, включая биологическую, оказались несовместимы со сформированным русским и советским модерном пониманием прогрессивности. Проблема происходящих в современном мире трансформаций, с нашей точки зрения, не в их турбулентности, но в неясности их вектора, в непонятных изменениях их сущностных свойств.

Поворот к традиции в такой ситуации практически неизбежен, он в определенной степени носит охранительный или даже эскапистский характер. И с самой традицией не все ясно. Консенсуса относительно ее социологического определения в академическом сообществе пока нет, оно зависит от контекста каждого конкретного исследования. Непосредственной данностью нынешнего времени является сложнейшее переплетение разного нового и очень разного старого.

Статьи, представленные в тематическом разделе данного выпуска, отражают стремление социологов на разных уровнях и в разных отраслях отрефлексировать происходящее с прогрессом и традицией, в том числе с инновационными и традиционными ценностями. Потому он назван «Формирование ценностей: диалектика инновационного и традиционного». Но и остальные рубрики содержат тексты, так или иначе связанные с анализом разных форм проявления указанного дихотомического единства.

Выпуск открывает статья Ф. Э. Шереги, О. С. Приведенцевой (Москва) «Среднесрочный прогноз динамики жизненных установок россиян». Она посвящена сложной проблеме долгосрочного прогнозирования изменений общественного сознания, обусловленных ценностными установками граждан. Авторы оговаривают сложность такого прогнозирования и ограничивают его допущением исключительно эволюционного развития государства. Именно в этом случае, по их мнению, возможно обоснованно предсказать тенденции, основываясь на относительно стабильных установках граждан от сорока лет и старше. Установки, по мнению авторов, зависят

от жизненных траекторий индивидов, их идентификации с референтными группами и выбора ими форм социального поведения. Перечисленные аспекты жизнедеятельности человека определяются в том числе биологически, что и обуславливает устойчивость прогноза при прочих равных. В статье представлена разработанная авторами методология прогнозирования, в которой используется математический инструментарий.

В статье [В. А. Авксентьева, С. Ю. Ивановой, М. М. Шульги](#) (Ростов-на-Дону) [«Репрезентации этнополитической ситуации на Северном Кавказе в медиа пространстве региона»](#) представлены результаты весьма актуального исследования, тема которого и обозначена в названии. В этом регионе-фронтире сохраняются различные этнические, религиозные, культурные традиции, то есть обозначенное выше сложное переплетение традиции и прогресса. Его географическое положение обусловило постоянное наличие внешних и внутренних вызовов. Авторы выявили картину мира, которая создается в медиапространстве. В ней преобладает контент, связанный с новыми практиками формирования общероссийской гражданской идентичности в регионе. Показано, что в СМИ конструируется образ стабильного и спокойного региона. Фрагментарно представлены рост угроз дестабилизации общественно-политической ситуации на Северном Кавказе, что обусловлено приоритетом позитивного контента, с одной стороны, и недооценкой современных вызовов, с другой. Авторы делают вывод о необходимости распространения солидаризирующих полиэтнический социум смыслов и ценностей. Особый интерес в связи с диалектикой традиции и инновации представляет, с нашей точки зрения, термин «новые традиции», которые складываются в связи с СВО и ее героями.

Две следующие статьи рубрики посвящены очень сложной теме формирования традиционных религиозных ценностей и их соединения с новыми практиками и инновационной средой.

В статье [О. А. Богатовой](#) и [Е. И. Долгаевой](#) (Саранск) [«Православный активизм в восприятии населения региона: основные фреймы»](#) представлен анализ отношений православных активистов и остального населения региона. Авторами типологизированы основные фреймы взаимного восприятия: партнерский, клиентский, стереотипизирующий и критический. Авторы приходят к выводу о том, что ограничением институционализации православной социальной активности является негативное отношение потенциальных волонтеров к установке на их воцерковление. Тенденция к усвоению православных семейных ценностей и образа жизни локальна, характерна лишь для части сотрудников партнерских государственных организаций, должностные обязанности которых связаны с реализацией социального проекта повышения рождаемости. Отношение к православным инициативам в целом характеризуется разделением религиозной и социальной активности даже у их партнеров и клиентов.

В статье [Е. А. Островской, Т. Б. Бадмацыренова](#) (Улан-Удэ) [«Сетевые технологии как инструмент самопрезентации малых религиозных групп»](#) содержатся результаты исследования феномена российского «цифрового буддизма». Авторы на примере двух малочисленных религиозных сооб-

щество, принадлежащих к хотя и имеющим глубокие исторические корни, но абсолютно новым для России направлениям буддизма, показывают, как религии вовлекаются в процесс медиатизации. Он ставит перед ними целый ряд серьезных вопросов, требующих новых, неизвестных их традициям ответов. Так, цифровизация священных текстов влечет за собой девальвацию традиции канонического знания и толкования этих священных текстов. Возникает пространство свободы, формируются новые религиозные авторитеты, изобретаются инновационные способы влияния и распространения религиозных ценностей. Авторы показывают, что существующие в РФ институционализированные направления буддизма консервативны, а нетрадиционные для России буддийские организации приняли инновационную стратегию и сумели распространить свои ценностные установки относительно широко для малой группы.

Рубрика [«Региональная идентичность в России и за рубежом»](#) также связана с диалектикой инновации и традиции и, что важно, с трансформацией последней. Статья [Г. В. Косова, О. В. Ярмак, Л. Н. Гарас \(Севастополь\) «Галичина и Донбасс как идеальные модели региональной идентичности: социокультурные корни противостояния западной и восточной Украины»](#) носит ретроспективный характер, но анализирует проблемы более чем актуальные. Авторы рассматривают идеальные модели региональной идентичности, исторически складывавшиеся на Украине. В статье на основе социологической эмпирики показано, что страна мозаична, целый ряд территориальных комплексов слабо связаны друг с другом. Тем не менее, дихотомия Донбасс – Галичина была ярко выражена, что обусловлено актуализацией проблем идентичности после провозглашения независимости Украины. В этом процессе доминировала региональная идентичность Донбасса на Востоке Украины на фоне тотального продвижения властью Галицийского проекта, которое с 2014 года осуществлялось уже насильственным путем. Авторы показали, как насильственное стремление нивелировать региональную идентичность жителей Востока Украины запустило процесс сецессии региона – провозглашение ДНР и ЛНР и их последующее включение в 2022 г. в состав Российской Федерации.

Статья [В. К. Коломийца \(Москва\) «Проблема Севера и Юга: о возможностях сопоставления межрегиональных неравенств в Италии и России»](#) также исторична. Автор показывает, что относительно позднее приобщение Италии к индустриальной цивилизации привело к возникновению дихотомии «Север – Юг», воплощающей региональные различия, диспропорции в развитии, а также коллизию между унификацией традиционалистских общественных укладов и потребностью в сохранении их разнообразия. По мнению автора, эта дихотомия предвосхитила мировое разделение на богатый, развитый Север и бедный Юг. За время существования противоречия произошли существенные изменения, связанные с эрозией политических субкультур, секуляризацией и рационализацией общественного сознания. Автор приходит к выводу, что на примере Италии можно видеть, как архаические социальные практики сочетаются с современными технологиями, и это может породить весьма причудливые социальные коллизии.

Отметим, что описанная в предыдущей статье модель «Донбасс – Галичина» схожа с итальянской дихотомией «Север – Юг», поскольку также обозначает не столько этнические различия, сколько противоречие между индустриальными и аграрно-традиционалистскими регионами. И также породила весьма причудливую коллизию: западноукраинской сельской традиции официальным дискурсом приписан инновационный, прогрессистский характер.

Рубрика [«Проблемы образования в России»](#) представлена двумя статьями, в которых проблемы образования освещены с разных ракурсов. По мнению [А. М. Осипова](#) (Санкт-Петербург), автора статьи [«К научной трактовке общественной эффективности образования»](#) социология образования должна сфокусироваться на изучении проблемы общественной эффективности последнего. Ее решение необходимо для преодоления бюрократологий (авторский термин, обозначающий чрезмерную бюрократизацию) и перехода от универсального и бюрократического менеджмента к научному управлению образованием. Автор предлагает собственную трактовку проблемы и свое видение методологической роли социологии в ее решении. Обосновывается необходимость учета всего спектра институциональных функций образования (воздействие на все сферы жизни общества, отложенность результатов во времени; несводимость к рыночной услуге или педоцентристским и «компетентностным» схемам); междисциплинарное взаимодействие для концептуализации общественных затрат и результатов.

В статье [А. З. Адиева](#) (Махачкала) [«Профилактика экстремизма и терроризма в школах: опыт Республики Дагестан»](#) представлены результаты исследования профилактической антитеррористической воспитательной работы среди учащихся общеобразовательных школ Республики Дагестан. Автор показывает, что работа со школьной молодежью проводится системно и комплексно с участием не только педагогов, но и внешних субъектов профилактического воздействия на подростков из числа представителей правоохранительных органов, различных министерств и ведомств, представителей официального мусульманского духовенства, спортсменов, депутатов, ветеранов СВО и других лидеров общественного мнения. Выявлен ряд проблем и факторов, снижающих ее эффективность: загруженность учителей «бумажной» работой, частые требования разного рода отчетов, формализм, проведение мероприятий без учета возрастных и индивидуальных особенностей учащихся, отсутствие понимания и поддержки со стороны родительского сообщества, слабый интерес к такого рода мероприятиям как со стороны педагогов, так и со стороны школьников.

В рубрике [«Жизненный путь и карьерные траектории россиян»](#) также две статьи. В работе [А. В. Андреевской, А. А. Медведевой](#) (Москва) [«Динамика событийной структуры жизненного пути в России»](#) представлены результаты сравнительного анализа жизненно-событийной структуры поколений россиян. Авторы выявили стандартную структурированность жизненных траекторий живущих ныне россиян, характерный для России короткий период вступления во взрослую жизнь. Обнаружен и тренд на дестандартизацию жизненных путей – в старших поколениях уровень сход-

ства значительно выше, чем среди молодых поколений. Дестандартизация, с одной стороны, содержит новые возможности для развития, построение жизненного пути с учетом индивидуальных особенностей, снижение нормативности и социального давления. С другой стороны, она же может привести к росту неопределенности, социального напряжения, увеличению неравенств, углублению конфликта «отцов и детей», что повысит в обозримом будущем социальные риски.

В статье [Д. Б. Тева](#) (Санкт-Петербург) [«Высокопоставленные чиновники полномочных представительств Президента РФ в федеральных округах: каналы рекрутирования и карьера»](#) анализируются основные каналы рекрутирования высокопоставленных чиновников полномочных представительств Президента РФ в федеральных округах. Автором выявлен ряд важных тенденций. В их числе тенденция милитаризации: большинство чиновников полпредств имеют опыт работы в силовых структурах и даже провели в них основную часть своей предшествующей карьеры. Их рекрутирование, вероятно, укрепляет автономию полпредств от внешних по отношению к федеральной власти акторов и интересов, включая региональные администрации, которые эти органы призваны контролировать. Тем не менее, весомое меньшинство президентских чиновников имеет опыт работы в региональных администрациях (особенно среди заместителей и помощников полпредов), а также в бизнесе, как государственном, так и частном (особенно среди полпредов и их заместителей). Роль законодательных органов, как канала рекрутирования президентских чиновников, незначительна.

Выпуск завершает рубрика [«Научные дискуссии»](#). Она представлена статьей [И. А. Вершининой, А. В. Лядовой, Т. С. Мартыненко, Е. А. Григорьевой](#) [«Современный дискурс о неокOLONIALИЗМЕ: аналитический обзор исследований»](#). В работе рассматриваются различные работы современных авторов, посвященных основным особенностям неокOLONIALИЗМА XXI в. Главной среди них называется трансформация характера, форм и методов колониального влияния, изменение его масштаба. В статье обозначены основные причины интереса к проблематике исследований неокOLONIALИЗМА, включая общую смену исследовательской оптики, появление новых форм колониальной зависимости и прочее. Авторами сделан вывод о необходимости выявления конкретных интересов и ценностей, стоящих за современными экологическими инициативами, которые часто служат ширмой для формирования неокOLONIALИЗМНОЙ зависимости.

Аксенова О. В. – зам. главного редактора

ТЕМА НОМЕРА

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ: ДИАЛЕКТИКА ИННОВАЦИОННОГО И ТРАДИЦИОННОГО

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.3

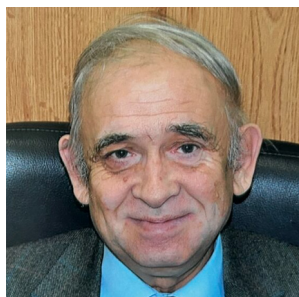
EDN: DOZTAT

Среднесрочный прогноз динамики жизненных установок россиян

Ссылка для цитирования: Шереги Ф. Э., Приведенцева О. С. Среднесрочный прогноз динамики жизненных установок россиян // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 3. С. 13–36. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.3; EDN: DOZTAT.

For citation: Sheregi F. E., Privedentseva O. S. Medium-term forecast of the dynamics of life attitudes of Russians. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 13–36. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.3; EDN: DOZTAT.

SPIN-код: 7968-9483

Шереги Франц Эдмундович¹

¹Центр социального прогнозирования и маркетинга,
Москва, Россия

f-sheregi@inbox.ru

SPIN-код: 3630-5459

Приведенцева Ольга Сергеевна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

oprivedenceva@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлен метод прогнозирования тенденций изменений массового сознания в аспекте жизненных установок, т. е. тех ценностей, согласно с которыми люди стараются строить свою жизнь. В современной прикладной социологии успешно используется прогноз электорального и потребительского поведения граждан. Временной лаг достоверности прогноза: для электорального поведения – 4–5 недель, потребительского поведения – до года. Прогноз на 10–20 лет практикуется в основном в демографии. Прогнозировать изменения массового сознания, базирующегося на ценностных установках граждан, сложнее. Если предположить, что развитие государства проходит эволюционно, тогда сочетание эвристических и математических методов позволяет сделать прогноз *тен-*

денций изменения установок населения в возрасте 40 лет и старше, как базовых для экономического и политического функционирования государства. В методическом плане в статье предложена *процедура прогноза только тенденций*, без претензии на высокую точность числовых показателей, при обязательном учете *слабой изменчивости базовых числовых показателей, измеренных по состоянию на 2024 г.* Для прогноза тенденций использованы данные общероссийского репрезентативного социологического исследования, аккумулярованные в интегральные индексы, а также (при помощи факторного анализа) в вербальные конструкты. Сочетание этих методов позволило сделать в целом устойчивый 20-летний прогноз тенденций изменения жизненных установок россиян. Инструментом *детализованного* прогноза являются индексы как интегрированные показатели интенсивности и направленности тенденции, а *обобщенного* прогноза – вербальные конструкты, сформированные на основании факторного анализа. Выбор предмета прогноза основан на гипотезе о том, что «катализатором» жизненных установок являются три составляющие жизнедеятельности: выбираемая индивидом жизненная траектория, включающая предпочитаемые им виды жизнедеятельности; идентификация индивида с референтными группами как контактной средой, механизмом ценностной коммуникации и самореализации; выбор индивидом форм социального поведения в опоре на основные моральные принципы жизнедеятельности людей. Эти три аспекта жизнедеятельности населения являются не только социально (филогенетически), но в большой степени и биологически (онтогенетически) обусловленными, поэтому отличаются высокой устойчивостью, что позволяет говорить об устойчивости среднесрочного прогноза тенденций в интервале до 20 лет. Таким образом, в статье предложен опробованный в прикладном социологическом исследовании комбинированный метод среднесрочного прогноза установок социальных групп в ситуации, когда не проводятся повторные исследования для выстраивания динамического ряда эмпирических показателей. Приводимый в статье прогноз оперирует с показателями, важными для учета в практике среднесрочного планирования социальной политики государства.

Ключевые слова: жизненная траектория, референтные группы, моральные установки, индексный метод, факторный анализ, социологический прогноз

Введение

Социальные факты объективны по своей сути, в длительном историческом периоде проявляясь как действие закономерности, однако субъективны по форме. Форма, используемая в прогностических моделях в качестве эмпирических индикаторов, вариативна, регулируется социальными институтами и временной лаг ее существования относительно невелик. В прикладной социологии социальные институты редко рассматриваются как объект прогноза вариации их функций, по двум причинам: вариация в высокой степени подвержена влиянию субъективных факторов, каковыми являются регулятивные нормы государства; а также – действию филогенетических (внешних) факторов, вынуждающих государство корректировать внутреннюю политику.

Изменяющаяся социальная практика генерирует вариацию содержания отражающего ее общественного сознания. Эти изменения в прикладной социологии принято «регистрировать» путем опроса общественного мнения населения. Анализируя условия зарождения опросов общественного

мнения в США в середине 1930-х гг. Б. Докторов констатировал, что такими являлись запросы демократизации рыночного общества [5, с. 14]. У опросов общественного мнения имеется и прогностический потенциал, но на небольшой период времени, ограниченный степенью стабильности установок объекта прогноза или актуальностью события. Например, прогноз электорального поведения становится в целом достоверным не ранее, чем за две недели до дня голосования.

Считается устойчивым социологический прогноз, основанный на оценках, высказанных экспертами, высококомпетентными в отношении характеристик и качеств объекта прогноза [4, с. 137–146]. Практикуется также прогноз в социальной демографии, в опоре на статистические данные о динамике рождаемости [10]. Однако и в этом случае, через короткое время достоверность прогноза может быть нарушена нормативным решением государства о материальном стимулировании рождаемости.

Существуют характеристики поведения социальных групп, количественные параметры которых могут служить эмпирической базой прогноза на среднесрочный период – до 20 лет. Это ценностные установки, обусловленные социально, и в некоторой степени генетически. Например, у индивида, отягощенного позывом садизма, педофилии, некрофилии и т. д. моральные установки иные, чем у обычных граждан, и эти генетические качества определяют их избирательное отношение к нормам общества, которые они согласны принять в качестве регулятора своего поведения, или отвергнуть. Формы реализации индивидом установок могут варьировать в различающихся социальных условиях, но сохраняют неизменным свое содержание. В частности: ориентация личности на определенную жизненную траекторию в соответствии со своими наклонностями и приверженностью определенному виду трудовой деятельности; установка на продолжение рода в той или иной форме семейного сообщества; степень этнической или религиозной консолидации; идентичность с определенными референтными группами. Установки личности на перечисленные формы поведения легли в основу прогноза до 2045 г. устойчивости ориентаций населения РФ в возрасте 40 лет и старше¹. Выбор данной возрастной группы в качестве объекта прогноза обоснован тем, что она составляет доминантную часть занятого в экономике населения и максимально включена в функциональный состав персонала институтов исполнительной и законодательной власти, а также является наиболее активной частью электората, в итоге – определяющей частью населения в экономической, социальной и политической жизни государства. Предлагаемая в статье модель прогноза возможна только в том случае, если в качестве общей эмпирической базы использованы результаты опроса населения в возрасте 18 лет и старше. В этом случае временной лаг прогноза можно продлевать соответственно на 10 и 20 лет.

¹ Примечание. Так как социологическое исследование проводилось в мае 2024 г., речь идет о респондентах, которым исполнилось 40 лет на момент опроса. Приводимая в статье методика прогноза универсальная, и начальный период прогноза всегда начинается с возрастной группы 40 лет.

Методика прогноза

Операционную основу прогноза составляют интегральные индексы, рассчитанные на основе социологических эмпирических данных. Также привлечены показатели возрастного состава населения, опубликованные Росстатом. Осуществлен *прогноз тенденций* при условии отсутствия форс-мажорных событий на период до 2045 г.¹

Использованы эмпирические данные общероссийского социологического исследования, полученные по ординарной шкале как результат оценочных суждений респондентов. Такие измерения практикуются в перечневых вопросах табличной формы, содержащихся в социологической анкете. Табличная форма затрудняет интерпретацию большого числа эмпирических показателей, дифференцированных по позициям шкалы измерения. Для удобства интерпретации табличных показателей они интегрированы в индексы, вычисленные по формуле взвешенной средней. Выбор весов для вычисления числового значения индексов – эвристическое решение исследователя. Индексы не обладают собственным качественным содержанием, только отображают *интенсивность и направленность* суждений респондентов и пригодны для сопоставления показателей.

В последующем при помощи факторного анализа осуществлена аккумуляция показателей в несколько ассоциативных групп, которым присвоены названия в виде *вербальных конструктов*².

Для характеристики динамики ценностных установок россиян в возрасте 18 лет и старше использованы три показателя, измеренных в исследовании соответственно при помощи трех перечневых вопросов табличной формы: приоритетные для россиян *траектории жизненного пути*; *предпочтение референтных групп* как ценностно-коммуникативной среды; *моральные установки* как регуляторы поступков индивида в социальной среде³.

¹ Под форс-мажорными событиями здесь подразумеваются резкие перемены в жизни общества: массовая приватизация государственной собственности, или национализация частных предприятий; сокращение численности населения молодого и среднего возраста на 10–12 млн за счет массовой эмиграции, масштабных (не локальных) военных конфликтов; глубокого мирового экономического кризиса.

² Для расчета факторов применен метод главных компонент с использованием компьютерной программы класса SPSS. В качестве условия образования факторов задан числовой нижний порог факторных весов – |0,5|.

³ Социологическое исследование проведено в мае 2024 г. Институтом социологии ФНИСЦ РАН по общероссийской репрезентативной районированной выборке с квотным отбором респондентов на стадии интервьюирования. Структура выборочной совокупности пропорциональна численности населения в возрасте 18 лет и старше в федеральных округах и в поселениях пяти типов: мегаполисы, административные центры субъектов РФ, районные города, поселки городского типа, села. Квоты для отбора респондентов на стадии интервью соблюдались по 12-ти социально-профессиональным группам в сочетании с уровнем образования, в соответствии с данными Росстата [8, с. 128]. Выборочная совокупность – 2000 респондентов. Репрезентативность данных гарантируется в пределах допустимой погрешности ($\pm 5\%$) в целом по Российской Федерации, по федеральным округам, по типам поселений. Репрезентативность модели выборки проверена многолетней практикой электоральных опросов, в том числе проведенного в марте 2024 г., за 2 недели до голосования: погрешность участия электората в выборах – «-1,4%», погрешность голосов, отданных за В. В. Путина – «-3,5%».

Прогноз: выбор жизненной траектории

Под *жизненной траекторией* принято понимать прохождение индивидом последовательности социально заданных событий и ролей в разных сферах социальной жизни (семья, образование, карьера, социальная активность...). Этот аспект жизни человека изучается в психологической и исторической (биографический метод) науке¹. В советской/российской социологии изучение жизненной траектории связано в основном с проблематикой профессионального становления нового поколения и воспроизводства социально-профессиональной структуры². Жизненный путь человека не ограничивается профессиональным становлением. Есть и иные целеполагания: создание семьи и рождение детей; достижение успехов в художественно-творческом или научном самовыражении, карьерном продвижении по профессиональной линии; реализация лидерских амбиций в политическом управлении, спорте; посвящение себя религиозно-духовному служению.

Траектория жизненного пути является стержневым целеполаганием самореализации и ей подчинены все остальные виды социальной практики личности. Содействовать формированию благоприятных условий для реализации индивидом своей жизненной траектории – одна из главных задач социальной политики государства. В статье проблематика жизненной траектории индивида рассмотрена в расширенном аспекте, равно как и методика прогноза связанных с ней показателей. Это позволяет в последующем, при анализе ориентации индивида на референтные группы и его моральных предпочтений в ходе реализации жизненной траектории, излагать эмпирические показатели и основанные на них выводы в более сжатом виде, опуская описание техники промежуточных расчетов.

В реальной жизни индивид выбирает несколько жизненных траекторий, которые органически пересекаются между собой. Наиболее важные среди них – ориентация на создание семьи и рождение детей, как «генетически предписанную» природой форму продолжения человеческого рода; профессиональное становление и включение в общественное разделение труда, как форма биологического воспроизводства человека в социальных условиях; достижение лидерства в виде профессиональной карьеры, признания в творчестве, высокого статуса в политическом управлении, как реализации принципа конкуренции в социальной среде, и, одновременно, достижения преимущества в распределительных отношениях. В последнем случае речь идет о природной конкуренции, характерной, как показал Ч. Дарвин, для всех биологических существ [9].

В вопросе, использованном в проведенном мае 2024 г. исследовании, ответы респондентов дифференцированы по шкале от реализации целеполагания жизненной траектории до отсутствия в планах индивида осознанной жизненной цели. С позиции консолидации общества, по критерию «жизненная траектория» правомерно рассматривать не только тех,

¹ Например, анализ становления советской/российской социологии, осуществленный Б. З. Докторовым посредством биографического интервью социологов различных поколений [6].

² Например, работы В. Н. Шубкина, Д. Л. Константиновского и др. [7; 11].

кто уже достиг поставленной цели, но и тех, кто пока планирует ее достичь. Для характеристики установок населения важно не то, достигнута ли цель, а то, что она составляет один из стержней жизненной траектории. Поэтому, при выборе весов для расчета интегрального индекса в виде средней взвешенной (см. последний столбец табл. 1), в первых трех позициях шкалы оценки (см. первую строку табл. 1) в качестве веса выбрана единая величина – «+1». Доля затруднившихся ответить – менее 1%, роль данного показателя минимизирована для расчета взвешенной средней. Интегральный индекс аккумулирует разноплановые оценочные позиции респондентов в единый групповой показатель, что облегчает интерпретацию тенденций при прогнозе¹.

Большое число эмпирических показателей в таблице затрудняет компактную интерпретацию установок респондентов. Эту проблему не решает даже расчет интегральных индексов, однако ее можно решить путем ассоциации индикаторов в группы при помощи факторного анализа. Факторный анализ сгруппировал 11 индикаторов в пять ассоциированных респондентами факторов (см. рис. 1)². Это сделало возможным характеристику жизненных траекторий по пяти интегральным показателям, которым эвристически присвоены операционные названия в форме вербальных конструкторов (см. второй ряд клеток на рис. 1)³.

Выделенные в качестве фактора жизненные траектории могут быть полностью автономными, но могут и сочетаться, например, приоритет семьи + приоритет профессии; приоритет личной автономии + приоритет материальных ценностей и т. д. На основании величины и направления (плюс или минус) приведенных в скобках числовых значений индексов можно сделать общие заключения о приоритетах при выборе респондентами жизненной траектории: стержневая траектория – ориентация 97% населения в возрасте 18 лет и старше на *создание счастливой семьи, рождение и воспитание хороших детей*.

Наряду с семьей, важной составляющей жизненной траектории индивида является *приоритет профессии*, включающий стремление получить качественное образование, в последующем – престижную работу. Как одна из основных жизненных целей, это присутствует в предпочтениях 85% россиян.

Еще одна составляющая целевой установки 93% граждан – *приоритет личной автономии*, т. е. возможность самостоятельно принимать решение о выстраивании своей жизненной траектории: регулировать свои межличностные отношения, а для ориентира – иметь доступ к достоверной информации в государстве. Речь идет о свободе личности, гарантируемой демократическим государством и его Конституцией.

¹ Примечание. Во всех табличных вопросах респонденты высказали оценку по каждой позиции.

² Веса индикаторов, составляющих фактор, варьируют в следующих числовых интервалах: приоритет семьи – 0,71–0,63; приоритет карьеры – 0,78–0,76; приоритет профессии – 0,81–0,80; приоритет материальных ценностей – 0,81–0,80; приоритет личной автономии – 0,75–0,64.

³ Числа в скобках – это рассчитанные по формуле простой средней значения интегральных индексов групп показателей, образующих соответствующие факторы.

Таблица 1 (Table 1)

Доля респондентов, ориентирующихся или не ориентирующихся
на различные жизненные траектории, %*Share of respondents oriented or not oriented toward various life trajectories, in %*

Жизненные траектории	Уже добились этого (a; вес «+1»)	Пока не добились, но считают, что еще добьются (b; вес «+1»)	Хотели бы, но вряд ли добьются (c; вес «+1»)	В планах этого не было и нет (d; вес «-1»)	Загрузились ответить (e; вес «0»)	Индекс жизненной траектории (Z) ¹	Итого ориенти- руются на жизненную траекторию
Получить хорошее образование	48,0	16,6	19,8	15,4	0,2	0,7	84,4
Получить престижную работу	28,2	28,7	27,8	14,8	0,5	0,7	84,7
Создать счастливую семью	61,6	24,6	11,0	2,6	0,2	0,9	97,2
Иметь собственный бизнес	6,6	22,0	23,5	47,7	0,2	0,0	52,1
Стать богатым человеком	3,6	25,5	37,6	33,0	0,3	0,3	66,7
Стать знаменитым	1,9	9,6	16,5	71,5	0,5	-0,4	28,0
Воспитать хороших детей	52,0	38,6	6,4	2,4	0,6	1,0	97,0
Иметь доступ к власти	4,0	10,6	12,6	72,5	0,3	-0,5	27,2
Занять высокое положение в обществе	4,5	19,2	19,3	56,8	0,2	-0,1	43,0
Иметь свободный доступ к информации о происходящем в стране и мире	42,3	21,1	13,5	22,7	0,4	0,5	76,9
Быть самому себе хозяином	48,8	30,4	14,0	6,4	0,4	0,9	93,2

¹ Индексы жизненных траекторий рассчитаны по следующей формуле: $Z=(a+b+c-d)/(a+b+c+d+e)$, где: a – числовые значения в первом, b – втором, c – третьем, d – четвертом, e – пятом столбце. Интерпретация значения интегрального индекса: «+1» – у всех респондентов имеется целевая установка на реализацию соответствующей жизненной траектории, как тенденция, независимо от сроков и полноты реализации установки; «-1» – у всех респондентов отсутствует целевая установка на реализацию соответствующей жизненной траектории. Вариация величины индекса между пороговыми числовыми значениями отображает интенсивность установки: любое положительное значение индекса означает, что доля имеющих установку на ту или иную жизненную траекторию превышает долю тех, кто не имеет такой установки; любое отрицательное значение – что доля респондентов, не ориентирующихся на данную жизненную траекторию, превышает долю ориентирующихся на нее. При значении индекса – «0», доля ориентирующихся и не ориентирующихся на соответствующую жизненную траекторию равновелика.

Материальные ценности, как приоритет жизненной траектории, не обладают высокой значимостью, а карьера, как жизненная цель, для большинства респондентов не привлекательна. Однако для 65% граждан актуальна жизненная цель – стать богатым. Во многих случаях эти целеполагания окажутся виртуальными, тем не менее, тенденция налицо: россияне все в большей степени ориентируются на собственную профессиональную конкурентоспособность для жизнеобеспечения.

Приоритетность жизненных устремлений проявляется в количественных соотношениях, подтверждающих, что жизненную траекторию для большинства респондентов составляет сочетание нескольких частных приоритетов (см. рис. 2).

Приведенные показатели отображают степень доминирования установок россиян на различные виды жизненной траектории, как уже реализованной, так и существующей в планах на перспективу.

Рис. 1. Факторная схема ориентации россиян на жизненную траекторию

Figure 1. Factor scheme of Russians' orientation toward a life trajectory

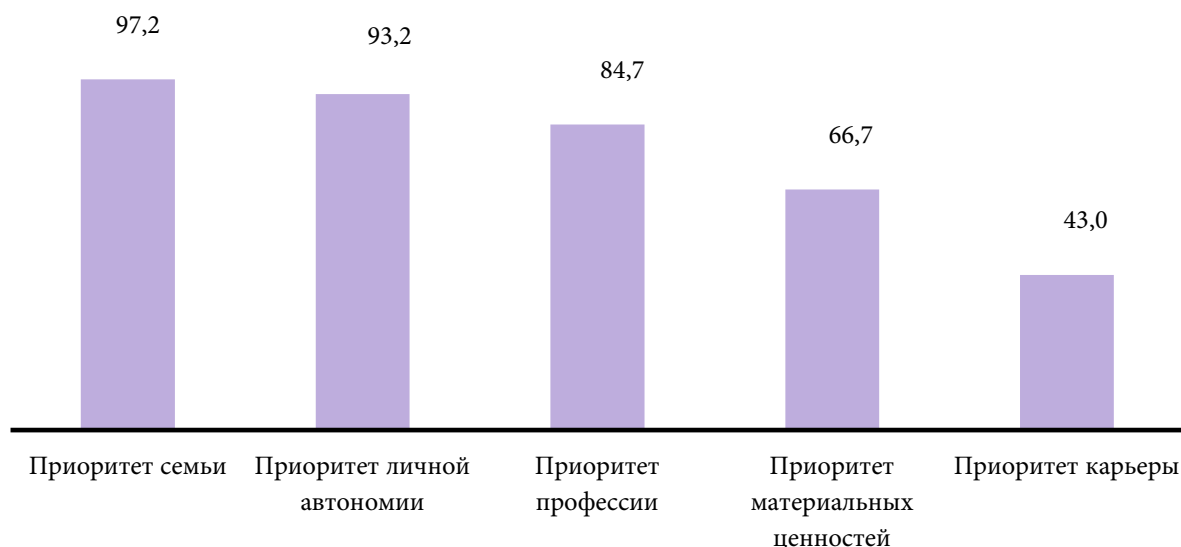

Рис. 2. Доля населения в возрасте 18 лет и старше, для которого актуальны различные жизненные траектории, %¹

Figure 2. Share of the population aged 18 and older for whom various life trajectories are relevant, in %

Как изменятся установки россиян на жизненные траектории через 10 и 20 лет (к 2035 и 2045 г.)? Решение такой задачи возможно в виде прогноза тенденции при помощи аккумуляции индексных показателей, содержащихся в табл. 2, по возрастным группам 40 лет и старше, для чего вычислены взвешенные средние индексов. В качестве весов использованы данные официальной статистики о доле возрастных групп в составе населения Российской Федерации: 18–30 лет – 12,4%, 31–40 лет – 18,5%, 41–50 лет – 21,3%, 51–60 лет – 12,8%, старше 60 лет – 24% [8, с. 93]. Для каждого периода в 10 лет учтено лишь фактическое и потенциальное население в возрасте 40 лет и старше, как наиболее активное в общественном разделении труда, электоральном поведении и политическом управлении государством². Интегрирование индексов по возрастным группам в три ряда прогнозных индексов осуществлено путем расчета средней взвешенной (см. рис. 3)³.

¹ Показатели приведены по доминантным индикаторам, остальные индикаторы «привязаны» к ним, как ассоциированные респондентами в фактор.

² По состоянию на 2023 г. доля населения в возрасте 40 лет и старше составляла 58,1%; возрастная группа 31–60 лет (база прогноза до 2035 г.) – 52,6%; при расчете взвешенной средней к данному массиву прибавлен индексный ряд возрастной группы старше 60 лет, умноженный на 5,5% (разность показателей 58,1% и 52,6%). Возрастная группа 18–50 лет (база прогноза до 2045 г.) – 52,2%; при расчете взвешенной средней к данному массиву прибавлен индексный ряд возрастной группы 51–60 лет, умноженный на 5,9% (разность показателей 58,1% и 52,2%).

³ Формулы для расчета прогнозных индексов: состояние на 2024 г.: $(21,3c+12,8d+24e)/58,1$; прогноз состояния на 2035 г.: $(18,5b+21,3c+12,8d+5,5e)/58,1$; прогноз состояния на 2045 г.: $(12,4a+18,5b+21,3c+5,9d)/58,1$. Буквы в формулах – числовые величины индексов в столбцах, в соответствии с обозначениями в первой строке табл. 2.

Таблица 2 (Table 2)

**Индексные показатели ориентации различных возрастных групп
на жизненные траектории**
Index indicators of orientation of various age groups toward life trajectories

Жизненная траектория	Возрастные группы, лет				
	18–30 (a)	31–40 (b)	41–50 (c)	51–60 (d)	Старше 60 (e)
Приоритет семьи	1,0	1,0	1,0	1,0	0,9
Приоритет карьеры	0,0	-0,1	-0,3	-0,4	-0,5
Приоритет профессии	0,9	0,8	0,7	0,5	0,4
Приоритет материальных ценностей	0,7	0,5	0,3	0,1	-0,1
Приоритет личной автономии	0,7	0,8	0,7	0,8	0,6

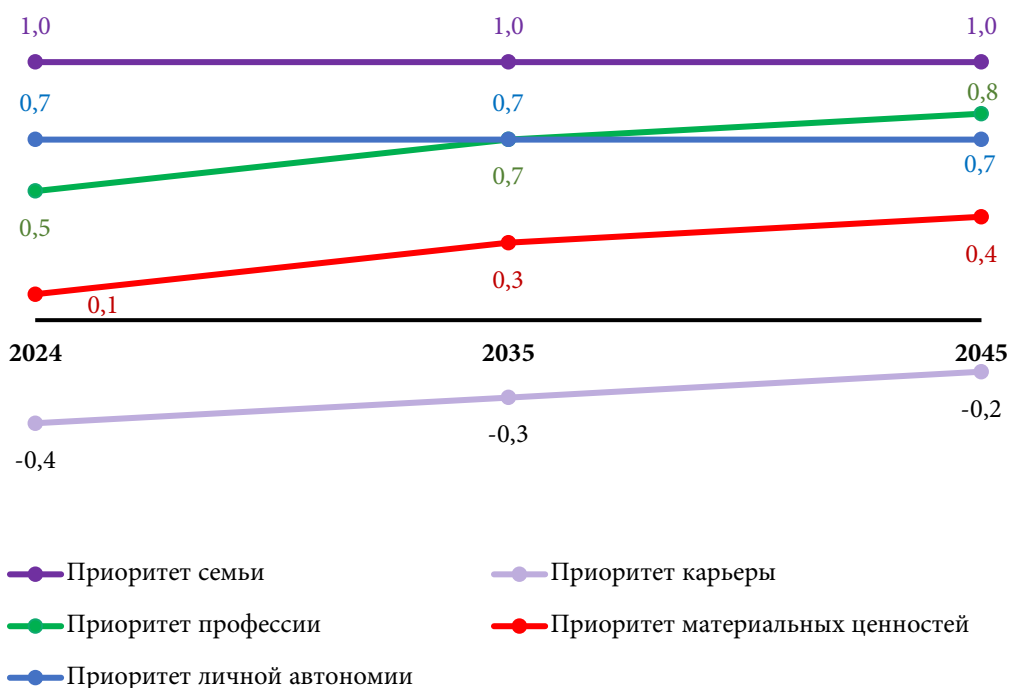

Рис. 3. Индексный прогноз ориентации россиян в возрасте 40 лет и старше на жизненные траектории

Figure 3. Index forecast of orientation of Russians aged 40 and older toward life trajectories

Из прогноза следует: в выстраивании гражданами РФ жизненной траектории до 2045 г. *сохранится всеобщей ориентация на создание семьи и высоконравственное воспитание детей*. Также не изменится ожидание гарантии свободы личности. Ожидается, что к 2045 г. приоритет профессии как одна из важных жизненных ориентаций будет актуальна для 95% россиян, это будет сопровождаться стремлением к материальному благополучию. Стремление сделать карьеру станет более приоритетным, но в небольшой степени и не для большинства населения. В условиях углубления рыночных отношений – тенденция объективная. С распадом СССР натуральные формы распределения и гиперболизированная роль соци-

альных фондов сведены к минимуму, они вытеснены товарно-денежными отношениями: обучение, особенно профессиональное, не везде бесплатное; профсоюзы не компенсируют путевки в дома отдыха; для приобретения жилья требуется брать в банке ипотечный кредит и т. д. То есть, удовлетворение жизненных потребностей индивида гарантировано только при наличии денег, которые требуется заработать квалифицированным трудом или предпринимательством. Поэтому к 2045 г. ожидается активизация стремления населения к самореализации в престижной работе, естественно, с ожиданием высокой оплаты труда и, в опоре на это, повышение своего социального статуса. Это похоже на жизненную траекторию, имеющую своей целью *достижение статуса среднего класса*.

Прогноз свидетельствует о том, что и в 2045 г. приоритет личной свободы в принятии решений, касающихся жизненной траектории личности, будет на уровне 95%.

Прогноз: выбор референтных групп

Реализация жизненных траекторий индивида происходит в социальной среде в опоре на нормативные (филогенетические) и ценностные (онтогенетические) ориентиры. Основным ориентиром характера социальной коммуникации, трансформации норм общества в ценности личности, в итоге, средой ее самореализации являются референтные группы: семья, профессиональный коллектив, неформальные группы. Члены референтных групп служат образцом для подражания, и индивид стремится ассоциировать себя с ними. Принято считать, что механизм действия референтных групп носит социально-психологический характер и коммуникация в ней является преимущественно контактной [1, Гл. 11.]. Неконтактные референтные группы в прошлом были представлены как идеалы из сферы искусства, литературы, спорта, экстремальных практик, профессиональной деятельности (науки, медицины, политики). В последние десятилетия в коммуникации людей все большую роль играют неконтактные группы по интересам, осуществляющие коммуникацию в социальной сети. Какой бы ни была референтная группа, в любых условиях она является транслятором социальных отношений от общества к личности (процесс социализации) и от личности к обществу (процесс самореализации), в итоге выполняя макроструктурную роль, которую правомерно рассматривать как социологическую [3, Разд. 1, Гл. 2].

Ориентация респондентов на референтную группу измерялась при помощи вопроса табличной формы (см. табл. 3). Интерпретация числового значения интегрального индекса (см. последний столбец табл. 3) следующая: «+1» – имеется идентичность, группа для индивида является полностью референтной; «-1» – для индивида группа не является референтной. Для определения степени референции той или иной группы для респондентов им предлагалось высказать свое мнение по 12-ти индикаторам. Полученные эмпирические показатели подвергнуты факторному анализу. Всего сформировано 4 фактора, которым, в соответствии с ассоциирован-

ными в их состав индикаторами, присвоены следующие названия: идентичность этно-демографическая, гегемонная, корпоративная, когнитивная (см. рис. 4¹). Числовые значения индексов и знаки перед ними (см. в скобках во второй строке рис. 4) свидетельствуют о том, что для абсолютного большинства россиян (79%) в возрасте 18 лет и старше в высокой степени референтными являются группы, с которыми формируются когнитивные связи – семья и друзья.

Таблица 3 (Table 3)

Степень идентичности россиян с различными социальными общностями, %
Degree of identity of Russians with various social communities, in %

Социальные общности	Степень близости группы респонденту				Индекс референции группы (F) ²
	Значительная (a; вес «+1»)	Некоторая (b; вес «+0,5»)	Не ощущают близости (c; вес «-1»)	Затруднились ответить (d; вес «0»)	
Люди той же профессии, рода занятий	33,3	56,2	10,0	0,5	0,5
Граждане России, россияне	28,1	58,1	13,4	0,4	0,4
Люди своей национальности	32,4	55,6	11,4	0,6	0,5
Те, кто живет в том же городе, селе	33,8	56,4	9,4	0,4	0,5
Люди своего поколения	38,2	52,9	8,4	0,5	0,6
Люди той же веры	27,8	56,0	15,4	0,8	0,4
Товарищи по работе, учебе	34,2	51,2	11,0	3,6	0,5
Люди, близкие по политическим взглядам	27,5	54,5	17,5	0,5	0,4
Своя семья	79,1	18,0	2,4	0,5	0,9
Друзья	74,7	22,5	2,3	0,5	0,8
Те, кто находится у власти	4,6	31,8	63,0	0,6	-0,4
Те, кто добился успеха	7,9	54,3	37,3	0,5	0,0

¹ Вариация числовых значений факторных весов ориентации индивида на референтные группы: этно-демографическая – 0,82–0,72, гегемонная – 0,84–0,63, корпоративная – 0,80–0,57, когнитивная – 0,88.

² Числовая величина индекса референции группы рассчитана по формуле: $F = (a + 0,5b - c) / (a + b + c + d)$, где: a – числовые значения в первом, b – втором, c – третьем, d – четвертом столбце.

Средняя степень референции для россиян присуща коммуникационной среде корпоративных и этно-демографических групп. Абсолютное большинство россиян не считают для себя референтными группы гегемонного характера, прежде всего, выполняющие властные функции.

Рис. 4. Факторная схема идентичности россиян с социальной группой

Figure 4. Factor scheme of identity of Russians with a social group

*Тенденции с позиции референции выделенных факторным анализом четырех типологических групп, их предпочтения россиянами отображены по «стержневым» индикаторам факторов, т. е. по показателю *полной идентичности с соответствующей референтной группой* (см. рис. 5).*

На рис. 5 видно *полное доминирование семьи как референтной группы*. Есть еще граждане, для которых те или иные типы референтных групп являются в целом значимыми, однако в ценностном аспекте они не идентифицируют себя полностью с этими группами (см. показатели во втором столбце табл. 3). Как правило, референтных групп для личности несколько, например, семья + производственный коллектив + этническая общность, или иное сочетание.

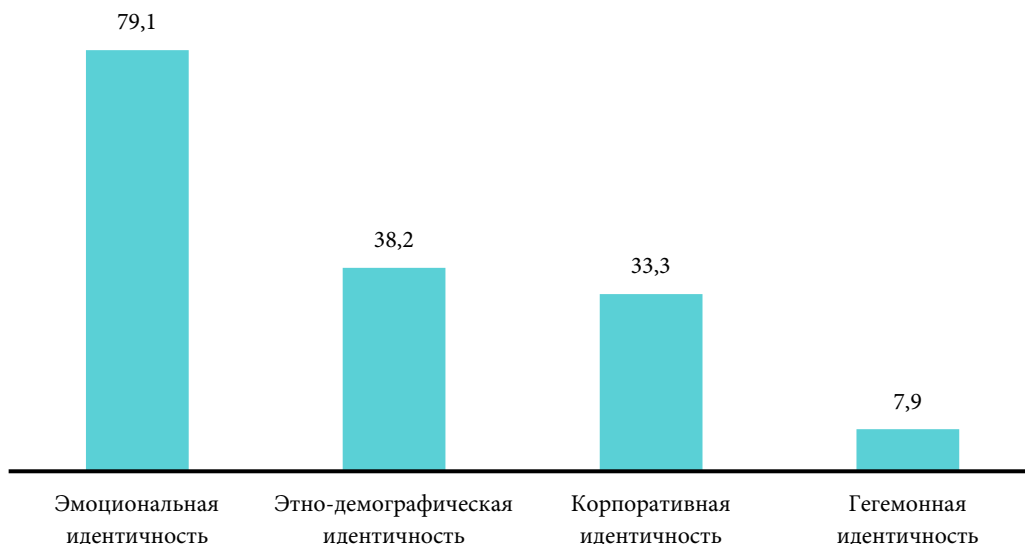

Рис. 5. Доля населения в возрасте 18 лет и старше, для которого характерна полная идентичность с референтной группой, %

Figure 5. The share of the population aged 18 and over, characterised by complete identity with the reference group, in %

Характер ориентации россиян в возрасте 18 лет и старше на референтные группы мало отличается по возрастным группам (см. табл. 4), а значения индексов в прогнозе до 2045 года полностью идентичны и свидетельствуют о том, что основную роль в формировании ценностного облика личности, как и в настоящее время, будет играть семья, референцию которой будут дополнять корпоративные коллективы (трудовой, учебный) и этно-демографические группы (см. рис. 6).

Таблица 4 (Table 4)

Индексные показатели идентичности представителей различных возрастных групп с референтными группами

Index indicators of identity of representatives of different age groups with reference groups

Характер идентичности	Возрастные группы, лет				
	18–30	31–40	41–50	51–60	Старше 60
Этно-демографическая	0,5	0,4	0,5	0,5	0,5
Гегемонная	-0,1	-0,2	-0,2	-0,2	-0,3
Корпоративная	0,5	0,4	0,5	0,5	0,4
Эмоциональная	0,9	0,9	0,8	0,9	0,9

Ориентация личности на референтную группу мало зависит от выбранной ею жизненной траектории. Во всех случаях главной референтной группой остается семья. Это важно потому, что в большинстве случаев индивид усваивает нравственные ценности и принимает нормы общества в том случае, если их положительно транслирует семья. Этот механизм трансформации моральных ценностей и регулятивных норм общества в ценностную систему жизнедеятельности, с которой индивид идентифицирует себя, является устойчивым и примерно для 80% россиян сохранит свою доминантную роль до 2045 г. Сохранится также высокая

референтность корпоративных (трудовых, учебных) коллективов и этно-социальной среды. Не менее 50% ориентируются на гегемонные группы как на референтные только среди тех, кто свою жизненную траекторию связывает с приоритетом карьеры или материальных ценностей.

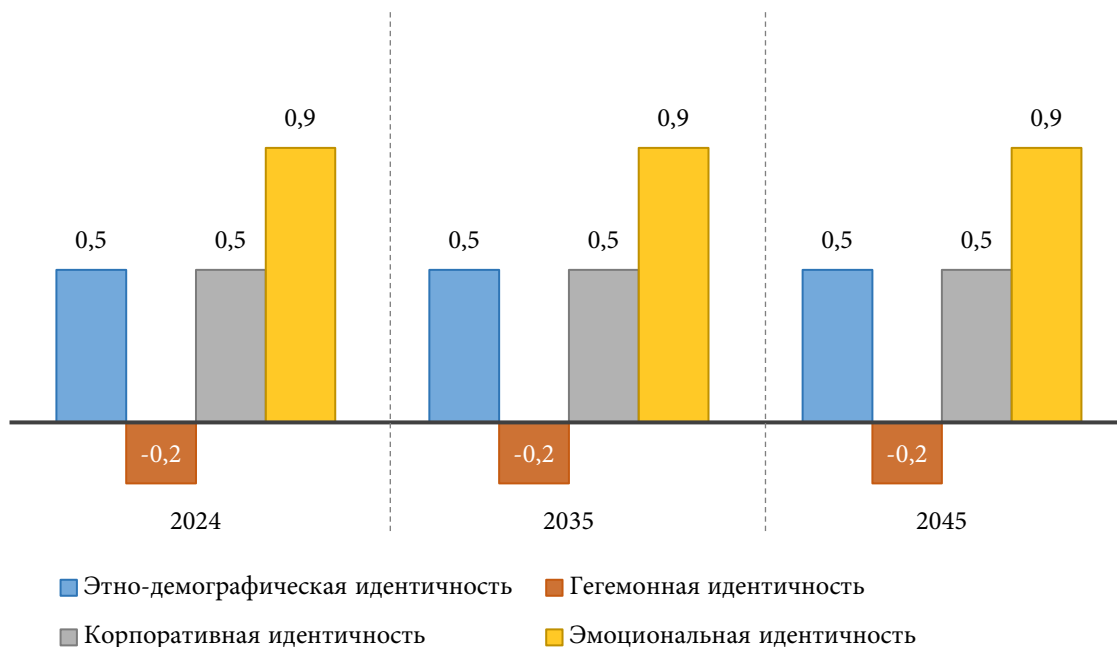

Рис. 6. Индексные показатели прогноза до 2045 года идентичности россиян в возрасте 40 лет и старше с референтными группами

Figure 6. Index indicators of the forecast up to 2045 of identity of Russians aged 40 and over with reference groups

Прогноз: моральные установки

Жизненная траектория, опосредуемая референтными группами, в социальном поведении индивида регулируется правовыми нормами или общественным мнением (*филогенетический регулятор*), а также моральными принципами, представляющими собой морально-ценностный облик личности (*онтогенетический регулятор*). Подкрепленные позицией референтных групп, моральные установки служат для личности обоснованием своего социального поведения. Проблематика морального облика личности – преимущественно предмет психологии [11, с. 8–20]. Но как мотивационная основа референции малых групп, морально мотивированное поведение масс является основой социальной стабильности, а в критических условиях – фактором дестабилизации общества.

Для выявления доминантных моральных установок россиян использовался табличный вопрос, включающий 18 индикаторов (см. табл. 5). Сплошные отрицательные значения интегрального индекса видов поведения свидетельствуют о том, что большинство россиян отвергают поступки, противоречащие их моральным принципам. Россияне ряд поступков воспринимают как продиктованные теми или иными социальными условиями и не подвергают осуждению, в частности: аборт, эвтаназию, уклонение от службы в армии.

Таблица 5 (Table 5)

Вопрос для респондентов (ответ дали по каждой строке):
«Какие из следующих поступков, на Ваш взгляд, никогда не могут быть оправданы, какие могут быть допустимы иногда, к чему надо относиться снисходительно?», %

Question for respondents (answer given for each line):

“Which of the following actions, in your opinion, can never be justified, which can be sometimes acceptable, which should be treated with leniency?”, in %

Морально оцениваемые поступки	Никогда не может быть оправдано (a; вес «-1»)	Иногда это допустимо (b; вес «+0,1»)	К этому надо относиться снисходительно (c; вес «+0,3»)	Затруднились ответить (d; вес «0»)	Индекс оценки поступка (G) ¹	Итого в целом считают допустимым
Жестокое обращение с животными	79,8	16,0	4,1	0,1	-0,8	20,1
Пьянство, алкоголизм	68,0	19,8	12,0	0,2	-0,6	31,8
Употребление наркотиков	90,5	6,7	2,7	0,1	-0,9	9,4
Дача/получение взятки	71,1	23,4	5,1	0,4	-0,7	28,5
Уклонение от уплаты налогов	66,4	26,1	7,1	0,4	-0,6	33,2
Уклонение от службы в армии	53,8	33,7	12,5	0,0	-0,5	46,2
Эвтаназия	49,8	35,0	14,6	0,6	-0,4	49,6
Однополые браки	87,1	5,8	7,0	0,1	-0,8	12,8
Проституция	73,3	15,2	11,3	0,2	-0,7	26,5
Аборт	27,4	51,0	21,5	0,1	-0,2	72,5
Гомосексуализм	84,2	7,0	8,6	0,2	-0,8	15,6
Публичное проявление неприязни к представителям другой национальности	74,1	19,8	5,8	0,3	-0,7	25,6
Хамство, грубость, нецензурная брань	65,8	26,8	7,2	0,2	-0,6	34,0
Оскорбление чувств верующих	82,7	11,2	5,7	0,4	-0,8	16,9
Воспитание детей однополыми парами	86,1	8,8	4,9	0,2	-0,8	13,7
Измена Родине	88,4	7,3	4,1	0,2	-0,9	11,4
Самоубийство	80,4	13,2	6,2	0,2	-0,8	19,4
Обогащение за счет других	79,1	16,2	4,4	0,3	-0,8	20,6

¹ Числовая величина индекса отношения граждан к различным поступкам рассчитана по формуле: $G = (0,3c + 0,1b - a) / (a + b + c + d)$, где: a – числовые значения в первом, b – втором, c – третьем, d – четвертом столбце.

При помощи факторного анализа выявлено, что интегральные понятия морально-ценностного содержания могут быть сформированы только для 14 индикаторов, ассоциированных респондентами в 5 факторов. Четыре индикатора, входящих в перечень табл. 5, респонденты не ассоциировали с другими индикаторами и оценили их автономно: проституция, измена Родине, самоубийство, обогащение за счет других. Так как значимость этих индикаторов в массовом сознании актуализирована, динамика отношения россиян к ним рассмотрена в отдельности, вне факторов. Ассоциированные респондентами и выделенные факторным анализом в типологические группы 14 противоречащих морали поступков условно названы следующим образом (см. рис. 7)¹: нетрадиционная сексуальная практика, ущерб государству, бытовая девиация, социальные фобии, легитимное прерывание жизни² (кроме суицида, выпадающего из легитимных форм поступка).

Рис. 7. Факторная схема моральной установки россиян
Figure 7. Factor diagram of moral attitudes of Russians

¹ Вариация числовых значений факторных весов отношения респондентов к морально оцениваемым поступкам следующая: нетрадиционная сексуальная практика – 0,87–0,81, ущерб государству – 0,82–0,73, бытовая девиация – 0,71–0,67, социальные фобии – 0,78–0,65, легитимное прерывание жизни – 0,83–0,73.

² Понятие используется как характеристика установки определенной части населения, которая, достигнув критической величины, свою позицию будет стремиться легитимировать законодательно. Тому много примеров: в средние века в католической Италии патруль ночью выявлял случаи мужеложства и на следующий день участников «свидания» вешали без суда, а в настоящее время венчают однополые пары; будучи губернатором Калифорнии, Шварценеггер 4 года противостоял законодателям штата в их стремлении узаконить некрофилию, отстаивать свою позицию удалось, однако узаконили смену пола детей без согласия родителей.

Моральная оценка респондентами не объединившихся в факторы индикаторов не однозначна. Это объяснимо, если учесть, что проституция в социальном аспекте не всегда predetermined моральными установками, но часто – экономическим принуждением. Суицид обществом воспринимается с позиции морали, но как автономное проявление воли человека, обществу не наносящее вреда, этот поступок только вызывает сочувствие семье суицидента. Обогащение за счет других – явление морального порядка, однако *в капитализме доминирует право, а не мораль*, последняя вытесняется практикой товарно-денежных отношений и тотальным господством денег.

Различия в моральных установках представителей различных возрастных групп отображены в индексных значениях ассоциированных респондентами факторов, в соответствии с на рис. 7 (см. табл. 6).

Таблица 6 (Table 6)

Индексные показатели моральных установок представителей различных возрастных групп (значение «+1» – полное одобрение поступка, значение «-1» – полное неодобрение поступка)

Index indicators of moral attitudes of representatives of different age groups (value “+1” – complete approval of the act, value “-1” – complete disapproval of the act)

Морально оцениваемые поступки	Возрастные группы, лет				
	18–30	31–40	41–50	51–60	Старше 60
Нетрадиционная сексуальная практика	-0,7	-0,8	-0,9	-0,9	-0,9
Ущерб государству	-0,5	-0,5	-0,6	-0,6	-0,7
Бытовая девиация	-0,7	-0,7	-0,8	-0,7	-0,8
Социальные фобии	-0,6	-0,7	-0,7	-0,7	-0,8
Легитимное прерывание жизни	-0,3	-0,3	-0,3	-0,4	-0,4

Индексная оценка выделенных факторов во всех случаях отрицательная, особенно в отношении нетрадиционной сексуальной практики, однако умеренно негативна в отношении легитимного прерывания жизни. Запрет аборта в ситуациях, не являющихся следствием криминальных событий – предмет дискуссии во всех экономически развитых государствах. В настоящее время не менее 70% граждан России считают аборт допустимым. К 2045 г. в целом по населению в возрасте 40 лет и старше этот показатель может достичь 80%. Данную проблему решить законодательно трудно из-за существования фирм, нелегально осуществляющих аборты. Что касается эвтаназии, эта проблема стала актуальной по мере значительного увеличения продолжительности жизни населения, нарушающей биологическую устойчивость отдельных органов человека, растет число тяжелых заболеваний (онкология, деменция). Допустимой эвтаназию считают 50% граждан России. Уже к 2035 г. доля оправдывающих эвтаназию в составе населения в возрасте 40 лет и старше может превысить 50%. Законодательное сдерживание введения эвтаназии не гарантирует ожидаемого эффекта, она компенсируется индивидуальным суицидом. Требуется

изменить коммуникативную среду административно: «очистить» насыщенность СМИ от агрессивной и некрофильской тематики, заменив ее передачами оптимистического содержания; уделить повышенное внимание социальной защите людей преклонного возраста, особенно тех, кто по разным причинам лишен опеки родственников, *находится в одиночестве* и впадает в депрессию; расширить возможности страховой диспансеризации тех, кто страдает деменцией.

Среди граждан России допускают легитимизацию нетрадиционной сексуальной практики в форме однополых браков, а также воспитания детей в однополых семьях – 14%. Отрицательная в социальном аспекте тенденция возрастает: к 2045 г. этот показатель составит не менее 20%. В современной цивилизации отношение к нетрадиционной сексуальной практике обрело политический окрас и вышло на уровень международного значения. Было бы не корректно констатировать факт нетрадиционной сексуальной ориентации как сугубо аморальное явление. По своим истокам – это генетическое искажение, и широкая дискуссия по социальным последствиям этого явления, социально-корректных этических норм предотвращения их последствий еще предстоит. Сегодня моральный аспект нетрадиционной сексуальной практики заключается только в «воинствующем» поведении представителей сексуальных меньшинств в форме движения ЛГБТ, навязывании не соответствующих законам природы стандартов семьи. Такую практику пропаганды государству следует пресекать. Это не будет нарушением прав личности, в отношении гетеросексуалов также принимаются законодательные меры за массовое распространение порнографии, особенно в детской и юношеской аудитории.

Судя по изменению величины и направленности числовых значений индекса моральной установки (см. рис. 8), углубление рыночных отношений будет вносить некоторую коррекцию в массовое сознание россиян, в соответствии с практикой экономически развитых стран, но эти изменения не будут интенсивными, что является следствием инертности массового сознания, изменение которого более-менее ощутимо только со сменой поколений, и в меньшей степени – по причине трансформации социально-экономической практики¹.

¹ Например, согласно результатам общероссийского исследования, проведенного ИСПИ РАН в мае 2014 г., в случае наличия свободного выбора хотели бы жить в социалистическом обществе – 42,6% россиян в возрасте 18 лет и старше, в капиталистическом обществе – 15%, не определились – 42%. И это с учетом, что население уже 30 лет живет в рыночной системе.

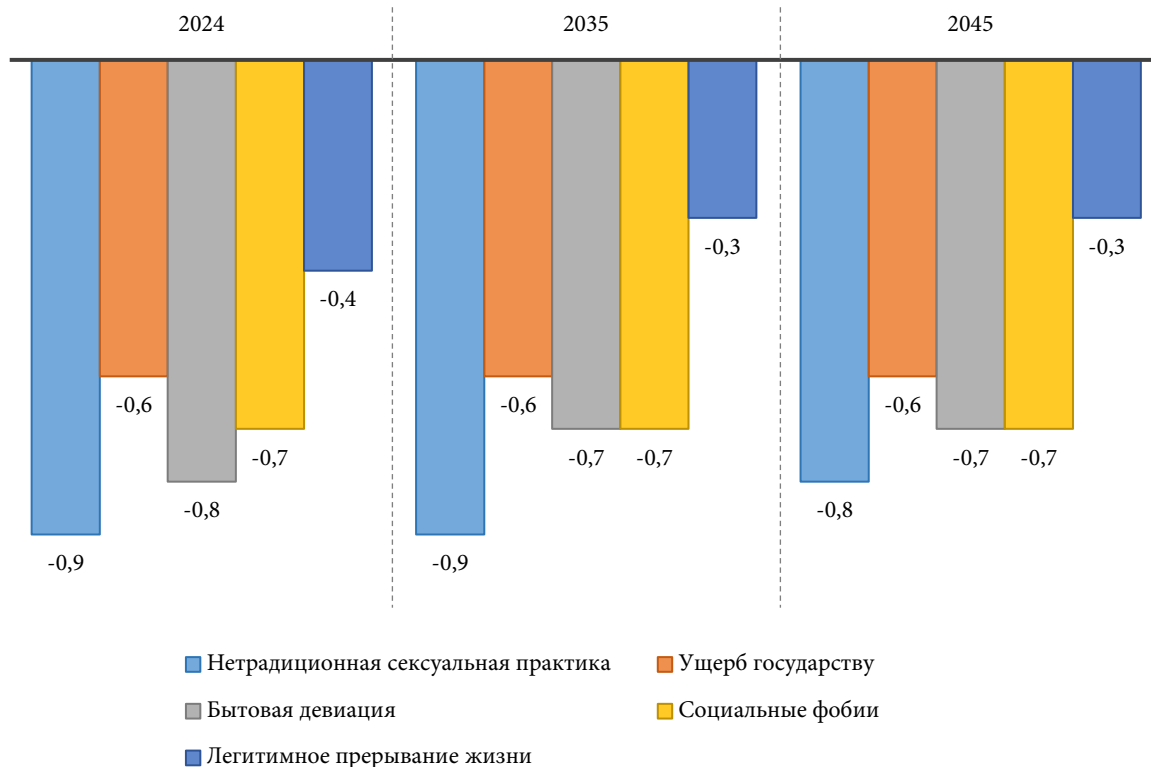

Рис. 8. Индексные показатели прогноза до 2045 года отношения россиян в возрасте 40 лет и старше к морально оцениваемым поступкам
Figure 8. Index indicators of the forecast up to 2045 of the attitude of Russians aged 40 and older to morally assessed acts

Приведенная структура моральных установок россиян, характеризующаяся *полным отторжением поступков*, признанных респондентами аморальными и недопустимыми, с большой вероятностью сохранится и в 2045 г. (см. рис. 9).

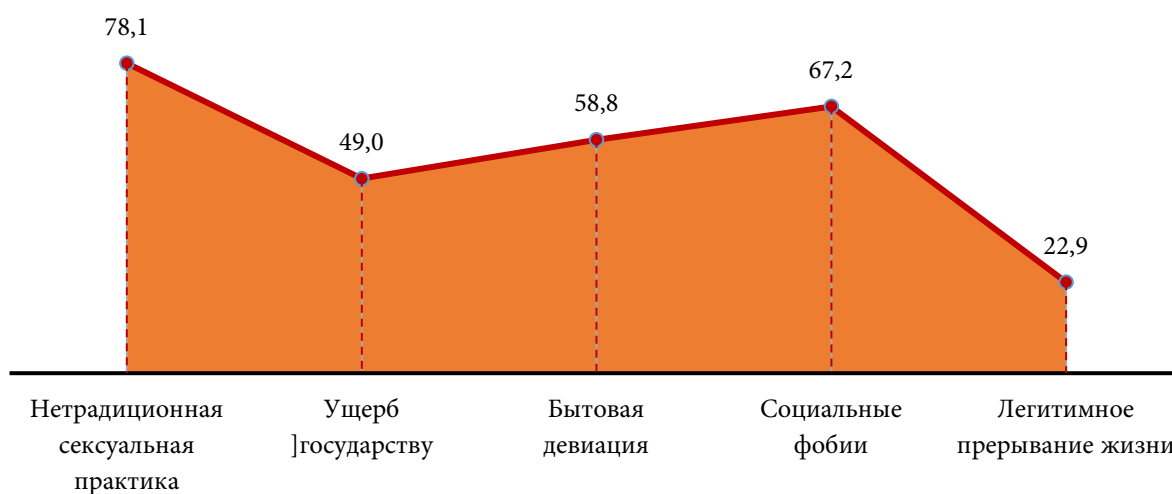

Рис. 9. Доля населения в возрасте 18 лет и старше, считающего полностью недопустимыми поступки, объединенные в факторы, %
Figure 9. The share of the population aged 18 and older who consider completely unacceptable acts combined into factors, in %

Монолитностью отличается общественное мнение лишь в отношении к потреблению наркотических веществ – считают это поведение неприемлемым 90% граждан в возрасте 18 лет и старше. Эта позиция населения устойчивая и не изменится до 2045 г. Примерно 20% граждан считают допустимым жестокое обращение с животными, и этот показатель не изменится до 2045 г. Относительно этой группы следует говорить не просто о моральном индикаторе, а о генетических задатках агрессии – *садизме*, поэтому воспитательное воздействие вряд ли поможет, необходимо ужесточение уголовного наказания. Не менее 30% граждан лояльно относятся к алкоголизму и пьянству, этот показатель также не изменится до 2045 г. Проблема серьезная, создает неблагоприятные условия для воспитания детей, ведет к насилию над членами семьи, распаду семьи. С научных позиций некорректно рассматривать алкоголизм только с позиции морали. Это болезнь, проистекающая из дисфункции полушарий мозга, ее надо лечить.

На основании показателей на рис. 9 правомерен вывод: не менее 20% россиян в возрасте 18 лет и старше аморальную среду в обществе считают терпимой (прежде всего нетрадиционную сексуальную практику). По иным видам аморального поведения терпимость проявляют от 30% до 75% граждан России. Судя по прогнозным данным на рис. 8, ситуация, отображенная на рис. 9 не претерпит существенного изменения до 2045 г., разве что при энергичном вмешательстве государства.

Заключение

Описанный в статье опыт свидетельствует о возможности *прогноза тенденций* в динамике социальных явлений основываясь на результатах разового исследования, используя для прогноза сочетание индексного метода и факторного анализа.

Приведенный в статье прогноз позволяет сделать следующие общие выводы содержательного характера.

При устойчивости тенденции социально-экономического развития Российской Федерации, отсутствии масштабных форс-мажорных событий социально-экономического и политического характера, правомерен *прогноз тенденций*, согласно которому к 2045 г. в Российской Федерации вероятна следующая ситуация в социальной сфере.

В социально-экономической и политической практике станет доминировать поколение, прошедшее путь социализации и включившееся в общественное разделение труда сугубо в рыночных условиях, ожидается, что *в целом завершится трансформация ныне идеологически эклектичного массового сознания населения в рыночное*.

В экономическом аспекте жизненная траектория абсолютного большинства граждан, вероятно, будет базироваться на *приоритете конкурентных трудовых отношений* с доминантой принципа распределения по результатам труда.

В идеологическом плане доминирование приоритета профессиональной самореализации сформирует перманентную целевую установку населения на *достижение социального статуса представителя среднего класса*.

Адаптированность большинства населения к конкурентной среде, опора на собственные профессиональные знания для жизнеобеспечения своей семьи, вероятно, усилят запросы граждан к *личной автономии и неприятию административных методов государственного регулирования частной жизни*. Позитивно будет восприниматься только содействие государства социализации молодого поколения и гарантия доступности качественного здравоохранения для старшего поколения.

Вероятно, моральный облик относительно большей части населения будет отягощен *приоритетом материальных ценностей*, источник которых не всегда будет легитимным, особенно в бизнес-среде, а также либеральным отношением к коррупционным методам решения личных проблем. Нарастание этого негативного явления частично будет нейтрализовано повсеместным введением цифровизации взаимодействия населения с бюрократическими органами власти.

В ценностной системе абсолютного большинства населения однозначно будут доминировать *приверженность традиционной форме семьи как брачного союза мужчины и женщины*, неприятие семейных моделей сексуального меньшинства, отторжение пропаганды LGBTQ+ и идеологии «woke» в целом.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Социальная психология. 5-е изд. М.: Аспект Пресс, 2009. 362 с.
2. Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Социология морали: нормативно-ценностные системы // Социологические исследования. 2003. № 5(229). С. 8–20. EDN: OOOTIP.
3. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020.
4. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Прикладная социология. Методология и методы. Интеракт. уч. пос. 2-е изд. М.: ИС РАН, 2012. 404 с.
5. Докторов Б. З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. 2-е изд., доп. М.: ФОМ, 2017. 232 с.
6. Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 6 т. Т. 1. Биографии и история. М.: ЦСПиМ, 2014. 418 с.; Т. 2. Беседы с социологами четырех поколений. М.: ЦСПиМ, 2014. 1344 с.; Т. 3. Биографическое и автобиографическое. М.: ЦСПиМ, 2014. 400 с.
7. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСПиМ, 2014. 548 с.

8. Российский статистический ежегодник. Стат. сб. М.: Росстат, 2023. 701 с.
9. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. СПб.: АЗБУКА, 2017. 704 с.
10. Численность обучающихся, педагогического и преподавательского персонала, потенциального числа образовательных организаций всех уровней образования: прогноз до 2035 года / Авт.-сост.: Шереги Ф. Э., Арефьев А. Л. и др. М.: ЦСПиМ, 2017. 408 с.
11. Шубкин В. Н. Начало пути. (Проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы). М.: ЦСПиМ. 2010. 424 с.

Получено редакцией: 11.07.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, генеральный директор Центра
Приведенцева Ольга Сергеевна, старший научный сотрудник, руководитель лаборатории социологического мониторинга

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.3

Medium-Term Forecast of the Dynamics of Life Attitudes of Russians

Franz E. Sheregi

Center for Social Forecasting and Marketing, Moscow, Russia

f-sheregi@inbox.ru

ORCID: 0009-0005-0199-2974

Olga S. Privedentseva

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

oprivedentseva@mail.ru

ORCID: 0009-0008-0749-1822

For citation: Sheregi F. E., Privedentseva O. S. Medium-term forecast of the dynamics of life attitudes of Russians. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 13–36. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.3; EDN: DOZTAT.

Abstract. The article presents a method for forecasting trends in changes in mass consciousness in terms of life attitudes, i.e. those values according to which people try to build their lives. Modern applied sociology successfully uses the forecast of electoral and consumer behaviour of citizens. The time lag of forecast reliability: for electoral behaviour – 4–5 weeks, for consumer behaviour – up to a year. Forecasting for 10–20 years is practiced mainly in demography. It is more difficult to forecast changes in mass consciousness based on value attitudes of citizens. If we assume that the development of the state is evolutionary, then the combination of heuristic and mathematical methods allows us to forecast trends in the attitudes of the population aged 40 and older, as basic for the economic and political functioning of the state. In methodological terms, the article proposes a procedure for forecasting trends only, without claiming high accuracy of numerical indicators, with mandatory consideration of weak variability of basic numerical indicators measured as of 2024. To forecast trends, there were used data from an all-Russian representative sociological study, accumulated in integral indices, as well as in verbal constructs using factor analysis. The combination of these methods allowed to make a generally stable 20-year forecast of trends in changes in the life attitudes of Russians. As a tool for a detailed forecast indices as integrated indicators of the intensity and direction of a trend were used, and for a generalised forecast – verbal constructs formed on the basis of factor analysis. The choice of the subject of the forecast is based on the hypothesis that the “catalyst” of life attitudes are three components of life activity: the life trajectory chosen by the individual, including the preferred types of life activity; the

identification of the individual with reference groups as a contact environment, a mechanism of value communication and self-realisation; the choice of forms of social behaviour by the individual based on the basic moral principles of people's life activity. These three aspects of the population's life activity are not only socially (phylogenetically), but also to a large extent biologically (ontogenetically) determined, therefore they are highly stable, that allows us to talk about the stability of the medium-term forecast of trends in the interval of up to 20 years. Thus, the article proposes the tested in an applied sociological study combined method of medium-term forecast of social groups' attitudes in a situation where repeated studies are not conducted to build a dynamic series of empirical indicators. The forecast presented in the article operates with indicators that are important for consideration in the practice of medium-term planning of the state's social policy.

Keywords: life trajectory, reference groups, moral attitudes, index method, factor analysis, sociological forecast

References

1. Andreyeva G. M. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. 5th ed. Moscow, Aspekt Press, 2009: 362 (in Russ.).
2. Bakshantovsky V. I., Sogomonov Yu. V. *Sociologiya morali: normativno-cennostnye sistemy* [Sociology of morality: normative and value systems]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2003: 5(229): 8–20 (in Russ.). EDN: OOOTIP.
3. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of research. Moscow, FNISTS RAN, 2020: 688 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020.
4. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. *Applied sociology. Methodology and methods. An interactive learning tool*. 2nd ed. Moscow, IS RAN, 2012: 404 (in Russ.).
5. Doktorov B. Z. *The pioneers of the world of opinions: from Gallup to Grushin*. 2nd ed. Moscow, FOM, 2017: 232 (in Russ.).
6. Doktorov B. Z. *Modern Russian Sociology: Historical and Biographical Searches*. In 6 vol. Vol. 1. Biographies and history. Moscow, TSSPiM, 2014: 418; Vol. 2. Conversations with sociologists of four generations. Moscow, TSSPiM, 2014: 1344; Vol. 3. Biographical and autobiographical. Moscow, TSSPiM, 2014: 400 (in Russ.).
7. Konstantinovskiy D. L., Voznesenskaya Ye. D., Cherednichenko G. A. The youth of Russia at the turn of the XX–XXI centuries: education, work, social well-being. Moscow, TSSPiM, 2014: 548 (in Russ.).
8. *The Russian Statistical Yearbook*. Stat. coll. Moscow, Rosstat. 2023: 701 (in Russ.).
9. Darwin Ch. *The origin of species by natural selection*. St. Petersburg, AZBUKA, 2017: 704 (in Russ.).
10. *The number of students, teaching and teaching staff, and the potential number of educational organizations at all levels of education: forecast until 2035*. Contributors: Sheregi F. E., Arefyev A. L. et al. Moscow, TSSPiM, 2017: 408 (in Russ.).
11. Shubkin V. N. *Nachalo puti. (Problemy molodezhi v zerkale sotsiologii i literatury)* [The beginning of the journey. (Problems of youth in the mirror of sociology and literature)]. Moscow, TSSPiM, 2010: 424 (in Russ.).

The article was submitted on: July 11, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Frants E. Sheregi, Candidate of Philosophical Sciences, General Director of the Center
Olga S. Privedentseva, Senior Researcher, Head of the Laboratory of Sociological Monitoring

ТЕМА НОМЕРА

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ: ДИАЛЕКТИКА ИННОВАЦИОННОГО И ТРАДИЦИОННОГО

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.4

EDN: BXLQLT

Репрезентации этнополитической ситуации на Северном Кавказе в медиа пространстве региона¹

Ссылка для цитирования: Авксентьев В. А., Иванова С. Ю., Шульга М. М. Репрезентации этнополитической ситуации на Северном Кавказе в медиа пространстве региона // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 3. С. 37–54. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.4; EDN: BXLQLT.

For citation: Avksentev V. A., Ivanova S. Yu., Shulga M. M. Representations of the ethno-political situation in the North Caucasus in the regional media space. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 37–54. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.4; EDN: BXLQLT.

SPIN-код: 4283-6033

Авксентьев Виктор Анатольевич¹

¹Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия

avksentiev@rambler.ru

SPIN-код: 4477-1418

Иванова Светлана Юрьевна¹

¹Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия

isu-socf@yandex.ru

SPIN-код: 8569-6461

Шульга Марина Михайловна¹

¹Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия

shulgamm@mail.ru

¹ Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», ГЗ ЮНЦ РАН, № 123111700015-8.

Аннотация. В статье представлены результаты контент-анализа региональных СМИ, который проводился в рамках пилотажного исследования разработанной авторами методики анализа проблем и перспектив формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе. Целью исследования было определение структуры и содержания репрезентаций этнополитической ситуации на Северном Кавказе в медиа-пространстве региона. Актуальность этнополитической проблематики на Северном Кавказе обусловлена тем, что это – регион-фронтир, который в силу своего географического положения, этнических, религиозных и культурных особенностей является ареной различных внутренних и внешних вызовов. Мониторинг этнополитической ситуации является важным направлением исследований как в теоретическом, так и в практическом плане. Одна из технологий такого мониторинга – анализ репрезентаций этнополитической ситуации в политическом дискурсе региона. Политический дискурс региональных медиа представляет собой тематически сфокусированную, социально обусловленную систему новостных, аналитических, прогностических материалов в региональных СМИ, выстраивающую политическую картину мира. Репрезентации – содержание информационных сообщений на медиа ресурсах субъектов РФ на территории Северного Кавказа. Документальную базу исследования составили 1656 информационных сообщений, размещенных на ведущих информационных порталах и в неэтнических медийных СМИ субъектов РФ на территории СКФО в апреле–июне 2023 г. Было определено пять смысловых категорий анализа: 1) используемые практики укрепления общероссийской идентичности; 2) политизация этничности; 3) влияние зарубежных диаспор северокавказских народов; 4) угрозы и риски в сфере гуманитарной безопасности; 5) угрозы и риски в сфере социально-политической безопасности. Анализ репрезентаций этнополитической ситуации в политическом медиадискурсе региона позволил определить какую картину мира создают, конструируют региональные медиа: 1) преобладает позитивный контент о новых практиках формирования общероссийской гражданской идентичности в регионе, новых традициях и ритуалах, связанных с героями СВО; 2) потенциальные риски дестабилизации общественно-политической ситуации на Северном Кавказе связаны с влиянием информационной войны на население, прежде всего, молодежь; ростом угроз активизации экстремистской и террористической деятельности; проблемами религиозной безопасности в регионе, которые представлены в медиапространстве весьма фрагментарно.

Ключевые слова: Северный Кавказ, этнополитическая ситуация, политический дискурс, репрезентация, медиапространство региона, практики укрепления общероссийской идентичности, угрозы и риски в сфере гуманитарной безопасности, угрозы и риски в сфере социально-политической безопасности

Введение

Актуальность этнополитической проблематики на Северном Кавказе обусловлена тем, что это – регион-фронтир, который в силу своего географического положения, этнических, религиозных и культурных особенностей перманентно становится ареной различных геополитических, вызовов. По мнению В. А. Ачкасова, «на протяжении всей постсоветской истории Северный Кавказ является наиболее проблемным и конфликтным регионом России, процесс интеграции которого, медленно и крайне болезненно проводившийся Российской империей и Советским Союзом, в 1990-е гг. отчетливо повернул вспять» [2, с. 35].

К рискогенным факторам современного этнополитического развития Северного Кавказа относят: низкие показатели материального благосостояния преобладающей части населения, которые усугубляются малоземельем (острой нехваткой плодородных земель) и ограниченностью водных ресурсов; влияние глобализационных процессов; этноклановость и коррупцию; безработицу, особенно среди молодежи; миграционные процессы; усиление процесса исламизации в регионе, ведущее к радикализации граждан и порождению экстремистских настроений. В условиях эскалации экономических, социально-политических и других метаморфоз, роста и ускорения миграционных, информационных потоков и интенсификации социокультурных воздействий любой из этих факторов может стать своего рода пусковым механизмом роста и усиления межэтнической напряженности в регионе [1, с. 196].

В этих условиях мониторинг этнополитической ситуации является важным направлением исследований, как в теоретическом, так и в практическом плане. Одна из технологий такого мониторинга – анализ репрезентаций этнополитической ситуации в политическом дискурсе региона.

Дискурс представляет собой «языковое выражение определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное использование языка, за которым встает особая идеологически и социально обусловленная ментальность» [6, с. 3].

Политический дискурс региональных медиа представляет собой тематически сфокусированную, социально обусловленную систему новостных, аналитических, прогностических материалов в прессе, на радио и телевидении, а также в материалах интернет-ресурсов, выстраивающую политическую картину мира [3, с. 5]. Современный исследователь Р. А. Усмонов выделяет функции политического дискурса, определяющие его консолидирующую роль в социуме: а) функция социального контроля (или манипуляции общественным сознанием): создание предпосылок для унификации поведения, мышления, эмоций и целей социальных групп; б) функция ориентации: формулирование задач и проблем, создание картины социально-политической реальности в общественном сознании; в) функция социальной солидарности: объединение всего общества или отдельных социальных групп [5, с. 49].

Таким образом, анализ репрезентаций этнополитической ситуации в политическом медиадискурсе региона позволяет определить, какую картину социальной реальности создают, конструируют региональные медиа. Цель настоящей статьи – охарактеризовать этнополитическую ситуацию, конструируемую в медиа пространстве региона.

Методика исследования

Под репрезентациями в данной статье понимается содержание информационных сообщений на медиаресурсах субъектов РФ, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа (СКФО).

Медийный комплекс Северного Кавказа представлен средствами массовой информации разного уровня. В него входят:

1. Региональные страницы новостных агрегаторов, ориентированные преимущественно на внешнюю по отношению к региону аудиторию.

2. «Этнические» СМИ, аффилированные с одной или несколькими родственными этническими группами, проживающими на территории Северного Кавказа; для этих СМИ – главная тема – этничность.

3. «Неэтнические» СМИ – это государственные и коммерческие газеты и ресурсы (для них этничность – один из многих сюжетов развития полиэтничного регионального социума).

Следует отметить, что оппозиционные СМИ в субъектах РФ на территории СКФО отсутствуют, однако, неэтнические коммерческие СМИ реализуют более независимую информационную политику и предоставляют информацию, не всегда «выгодную» для органов власти. Этот блок источников обозначен нами как «альтернативные» СМИ, их отбор осуществлен с учетом мнения экспертов, работающих в соответствующих регионах и неоднократно принимавших участие в наших исследовательских проектах. Таким образом, документальную базу исследования составили информационные сообщения, размещенные на ведущих информационных порталах и в неэтнических СМИ субъектов РФ на территории СКФО¹ в апреле–июне 2023 г. Период проведения контент-анализа определен с учетом начала работы по проекту и охватывает важный с точки зрения памятных дат временной интервал: День космонавтики, День Победы, День России, а также памятные даты, связанные с этнотравмами (например, День возрождения карачаевского народа).

Контент-анализ региональных СМИ проводился в рамках пилотажного исследования разработанной методики анализа достижений и проблем формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе. Было определено пять смысловых категорий анализа: 1) используемые практики укрепления общероссийской идентичности, «поскольку социальная консолидация вне единой идентификационной траектории, ведущей к формированию общероссийской идентичности, невозможна» [4, с. 60] (смысловые единицы анализа: социально-политические и социокультурные мероприятия, потенциально способствующие укреплению общероссийской идентичности); 2) политизация этничности как риск национальной / региональной безопасности (смысловые единицы анализа: идентичность, язык, традиции, культура, обряды и т. п.); 3) влияние зарубежных диаспор северокавказских народов (смысловые единицы анализа: позитивное/негативное влияние на процессы в регионе); 4) угрозы и риски в сфере гуманитарной безопасности (смысловые единицы анализа: информационная война, попытки «гибридного» воздействия на идентичность, угрозы в сфере образования, угрозы в сфере культуры, будирование исторических травм); 5) угрозы и риски в сфере социально-политической безопасности (смысловые единицы анализа: экстремизм, терроризм, межэтнические конфликты, межконфессиональные конфликты, недовольство властью, недоверие власти). В соответствии с выделенными смысловыми единицами анализа, в выборку включены

¹ «Дагестанская правда»; «Свободная республика»; «Черновик»; «РИА Дагестан»; «Ингушетия»; «Сердало»; «Кабардино-Балкарская правда»; «БезФормата», Кабардино-Балкария (лента новостей), интернет-издание «Вестник Кавказа» (лента новостей «Новости Кабардино-Балкарии»); «День Республики»; «БезФормата», (лента новостей «Новости Карачаево-Черкесия»); «Северная Осетия»; «15-й регион»; «Спутник-Северная Осетия»; «Ставропольская правда»; портал Информационного агентства «Победа 26» (лента новостей); сетевое издание «NewsTracker» (лента новостей Ставропольский край); «Вести Республики»; «Грозный-Информ».

1656 информационных сообщений. Отбор материалов проводился в «ручном режиме» путем заполнения таблиц фрагментами текстов по соответствующим категориям. Такой трудоемкий процесс позволил быстро включиться в общий контент информационного массива и представить место и роль изучаемой проблематики в информационном потоке в регионе.

В рамках апробации инструментария исследования смысловые категории анализа были перегруппированы («политизация этничности» и «влияние зарубежных диаспор» стали смысловыми единицами анализа категории «угрозы и риски в сфере социально-политической безопасности»), сделан вывод о целесообразности более четкой формулировки смысловых единиц анализа для дальнейшей работы.

Результаты исследования

Общие результаты проведенного контент-анализа, представленные на рисунке 1, свидетельствуют о том, что преимущественно репрезентируется позитивный образ процессов, происходящих в регионе: информационные сообщения по категории «практики укрепления общероссийской идентичности» составляют 75,9% от всего массива, по категории «угрозы и риски в сфере социально-политической безопасности» – 21,0%; по категории «угрозы и риски в сфере гуманитарной безопасности» – 3,1%.

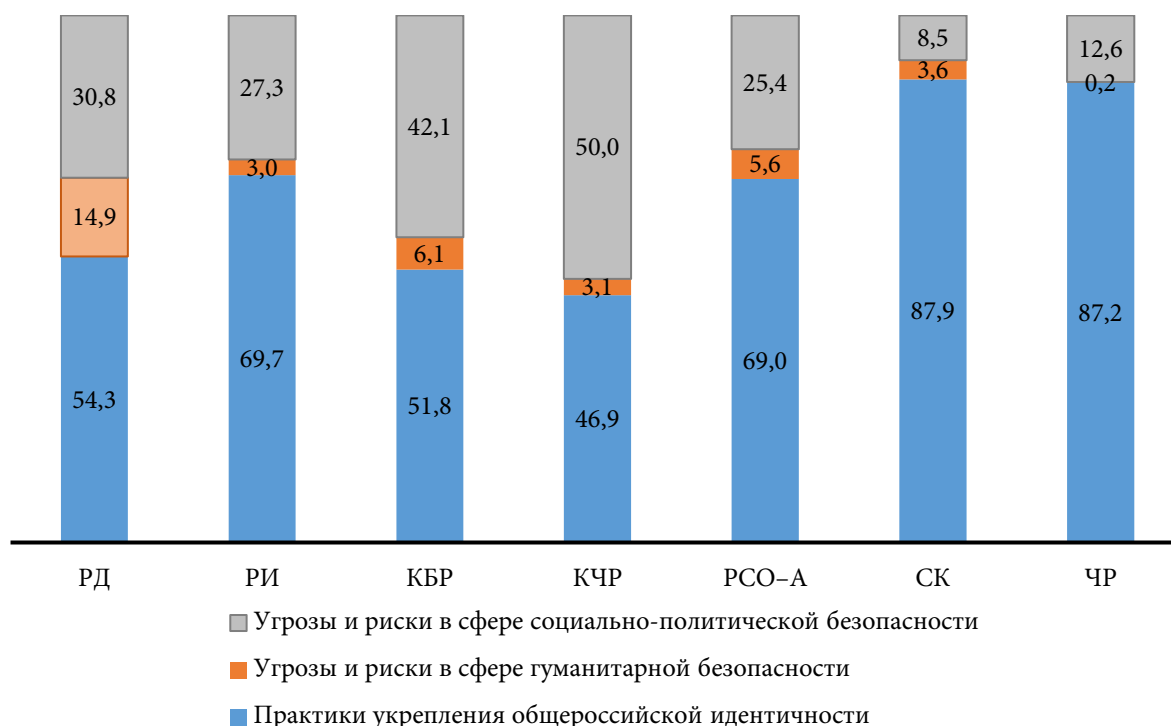

Рис. 1. Результаты контент-анализа региональных медиа ресурсов, в % от общего количества информационных сообщений в выборке по каждому субъекту РФ на территории СКФО¹

Figure 1. Results of content analysis of regional media resources, in % of the total number of information messages in the sample for each subject of the Russian Federation in the territory of the North Caucasus Federal District

¹ РД – Республика Дагестан, РИ – Республика Ингушетия, КБР – Кабардино-Балкарская Республика, КЧР – Карачаево-Черкесская Республика, РСО-А – Республика Северная Осетия – Алания, СК – Ставропольский край, ЧР – Чеченская Республика.

Практики укрепления общероссийской гражданской идентичности

Анализ сообщений о практиках укрепления общероссийской гражданской идентичности по критерию укорененности позволяет разделить их на две группы:

1. Традиционные практики формирования и укрепления общероссийской гражданской идентичности (участие во всероссийских мероприятиях и акциях, празднование общероссийских памятных дат и событий, мероприятия по гражданско-патриотическому воспитанию молодежи; расширение взаимосвязей с другими регионами России).

Результаты анализа свидетельствуют, что большинство (около 50% публикаций), – это сообщения о мероприятиях, посвященных увековечению памяти о Великой Отечественной войне как патриотической скрепе, сплачивающей абсолютное большинство россиян – носителей общероссийской идентичности.

При этом используются новые интересные форматы. Например, съемки в горах Ингушетии короткометражной истории ко Дню Победы, по сюжету которой русский ветеран с внуком пришел на могилу к павшему боевому товарищу, чтобы отдать дань памяти¹. Данный прием позволяет манифестировать ценности дружбы народов России, уважение к героям, пережившим страшные события времен Великой Отечественной войне; провести параллель между памятью о борьбе с нацизмом, которая проходила почти 80 лет назад, с современной войной с тем же злом на Украине.

Другим примером может послужить выставка «Без срока давности. Хабаровский процесс», где представлены фотографии и документальные материалы, рассказывающие о зверствах японских милитаристов на оккупированных территориях во Вторую мировую войну. Во время работы выставки действовал кинолекторий, в рамках которого демонстрировались документальные фильмы «Фальсификация истории ВОВ: информационная война против России», «Международный военный трибунал в Нюрнберге» и «Хабаровский процесс»².

В данном контексте значима и выставка «Освобождение Европы...», раскрывающая с помощью недавно рассекреченных документов из федеральных архивов героический подвиг солдат и офицеров Красной Армии, внесших неоценимый вклад в Великую Победу и освобождение Европы от гитлеровского ига³.

¹ В горах Ингушетии прошли съемки короткометражных историй ко Дню Победы // Ингушетия. 2023. 14 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://gazetaingush.ru/news/v-gorah-ingushetii-proshli-semki-korotkometrazhnoy-istori-ko-dnyu-pobedy> (дата обращения: 03.09.2023).

² В Ингушетии проходит выставка «Без срока давности» // Сердало. 2023. 3 мая. [Электронный ресурс]. URL: <https://serdalo.site/post/v-ingushetii-prokhorit-vystavka-bez-sroka-davnosti> (дата обращения: 03.09.2023).

³ В Ингушетии открылась выставка «Освобождение Европы...» // Сердало. 2023. 9 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://serdalo.site/post/v-ingushetii-otkrylas-vystavka-osvobozhdenie-evropy> (дата обращения: 03.09.2023).

К традиционным практикам укрепления общероссийской гражданской идентичности отнесены также сообщения, касающиеся решения социально-экономических проблем, т. к. именно эти проблемы являются одним из рисков формирования общероссийской гражданской идентичности¹.

Отдельно следует выделить сообщения о людях, совершающих выдающиеся поступки в повседневной жизни².

Репрезентацией традиционных практик обеспечения гражданского единства в регионе, являются сообщения, описывающие мероприятия, реализуемые в рамках общероссийского проекта «Культура», в которых подчеркивается консолидирующая роль русского языка и русской культуры³, в целом, роль русских в развитии Северного Кавказа⁴. Многие из этих публикаций заканчиваются описанием впечатлений молодых участников таких мероприятий, что, в свою очередь, способствует привлечению молодежи к просветительским проектам. Учитывая процессы реисламизации, идущие в республиках региона, эффективной является практика целенаправленной работы с обучающимися в духовных образовательных учреждениях⁵.

2. Новые практики укрепления общероссийской гражданской идентичности связаны, прежде всего, с проведением специальной военной операции (СВО): сбор и доставка гуманитарных грузов в зону СВО, встреча с героями СВО, поддержка властными структурами и жителями военнослужащих, участвующих в СВО, их семей; увековечение памяти погибших в ходе СВО. В ряде публикаций тема СВО непосредственно пересекается с дискурсом о Великой Отечественной войне. Например, в одной из публикаций утверждается, что «сегодня, как и в те 40-е годы, именно наша страна встала на защиту нормальных ценностей, правильной идеологии. Именно наши ребята вновь защищают весь мир от этой грязи»⁶.

¹ Партийный десант «Единой России» осмотрел ход строительства детского сада в Кумторкалинском районе // Информационный портал РИА «Дагестан». 2023. 4 апреля [Электронный ресурс]. URL: https://riadagestan.ru/news/politics/partiynnyy_desant_edinoy_rossii_osmotrel_khod_stroitelstva_detskogo_sada_v_kumtorkalinskom_rayone/ (дата обращения: 01.12.2023).

² Абдулрашид Садулаев проспонсировал ифтар в шатре Рамадана // Информационный портал РИА «Дагестан». 2023. 5 апреля [Электронный ресурс]. URL: https://riadagestan.ru/news/sports/abdulrashid_sadulaev_prosponsiroval_iftar_v_shatre_ramadana/ (дата обращения: 01.12.2023).

³ Педагоги ДГИ занялись патриотическим воспитанием студентов духовных семинарий Дагестана // Информационный портал РИА «Дагестан». 2023. 3 мая [Электронный ресурс]. URL: https://riadagestan.ru/news/education/pedagogi_dgi_zanyalis_patrioticheskim_vospitaniem_studentov_dukhovnykh_seminariy_dagestana/ (дата обращения: 01.12.2023).

⁴ Цориева И. Время, вперед! // Северная Осетия. 2023. 4 апреля [Электронный ресурс]. URL: <http://sevosetia.ru/Article/Index/577053> (дата обращения: 10.11.2023).

⁵ Педагоги ДГИ занялись патриотическим воспитанием студентов духовных семинарий Дагестана // Информационный портал РИА «Дагестан». 2023. 3 мая [Электронный ресурс]. URL: https://riadagestan.ru/news/education/pedagogi_dgi_zanyalis_patrioticheskim_vospitaniem_studentov_dukhovnykh_seminariy_dagestana/ (дата обращения: 01.12.2023).

⁶ Казбек Коков принял участие в туристско-патриотическом походе детей и молодежи республики «По тропам Победы» // БЕЗФОРМАТА. 2023. 7 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://nalchik.bezformata.com/listnews/uchastie-v-turistsko-patrioticheskom-pohode/116988134/> (дата обращения: 26.08.2023).

Тем самым СВО получает дополнительный символический капитал, более того, в некоторых материалах Великая Отечественная война и СВО по сути отождествляются. Например, участник специальной военной операции Мусалим Джуккаев рассказал, почему принял решение ехать на передовую. «Вот наши деды воевали с 1941-го по 1945-й год. Фашизм затаился, прошло несколько десятилетий, он стал опять возрождаться. И я думаю, что мы сплотимся, встанем и истребим его на корню, чтобы больше не было этого фашизма»¹.

Отличительной особенностью таких публикаций в Чеченской Республике является их персонификация: предоставление слова тем воинам, которые проходят обучение в Российском университете спецназа, готовясь принять активное участие в военных действиях на Украине. Они раскрывают мотивы своего участия в СВО. Например, боец из Чечни убежден: «На нас – доверие всей страны, которое мы должны оправдать»². С точки зрения добровольца из Крыма, «мы едем спасать мирное население Украины от НАТОвского фашизма и сатанизма»³. Доброволец «Федор»: «Я решил участвовать в СВО, чтобы у подрастающего поколения было достойное будущее. Наблюдая то, что сейчас происходит вокруг нашей страны, вместе с братьями хочу положить этому конец. Даже если она будет стоять моей жизни»⁴.

В медиапространстве этой республики присутствует также большой массив высказываний Р. А. Кадырова (92 публикации) о героях-воинах, о боевых победах, о трудностях проведения специальной военной операции. Часть высказываний Главы Республики связаны с размышлениями о принципах непобедимости и незыблемости российского государства-страны: «Глубоко заблуждается тот, кто думает, что сможет нарушить единство народов великой страны»⁵.

Поддержка участников СВО стала новой линией и в гармонизации межэтнических отношений. Репрезентациями этого тренда являются многочисленные сообщения о помощи участникам СВО со стороны национально-культурных объединений.

¹ Долг каждого гражданина нашей Родины, если призовут, – встать на защиту своего Отечества, – Мусалим Джуккаев // БЕЗФОРМАТА. 2023. 3 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://cherkesk.bezformata.com/listnews/svoego-otechestva-musalim-dzhukkaev/115849862/> (дата обращения: 30.08.2023).

² Боец из ЧР: На нас – доверие всей страны, которое мы должны оправдать // Грозный-Информа. 2023. 25 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/?Pos=149> (дата обращения: 13.11.2023).

³ Доброволец из Крыма: мы едем спасать мирное население Украины от НАТОвского фашизма и сатанизма // Вести Чеченской Республики. 2023. 30 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti095.ru/2023/05/anzor-bisaev-chechenskie-bojtsy-v-zone-svo-boryutsya-s-temi-kto-oskorblyaet-nashu-religiyu/> (дата обращения: 13.11.2023).

⁴ Доброволец «Федор»: Я решил участвовать в СВО, чтобы у подрастающего поколения было достойное будущее // Вести Чеченской Республики. 2023. 19 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti095.ru/2023/06/dobrovolets-fedor-ya-reshil-uchavstvovat-v-svo-chtoby-u-podrastayushhego-pokoleniya-bylo-dostojnoe-budushhee/> (дата обращения: 13.11.2023).

⁵ Рамзан Кадыров: «Глубоко заблуждается тот, кто думает, что сможет нарушить единство народов великой страны // Вести Чеченской Республики. 2023. 19 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti095.ru/2023/05/page/63/> (дата обращения: 13.11.2023).

Новым является также широкое использование возможностей социальных сетей: «В социальных сетях стартовала всероссийская акция «Мой Герой». Одним из первых к ней присоединился участник СВО, а также участник проекта «Твой Герой» Рустам Рамазанов, который заменил аватары на своих страницах в соцсетях на фотографию своего дедушки, участника ВОВ Фазилы Рамазанова»¹.

Следует отметить, что в половине субъектов РФ на территории СКФО количество публикаций, так или иначе связанных с СВО, в 1,5 раза превосходит количество материалов, посвященных Великой Победе. Это является довольно неожиданным результатом с учетом того, что контент-анализ проводился за период, охватывающий четыре праздничные / памятные даты, традиционно играющие важную роль в укреплении общероссийской идентичности, в первую очередь, День Победы. В данный момент, судя по обилию публикаций, на ту же роль вполне обоснованно претендуют разного рода общественные акции, мероприятия, конкурсы, проекты, связанные с проведением СВО. Тем самым, символическая база российской идентичности, российского патриотизма и гражданственности существенно расширилась и это, очевидно, придает дополнительный мощный импульс гражданско-патриотическому воспитанию в российском обществе. Таким образом в медиа-пространстве региона репрезентируется новая модель укрепления единства российского общества, ядром которой является преемственность поколений защитников Родины.

Риски гуманитарной безопасности

Ситуация в сферах гуманитарной и социально-политической безопасности в регионе, согласно публикациям в СМИ, характеризуется противоположными трендами: с одной стороны, активизацией консолидирующих факторов, обеспечивающих укрепление общероссийской идентичности и гражданской солидарности; с другой стороны, актуализацией этнической идентичности, политизацией этничности, что нередко обуславливает деструктивные явления, в том числе экстремизм, межэтнические конфликты. Секретарь Совета безопасности РФ Н. П. Патрушев на выездном совещании по вопросам обеспечения дополнительных мер по предупреждению экстремистских проявлений в субъектах СКФО в апреле 2023 г. отметил, что обстановка в сфере противодействия экстремизму в субъектах СКФО, несмотря на принимаемые меры, продолжает оставаться сложной. Международные экстремистские террористические организации усиливают в регионах пропагандистскую и вербовочную работу. Активизируется деятельность подконтрольных западным спецслужбам законспирированных ячеек террористических, националистических и радикальных религи-

¹ Сайгидахмед Ахмедов: «Власть крепка, если она пользуется доверием и поддержкой общества» // Информационный портал РИА «Дагестан». 2023. 15 мая [Электронный ресурс]. URL: https://riadagestan.ru/news/the_people_s_assembly/saygidakhmed_akhmedov_vlast_krepka_esli_ona_polzuetsya_doveriem_i_podderzhkoy_obshchestva/ (дата обращения: 01.12.2023).

озных организаций, не прекращаются попытки внедрения в общественное сознание возможности применения норм шариата вместо светских законов, вытеснения традиционного ислама его радикальными течениями. Одновременно сохраняются противоречия среди представителей религиозной общины, обусловленные личными амбициями, влиянием зарубежных исламских проповедников и борьбой за распределение финансовых потоков, «активизируется деятельность иностранных неправительственных организаций, которые пытаются использовать общественные и религиозные объединения, национальные диаспоры, иностранных трудовых мигрантов для инспирирования националистических и сепаратистских настроений, разжигания религиозной и социальной розни, нанесения ущерба традиционным духовно-нравственным ценностям, культуре, исторической памяти российского народа. Не снижается и интенсивность деятельности зарубежных модераторов по идеологической обработке молодежи с целью ее вовлечения в экстремистскую и иную противоправную деятельность»¹. Западный «след» в нарастании вызовов и угроз, с которыми ныне сталкивается регион, отметил Полномочный представитель Президента РФ в СКФО Ю. Чайка. По его словам, «повышение активности распространения деструктивной идеологии среди населения инспирировано враждебным Западом на фоне проведения специальной военной операции и частичной мобилизации военнослужащих»².

Контент-анализ медиа-ресурсов подтверждает существенное нарастание угроз ментального, экстремистского и террористического характера в регионе, которое связывается с резким обострением геополитических противоречий между Россией и Западом.

Риски и угрозы в сфере гуманитарной безопасности в медиапространстве региона, в основном, также репрезентируются как инспирированное извне возрастающее информационное воздействие на жителей региона. Чаще всего это сообщения о мероприятиях, посвященных данной проблеме³.

Наиболее объемно угрозы и риски в сфере гуманитарной безопасности представлены в выступлении главы парламента КБР Т. Егоровой. Она отмечает, что «в настоящее время практически развернута информационная война против нашей страны». По ее словам, «наблюдается деградация ценностей нематериальной сферы, когда под лозунгами защиты свободы, демократии обществу преподносятся как единственно верные псевдокультурные, псевдоисторические ценности, не характерные для человечества ни с точки зрения исторического или цивилизационного развития, ни

¹ Обстановка в сфере противодействия экстремизму в субъектах СКФО продолжает оставаться сложной // Кабардино-Балкарская правда. 2023. №44 (15 апреля) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kbpravda.ru/2023/04/15.pdf> (дата обращения: 24.08.2023).

² Юрий Чайка: угрозы безопасности в СКФО нарастают // БЕЗФОРМАТА. 2023. 13 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://nalchik.bezformata.com/listnews/chayka-ugrozi-bezopasnosti-v-skfo/116215822/> (дата обращения: 25.08.2023).

³ Россия преодолет внешние угрозы // БЕЗФОРМАТА. 2023. 12 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://cherkesk.bezformata.com/listnews/rossiya-preodoleet-vneshnie-ugrozi/117150907/> (дата обращения: 31.08.2023).

с точки зрения религиозных верований, ни с точки зрения наших традиций и ментальности. К чему может привести такая подмена ценностей, мы можем наблюдать на примере многих так называемых «просвещенных» государств, где вседозволенность и распущенность трактуется как свобода, тысячелетиями формировавшиеся наши цивилизационные ценности – как отсталость, анахронизм, а наше традиционное восприятие – как ретроградность и помеха прогрессу»¹.

Читатели также информируются о поступлении фейковой информации (звонки, социальные сети).

К репрезентациям рисков и угроз в сфере гуманитарной безопасности также можно отнести сообщения о привлечении к ответственности за деятельность в социальных сетях². Как риск культурного дистанцирования от России может рассматриваться принятие правил для туристов в Дагестане, в которых предусмотрены запреты на ношение некоторых видов одежды, а также определенные нормы поведения, например: не носить слишком открытую одежду, мужчинам не стоит пожимать руку женщинам, парам не следует проявлять чувства в общественных местах (целоваться, обниматься), курить и пить в общественных местах нельзя и т. п.³.

Следует также выделить сообщения, будирующие «исторические травмы»: рассказы о геноциде 1920 г. в Южной Осетии, о депортациях 1944 г., их влиянии на судьбы конкретных людей, об осетино-ингушском вооруженном конфликте 1992 г.⁴ Актуализация исторических травм и их манифестирование, как правило, порождают социально-психологическую неудовлетворенность и убежденность в политической несправедливости существующей ситуации, а, следовательно, приводит к возрастанию рисков политизации этничности.

Неоднозначным трендом в этнополитических процессах на Северном Кавказе является усиление консолидации северокавказских сообществ на основе ислама. Показательной является резко негативная реакция региональных лидеров на «столкновение интересов» по вопросу строитель-

¹ Быть патриотом своей страны — самое высокое качество гражданина // Кабардино-Балкарская правда. 2023. №39 (6 апреля) [Электронный ресурс]. URL: <https://smikbr.ru/arhiv/2023/kbp/04/06.pdf> (дата обращения: 24.08.2023).

² Подозрения в дискредитации // Свободная Республика. 2023. 9 мая [Электронный ресурс]. URL: <http://www.respublic.net/2023/05/09/podozreniya-v-diskreditacii/> (дата обращения: 01.12.2023).

³ Правила для туристов // Свободная Республика. 2023. 15 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.respublic.net/2023/06/15/pravila-dlya-turistov/> (дата обращения: 01.12.2023).

⁴ О герое обороны Сталинграда из Ингушетии, преодолевшем самые тяжкие испытания // Сердало. 2023. 26 апреля. [Электронный ресурс]. URL: <https://serdalo.site/post/o-geroe-oborony-stalingrada-iz-ingushetii-preodolevshego-samye-tyazhkie-ispytaniya> (дата обращения: 03.09.2023); Мемориал памяти жертв осени 1992 года будет реконструирован // Сердало. 2023. 12 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://serdalo.site/post/memorial-pamyati-zhertv-oseni-1992-goda-budet-rekonstruirovan> (дата обращения: 03.09.2023); Трагедия коснулась каждой семьи: Гаглоев обратился к нации в связи годовщиной геноцида // Sputnik. Южная Осетия. 2023. 20 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/20230620/udar-po-buduschemu-prezident-yuzhnoy-osetii-obratilsya-k-natsii-v-svyazi-godovschinoy-genotsida-23977985.html?ysclid=lm81rqdcfg979636655> (дата обращения: 12.11.2023).

ства в Москве мечети, вызвавшее протестные выступления москвичей¹. Следующим событием, о котором широко рассказывалось в региональных СМИ – это реакция на публичное сожжение Корана в Швеции и в Волгограде².

В целом, незначительное количество подобных публикаций свидетельствует о достаточно устойчивой стабилизации этноконфессиональных отношений в регионе. Органы власти и общественные организации вырабатывают контрмеры по снижению негативного влияния на общественное сознание в ходе информационного противостояния. Так, например, успешно реализуется антифейк-проект «Россия в деле», который запущен Фондом Гуманитарных проектов³.

Риски социально-политической безопасности

Угрозы и риски в сфере социально-политической безопасности чаще всего представлены в медиа пространстве сообщениями о: 1) привлечении к ответственности за террористическую деятельность; 2) распространении холодного и огнестрельного оружия среди населения; 3) профилактической работе по противодействию терроризму и экстремизму. Новым вызовом социально-политической безопасности становятся «угрозы со стороны украинских радикалов». Кроме того, «серьезному экзамену подвергаются отношения в этноконфессиональной сфере... внешние силы пробуют на прочность единство народов, межнациональное единство, межконфессиональное единство – пытаются разыграть национальную карту»⁴.

В контексте рисков социально-политической безопасности следует обратить внимание на политизацию этничности (т. е. использование этничности в политических целях). Данное явление хорошо известно по 1990-м гг., и вошло в российскую историю под названием «парад суверенитетов». В настоящее время, особенно в условиях гибридной войны против России, этноориентированная политика в национальных республиках содержит в себе риски политизации этничности под влиянием, прежде всего, внешних факторов.

Широко представлены на региональных медиаресурсах празднования года родного языка в Чеченской республике и Дня возрождения карачаевского народа. Сами эти события не могут расцениваться как репре-

¹ Труссы и провокаторы» — Кадыров о протестующих против строительства мечети в Москве // Грозный-Информа. 2023. 3 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/society/149615/> (дата обращения: 13.11.2023).

² Шамсаил Саралиев: сожжение Корана — очередная попытка врагов разжечь межнациональную рознь // Вести Чеченской Республики. 2023. 23 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti095.ru/2023/05/page/49/> (дата обращения: 13.11.2023).

³ Антифейк-проект «Россия в деле» запущен Фондом Гуманитарных проектов // 15-й Регион. 2023. 13 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://region15.ru/antifejk-proekt-rossiya-v-dele-zapushhen-fondom-gumanitarnyh-proektov/> (дата обращения: 10.11.2023).

⁴ Послание Главы Кабардино-Балкарской Республики парламенту КБР // Кабардино-Балкарская правда. 2023. №47 (21 апреля) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kbpravda.ru/2023/04/21.pdf> (дата обращения: 24.08.2023).

зентации политизации этничности. Однако эти мероприятия могут использоваться политическими антрепренерами для мобилизации этнокультурной идентичности как основы протестных настроений.

Данный вывод подтверждает сообщение о конфликте между группой молодых людей – уроженцев Осетии и Ингушетии, переросшем в драку с применением травматического оружия 25 апреля 2023 г. в селе Куртат в Пригородном районе¹. Учитывая нерешенный территориальный спор по поводу Пригородного района и историческую травму осетино-ингушских вооруженных столкновений 1992 г., данное сообщение является репрезентацией политизированной этничности части ингушского общества, несмотря на предпринимаемые органами власти различного уровня меры по поддержанию мира и формированию культуры межэтнического сотрудничества². В заявлении Министерства по внешним связям, национальной политике, печати и информации Республики Ингушетия отмечается, что возникший конфликт исчерпан, правоохранительные органы дадут надлежащую оценку действиям правонарушителей. Особо подчеркивалось, что произошедший инцидент между участниками драки не имеет отношения к межнациональным вопросам. Было обращение к жителям республики не поддаваться на провокации, сеющие межнациональную вражду, и не распространять ложную информацию среди населения³.

О реальных угрозах террористической и экстремистской направленности свидетельствуют события конца марта-начала апреля 2023 г., происшедшие в Малгобекском районе Ингушетии, в результате которого был введен режим контртеррористической операции на территории Малгобекского района Республики Ингушетия⁴. Власти предостерегли жителей Ингушетии от оказания какой-либо помощи, пособничества и укрытия лиц, участвовавших в террористических вылазках, которые привели к жертвам среди сотрудников силовых структур⁵. В СМИ постоянно появляется такая информация.

¹ Более 50 человек сошлись в массовой драке в Северной Осетии // Smotrim. 2023. 26 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://smotrim.ru/article/3323436> (дата обращения: 3.09.2023).

² Представители национально-культурных обществ Ингушетии были приглашены на коллективный ифтар // Ингушетия. 2023. 19 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://gazetaingush.ru/news/predstaviteli-nacionalno-kulturnyh-obshchestv-ingushetii-byli-priglasheny-na-kollektivnyy-iftar> (дата обращения: 03.09.2023).

³ Цороев И. Миннац Ингушетии сделал заявление по поводу инцидента в селе Куртат Пригородного района // Ингушетия. 2023. 26 апреля. [Электронный ресурс]. URL: <https://gazetaingush.ru/news/minnac-ingushetii-sdelal-zayavlenie-po-povodu-incidenta-v-sele-kurtat-prigorodnogo-rayona> (дата обращения: 03.09.2023).

⁴ Контртеррористическая операция на территории Малгобекского района Республики Ингушетия // Сердало. 2023. 4 апреля. [Электронный ресурс]. URL: <https://serdalo.site/post/kontrterroristicheskaya-operaciya-na-territorii-malgobekskogo-rayona-respubliki-ingushetiya> (дата обращения: 03.09.2023).

⁵ Жителей Ингушетии предостерегли от пособничества террористам // Сердало. 2023. 13 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://serdalo.site/post/zhiteley-ingushetii-predosteregli-ot-posobnichestva-terroristam> (дата обращения: 03.09.2023).

К репрезентациям рисков в сфере социально-политической безопасности можно отнести сообщения о попытках обострить «черкесский вопрос». В настоящее время «западные «защитники черкесского народа» пытаются разжечь сепаратистские настроения среди черкесов, как в России, так и в диаспоральных организациях за рубежом. При этом они подстрекают адыгов использовать опыт проведения и подготовки «евромайдана» на Украине для организации аналогичных массовых протестных выступлений антироссийского характера на территории северокавказских республик»¹.

В этом контексте интерес представляют репрезентации влияния зарубежных диаспор на процессы в регионе. Позитивно представлена деятельность ингушской диаспоры в Казахстане – инициатива ингушской диаспоры открыть в г. Алматы этнографический музей с целью сохранения культурного наследия ингушского народа в Казахстане, где в течение долгих лет жили репрессированные ингуши². Безусловно, этот формат деятельности способствует укреплению дружбы и сотрудничества между людьми разной этнической принадлежности.

Позитивной является деятельность Международной Черкесской ассоциации (МЧА), в частности, лидер МЧА сообщает о том, что «с самого начала спецоперации на Украине ассоциация поддерживает военнослужащих, которые ежедневно рискуя жизнью, выполняют боевые задачи СВО, оказывает гуманитарную помощь им и их семьям»³.

В то же время на медиаресурсах представлены публикации об успехах представителей своей национальности за рубежом. Примером такого посыла можно считать большую статью об участнике Международного проекта «Одаренная и талантливая молодежь ингушского зарубежья», который в 16 лет поставил перед собой цель поступить в Кембриджский университет. В публикации даже указывается субъект, который занимается вопросами выявления талантливой молодежи в странах Европейского Союза – это Франко-Ингушский исследовательский центр⁴.

К репрезентациям влияния зарубежных диаспор на процессы в регионе можно отнести также сообщения о взаимосвязях Дагестана с другими государствами, которые подтверждают тренд приоритет-

¹ Наш долг быть со своей страной // День Республики. 2023. №38 (11 апреля) [Электронный ресурс]. URL: <https://denresp.ru/wp-content/uploads/archive/%D0%94%D0%B5%D0%BD%D1%8C%20%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8/2023/04/%E2%84%9638%2011-04-2023.pdf> (дата обращения: 29.08.2023).

² О культуре народа Ингушетии расскажет этнографический музей в Казахстане // Сердало. 2023. 24 апреля. [Электронный ресурс]. URL: <https://serdalo.site/post/o-kulture-naroda-ingushetii-rasskazhet-etnograficheskiy-muzey-v-kazakhstan> (дата обращения: 03.09.2023).

³ Адыги-шапсуги активно участвуют в политической жизни Краснодарского края // Кабардино-Балкарская правда. 2023. №52 (4 мая) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kbpravda.ru/2023/05/04.pdf> (дата обращения: 25.08.2023).

⁴ Юный ингуш из Барселоны поставил перед собой цель поступить в Кембриджский университет // Сердало. 2023. 29 мая. [Электронный ресурс]. URL: <https://serdalo.site/post/yunyy-ingush-iz-barselony-postavil-pered-soboy-cel-postupit-v-kembridzhskiy-universitet> (дата обращения: 03.09.2023).

ной исламской консолидации: «В Минской соборной мечети состоялся дипломатический и миротворческий ифтар, проводимый в рамках 1-го Международного форума имени Имама Шамиля...»¹; «Накануне [юбилея Р. Гамзатова] в Дагестане приземлились иранские самолеты, украшенные портретом народного поэта Дагестана Расула Гамзатова»²; «В Доме дружбы прошла международная конференция «Азербайджан — Дагестан: вехи истории» к 100-летию со дня рождения советского государственного и политического деятеля Гейдара Алиева»³.

Выводы

Таким образом, анализ репрезентации этнополитической ситуации на Северном Кавказе в медиапространстве региона позволяет сделать вывод о конструировании и трансляции в общественное сознание образа стабильного и спокойного региона единой большой страны. Наряду с информацией о традиционных направлениях патриотического воспитания и укрепления общероссийской идентичности появляется много сюжетов о новых практиках укрепления общероссийской гражданской идентичности в регионе, новых традициях и ритуалах, связанных с героями СВО. В ряде публикаций тема СВО непосредственно пересекается с дискурсом о Великой Отечественной войне, тем самым СВО получает дополнительный символический капитал. Более того, в некоторых материалах Великая Отечественная война и СВО тематически и эмоционально отождествляются. В условиях геополитической нестабильности, активизации попыток «раскачать Кавказ» при помощи, прежде всего, внешнего информационного воздействия на население, обоснованным является приоритет позитивного контента о том, что делается в стране и регионе для улучшения жизни людей, о важности и справедливости СВО, и, в целом, актуальной государственной политики.

Потенциальные риски дестабилизации общественно-политической ситуации на Северном Кавказе связаны с влиянием информационной войны на население и, прежде всего, молодежь; ростом угроз активизации экстремистской и террористической деятельности; проблемами распространения радикальных религиозных течений. В региональном

¹ Дипломатический и миротворческий ифтар на Международном форуме имени Имама Шамиля состоялся в Минске // Информационный портал РИА «Дагестан». 2023. 9 апреля [Электронный ресурс]. URL: https://riadagestan.ru/news/society/diplomaticheskiy_i_mirotvorcheskij_iftar_na_mezhdunarodnom_forume_imeni_imama_shamilya_sostoyalsya_v_minske/ (дата обращения: 01.12.2023).

² Иранский самолет с портретом Расула Гамзатова будет курсировать по всему миру // Информационный портал РИА «Дагестан». 2023. 26 апреля [Электронный ресурс]. URL: https://riadagestan.ru/news/the_government_of_the/iranskiy_samolet_s_portretom_rasula_gamzatova_budet_kursirovat_po_vsemu_miru/ (дата обращения: 01.12.2023).

³ Международная конференция «Азербайджан – Дагестан: вехи истории» прошла в Махачкале // Информационный портал РИА «Дагестан». 2023. 4 мая [Электронный ресурс]. URL: https://riadagestan.ru/news/society/mezhdunarodnaya_konferentsiya_azerbaydzhan_dagestan_vekhi_istorii_proshla_v_makhachkale/ (дата обращения: 01.12.2023).

медиа-дискурсе информация и анализ существующих угроз и рисков представлена фрагментарно, что может объясняться двояко: с одной стороны, как проявление информационной политики, предполагающей приоритет позитивного контента; с другой – как недооценка существующих вызовов и угроз.

Недостаток или отсутствие информации о существующих проблемах в сферах социально-политической и гуманитарной безопасности, их экспертной оценки порождает определенное недоверие к официальным медиа-ресурсам, становится поводом для поиска такой информации в других источниках, часто официально запрещенных именно по причине некорректности представленной в них информации. Недооценка существующих рисков на уровне общественного сознания способствует росту протестного и девиантного поведения.

Анализ информационных ресурсов позволяет сделать вывод о том, что в регионе накоплен значительный опыт позитивных практик по укреплению общероссийской идентичности. В настоящее время назрела потребность в обобщении и «ревизии» этого опыта с точки зрения эффективности, а также использования современных ориентированных на молодежь информационных ресурсов и технологий. Для профилактики и купирования рисков в сфере информационной безопасности следует шире распространять солидаризирующие полиэтничный социум смыслы и ценности, проводить направленные на это конкурсы и проекты для деятелей культуры, лидеров мнений, представителей молодежных организаций. Значимый эффект может дать мониторинг социально-политических настроений молодежи в регионе вместо инициативно и бессистемно проводимых в ряде северокавказских субъектов РФ социологических исследований.

Библиографический список

1. Абдулкадыров Ю. Н. Российский Кавказ: риски и угрозы этнополитической безопасности // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 12. С. 195–199. DOI: 10.30853/mns200566; EDN: EJFFUE.
2. Ачкасов В. А. Северный Кавказ: многофакторность этнополитической напряженности // Вестник Московского ун-та. Сер. 12: Политические науки. 2021. № 1. С. 33–48. EDN: HVKZKL.
3. Байбатырова Н. М. Политический дискурс астраханских региональных медиа // Закон и власть. 2021. № 1. С. 3–5. EDN: QQYHIP.
4. Узунов В. В. Факторы социальной консолидации в региональных сообществах на Юге России // Caucasian Science Bridge. 2021. № 2. С. 56–70. DOI: 10.18522/2658-5820.2021.2.5; EDN: CNSSYS.
5. Усмонов Р. А. Политический дискурс в языке культуры: содержание и функции // Язык. Словесность. Культура. 2017. Т. 7. № 1–2. С. 46–57. EDN: IBIEAA.

6. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2006. 128 с.

Получено редакцией: 19.04.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авксентьев Виктор Анатольевич, доктор философских наук, профессор, заведующий лабораторией конфликтологии

Иванова Светлана Юрьевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории конфликтологии

Шульга Марина Михайловна, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории конфликтологии

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.4

Representations of the Ethno-Political Situation in the North Caucasus in the Regional Media Space¹

Viktor A. Avksentev

SSC RAS, Rostov-on-Don, Russia

avksentiev@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-0762-3529

Svetlana Yu. Ivanova

SSC RAS, Rostov-on-Don, Russia

isu-socf@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2375-6348

Marina M. Shulga

SSC RAS, Rostov-on-Don, Russia

shulgamm@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4698-5197

For citation: Avksentev V. A., Ivanova S. Yu., Shulga M. M. Representations of the ethno-political situation in the North Caucasus in the regional media space. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 37–54. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.4; EDN: BXLQLT.

Abstract. The article presents the results of a content analysis of regional media, that was conducted within the framework of a pilot study of the methodology developed by the authors for analysing the problems and prospects for the formation of an all-Russian identity in the North Caucasus. The purpose of the study was to determine the structure and content of representations of the ethno-political situation in the North Caucasus in the media space of the region. The relevance of ethno-political issues in the North Caucasus is due to the fact that this is a frontier region, which, due to its geographical location, ethnic, religious and cultural characteristics, is an arena of various internal and external challenges. Monitoring the ethno-political situation is an important area of research, both in theoretical and practical terms. One of the technologies of such monitoring is the analysis of representations of the ethno-political situation in the political discourse of the region. The political discourse of regional media is a thematically focused, socially conditioned system of news, analytical, and prognostic materials in regional media that builds a political picture of the world. Representations are the content of information messages on media resources of the constituent entities of the Russian Federation in the North Caucasus. The documentary base of the study consisted of 1,656 information messages posted on leading information portals and in non-ethnic media outlets of the con-

¹ **Acknowledgements.** The publication was prepared within the framework of the Fundamental and Applied Research Program “Ethno-cultural Diversity of Russian Society and Strengthening of All-Russian Identity”, State Assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, No. 123111700015-8.

stituent entities of the Russian Federation in the North Caucasus Federal District in April–June 2023. Five semantic categories of analysis were defined: 1) the practices used to strengthen the all-Russian identity; 2) politicisation of ethnicity; 3) the influence of foreign diasporas of the North Caucasian peoples; 4) threats and risks in the sphere of humanitarian security; 5) threats and risks in the sphere of socio-political security. The analysis of representations of the ethno-political situation in the political media discourse of the region allowed us to determine what kind of worldview is created and constructed by regional media: 1) prevails positive content about new practices of forming an all-Russian civic identity in the region, new traditions and rituals associated with the heroes of the North Caucasus Military District prevails; 2) potential risks of destabilisation of the socio-political situation in the North Caucasus are associated with the impact of the information war on the population, primarily young people; the growing threats of increased extremist and terrorist activity; problems of religious security in the region, which are presented in the media space in a very fragmentary manner.

Keywords: North Caucasus, ethno-political situation, political discourse, representation, media space of the region, practices of strengthening all-Russian identity, threats and risks in the sphere of human security, threats and risks in the sphere of socio-political security

References

1. Abdulkadyrov Y. N. Russian Caucasus: Challenges for Ethno-Political Safety. *Manuscript*, 2020: 13(12): 195–199 (in Russ.). DOI: 10.30853/mns200566; EDN: EJFFUE.
2. Achkasov V. A. North Caucasus: multifactoral ethnopolitical tension. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 12: Politicheskie nauki*, 2021: 1: 33–48 (in Russ.). EDN: HVKZKL.
3. Baybatyrova N. M. Political discourse of the Astrakhan regional media. *Zakon i vlast'*, 2021: 1: 3–5 (in Russ.). EDN: QQYHIP.
4. Uzunov V. V. Factors of social consolidation in regional communities in the South of Russia. *Caucasian Science Bridge*, 2021: 2(4): 56–70 (in Russ.). DOI: 10.18522/2658-5820.2021.2.5; EDN: CNSSYS.
5. Usmonov R. A. Political discourse in the language of culture: content and functions. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura*, 2016: 7(1-2): 46–57 (in Russ.). EDN: IBIEAA.
6. *Chernyavskaya V. E.* Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdejstviya [Discourse of power and power of discourse. Problems of speech influence]. Moscow, Flinta, 2006: 128 (in Russ.).

The article was submitted on: April 19, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktor A. Avksentev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Conflict Studies

Svetlana Yu. Ivanova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher of Laboratory of Conflict Studies

Marina M. Shulga, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Laboratory of Conflict Studies

ТЕМА НОМЕРА

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ: ДИАЛЕКТИКА ИННОВАЦИОННОГО И ТРАДИЦИОННОГО

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.5

EDN: BDLXCD

Православный активизм в восприятии населения региона: основные фреймы

Ссылка для цитирования: Богатова О. А., Долгаева Е. И. Православный активизм в восприятии населения региона: основные фреймы // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 3. С. 55–78. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.5; EDN: BDLXCD.

For citation: Bogatova O. A., Dolgaeva E. I. Orthodox activism as perceived by the population of the region: main frames. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 55–78. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.5; EDN: BDLXCD.

SPIN-код: 4533-7204

Богатова Ольга Анатольевна¹

¹Национальный исследовательский Мордовский государственный университет, Саранск, Россия

bogatovaoa@gmail.com

SPIN-код: 5275-1016

Долгаева Евгения Ивановна¹

¹Национальный исследовательский Мордовский государственный университет, Саранск, Россия

ewgiv@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлены результаты качественного социологического исследования православного социального активизма и его социальных последствий, принятого авторами в рамках научно-исследовательского проекта «Социальные проекты Русской Православной Церкви». Анализ взаимного восприятия православных активистов и остального населения региона в аспекте реализации православных социальных инициатив позволяет выявить четыре основных фрейма восприятия в зависимости от степени осведомленности светских субъектов об их деятельности и установок на взаимодействие либо уклонение от него: партнерский, клиентский, стереотипизирующий и критический.

Партнерский фрейм характеризуется различной степенью заинтересованности постоянных и ситуативных (эпизодических) партнеров, клиентский – восприятием православных благотворительных организаций и групп помощи в качестве субститутов государственных учреждений социальной защиты или образования и преимущественным непринятием во внимание их религиозной специфики. Стереотипизирующий и критический фреймы, основанные на установке на дистанцирование от взаимодействия с православными активистами и различающиеся в зависимости от степени осведомленности от их деятельности, можно рассматривать в качестве форм негативной самоидентификации невоцерковленной или слабо воцерковленной частью регионального социума своей светской субъектности по отношению к православным активистам как носителям альтернативных ценностей и образа жизни. Стереотипизирующий фрейм характерен для граждан, не осведомленных о внекультурной деятельности активистов (включая как неверующих, так и верующих, идентифицирующих себя в качестве православных), критический – для разочарованных активистов.

В качестве ограничения для институционализации православной социальной деятельности авторы выделяют негативное отношение потенциальных волонтеров и активистов к установке на их воцерковление как подчинение религиозной. Тенденция к усвоению православных семейных ценностей и образа жизни характерна лишь для части сотрудников партнерских государственных организаций, должностные обязанности которых связаны с реализацией социального проекта повышения рождаемости. В целом отношение к православным инициативам невоцерковленных или слабо воцерковленных клиентов, партнеров, потенциальных или бывших активистов характеризуется направленностью на разделение религиозной и социальной активности и отсутствием готовности к подчинению религиозной дисциплине во внекультурной сфере.

Ключевые слова: социальный активизм, социальное служение, религия, православные активисты, религиозные организации, региональный социум, социальные инициативы, социальные фреймы

Введение

В этой статье рассмотрена проблема восприятия православного социального активизма невоцерковленными или слабо воцерковленными людьми в регионах Приволжского федерального округа. Православный активизм рассматривается нами в качестве одной из форм социального активизма, реализуемой под контролем организационных структур Русской православной Церкви. Такого рода активизм является составной частью ее социального служения (диаконии) и других социальных инициатив, реализуемых в соответствии с «Основами социальной концепции Русской Православной Церкви» (благотворительность, служение в больницах, анти-абортное движение и др.).

Данная статья построена на данных, полученных в ходе исследования, проведенного в 2019 г. среди населения Республики Мордовия и соседних регионов Поволжья. Предметом исследования является взаимодействие православных активистов и населения региона, включая различные его категории – клиентов, партнеров и посторонних людей (узнающих о деятельности православных активистов главным образом из местных

средств массовой информации или опосредованной межличностной коммуникации). Данные полевого исследования позволили сделать общие выводы о фреймах взаимного восприятия и взаимодействия православных активистов и регионального социума с «инсайдерской» и «аутсайдерской» точек зрения, которые остаются актуальными в настоящее время.

Целью настоящей статьи является выработка характеристик *взаимного восприятия как определяющего фактора взаимодействия православных активистов и остального населения в современном секулярном обществе.*

Краткий обзор литературы по проблеме

Общий социокультурный фон деятельности конфессиональных активистов в развитых странах современного мира религиоведы характеризуют, как правило, в терминах неустойчивой – «номадической» или «размытой» [21; 26] религиозности, проблематизируя как аффилиацию современных верующих с конкретными религиозными сообществами, так и границы между исповеданием религии и нерелигиозным состоянием [25].

Дискуссии о социальных функциях и последствиях конфессионального активизма в современном обществе ведутся в рамках теорий секуляризации, множественных модерностей либо постсекулярного направления современной политической философии, основной тезис которого К. Штекль сводит к идее Дж. Ролза и Ю. Хабермаса о том, что «идеология секуляризма не является неотъемлемой частью либерализма», а «исключать религию из публичной полемики недемократично и нелиберально» [17, с. 76].

Д. А. Узланер пишет о «постсекулярном повороте» на основании таких тенденций, как появление «новых гибридных форм», проблематизирующих жесткую дихотомию светских и религиозных институтов [19, с. 12]; деприватизация, политическое использование религии в современном мире [20, с. 183–184]; формирование «новой ситуации плюрализма» [19, с. 254], демонстрирующей развитие различных конфессиональных традиций. А. И. Кырлежев относит к признакам «постсекулярного поворота» в современном обществе снижение авторитета сциентизма, тенденцию к признанию государствами особых прав конфессиональных и этнорелигиозных групп, прогрессирующую медиатизацию религий, в том числе не затронутых секуляризацией [17, с. 37–39].

При отсутствии в религиоведческом сообществе консенсуса в определении таких понятий, как «светскость», «секуляризация» или «постсекулярное общество» [1, с. 140–141], одни и те же социальные явления и тенденции могут интерпретироваться в качестве показателей как продолжения процессов секуляризации, так и принципиального изменения ситуации в отношениях религии и общества.

Так, М. Ю. Смирнов отмечает в качестве доминирующей тенденции и признака продолжающейся секуляризации инструментализацию религии индивидами и институтами. С его точки зрения, современные «гибридные»

светско-религиозные практики не являются чем-либо новым и специфичным, а процесс секуляризации в настоящее время «в большей мере относится не к институтам хозяйства, государства и общества в их отношениях с религией, а к сознанию, к мировоззренческому выбору, к убеждениям», а также к изменению «форматов присутствия религии в мире» [18, с. 149]. В то же время Р. Н. Лункин определяет предполагаемые последствия реализации социальных и культурных инициатив в виде формирования «религиозно мотивированной солидарности в соединении с гражданской активностью» в постсекулярной перспективе как основу кристаллизации автономных сегментов гражданского общества и реполитизации «социальной религиозности» [14, с. 77–78].

Другие зарубежные и отечественные исследователи более сдержанно характеризуют наметившуюся тенденцию к сотрудничеству современных государств с конфессиональными социально ориентированными НКО как следствие заинтересованности политиков в использовании религии в качестве института социального контроля в условиях растущего культурного многообразия и глобализации [22; 24, с. 45], а также инструмента аутсорсинга социальных услуг в неолиберальной парадигме. Социологи отмечают аналогичные тенденции в современной России в контексте культурного «симбиоза» с государственной властью [23, с. 44].

Социологические данные, характеризующие современное восприятие религии как социального института и мировоззрения в массовом сознании, скорее подтверждают «тезис секуляризации», чем противоречат ему: так, Р. Инглхарт на основании результатов нескольких волн Всемирного исследования ценностей в XXI в. констатировал необратимую, по его мнению, тенденцию к снижению значения религии в развитых странах, объясняя ее изменением репродуктивных установок населения и реакцией на политизацию религии [8, с. 212]. Тенденцию к «снижению уровня и степени религиозности с повышением атеистических настроений» на протяжении последнего десятилетия в России, особенно среди молодежи [12, с. 103], впервые за постсоветский период отмечает Е. А. Кублицкая.

Как и оценки вектора тенденций «секуляризации / десекуляризации», критерии степени религиозности в современных социологических исследованиях во многом зависят от концептуализации основных понятий. Определение религиозности индивида в качестве «не столько синонима принадлежности его к одной из культур-контрагентов (конфессиональной) в противовес другой (светской), сколько знака его принадлежности к обеим данным культурам» [13, с. 162] дает С. Д. Лебедев, исходя из «взаимного дополнения субъективного признака религиозности (религиозная и конфессиональная самоидентификация) и ее объективного признака» [13, с. 164] – воцерковленности, степень которой, с его точки зрения, «не играет принципиальной роли» для оценки религиозного статуса индивида.

В дальнейшем мы будем придерживаться этого подхода, на наш взгляд, дополнительно валидизируемого представленными ниже данными исследований о том, что индивидуальная православная самоидентификация реальных или потенциальных партнеров или клиентов

православных активистов далеко не всегда сопровождается институционализацией (воцерковлением) и усвоением нормативных конфессиональных представлений о взаимных обязательствах Церкви и верующих.

В Мордовии как регионе, к населению которого относилось большинство респондентов полевого исследования, замер религиозности, произведенный в 2017 г. среди студенческой молодежи, показал довольно высокий уровень православной религиозной самоидентификации (72,8% респондентов) в то время как 5% считали себя верующими, не определившись с конфессиональной принадлежностью, 5,5% еще не сделали выбора между верой и 9,8% считали себя неверующими [5, с. 193]), наряду с низкой степенью воцерковленности. Посещали богослужение не менее одного раза в месяц всего 13,1% респондентов, относивших себя к православным, а причащались – 4,1%. Большинство православных студентов причащались либо «не реже раза в год, по большим праздникам» (30,8%), либо «реже, чем раз в год» (30,5%), при этом 15,4% из них исповедовались и причащались перед началом сессии [5, с. 198].

К российскому социальному активизму методологию фрейм-анализа, автором которой является И. Гофман [7] впервые применила К. Клеман, охарактеризовавшая в своем исследовании целый ряд «активистских» и «обывательских» фреймов, а также факторы их «рефрейминга» [9]. С ее точки зрения, активисты, в противоположность «обывателям» («приватным акторам»), занимаются общественными, а не только личными делами, стремясь «придать публичность своим требованиям и действиям», а также изменить принятые в обществе правила [9, с. 61].

Сходные по смыслу определения социального активизма предлагают другие российские и зарубежные исследователи. И. А. Климов усматривает основные характеристики активизма в «ситуативной или же регулярной склонности, интересе к добровольному участию в коллективных действиях» и способности «выступить в качестве социального новатора, когда нужно доказать необходимость нового правила» или выступить с инициативой по изменению действующих норм, каковые «препятствуют решению проблемы, с которой им приходится иметь дело» [10, с. 201–216]. Аналогичной точки зрения придерживается А. В. Невский, выделяющий наряду с признаками, объединяющими волонтеров и активистов (по преимуществу безвозмездная деятельность, направленная «на благо людей, с которыми у волонтера нет семейных или устойчивых дружеских связей» и «формальное организационное участие, которое позволяет исключить из исследования работу по дому или неформальную дружескую помощь» [15, с. 36]), также критерий разграничения между волонтерством как поддерживающей активностью и гражданским активизмом как деятельностью по инициированию изменений существующих правил [15, с. 43]. Следовательно, именно инновационная функция, с точки зрения ученого, отличает активиста от волонтера, действующего ради общего блага в рамках существующих правил.

Методология и эмпирическая база исследования

В дальнейшем мы проанализируем основные фреймы восприятия православного социального активизма в провинциальном социуме, исходя из сформулированной в рамках драматургической социологии И. Гофмана концепции социальных фреймов как разделяемых в сообществах людей схем интерпретации социальных ситуаций и организации взаимодействий на основе этого понимания [7, с. 70], интеракционистской теории социального поведения Г. Блумера, теорий секуляризации и постсекуляризма. Выбор терминологии И. Гофмана обусловлен его интерпретацией функциональной специфики фреймов, которые, по мысли исследователя, представляют собой конвенциональные схемы поведения в ситуациях взаимодействия «лицом к лицу» в определенных социальных контекстах и носят устойчивый характер, являясь частью упорядоченной социальной организации [7, с. 473–474].

Г. Блумер понимает социальное взаимодействие как элементарную форму коллективного поведения, для которой характерна взаимная стимуляция (круговая реакция) действий социальных субъектов [2, с. 94], в свою очередь, предполагающая их взаимное восприятие (перцепцию). Обобщая идеи Блумера, можно заключить, что он рассматривает восприятие как в узком смысле («простое восприятие» субъектов и обстоятельств взаимодействия на уровне практического мышления, в противоположность их понятийному определению как «мысленному схватыванию» [3, с. 301]), так и в широком, в качестве «двустороннего процесса определения и интерпретации», опосредованного не только практическим опытом субъектов, но также культурными символами и социальными установками, образующими «схемы интерпретации», аналогичные фреймам И. Гофмана.

Применение интерпретативных схем характеризует символическое взаимодействие в качестве двустороннего процесса, который «как поддерживает установленные паттерны совместного поведения, так и открывает их для трансформации» [4, с. 287]. Вместе с тем групповой характер социальных паттернов способствует усвоению индивидами интерпретативных схем, не основанных на непосредственном опыте взаимодействия, в том числе способствующих уклонению от него (негативные стереотипы, предубеждения, предрассудки, предубеждения).

Эмпирическую базу исследования составили данные качественных исследований, предпринятых в рамках научно-исследовательского проекта «Социальные проекты Русской Православной Церкви»¹. В 2019 г. в Республике Мордовия авторами были взяты 13 интервью с экспертами, включая самих православных активистов, руководителей управленческих структур Саранской епархии, представителей бюджетных учреждений и общественных организаций, 9 полуструктурированных интервью с родственниками детей, отдыхавших в православном детском лагере «Солнечная Мордовия», а также проведены открытые групповые

¹ Грант РФФИ 18-011-00598.

дискуссии с активистами районной православной группы помощи и их партнерами из числа сотрудников бюджетных учреждений в Ичалковском районе Республики Мордовия ($n = 5$) и членами Союза православной молодежи Республики Мордовия ($n = 5$) и две фокус-группы с представителями невоцерковленной или слабоцерковленной молодежи (ФГ-1 – 7 человек, ФГ-2 – 6).

В фокус-группах участвовала молодежь Республики Мордовия и других регионов, включая студентов заочной формы обучения из близлежащих областей: в первой фокус-группе – из Нижегородской (1 чел.) и Московской (1) областей, во второй фокус-группе – из Нижегородской (1) и Ульяновской (1) областей. Рекрутирование участников осуществлялось по признакам возраста (не более 30 лет) и непосещения ими храмов Русской православной Церкви. В дальнейшем мы используем категоризацию высказываний как невоцерковленных респондентов, так и самих православных активистов в соответствии с задачами анализа, уделяя особое внимание моментам совпадения их содержательных и оценочных аспектов по принципу триангуляции источников социальной информации.

Результаты исследования

Политика руководства Мордовии, заключающаяся в ее использовании в качестве «пилотного региона» для реализации трансформационных социальных проектов, распространяется и на церковные инициативы, судя по тому, что республика первым из субъектов Российской Федерации приняла закон, запрещающий «склонение» к абортам (Закон Республики Мордовия «О запрещении склонения к искусственному прерыванию беременности на территории Республики Мордовия» от 2 августа 2023 г.). Задолго до его принятия в регионе действовал православный благотворительный фонд, входивший во всероссийскую ассоциацию, основным направлением деятельности которого, наряду с помощью «кризисным женщинам» и бедным семьям, была антиабортная пропаганда.

По словам руководителя фонда, ее общественная деятельность началась именно со сбора подписей в поддержку законопроекта о запрете финансирования абортов за счет средств ФОМС, благотворительность же она рассматривала как средство реализации этой инициативы:

– Моя деятельность началась с того, что, когда я воцерковилась, Слава Богу, я, пришла к вере, к Богу и ко мне подошел мальчик в храме и сказал: «Давайте собирать подписи за запрет абортов». <...> И когда уже я стала заниматься подписями, люди говорили вот: «Лучше накормите, лучше помогите, вам легко говорить. Лучше помогите тем женщинам, да им там пачку макарон или питание детское не на что купить». Стала задумываться, а ведь как хорошо, действительно сделать такой склад, и, как раз, вот именно, вот Господь послал мне такое сообщение, что по конкурсу, синодального отдела по благотворительности и соци-

альному служению, делаются такие, значит, даются, выделяются такие деньги, потому что это одно из основных направлений церкви – борьбы с абортами (эксперт, руководитель благотворительного фонда).

К активизму можно отнести инициативы по изменению содержания или организационно-правового формата деятельности, например, создание на базе группы помощи «Доброделание» благотворительного фонда «Благотворец» (2021) и организацию дополнительных активностей местных благотворительных групп (вовлечение в них детей в качестве воспитательной деятельности, концерты в домах престарелых, больницах и т. д.). Эти инициативы одновременно создают и возможности перехода от «обывательского» к «активистскому» фрейму и образу жизни, и «гибридные» форматы социальной помощи, одновременно светские и конфессиональные по содержанию и по интерпретации (например, православных волонтеров из числа школьников, помогающих одиноким пожилым людям, сами активисты называют «тимуровцами»). В качестве альтернативы личному участию православная благотворительность в Мордовии может включать сбор пожертвований для оказания адресной помощи нуждающимся благотворительными фондами и группами помощи в денежной или натуральной форме [6].

Анализ данных фокус-групп и групповых дискуссий позволяет классифицировать фреймы восприятия православных активистов и их деятельности в региональном социуме в зависимости от таких критериев, как атрибутивные (степень осведомленности и представления о содержании деятельности) и установочные (поведенческие) характеристики участников взаимодействий. В качестве основных можно выделить партнерский и клиентский фреймы, ориентированные на взаимодействие, а также стереотипизирующий и критический фреймы, в которых доминирует установка на уклонение от взаимодействия.

1. Основу *партнерского фрейма* составляют уверенность субъектов взаимодействия в полезности и универсальной нематериальной ценности деятельности как партнера, так и своей собственной, в аспекте общего блага и одновременно частных интересов обеих сторон. В качестве партнеров православных активистов, как следует, в частности, из приведенного примера с пролайфистским активизмом, выступают государственные, государственно-общественные (например, фонды поддержки социально ориентированных НКО) и политические элиты – на уровне субъектов РФ. Такого рода взаимодействия Б. К. Кнорре относит к результатам реализации «миссионерской VIP-стратегии Московской патриархии» [8, с. 50], которая донесла до российских элит послание о партнерской миссии Русской православной Церкви в контексте проекта консервативной модернизации и культурализации православия [11, с. 52].

Д. А. Орешина, П. В. Батанова, И. В. Забаев, Е. Л. Павлюткина, в свою очередь, отмечают, что в программных документах РПЦ, в том числе «О принципах организации социальной работы в РПЦ», наряду с общими положениями о «сотрудничестве Церкви и государства» [16, с. 34],

«особое внимание уделяется вовлечению сотрудников государственных учреждений социальной сферы (врачей, учителей, соцработников) в церковное социальное служение» [16, с. 37]. Таким образом, на структуры социального служения РПЦ были возложены задачи как участия в разгосударствлении социальных услуг, так и пропаганды традиционных ценностей, которые служили бы обоснованием этой социальной трансформации [6, с. 91].

Такого рода установки на региональном уровне реализуются и в Мордовии. В некоторых случаях это происходит по инициативе республиканских органов власти. Так, руководитель Кабинета медико-психологической и социально-правовой помощи женщинам «Кризисный центр» Мордовской республиканской ЦКБ отметила, что, хотя большинство сотрудниц Кризисного центра не относят себя к воцерковленным (*«глубоко прямо верующих у нас была вот одна сотрудница, она сейчас в декрете»*) (эксперт, психолог), в своей работе они исходят именно из православных семейных ценностей, предлагая женщинам в процессе доабортного консультирования сохранить беременность и в случае необходимости принять благотворительную помощь православных НКО:

– Мы сотрудничаем, например, с [руководителем православного благотворительного фонда], у нее гуманитарный склад тоже, если у нас какие-то случаи нужды, не хватает коляски или кровати для женщины, то мы тоже ей звоним. Опять же с иереем из Саранской епархии тоже стараемся сотрудничать. Поэтому да, связи стараемся наладить. Психолог всегда проводит доабортные консультации, все это по закону мы обязаны делать. Психотерапевт иногда подключается к этим вопросам. Ну и юрист плюс может какую-нибудь юридическую поддержку оказать (эксперт, психолог).

Эта деятельность характеризует сотрудников Кризисного центра именно в качестве партнеров, а не активистов, так как он осуществляется на основе должностных обязанностей и административных договоров с Саранской епархией (*«с православной Церковью, с социальным отделом у нас заключен договор о совместной работе, где они у нас, в принципе, основное звено по оказанию материальной помощи, гуманитарной помощи в сборе одежды»*) (эксперт, руководитель кризисного центра). Эксперт рассказал о просветительской работе среди молодежи с использованием православных агитационных материалов в образовательных учреждениях и женских консультациях:

– Работа с молодежью ведется очень большая у нас по семье: семейные ценности, традиции православной жизни, но и не только по православной жизни читаем лекции. Читаем лекции в основном на базах колледжей и техникумов, почему объясню: как раз весь поток детей с районов у нас там идет. Детки живут у нас там в своей сфере, а здесь нас знают все комиссии по делам несовершеннолетних, мы с ними очень большую работу проводим. Детки, которые подучетные, там с родителями их собираем и тоже беседуем. В беседах у нас как обычно врач –

акушер-гинеколог, мы с подростковым клубом доверия работаем очень сильно хорошо, где-то уже направляют поддержки очень много (эксперт, руководитель кризисного центра).

Для республиканского министерства труда и социальной защиты населения и его подведомственных организаций, а также районных социальных отделов сотрудничество с православными организациями и группами помощи заключается в обмене информацией о клиентах на оказание им помощи за счет частных, а не бюджетных средств. Поэтому органы социальной защиты охотно направляют, например, нуждающихся в помощи молодых матерей на «гуманитарный склад» благотворительного фонда «Сохраним жизнь» в Саранске, что приводит к определенному взаимному непониманию сотрудников фонда и клиентов:

– И самое смешное, [сотрудница благотворительного фонда] говорит: «Пожалуйста, позвоните в комплексный центр соцзащиты, чтобы они нам не отправляли женщин». <...> А мы, мы объясняем, некоторые ведь приходят женщины, ведь они есть разные. Есть и скандальные, они есть и агрессивные. <...> Еще с советских времен: так, нам положено, не положено. Почему так мало дали и так далее (эксперт, руководитель благотворительного фонда).

На локальном уровне партнерство между православными группами помощи и органами местного самоуправления основывается на взаимной заинтересованности в сотрудничестве в процессе решения общих социальных и воспитательных задач:

– Да, мы с ними сотрудничаем, и друг другу помогаем. Они нам предоставляют списки лиц, нуждающихся в помощи, семей, которые сами стесняются обратиться. Мы к ним выезжаем, предлагаем помощь, в том числе в оформлении документов. Поэтому я считаю, что надо сотрудничать. Эти организации действительно ближе к народу (ФГ-1, ж., 29 лет, социальный педагог, православная).

Кроме органов государственной и муниципальной власти, в качестве партнеров православных активистов эксперты называли и неконфессиональные НКО, в том числе всероссийский благотворительный фонд «Радость моя» и объединение многодетных семей Мордовии «Многодети». Такие относительно устойчивые партнерские отношения, основанные на общности целей, можно охарактеризовать как регулярное партнерство в противоположность ситуативному партнерству с предпринимательскими организациями, региональными СМИ или отдельными жертвователями.

Ситуативный партнерский фрейм сводится к эпизодическому взаимодействию с целью получения взаимных выгод, материальных или нематериальных (снижение налогов, сокращение издержек, информационные поводы, поддержка репутации и т. д.). Ограничения «ситуативного» партнерства связаны именно с частным интересом благотворителя, который иногда вытесняет цель достижения общего блага. Участница фокус-группы,

дочь священника, предложила основанную на собственном опыте типологию частных благотворителей, противопоставляя тех из них, кто руководствуется эмпатией или надеждой на «искупление», остальным, которые, по ее мнению, ищут в этом партнерстве прежде всего личной выгоды:

– Я могу судить об этом по деятельности своего отца. Как ни странно, большинство людей, которые помогают с финансированием тех же самых кружков для детей из детских домов – это чаще всего люди, которые в 1990-е были какими-то бандитами, и сейчас они пытаются найти какое-то искупление. И сейчас они неплохо в жизни устроены, но многие из них сами когда-то переживали сложные ситуации. То есть, они знают, что другим правда нужна помощь. Что это не просто детям в детский дом нужно одежду привезти, а важно человеческое общение, чтобы с ними кто-то себя как с нормальными детьми вел. Поэтому они помогают. А есть еще люди, которым важно галочку, что ли, поставить, которые для собственной самооценки, своего какого-то эгоизма.

С тем же детским домом у нас была такая история. Хотели привезти уже после Нового года и Рождества ближе к концу января какие-то самые дешевые конфетные подарки им туда. Мой папа говорит: если вы хотите помочь, то директор детского дома сказал, что им нужна техника: музыкальный центр и еще что-то, не помню уже. Они говорят: нет, мы хотим вот такие подарки. Он: а зачем? Они: нам надо фотографии сделать для отчета – что вот, мол, мы раздали подарки каждому ребенку. А то, что этих подарков им уже к этому времени много привезли, это все неважно (ФГ-2, ж., 21 год, православная, студентка).

2. Клиентский фрейм связан с ожиданиями односторонней помощи со стороны православных активистов вследствие отсутствия у клиента либо ресурсов для партнерского взаимодействия, либо партнерских установок. Сами активисты, категоризируя клиентов, выделяют нуждающихся в «периодической и постоянной помощи» (эксперт, руководитель группы помощи), а также добросовестных и недобросовестных клиентов («мошенников»).

«Периодическую помощь» они оказывают семьям, которые находятся в трудной жизненной ситуации временно, в результате стечения обстоятельств, к числу которых в Мордовии может относиться, например, рождение очередного ребенка при наличии непоплаченных кредитов. Постоянные клиенты – люди, неспособные самостоятельно решить свои проблемы, например, инвалиды, дети-сироты, дети с особенностями развития:

– Вот допустим, инвалид В. На его примере. У нас ежедневно к нему ходят люди. Почему ходят? Потому что у него практически гангрена, он отказывается от ампутации, и врачи сказали, что тогда к нему ходить не будут (эксперт, начальник отдела молодежного служения Саранской епархии).

Недобросовестные клиенты, по описанию православных активистов – люди, которые стремятся стать односторонними получателями помощи в качестве альтернативы заработку. Существование такой социальной категории делает неизбежной проверку их реальной жизненной ситуации – либо через личный контакт, либо через официальные запросы в органы власти и местного самоуправления. Так как эта деятельность требует официальной регистрации в статусе юридического лица, она становится отправной точкой бюрократизации социального служения:

– Существует определенный список документов, которые нужны при поступлении к нам. Мы эти документы проверяем. Если болящий ребенок, мы можем позвонить в поликлинику, можем узнать через участковых, можем посмотреть через социальные службы. Как выяснилось, много наших участников работают в разных сферах, вплоть до того, что некоторые есть даже в Доме правительства (эксперт, руководитель группы помощи).

В качестве проблемы активисты рассматривают «мошенничество» клиентов, относя к числу «мошенников» как профессиональных преступников, занимающихся обманом на доверии, так и трудоспособных людей, которые пытаются жить за счет благотворительной помощи:

– К нам обращаются по Мордовии. Дальше Мордовии мы не помогаем, потому что сложно проверить информацию – очень много мошенников. Есть мошенники, есть потенциально нуждающиеся, и есть люди, которые садятся на шею, начинают шантажировать своим положением, начинают нас «трясти» (эксперт, руководитель группы помощи).

– Я не собираю, как там «Доброделание», каких-то справок, я просто общаюсь с человеком и принимаю решение, будем мы ему помогать или нет. К сожалению, к благотворительности многие хотят присоединиться, чтобы получать просто так (эксперт, руководитель православного сестричества).

Сотрудники православного благотворительного фонда характеризуют фрейм восприятия их деятельности клиентами как «советский», т. е. основанный на осознании своих социальных прав в качестве ценности социального государства. По их словам, клиенты склонны рассматривать благотворительную помощь в качестве не добровольной, а обязательной:

– Мы объясняем: «Девочки, дорогие, мы только то, что благотворители дают, мы даем вам, мы не государственное учреждение, мы держимся на людях доброй воли, пожертвованиях благотворителей. Помолитесь за них, пожалуйста, чтобы у нас была вообще соборная молитва по соглашению» (эксперт, руководитель благотворительного фонда).

Таким образом, клиентский фрейм включает восприятие православных благотворительных организаций и групп в качестве субститута или даже структурного элемента государственной системы социальной защиты. Самих себя клиенты идентифицируют в качестве сторонних получателей социальных услуг, а не членов одного с благотворителями сообщества.

Условием их удовлетворенности в этой роли становится эквивалентность объема и качества услуг, оказываемых институтами, поддержанными государством. Это хорошо заметно на примере родителей детей из «социальной смены» православного лагеря «Солнечная Мордовия», которым путевки в лагерь были предоставлены Минтрудсоцзащиты Мордовии на выбор с другими местами отдыха:

– Нам путевку сюда оплатило государство, так как моя семья малообеспеченная, и нам предложили поехать либо сюда, либо в «Орленок». <...> Мы выбрали этот лагерь, потому что отзывы хорошие о нем. Я слышала от знакомых своих много. Говорили, что очень хороший лагерь, что лучше сюда (Мама).

Родители предпочитают «Солнечную Мордовию» не из-за религиозного воспитательного компонента (посещение богослужения, молитвы, исповедь), который не является обязательным для всех детей, а из-за качества отдыха и воспитательной работы, в дополнение к которым они положительно относятся к выполнению лагерем его религиозной миссии. При этих условиях они характеризуют элементы религиозной дисциплины даже в качестве одного из конкурентных преимуществ лагеря, наряду с остальными:

Р. Ребенок из других лагерей, из санатория обычно на третий, на четвертый день домой просился. А сейчас здесь он с удовольствием отдыхает.

И. А что ребенка привлекает больше всего?

Р. Да особенно ничего, но, по крайней мере, не жаловался.

И. А как Вы относитесь к тому, что это лагерь православный?

Р. Ну, это, с одной стороны, хорошо все-таки в какой-то степени, может быть. И ребяташек дисциплинирует, ну, надеюсь, что последствия будут лучше (Бабушка ребенка, отдыхающего в православном детском лагере).

Как показали фокус-группы с невоцерковленной молодежью, позитивный опыт клиента православной благотворительности в детстве формирует положительное отношение к Церкви, но это не обязательно опыт воцерковления:

– У меня был опыт, когда с нашей школой сотрудничал Макаровский [Макаровский Иоанно-Богословский монастырь в с. Макаровка, ГО Саранск] мужской монастырь. И нас, опять же с благими побуждениями направляли в монастырь, на какие-то службы, на пасхальную службу, которая идет всю ночь. Я не скажу, что мы цеплялись за каждую возможность выбраться из детского дома, и мир посмотреть. Но мы были рады уехать хоть куда-нибудь. И мы приезжали в монастырь и... нас кормили там... Там был красивый стол пасхальный. <...> А еще мы участвовали в строительстве лагеря «Солнечная Мордовия». На лето нас отправляли во всякие санатории, детские лагеря, которые по сути были ужасные. А мне повезло. В последние три лета в детском

доме я уезжал в монастырь. Мой младший брат, его одноклассник и я ездили к одному священнику, жили там в келье, помогали ему с хозяйством, помогали в монастыре. И у нас было одно лето, когда мы строили этот лагерь, помогали строить (ФГ-2, м., 23 года, затруднился отнести себя к какой-либо религии, студент).

В то же время участники фокус-групп допускали возможность складывания общинных отношений между клиентами и православными благотворителями, считая, что они «ближе к людям» по сравнению с государством:

– Я считаю, что негосударственные организации ближе к людям находятся. То есть, больше понимают. А государство... естественно, у них там определенные законы, системы разные. И не всегда даже по закону деньги доходят до этих людей (ФГ-1, ж., 24 года, православная, медсестра).

3. *Стереотипизирующий фрейм* выявлен среди информантов, которые не стремятся ни сотрудничать с православными активистами, ни принимать их помощь. Как показывают анкеты участников фокус-групп, эти люди могут считать себя как верующими, так и атеистами или агностиками. В качестве верующих они не участвуют во внекультовой религиозной деятельности и часто не имеют о ней представления: на одной из фокус-групп модератору пришлось проинформировать их о деятельности группы «Доброделание», чтобы узнать их мнение о религиозной благотворительности в регионе.

Стереотипизация православного социального служения проявляется в сочетании неосведомленности с априорным приписыванием ему корыстных или девиантных с конфессиональной точки зрения мотивов: например, православные активистки жаловались на «недопонимание мужей, что “опять в свою секту пошла”» (эксперт, руководитель православного сестричества). Аналогичные предубеждения демонстрировали участники фокус-групп с невоцерковленной молодежью, независимо от отношения к религии:

– А что значит «православные организации»? Либо это Русская православная Церковь либо, если это организация православная, значит, это секта получается? (ФГ-1, ж., 29 лет, социальный педагог, православная).

– У меня была очень забавная история. Я когда заселялась в общежитие, я приехала раньше всех, а на следующий день приехала моя соседка. Нам повесили полки, она начала расставлять иконы, и я никогда раньше такого не видела. Я, конечно, видела в жизни иконы, я и в храме бывала, и крестили меня когда-то. И я подумала: сектантка. <...> Мы с ней стоим, она мне: а ты крещеная? Я думаю, ну все, точно сектантка! Куда бежать, куда себя деть, я вообще боюсь, сейчас еще квартиру у меня отнимет. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что она, во-первых, нормальная, во-вторых, адекватная, в-третьих, еще и не сектантка вообще. Я бы ее описала как обычного человека, обыч-

ную студентку. И вот так, глядя на нее из толпы ты никогда не скажешь, что она ходит в храм, помогает украшать его к какому-то празднику, а потом куда-то едет детей с праздником поздравлять в костюме Снегурочки (ФГ-2, ж., 21 год, студентка, атеистка).

Как выяснилось в дальнейшем, православная респондентка, поднявшая тему «сект», была хорошо осведомлена о приходской помощи нуждающимся и даже сотрудничала с православным духовенством по линии социальной защиты в оказании адресной помощи по приходским спискам, но с предубеждением относились к внеприходской социальной деятельности. Но аналогичные стереотипы они в ряде случаев демонстрировали и в отношении приходских священников:

– Вы знаете, когда я смотрю, как попы с дорогими часами ездят, и на богатых, дорогих, крутых машинах, я как-то начинаю задумываться – откуда у попа на такую машину? Почему у всех в этой стране деньги есть, а у меня их нет? <...> В чьи руки ни отдай – поделят пополам, и отдадут копейку (ФГ-1, ж., 21 год, православная, фрилансер).

– В церквях попы ездят на дорогих таких машинах, откуда же они их берут, не в церкви же? (ФГ-1, ж., 17 лет, православная, не работает).

– А Вы завидуете им: почему у меня нет такой машины! (ФГ-1, ж., 29 лет, социальный педагог, православная).

– Они же явно не в церкви зарабатывают деньги на такие иномарки? (ФГ-1, ж., 17 лет, православная, не работает).

Подобные высказывания демонстрируют предубеждения, распространенные в кругу общения респондентов, которых не интересуют альтернативные объяснения, например, распространенная практика служения сразу в нескольких храмах из-за нехватки священников. Так, одна из участниц фокус-группы, дочь священника из Ульяновска, сообщила: «Мой папа – настоятель в девяти храмах. Причем он сам из города, а его отправили в семь деревень, где строится семь храмов» (ФГ-2, ж., 21 год, православная, студентка), затронув проблему доверия к частной благотворительности вообще:

– Сейчас очень низкий социальный авторитет у таких организаций, потому что была пара-тройка скандалов из-за того, что средства не на то расходовались. И поэтому сегодня многие смотрят с оглядкой на такие организации, когда те говорят, что им нужны деньги. Не особо спешат давать им деньги (ФГ-2, ж., 21 год, православная, студентка).

Однако исследование выявило и другое стереотипное подозрение, связанное с деятельностью православных активистов, а именно в «фанатизме», под которым информанты понимают использование благотворительности в качестве предлога для обращения клиентов в свою веру:

– Везде есть как хорошие люди, так и плохие. Есть люди, у которых не все хорошо с психикой, которые очень фанатично к этому подходят. Есть люди, которые занимаются этим среди всего прочего, чем они занимаются в рамках Союза православной молодежи. <...> То есть, РПЦ

и православные организации именно для семьи могут сделать больше, чем государственные организации и какие-то органы. Но без фанатизма! Без этого вот «тебя ждет рай» и так далее. Просто делай добро людям, и тебе станет хорошо (ФГ-2, м., 23 года, затруднился отнести себя к какой-то религии, студент).

Если подозрения в незаконном обогащении могут проявляться в отношении представителей любой благотворительной или профессиональной деятельности, то такие негативные определения, как «секта» или «фанатизм», выступают маркерами негативной самоидентификации информантов по отношению к православным активистам как «другому» – носителю альтернативных ценностей и альтернативного образа жизни, пытающемуся принудительно распространить их за пределы своей среды. В целом можно заключить, что информанты из числа невоцерковленной молодежи готовы были взаимодействовать с активистами в их внеприходской деятельности в соответствии с секулярными институциональными нормами, помимо их религиозной миссии:

– К нам в школу тоже приходил батюшка, по-моему, даже единственный раз вообще. И я тоже как-то раз ходил в церковь. И этот батюшка, когда в школу пришел, то я бы сказал, что он был очень адекватным человеком. Он говорил без фанатизма. Он говорил о том, например, что пить нельзя. И прозвучал такой вопрос: «А вы сами в храме кагор раздаете, это тоже алкоголь». И он начал все подробно объяснять. Я бы сказал про него, что он обычный человек, рассудительный. И он не заставлял нас ходить в храм, просто говорил, что алкоголь, наркотики – это плохо. Я считаю, если кого-то заставляют ходить в храм – я считаю это фанатизмом (ФГ-2, м., 20 лет, агностик, студент).

4. Критический фрейм: от клиентов к активистам и обратно. Критический фрейм также характеризуется установкой на уклонение от взаимодействия с религиозными внеприходскими агентами, но уже на основании мнения, сложившегося в результате ознакомления с их деятельностью. Этот фрейм можно назвать фреймом разочарованного активиста.

В исследовании К. Клеман существенное внимание уделяется факторам трансформации «обывательского» конформистского фрейма в «активистский», заключающейся в переходе к скоординированным публичным действиям [9, с. 77]. Опрошенные православные активисты отметили, что группы помощи, в которых они участвуют, пополняются за счет клиентов, усваивающие активистскую ролевую модель:

– Люди, которым мы помогали, даже если это кризисные семьи, – они тоже становятся нашими волонтерами. Например, если у них вырастают дети, а вещи хорошие остаются – они их также приносят на Гуманитарный склад, приносят нам. И есть у нас группа тоже онлайн – «Доброделание», помощь мамочкам, это уже отдельно от гуманитарного склада, то есть они тоже могут предложить что-то во славу Божию (эксперт, руководитель группы «Доброделание»).

Обратная траектория выхода из совместной активности может быть обусловлена разными причинами, включая разочарование в ней, возраст, состояние здоровья и т. д. Критический фрейм формируется у бывших активистов, обнаруживших несопадение своих ожиданий от совместной волонтерской деятельности и представлений о мотивации ее субъектов с реальностью. Информанты из числа бывших православных активистов в качестве причин своего выхода называли недостаточную активность православной общественности и формализм, навязчивое миссионерство и нетерпимость («фанатизм»):

– Я – атеист, никогда не сталкивалась с религиозными людьми, среди моих знакомых нет набожных, воцерковленных людей. Но переехав в Саранск, я поселилась в общежитии с девочкой, которая очень в этом плане активная. Именно она мне рассказала, что такое движение существует, и о том, что в Саранске оно тоже есть. Она сама начинала там заниматься, но у нее все это не задалось. Потому что она сама активная, а движение, как здесь уже говорилось, не очень активное (ФГ-2, ж., 21 год, атеистка, студентка).

– Я очень много слышала об этом в рамках своей православной деятельности. Православная молодежь, православное волонтерство – вот это все. Да, они существуют, да, они что-то делают. Но деятельность их как таковая – она не ведется. Они просто в основном отчеты пишут. <...> И их деятельности тоже не видно и не заметно. <...> По факту, когда ты приходишь в движение в рамках храма, первое, что вся верхушка ждет, что люди все пришли воцерковленные, наизусть знают Библию, ходят на все службы, на причастие и на все это. Но они не ждут людей, которые абсолютно другие, например, такие, как я. Я не хожу на все это, я только хочу делать добрые дела. И многие такие люди просто уходят (ФГ-2, ж., 26 лет, православная, финансист).

Указанная респондентка подчеркнула, что не считает «фанатиками» всех православных активистов. Она предложила типологию, основанную на собственном опыте, разделив их на руководствующихся преимущественно религиозными («фанатики» и люди, имеющие религиозный опыт) или преимущественно этическими мотивами («молодежь» и верующие, которые действуют «по доброте душевной»):

– Часто общаясь с этими людьми, могу сказать, что они разные. Есть и голые фанатики – это совсем беда, мы их называем «православнотымыми». Там реально все плохо, мир черно-белый, и никаких серых пятен они не видят, все у них сводится к одному. Есть люди, абсолютно искренние, которые верят, но верят как-то по-доброму, и делают они все просто по доброте душевной. Есть люди, которые правда увидели чудо, и за счет этого делают доброе дело. То есть, реально увидели чудо и теперь хотят возместить это точно, адресно. Есть молодежь – это вообще отдельная категория, и там тоже есть разные люди. Есть тоже очень сильно ортодоксальные, которые совсем-совсем верующие. А есть обыкновенная молодежь, которая стремится делать что-то хорошее. Я как

человек, который во всем этом варился и варюсь, могу сказать, что мне интереснее люди второго типа, которые видели чудо (ФГ-2, ж., 26 лет, православная, финансист).

Другие информанты считали низкую социальную активность и эффективность общей проблемой социально ориентированных НКО в «бедном» регионе, где трудно задействовать социально активных людей при дефиците остальных ресурсов:

– Некоммерческие организации Мордовии в целом неэффективны, потому что у них финансирование недостаточное – это первое. Плюс энтузиазм на очень низком уровне. Это тоже, возможно связано с деньгами каким-то образом. Потому что если человек не может себя полностью профессионально посвятить этой деятельности, то толку не будет. <...> Бюджеты в этой сфере небольшие, многие организации перебиваются со дня на день, как говорится. Например, та же организация, которая занималась помощью гражданам в сфере ЖКХ. Почему они притихли сейчас? Просто им в течение четырех месяцев никаких средств не поступало (ФГ-2, м., 30 лет, православный, предприниматель).

Однако ориентация православных НКО на воцерковление волонтеров, с точки зрения бывших активистов, создает дополнительный входной барьер, отталкивая тех, кто не принимает этого условия:

– Когда пытаешься объяснить батюшке, что ты делаешь что-то не так по объективным причинам, например, я не могу идти на причастие, и вот это вот все – воцерковление, как таковое, обязательное. Но деятельность у меня постоянно велась. А при этом тебе постоянно бьют по шапке: так, товарищ, вы не воцерковлены, вы на службу не пришли, не-не-не (ФГ-2, ж., 26 лет, православная, финансист).

Заключение

Анализ фреймов взаимного восприятия православного социального активизма населением православного региона (согласно самоидентификации большинства населения) и самими активистами позволил свести их к четырем основным в зависимости от степени осведомленности аутсайдеров и установок на взаимодействие либо уклонение от него: партнерскому, клиентскому, стереотипизирующему и критическому. К факторам формирования и трансформации этих фреймов можно отнести: с одной стороны, институциональные условия (институциональную базу, условия предоставления помощи клиентам), с другой – результаты их деятельности на уровне взаимодействия с институтами и отдельными людьми в региональном социуме.

Партнерский фрейм характеризуется различной степенью заинтересованности постоянных и ситуативных (эпизодических) партнеров во взаимодействии с активистами. К постоянным партнерам можно отнести государственные и муниципальные институты, заинтересованные в помощи

со стороны Церкви в разгосударствлении системы социальной защиты населения и решении демографических проблем посредством пропаганды традиционных семейных ценностей, а также благотворительные НКО к ситуативным – бизнес-агентов как партнеров в сфере благотворительности и информационного обмена и отдельных жертвователей. В действиях постоянных партнеров доминирует мотив общего блага, ситуативные партнеры в основном руководствуются частными интересами.

Социальный фрейм клиентов (ситуативных либо постоянных, по характеристике активистов) характеризуется восприятием православных благотворительных организаций и групп помощи в качестве субститутов государственных учреждений социальной защиты или образования и непринятием во внимание их религиозной специфики. В свою очередь, православные агенты подкрепляют этот фрейм, будучи вынуждены осваивать бюрократические процедуры проверки обоснованности адресного оказания помощи клиентам и действовать в «светской» институциональной рамке.

Стереотипизирующий и критический фреймы, основанные на установке на дистанцирование от взаимодействия с православными активистами и различающиеся в зависимости от степени осведомленности от их деятельности, можно рассматривать в качестве форм самоописания невоцерковленной или слабо воцерковленной частью регионального социума своей светской субъектности по отношению к православным активистам как носителям альтернативных ценностей и образа жизни, определяемых респондентами в девиантных категориях («секта», «фанатики») в случае их пропаганды за пределами конфессиональной среды. Если стереотипизирующий фрейм характерен для респондентов (включая как неверующих, так и верующих, идентифицирующих себя в качестве православных), судящих о внекультовой деятельности активистов на основе предубеждений, то критический – для разочарованных активистов, различающих нерелигиозные мотивы православных активистов и их партнеров от религиозных («видели чудо», «пытаются найти искупление»).

В связи с этим следует отметить в качестве ограничения для институционализации православной социальной деятельности негативное отношение потенциальных волонтеров и активистов, клиентов и партнеров к установке на их воцерковление как «добровольное признание человеком влияния Церкви через усвоение установленного в ней образа жизни и образа мыслей» [20, с. 18]. Тенденция к усвоению православных семейных ценностей и образа жизни характерна лишь для части сотрудников партнерских государственных организаций, должностные обязанности которых связаны с реализацией социального проекта повышения рождаемости. Анализ данных проведенного исследования демонстрирует скорее стремление респондентов к разделению религиозной и социальной активности и отсутствие у них готовности к подчинению во внекультовой сфере религиозной дисциплине и традиционным требованиям к православному образу жизни.

Библиографический список

1. Антонов К. М., Польсков К. О., Смирнов М. Ю. Секуляризация и постсекулярность (к дискуссии о современном научном аппарате исследования религий) // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. Вып. 105. С. 138–154. DOI: 10.15382/sturI2023105.138-154; EDN: NAKDIA.
2. Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М.: МГУ, 1994. С. 93–119.
3. Блумер Г. Наука без понятий // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века / Отв. ред. Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН, 2010. С. 299–317.
4. Блумер Г. Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века / Отв. ред. Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН, 2010. С. 281–299.
5. Богатова О. А. Религиозность студенческой молодежи: социологическое исследование в регионе (Республика Мордовия) // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2017. № 3. С. 186–201. DOI: 10.52452/18115942_2023_2_86; EDN: VPWUIC.
6. Богатова О. А., Долгаева Е. И. Православные добровольцы и мотобатрия: мотивация и последствия реализации православных социальных инициатив в регионе // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2023. № 2(70). С. 86–96. DOI: 10.52452/18115942_2023_2_86; EDN: LMVBLP.
7. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: ИС РАН, 2003. 752 с.
8. Инглхарт Р. Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. СПб.: ЕУ в СПб., 2022. 238 с.
9. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам: Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. 680 с.
10. Климов И. А. «Конструктивные» и «протестные» движения как ресурс изменения социальных практик // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 2. С. 201–216. EDN: SGOANT.
11. Кнорре Б. К. Российское православие. Постсекулярная институционализация в пространстве власти, политики и права // Монтаж и демонтаж секулярного мира. М.: РОССПЭН, 2014. С. 42–102. EDN: XQMLHP.
12. Кублицкая Е. А. Динамика процесса пост/де/секуляризации среди молодежных групп московского мегаполиса // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 103–115. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-8; EDN: ETHFSU.
13. Лебедев С. Д. Религиозность: в поисках «рубикона» // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 153–168. EDN: PCNLXZ.

14. Лункин Р. Н. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. М.: ИЕ РАН: Нестор-История, 2020. 488 с. EDN: RXMKHE.

15. Невский А. В. Социология волонтерства: определение границ исследования // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 30–46. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.624.

16. Орешина Д. А., Батанова П. В. и др. «Партнерский приход»: Сотрудничество священников и мирян в развитии социальной деятельности в приходах РПЦ в начале XXI века. М.: ПСТГУ, 2018. 320 с.

17. Православие и современность: проблемы секуляризма и постсекуляризма. М.; Орел; Ливны: Новоспасский монастырь; НП «Спасское дело», 2015. С. 72–86.

18. Смирнов М. Ю. Перманентная секуляризация или постсекулярное общество? Современные трансформации религии в ракурсе исследовательской рефлексии // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2023. № 3. С. 134–152. DOI: 10.35231/18186653_2023_3_134; EDN: URLONB.

19. Узланер Д. А. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Ин-т Гайдара, 2020. 416 с.

20. Чеснокова В. Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академ. Проект, 2005. 304 с.

21. Эрвье-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1(33). С. 254–268. EDN: UIXFLH.

22. Beckford J. 2011 SSR Presidential Address: Public Religions and the Postsecular: Critical Reflections // Journal for the Scientific Study of Religions. 2012. № 51(1). P. 1–19. DOI: 10.1111/j.1468-5906.2011.01625.x.

23. Manuel P. C., Glatzer M. (eds) Faith-Based Organizations and Social Welfare. Associational Life and Religion in Contemporary Eastern Europe. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 239 p. DOI: 10.1007/978-3-030-44707-6.

24. Possamai A. The i-zation of Society, Religion, and Neoliberal Post-Secularism. Singapore: Palgrave Macmillan, 2018. 241 p. DOI: 10.1007/978-981-10-5942-1.

25. Voas D. The Normalization of Non-religion: A Reply to James Lewis // Journal of Contemporary Religion. 2015. Vol. 30. No. 3. P. 505–508. DOI: 10.1080/13537903.2015.1081354.

26. Voas D. The Rise and Fall of Fuzzy Fidelity in Europe // European Sociological Review. 2009. Vol. 25. No. 2. P. 155–168. DOI: 10.1093/esr/jcn044.

Получено редакцией: 24.03.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богатова Ольга Анатольевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальной работы

Долгаева Евгения Ивановна, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальной работы

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.5

Orthodox Activism as Perceived by the Population of the Region: Main Frames

Olga A. Bogatova

National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

bogatovaoa@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5877-7910

Evgenia I. Dolgaeva

National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

ewgiv@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1256-7384

For citation: Bogatova O. A., Dolgaeva E. I. Orthodox activism as perceived by the population of the region: main frames. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 55–78. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.5; EDN: BDLXCD.

Abstract. The article presents the results of a qualitative sociological study of Orthodox social activism and its social consequences, undertaken by the authors within the framework of the research project “Social Projects of the Russian Orthodox Church”. An analysis of the mutual perception of Orthodox activists and the rest of the population of the region in terms of the implementation of Orthodox social initiatives allows us to identify four main frames of perception depending on the degree of awareness of secular subjects about their activities and attitudes towards interaction or avoidance of it: partnership, client, stereotyping and critical. The partnership frame is characterised by varying degrees of interest of permanent and situational (episodic) partners, the client frame is characterised by the perception of Orthodox charities and aid groups as substitutes for state institutions of social protection or education and the predominant disregard for their religious specificity. Stereotyping and critical frames, based on the attitude of distancing oneself from interaction with Orthodox activists and differing depending on the degree of awareness of their activities, can be considered as forms of negative self-identification of the non-church or weakly church part of the regional society of their secular subjectivity in relation to Orthodox activists as bearers of alternative values and lifestyle. The stereotyping frame is characteristic of citizens who are not aware of the extra-religious activities of activists (including both non-believers and believers who identify themselves as Orthodox), the critical frame is characteristic of disappointed activists.

As a limitation for the institutionalisation of Orthodox social activity, the authors highlight the negative attitude of potential volunteers and activists to the installation of their churching as subordination to religious activity. The tendency to adopt Orthodox family values and lifestyle is characteristic only of some employees of partner state organisations whose job responsibilities are related to the implementation of a social project to increase the birth rate. In general, the attitude to Orthodox initiatives of non-churched or weakly church clients, partners, potential or former activists is characterised by a focus on separating religious and social activity and a lack of readiness to submit to religious discipline in the non-religious sphere.

Keywords: social activism, social service, religion, Orthodox activists, religious organizations, regional society, social initiatives, social frames

References

1. Antonov K. M., Pol'skov K. O., Smirnov M. Yu. Secularisation and Post-Secularity (on the Discussion about the Modern Conceptual Framework of Religious Studies). *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, 2023: 105: 138–154 (in Russ.). DOI: 10.15382/sturI2023105.138-154; EDN: NAKDIA.

2. Blumer H. Kollektivnoe povedenie [Collective behavior]. *Amerikanskaya sociologicheskaya my'sl* [American Sociological Thought]. Ed. by V. I. Dobrenkov. Moscow, MGU, 1994: 93–119 (in Russ.).

3. Blumer H. Nauka bez ponyatij [Science without concepts] *Interakcionizm v amerikanskoj sociologii i socialnoj psixologii pervoj poloviny XX veka* [Interactionism in American Sociology and Social Psychology of the First Half of the XX-th Century]. Ed. by D. V. Efremenko. Moscow: INION, 2010: 299–317 (in Russ.).

4. Blumer H. Sociologicheskie implikacii my'shleniya Dzhordzha Gerberta Mida [Sociological implications of the thought of George Herbert Mead] *Interakcionizm v amerikanskoj sociologii i social'noj psixologii pervoj poloviny` XX veka* [Interactionism in American Sociology and social psychology of the first half of the XX-th Century]. Ed. by D. V. Efremenko. Moscow: INION, 2010: 281–299 (in Russ.).
5. Bogatova O. A. Religiosity of student youth: the sociological research in region (Republic Mordovia). *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, 2017: 3: 186–201 (in Russ.). DOI: 10.52452/18115942_2023_2_86; EDN: VPWUIC.
6. Bogatova O. A., Dolgaeva E. I. Orthodox Volunteers and Motor-brothers: motivation and consequences of orthodox social initiatives in region. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2023: 2(70): 86–96 (in Russ.). DOI: 10.52452/18115942_2023_2_86; EDN: LMVBLP.
7. Goffman E. Analiz frejmov: esse ob organizacii povsednevnogo opy'ta [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. Moscow, IS RAN, 2003: 752 (in Russ.).
8. Inglehart R. Neozhidannyj upadok religioznosti v razvityh stranah [Religion's Sudden Decline: What's Causing it, and What Comes Next?] St. Petersburg, EU v SPb., 2022: 238 (in Russ.).
9. Clement K., Miryasova O., Demidov A. Ot obyvatelej k aktivistam: Zarozhdayushhiesya socialny'e dvizheniya v sovremennoj Rossii [From townsfolk to the activists. Emerging social movements in contemporary Russia]. Moscow, Tri kvadrata, 2010: 680 (in Russ.).
10. Klimov I. A. "Constructive" and "Protesting" Movements as a Source of Social Change in Practices. *Zhurnal issledovanij socialnoj politiki*, 2014: 12: 2: 201–216 (in Russ.). EDN: SGOAHT.
11. Knorre B. K. Rossijskoe pravoslavie. Postsekulyarnaya institucionalizaciya v prostranstve vlasti, politiki i prava [Russian Orthodoxy. Post-Secular Institutionalization in the Realm of Power, Politics, and the Law]. *Montazh i demontazh sekulyarnogo mira* [Constructing and Deconstructing the Secular World]. Moscow, ROSSPEN, 2014: 42–102 (in Russ.). EDN: XQMLHP.
12. Kublitskaya E. A. Dynamics of the Post/De/Secularization Process among the Youth Groups of the Moscow Metropolis. *Nauchnyj rezultat. Sociologiya i upravlenie*, 2022: 8 (3): 103–115 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-8; EDN: ETHFSU.
13. Lebedev S. D. Religioznost`: v poiskax «rubikona» [Religiousness: In search of "the Rubikon"]. *Sotsiologicheskij Zhurnal*, 2005: 3: 153–168 (in Russ.). EDN: PCNLXZ.
14. Lunkin R. N. Cerkvi v politike i politika v cerkvayah. Kak sovremennoe xristianstvo menyaet evropejskoe obshhestvo [The Churches in Politics and the Politics in the Churches. How the Christianity Changes the European Society]. Moscow, Institute of Europe, Nestor-Istorija, 2020: 488 (in Russ.). EDN: RXMKHE.
15. Nevskii A. V. Sociology of Volunteering: Defining the Boundaries of Research. *Vestnik Instituta sotziologii*, 2020: 11: 1: 30–46 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.624.
16. Oreshina D. A., Batanova P. V., Zabaev I. V., Pavlyutkina Ye. L. «Partnerskij prihod»: Sotrudnichestvo svyashhennikov i miryan v razvitii social'noj deyatel'nosti v prihodax RPCz v nachale XXI veka [«Partner Parish»: Cooperation of Priests and Laymen in the Social Activity Development of the ROC Parishes in the XXI-st century]. Moscow, PSTGU, 2018: 320 (in Russ.).
17. Pravoslavie i sovremennost': problemy sekuljarizma i postsekuljarizma [Orthodoxy and Modernity: the Problems of Secularism and Post-Secularism]. Moscow, Orel, Livny: Novospassky monaster, Spasskoe delo, 2015: 72–86 (in Russ.).
18. Smirnov M. Yu. Permanent Secularization or PostSecular society? Modern Transformations of Religion in the Perspective of Research Reflection. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, 2023: 3: 134–152 (in Russ.). DOI: 10.35231/18186653_2023_3_134; EDN: URLOHB.
19. Uzlaner D. A. Postsekulyarnyj povorot. Kak myslit o religii v XXI veke [Post-Secular Turn. How to Think about Religion in XXI-th Century]. Moscow, Gaidar Institute, 2020: 416 (in Russ.).
20. Chesnokova V. F. Tesnym putiom: Process vocerkovleniya naselenija Rossii v konce XX veka [In Tight Path: Process of the Enchurchment of the Population of Russia in the tnd of the XX-th Century]. Moscow, Akademicheskij Proekt, 2005: 304 (in Russ.).
21. Hervieu-Léger D. In Search of Certainties: The Paradoxes of Religiosity in Societies of High Modernity. *Gosudarstvo, religiya, cerkov` v Rossii i za rubezhom*, 2015: 1(33): 254–268 (in Russ.). EDN: UIXFLH.

22. Beckford J. 2011 SSR Presidential Address: Public Religions and the Postsecular: Critical Reflections. *Journal for the Scientific Study of Religions*, 2012: 51(1): 1–19. DOI: 10.1111/j.1468-5906.2011.01625.x.
23. Manuel P. C., Glatzer M. (eds.) Faith-Based Organizations and Social Welfare. Associational Life and Religion in Contemporary Eastern Europe. Cham, Palgrave Macmillan, 2020: 239. DOI: 10.1007/978-3-030-44707-6.
24. Possamai A. The i-zation of Society, Religion, and Neoliberal Post-Secularism. Singapore, Palgrave Macmillan, 2018: 241. DOI: 10.1007/978-981-10-5942-1.
25. Voas D. The Normalization of Non-religion: A Reply to James Lewis. *Journal of Contemporary Religion*, 2015: 30: 3: 505–508. DOI: 10.1080/13537903.2015.1081354.
26. Voas D. The Rise and Fall of Fuzzy Fidelity in Europe. *European Sociological Review*, 2009: 25: 2: 155–168. DOI: 10.1093/esr/jcn044.

The article was submitted on: March 24, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Bogatova, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology and Social Work

Evgenia I. Dolgaeva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Work

ТЕМА НОМЕРА

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ: ДИАЛЕКТИКА ИННОВАЦИОННОГО И ТРАДИЦИОННОГО

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.6

EDN: PKBVEW

Сетевые технологии как инструмент самопрезентации малых религиозных групп (кейс новых для России направлений буддизма)¹

Ссылка для цитирования: *Островская Е. А., Бадмацыренов Т. Б.* Сетевые технологии как инструмент самопрезентации малых религиозных групп (кейс новых для России направлений буддизма) // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 3. С. 79–106. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.6; EDN: PKBVEW.

For citation: Ostrovskaya E. A., Badmatsyrenov T. B. Network technologies as a tool for self-presentation of small religious groups (the case of Buddhism new for Russia). *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 79–106. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.6; EDN: PKBVEW.

SPIN-код: 6672-8953

Островская Елена Александровна¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

e.ostrovskaya@spbu.ru

SPIN-код: 5847-4109

Бадмацыренов Тимур Баторович^{1,2}

¹Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Россия;

²Центр социально-политических исследований «Альтернатива», Улан-Удэ, Россия

badmatsyrenovtb@bsu.ru

Аннотация. В данной статье анализируются результаты долгосрочного исследования стратегий русскоязычной буддийской общины в отношении интернета и новых медиа. Авторы представляют результаты исследования двух кейсов буддийских цифровых новаторов – сообществ русскоязычной ветки Международной Дзогчен-общины и российской Тхеравады. Авторы выбрали для анализа именно эти два кейса, поскольку они репрезента-

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ №24-48-03022 «Традиционный буддизм, потсекулярность и современные общественно-политические процессы в России и Монголии».

тивны для социологического рассмотрения многомерных связей между онлайн и офлайн коммуникациями российского цифрового буддизма. Предмет исследования представляется весьма актуальным, так как в современной социологии все большее внимание уделяется исследованию влияния медиатехнологий, интернета и социальных медиа на религиозные традиции, практики и формы социальной организации религии. Причиной этого является углубляющийся процесс медиатизации современных обществ. Он принес с собой принципиальные трансформации различных сфер жизнедеятельности социума. Религии вовлекаются в процесс медиатизации, ставящий перед ними целый ряд серьезных вопросов, требующих новых, неизвестных их традициям ответов. Так, цифровизация священных текстов несет с собой девальвацию традиции канонического знания и толкования священных текстов.

В этом сложном контексте переформатирования социальной реальности российские традиционные религии разрабатывают собственные рефлексии и ответы на риски медиатизации. В русскоязычном интернете православие, ислам, иудаизм и буддизм представлены богатым разнообразием сайтов соответствующих религиозных общин и центров различных направлений, подкастами, каналами, пабликами, группами и блогами в социальных сетях. И, как показывают результаты социологических исследований, смысловым стержнем транслокальных религиозных коммуникаций, опосредованных медиа, выступает обсуждение соотносительности ценностно-нормативных координат повседневной жизни с религиозно-доктринальной регламентацией. Новые цифровые медиа бросают вызов религиозным традиционным ценностям, поскольку предоставляют пространство и способы формирования новых религиозных авторитетов, новых способов влияния на определенную религиозную группу.

Исследование проводилось по разработанной авторами методике, сочетающей методы математического моделирования и качественной социологии.

Авторы приходят к выводу, что парадоксальным образом нетрадиционные для России буддийские организации приняли новаторскую стратегию, оказались весьма креативны в привлечении новых медиа и продвижении собственных презентаций в публичное пространство. А направления буддизма, институционализированные в истекшие 30 лет, наоборот – консервативны.

Ключевые слова: российский цифровой буддизм, буддийские цифровые новаторы, медиастратегии, российская Тхеравада, Хиньяна, Махаяна

Введение

В современной социологии все большее внимание уделяется исследованию влияния медиатехнологий, Интернета и социальных медиа на религиозные традиции, практики и формы социальной организации религии. Причина этого лежит во все углубляющемся процессе медиатизации современных обществ, принесшим с собой принципиальные трансформации различных сфер жизнедеятельности общества. Религии вовлекаются в процесс медиатизации, который ставит перед ними целый ряд серьезных вопросов, требующих новых, неизвестных их традициям, ответов. Так, цифровизация священных текстов несет с собой девальвацию традиции их толкования и канонического знания. Медийная доступность знания на различных сайтах, цифровых платформах и в социальных сетях влечет за собой про-

фанизацию религиозного знания и образования, а религиозные профессионалы оказываются вовлеченными в борьбу за эпистемический авторитет. Цифровые пространства становятся новыми топосами трансцендентного, поскольку предоставляют возможность вынесения ритуалов и практик за пределы сакральных территорий храмов и монастырей. Транслокальные цифровые коллективы и сетевые сообщества презентуют современному обществу небывалые прежде компоновки религиозной коммуникации, акторов и медиа. Для понимания всех этих процессов принципиальную роль обретают эмпирические социологические исследования стратегий религиозных сообществ в отношении интернета и новых медиа, а также концепции, теории, методологии, создаваемые на их основе.

В свете социологической трактовки медиатизация предстает как долгосрочный метапроцесс общественных трансформаций, разворачивающийся в трех волнах, – механизации, электрификации и цифровизации [19]. В ходе медиатизации разнообразные медиа буквально прошивают все полотно коммуникативных практик, встраиваясь в процесс социализации. Каждая волна медиатизации маркирована появлением новых медиа и образованием коллективов, специфичных для каждого вида медиа (книг, журналов, газет; радио и телевидения; интернета и цифровых медиа). Однако именно на волне цифровизации появляются Интернет и медиатехнологии. Принципиальная инновация этой волны – возникновение общей среды, объединяющей все предшествующие медиа и опосредующей коммуникации разнообразных коллективов, сформировавшихся вокруг конкретных типов медиа [14]. Таким образом, на своей третьей волне медиатизация формирует новые связи между старыми и новыми медиа, новые связи и смыслы между прежде автономными социальными общностями и присущими им медиа. Текстовое знание различных сфер общественной жизни цифровизуется, появляются цифровые локусы и платформы, содержащие информацию по любой теме. Религиозное знание, прежде доступное только через образование, библиотеки, цензуру компетенций, становится общедоступным. Коммуникативные практики, посредством новых медиа формируют цифровые коллективы и так называемые третьи, цифровые пространства, в которых пользователи, зачастую не будучи лично знакомыми, объединяются вокруг блогов, форумов, пабликов и образуют транслокальные дискурсивные пространства.

В этом сложном контексте переформатирования социальной реальности российские традиционные религии разрабатывают собственные рефлексии и ответы на риски медиатизации. В русскоязычном Интернете православие, буддизм, ислам и иудаизм представлены богатым разнообразием сайтов соответствующих храмов, дацанов и хурулов, синагог, общин и организаций различных направлений, подкастами, каналами, пабликами, группами и блогами в социальных сетях. И, как показывают результаты социологических исследований, смысловым стержнем транслокальных религиозных коммуникаций, опосредованных медиа, выступает обсуждение соотнесенности ценностно-нормативных координат повседневной жизни с религиозно-доктринальной регламентацией [21]. Цифровые

медиа бросают вызов традиции, поскольку предоставляют пространство и способы формирования новых религиозных авторитетов, новых способов влияния на определенную религиозную группу. Одним из порождений медиатизации стало «перераспределение авторитета», прежде закрепленного за религиозными профессионалами, получившими традиционное образование, наделенными институциональным статусом и полномочиями [10, с. 83–86]. С 2015-х гг. социологи все больше говорят о полном стирании границы между онлайн и офлайн-коммуникациями, и активностью конфессий. А социологические исследования направлены в основном на анализ традиций, авторитетов и идентичностей, трансформирующихся в процессе медиатизации религий [25; 11].

В отечественной и в зарубежной научной литературе бытует глубоко ошибочное устаревшее мнение, что сообщества неэтнических буддистов представлено якобы преимущественно «кибербуддизмом», не имеющим ничего общего с буддизмом традиционным. В равной степени можно соприкоснуться и с наивным толкованием цифрового буддизма как некоего единого для всех российских буддистов цифрового пространства сайтов дацанов, хурулов и хурээ и их пабликов в социальных сетях.

Эти научные мифы уходят своими корнями в конец 1980-х гг., когда именно буддийские сообщества были в числе форвардных групп духовных энтузиастов, образывавших сети транслокального виртуального взаимодействия еще до распространения Интернета. В число таких энтузиастов входили буддисты и буддологи разных стран. Их силами были созданы и первые дескриптивные концепции «онлайн-буддизма или буддизма онлайн», «кибер-сангхи» и «кибер-буддизма»¹. В настоящее время эти антиквированные тезисы требуют серьезного пересмотра в рамках прикладных социологических исследований.

В зарубежной социологии религии изучение цифрового буддизма в интернете стало одним из наиболее перспективных направлений с весьма обширной тематикой. Многие монографии, сборники статей, посвященные изучению истории и современного состояния буддизма, включают разделы о буддизме в интернете. В течение последних трех десятилетий не утихает спор между буддологами и социологами о методах и методологии подобного изучения.

Исследователи-буддологи сосредоточены преимущественно на изучении кибер-буддизма, не имеющего никаких офлайн-аналогов. Они полагают, что пора прекратить дискуссию об аутентичности буддизма в интернете и принять онлайн-буддизм в качестве самостоятельной формы его

¹ Концепция «киберсангхи» была предложена Ч. Пребишем в 2004 г. для описания трех типов буддийских виртуальных сообществ [24, с. 135–151]. Первый охватывал веб-страницы традиционных буддийских групп для удобства коммуникации и передачи информации. Второй тип представлял «виртуальные храмы», созданные традиционными сангхами для дополнения своих существующих офлайн программ и храмов. Третий репрезентировал «чистые онлайн-сообщества», не существующие офлайн. Эта дескриптивная концепция была далее использована Мортоном Шлюттером [26, с. 505–522] и Луис Коннели [Connely 2015, с. 3870]. Кроме того, к ней обращались в разное время американские исследователи буддийских блогов [20, с. 97–114], онлайн-сообщества и идентичность [18, с. 138–148].

социокультурного закрепления [27]. Существенный вклад в понимание феномена кибер-буддизма внес Г. Грив исследованием процессов конструирования буддийских сообществ, практик и идентичностей «кибердзен» в виртуальном мире “Second Life” [16], а также совместные работы Грива с Д. Ведлингером [5].

Репрезентами кибер-буддизма выступают, как правило, буддийские виртуальные храмы, проводимые в них онлайн-медитации и подношения виртуальным сакральным объектам. Основными методами при таком ракурсе рассмотрения предлагается сделать включенное/участвующее наблюдение, авто-этнографию и кейс-стади [15, с. 25]. Новые буддийские медиатехнологии включают веб-сайты, виртуальные миры, мобильные приложения и видеоигры [13, с. 58–78]. По мнению крупных зарубежных буддологов Г. Грива и Д. Ведлингера, от прежних медиа, использовавшихся буддизмом, современные цифровые технологии отличают процедурные, партиципаторные, энциклопедические и пространственные аффордансы, признаки того, что с объектом можно производить какие-либо действия [17, с. 474]. Иными словами, в цифровом пространстве создаются новые формы и паттерны действий верующих, оно позволяет им участвовать в коллективных действиях и сообществах, получать свободный доступ к огромному и постоянно растущему массиву информации и позиционироваться в пространстве и времени.

Исследователи-социологи, напротив, констатируют, что социокультурное содержание цифрового буддизма не вполне понятно, поскольку крайне мало прикладных исследований. Во многих работах подчеркивается, что цифровой буддизм остро нуждается в рассмотрении сквозь призму социологических концепций для соотнесения его онлайн- и офлайн-корреляций [8, с. 13; 12, с. 1160]. Социологические исследования среды американского интернет-буддизма, например, показали, что большинство пользователей, огульно причисляемых к некоей киберсангхе, либо ищут через интернет информацию об офлайн-общинах, либо интересуются буддизмом как вариантом «чтения на ночь» [23, с. 191–203]. Критикуя сложившееся положение дел, социологи предлагают произвести ревизию концепций «киберсангхи» Ч. Пребиша и «онлайн-религии и религии онлайн» К. Хелланда путем сопоставления буддийской цифровой активности (сайтов, приложений, сообществ, блогов) с офлайн буддийской вовлеченностью пользователей [23]. Кроме того, социологи призывают учитывать, что онлайн исследовательское поле подвержено существенным и скоротечным изменениям: многие традиционные сообщества расширяют свое онлайн-присутствие, а прежде исключительно виртуальные порождают реальные социальные группы и общины.

В наших исследованиях 2019–2024 гг. русскоязычного цифрового буддизма мы сосредоточились на соотнесении наиболее популярных офлайн буддийских сообществ и их онлайн коммуникаций о буддизме в социальных сетях ВКонтакте (ВК), Facebook (Fb)*, Instagram¹*. И здесь нас ждало важное методологическое открытие – стратегии, принимаемые буддийскими

¹ *Принадлежат компании Meta, запрещенной в России.

общинами в отношении интернета и новых медиа напрямую зависят от внутриобщинного дискурса о буддизме и его практике. Парадоксальным образом традиционные для России буддийские монастырские организации приняли новаторскую стратегию, оказались весьма креативны в привлечении новых медиа и самопрезентации в публичном пространстве. А направления буддизма, институционализированные за истекшие 30 лет, наоборот – консервативны [1; 3; 22]. Это разнообразие стратегий требует от социолога пристального анализа конкретных кейсов. В дальнейшем это сделает возможным сравнительный анализ стратегий различного типа общин и организаций внутри многоликого российского буддизма.

В статье представлен анализ двух кейсов буддийских цифровых новаторов – сообществ русскоязычной ветки Международной Дзогчен-общины и российской Тхеравады¹. Мы выбрали именно их, поскольку они представляют направления российского буддизма, появившихся в России в последние 35 лет. Они важны прежде всего для изучения множественных идентичностей современного российского буддизма. Насколько и как эта множественность идентичностей находит свое отражение в стратегиях отношений с интернетом и новыми медиа? Как выстраивается внутриобщинный дискурс этих направлений буддизма относительно самопрезентации в цифровых русскоязычных нишах интернета? Имеет ли их онлайн активность в качестве задачи самопрезентацию в качестве традиционного российского буддизма?

Методология и методы исследования

Методологической рамкой настоящего исследования выступила комбинация подхода социорелигиозного форматирования технологий Хайди Кэмпбелл и ее концепции «религиозных цифровых новаторов». Кэмпбелл известна в отечественной и зарубежной социологии как автор двух крупных теорий – социорелигиозного форматирования технологий и цифровой религии. Первый подход содержит алгоритм проведения полевого исследования и, по сути, алгоритм последующего анализа. Предложенная и апробированная ею теория нацелена на выявление стратегий выстраивания отношений религиозных сообществ с Интернетом и новыми медиатехнологиями [9]. Концепция «религиозных цифровых новаторов» позволяет выявить специфику цифрового перераспределения религиозных авторитетов, общинные дискурсы о цифровизации, легитимирующие новые медиатизированные способы отстройки границ религиозных направлений [11]. Х. Кэмпбелл предлагает начинать социологическое изучение цифровой религии с установления позиции той или иной религии по отношению к Интернету и медиатехнологиям. Позиция эта формируется по оси офлайн и онлайн соотнесенности коммуникаций религиозных групп и организаций. Алгоритм такого выявления этой позиции содержится в подходе, обозначенном Кэмпбелл, как «социорелигиозное форматирование технологий». Он предполагает следующие четыре этапа изучения:

¹ Разъяснение специфических буддийских терминов см.: Приложение.

истории и традиции изучаемого религиозного сообщества; выявление ключевых религиозных доктрин и паттернов, которые влияют на выстраивание отношений с медиа; установление форматов использования новых медиа религиозным сообществом; анализ общинного дискурса о новых медиа технологиях¹.

Исследователи, работавшие по методологии Кэмпбелл², выявили, что отношение к Интернету и стратегии религиозного использования новых медиатехнологий тесно связаны с общинными офлайн-дискурсами о способах воспроизведения авторитетов, идентичностей и границ в условиях современности. Как правило, преобладают две основные тенденции медиавовлеченности – новаторская и консервативная. Новаторская – выражается в позитивном отношении к Интернету и медиатехнологиям как открывающим новые способы обсуждения и закрепления собственных ценностей, религиозных практик и дискурсов. Консервативная тенденция обнаруживает широкий спектр разнообразия позиций – от резко отрицательного до позитивно-инструментального отношения к Интернету.

Значимым вкладом Кэмпбелл в методологию изучения проблемы социорелигиозного форматирования технологий стала типология «религиозных цифровых новаторов» (religious digital creatives). В контексте прикладного исследования она может быть применена для конструирования выборки респондентов, с которыми следует проводить интервью об общинных стратегиях использования новых медиатехнологий. Кроме того, эта типология служит аналитической рамкой для интерпретации результатов интервью. В ответах респондентов можно выделить смысловые блоки об их мотивации использовать цифровые технологии в религиозных целях [7].

Основываясь на концептуальной разработке Дж. Андерсона [4] и результатах собственных исследований цифрового католичества, Кэмпбелл предложила [7] выделять три вида «религиозных цифровых новаторов», деятельность которых форматирует цифровые религиозные дискурсы. Это – цифровые профессионалы, цифровые спикеры и цифровые стратеги.

«Цифровыми профессионалами» являются религиозно мотивированные разработчики религиозных мобильных приложений, ПО, веб-сайтов. Они, как правило, располагают профессиональным образованием, опытом и навыками для подобной деятельности либо уникальной одаренностью в этой сфере, создают онлайн-профили своей организации и рассматривают свою деятельность как форму религиозного служения.

«Цифровые спикеры» – рядовые члены религиозной организации, нанимаемые по трудовому договору для управления сайтами/профайлами, администрирования форумов, ведения публичных дебатов от лица организации и проч. Зачастую им приходится с нуля осваивать технические навыки и знание медиатехнологий. Они в качестве представителей религиозных организаций в публичной медиасфере транслируют офлайн-идентичности в онлайн формате.

¹ Подробное изложение см.: [2].

² Здесь в качестве примера мы использовали результаты исследований, проведенных в среде евреев, соблюдающих различные направления современного иудаизма, см.: [6].

К «цифровым стратегам» относятся все те, кто использует уже имеющиеся цифровые ресурсы для религиозных целей. В их число Кэмпбелл включила онлайн-миссионеров, создающих инструментарий для цифрового распространения доктрин и установок конкретной религии и обеспечивающих идейным содержанием «цифровых профессионалов», разработчиков религиозных мобильных приложений, веб-сайтов и социальных сетей. Наиболее активными и продуктивными в религиозном онлайн-просвещении и создании дискурсивных онлайн-площадок являются религиозные блогеры. Они не разрабатывают технологических инноваций, но их религиозный контент привлекает широкую аудиторию. Среди таких цифровых стратегов-блогеров Кэмпбелл выделила два значимых вида – теологи-блогеры и теоблогеры. Первые – это профессиональные теологи, располагающие специальным образованием и фиксированной позицией в иерократической статусной иерархии. Они рассматривают свой блог или сайт в качестве пространства для перевода академической теологии на язык, доступный широкой общественности и неопитам. В качестве отдельных задач они ставят себе мониторинг и реагирование на сторонние дискурсы об их религиозной организации/идеологии, а также поиск ошибок в сетевых повествованиях других религиозных блогеров. Большинство теологов-блогеров в офлайн-реальности являются священниками в конкретных церквях и приходах, преподавателями в духовных учебных заведениях. Блогерская деятельность позволяет им выйти за жесткие рамки институционально предписываемой статусной риторики, неформально общаться со своими подписчиками, обсуждать теологические темы, не принятые в офлайн-проповедях.

Второй вид цифровых стратегов – теоблогеры – это все те, кто создает блог для распространения собственных рефлексий по теологическим тематикам и приобретения таким образом репутации теологических мыслителей. Влияние теоблогеров базируется исключительно на их онлайн-повествованиях/текстах, а не на обладании религиозным образованием или офлайн-статусом в религиозной иерархии. Сети связей, формирующиеся вокруг их блогов, могут делать их глобально популярными. Интернет-аудитория, как правило, воспринимает их в качестве публичных теологов, наделяет особым харизматическим флером.

Эмпирическая часть нашего исследования проводилась с января 2019 г. по ноябрь 2020 г. в два этапа. На первом этапе мы использовали количественные программные неактивные методы сбора данных социальных сетей с применением специально разработанного программного обеспечения – кроулера (сборщика данных). Нами был разработан список поисковых запросов, содержащих ключевые семантические единицы (слова и словосочетания), отражающие общепонятные буддийские понятия (Будда, Дхарма и т. п.), школы и направления (Гелуг, Тхеравада, Дзогчен и т. п.), формы социальной организации буддийских сообществ (сангха, дацан, хурул и т. д.). После этого была произведена серия запросов в API ВК и получен список из более тысячи сообществ, обнаруженных по «буддийским» поисковым запросам. Эти сообщества включают разное число подписчиков, от нескольких, с большой вероятностью лично знакомых друг с другом и объ-

единенных общими практиками и/или увлечением буддизмом, до почти 400 тыс., подобно сообществу Дзэн-буддизм. Нами были отобраны наиболее крупные из этих сообществ, с более чем тысячей подписчиков.

Следующим шагом стало применение методов математического моделирования. С их помощью была построена графовая модель, выявлены и описаны кластеры буддийских онлайн-сообществ в социальной сети ВК. В рамках данного исследования в качестве вершин графа были рассмотрены группы ВК. Взвешенное ребро между парой вершин обозначает наличие общих подписчиков в двух соответствующих вершинах групп (чем больше общих подписчиков – тем больше будет вес ребра). В данной работе под кластеризацией графа понимается задача поиска разбиения множества вершин на непересекающиеся подмножества таким образом, чтобы плотность связей между вершинами одного подмножества была выше, чем между вершинами различных подмножеств. Для проведения кластеризации был использован метод оптимизации функционала модулярности. В контексте принятой структуры нашего графа проведение кластеризации будет означать, что в один кластер попадут группы, плотность ребер между которыми выше (ребер между ними больше и их суммарный вес выше) – т. е. группы, схожие по составу пользователей. При этом плотность связей между вершинами, оказавшимися в разных кластерах, будет меньше. Таким образом, кластеризация графа разобьет множество ВК-групп на кластеры, отличающиеся подмножествами своих пользователей [22].

Полученные результаты позволили, во-первых, картографировать буддийские онлайн-сообщества сети ВК и проанализировать структуры взаимосвязей между ними. А, во-вторых, помогли сформулировать вопросы для второго этапа нашего исследования – выборочного изучения некоторых из описанных буддийских онлайн-сообществ ВК с помощью качественных методов.

На втором этапе мы провели исследование стратегий выстраивания отношений с Интернетом и медиатехнологиями русскоязычного звена Международной Дзогчен-общины и общин русскоязычной Тхеравады. Цифровая инфраструктура и практики этих двух направлений современного буддизма, как и общинные структуры, практически не изучены, поэтому было принято решение о комбинации биографического нарративного и экспертного интервью. Выборка выстраивалась в соответствии со следующими критериями: участие в создании общины; продуктивная цифровая активность не менее 5 лет; отчетливый профиль онлайн-активности; упоминание аккаунта/блога/сайта этого «новатора» более, чем в одном интервью. Всем респондентам был предложен один и тот же список вопросов, включавший 2 тематических блока – биографический и о репертуаре и целевом использовании медиа буддийским сообществом конкретного направления. Всего было проведено 21 интервью.

Руководствуясь результатами количественного этапа исследования, мы сосредоточились на анализе стратегий выстраивания отношений с интернет-сообществом и новыми медиатехнологиями, которые были обнаружены в российской части международной Дзогчен-общины и рос-

сийских сообществах буддизма Тхеравады. В соответствии с алгоритмом Х. Кэмпбелл, в нашем анализе учитывалась история социокультурного закрепления учения Дзогчен и буддизма Тхеравады в России, влияние мировоззренческих оснований практик Дзогчен-общины и русскоязычных общин Тхеравады на выстраивание отношений с интернет-сообществом и медиа; форматы использования новых медиа и общинные дискурсы о новых медиатехнологиях.

Эмерджентная цифровая среда Международной Дзогчен-общины: если завтра уже наступило

Первые группы Дзогчен в РФ появились в начале 1990-х гг. в связи с приездами популяризатора этого направления буддизма Чогьяла Намкая Норбу¹ в Санкт-Петербург и Москву. В те годы группы приверженцев Дзогчен представлялись чем-то принципиально новым относительно буддийских монастырей и дацанов, хорошо известных в российском востоковедении и буддологии. Они не стремились к регистрации в качестве религиозных объединений и не пытались вступать во взаимодействие с традиционными буддийскими организациями Бурятии, Калмыкии и Тувы. Мировоззренческим основанием этой позиции являлась трактовка региональных групп Дзогчена в качестве единиц организационной структуры всемирной Дзогчен-общины. Международная Дзогчен-община была первоначально зарегистрирована в Италии как «культурная ассоциация». Транснациональный принцип ее организации имеет уникальную религиозную подоплеку, а организационное устройство воспроизводит символический коммуникативный код, интуитивно понятный ее членам во всех странах распространения Дзогчен по линии передачи от самого Намкая Норбу. Этим кодом является мандала (буддийская космограмма) как графическое воспроизведение индивидуальной психики. В каждой из стран своего присутствия община располагает городскими малыми центрами (лингками). Кроме того, в некоторых странах созданы крупные центры (гары), расположенные вне городов и предназначенные для проведения масштабных учений (ретритов) и больших собраний членов малых общин.

¹ Чогьял Намкай Норбу – широко известный в западном буддологическом мире ученый, длительное время преподававший тибетский и монгольский языки и литературу в Неаполитанском университете и консультировавший Дж. Туччи. В 1960-х гг. он начал проводить обучение духовным практикам учения Дзогчен сначала в среде своих студентов и быстро обрел большое количество учеников и последователей в Италии и за ее пределами. Намкай Норбу выступил создателем трех крупных организаций – «Международной Дзогчен-общины» (1981), неправительственной организации «Ассоциация международной солидарности в Азии» (АМСА, 1988), занимающейся продвижением образования и здравоохранения в Тибете и Фонда Шанг-Шунг по сохранению наследия тибетской культуры и религии (1989). Учет этих направлений деятельности Намкай Норбу чрезвычайно важен, поскольку помогает понять неординарный объем его деятельности и вклада в дело сохранения и воспроизводства культуры и религий Тибета. На протяжении всей жизни он поддерживал тесные отношения с тибетской диаспорой и ее духовным лидером Его Святейшеством Далай-ламой.

Еще в период первых своих визитов Намкай Норбу поставил перед своими ближайшими русскоязычными учениками задачу создания «гара» («поселения» на природе) – крупного общинного центра на лоне природы, в котором было бы возможно проводить крупные собрания в связи с приездами Учителя в Россию, обучения практикам Дзогчена и проч. История создания российского гара в подробностях воспроизводится в интервью с одним из авторизованных Намкаем Норбу инструкторов (1964 г.р.)¹. Он стоял у истоков московской малой общины (Ринченлинга) и российского гара международной Дзогчен-общины (Северного Кунсагара):

Намкай Норбу Ринпоче сначала приезжал раз в два года – 1994, 1996, 1998 гг. Он видел, как активно развивается российская Дзогчен-община, а тогда она была не только российская, а еще и украинская, латвийская, все страны вокруг группировались. И он решил, что раз на его ретриты регулярно собирается больше 1000 чел., то нужно организовать место, где люди смогут встречаться, заниматься <...>. В 1994 г. он сказал: «Ищите место, где сможете встречаться вместе и практиковать». Это называется по-тибетски «гар». В 1998 г. это место удалось найти. Это была чудесная история, как мы нашли Кунсангар <...> и вот уже 22 года место это существует в Подмоскowie². Наверно это одно из самых активных мест в России, там есть на что посмотреть. Туда можно просто приехать. Этот центр сейчас открылся миру, сейчас туда приезжают многие учителя, это теперь не только место Дзогчен-общины.

Транснациональный способ устройства Международной Дзогчен-общины требовал для своего воплощения нестандартного управления. Этим во многом обусловлена стратегия в отношении любых технологических инноваций. В начале 1990-х гг. для членов Дзогчен-общины уже была введена англоязычная почтовая рассылка norbunet, а в конце 1990-х организованы телефонные трансляции учений (ретритов) Намкай Норбу, проводимые по всем гарам мира в одни и те же дни и в одно и то же время.

Упомянутый нами ранее первый российский авторизованный инструктор, выпускник МФТИ и кандидат наук, в силу своей профессиональной деятельности был одним из создателей первых в России и мире систем подкастов. Используя свои профессиональные знания и способности, он выступил создателем медиа, необходимых для транснациональной реализации религиозных практик Международной Дзогчен-общины. Сам он следующим образом описывает хронологию выстраивания отношений общины с Интернетом и новыми медиа:

Есть несколько хронологических этапов. Пока не было компьютеров, все от руки записывали. Как только появились компьютеры, почти сразу же Ринпоче сказал, что надо Учение переводить в компью-

¹ Чогьял Намкай Норбу авторизовал двух русскоязычных инструкторов для обучения системе Санти Махасангхи членов Международной Дзогчен-общины (из материалов экспертных интервью с этими инструкторами).

² Около пос. Большие Дворы Павлово-Посадского гор. округа Московской обл.

терный формат, с этого все начиналось: на второй ретрит Намкая Норбу Ринпоче приехал американец Дж. Рашик¹ и привез он мне тогда из Америки журнал, в котором была статья про информационный *super highway* – так это называлось (1994 г). Он занимался информационными технологиями. Тогда же мы с ним первый раз подумали о том, что рано или поздно Учитель будет давать учение по Интернету, через 5 лет это уже стало реальностью. Первые учения по Интернету мы проводили в России, когда еще его толком не было, была другая технология, но тем не менее. В Кунсангаре мы тянули телефонную линию. Учитель звонил по телефону, у него была гарнитура такая. И Учение шло из подмосковного леса на все Дзогчен-общины мира. Это было в 1999 г. В 2002 г. я, помимо того, что получал авторизацию инструктора в Венесуэле, параллельно писал программу для ввода тибетского текста специально для Ринпоче, которая популярна стала среди тибетских буддистов. Я ее выложил на сайт, и уже 20 лет, как люди ею пользуются.

Стратегия Дзогчен-общины в отношении технологий выстраивалась в четком соответствии с принципами передачи и дальнейшего транслирования учения Дзогчен. Стать членом общины мог лишь тот, кто получил личную передачу учения от самого Намкая Норбу. Учитель жил и работал в Италии и не мог часто бывать в гарах других стран. В такой ситуации кто-то отваживался на самостоятельную поездку, чтобы лично получить передачу от Намкая Норбу. Однако многие попросту не могли себе этого позволить. Зная о таких затруднениях, Намкай Норбу придумал уникальную процедуру инициации посредством новых медиа. Он записал видеокассету с практикой передачи учения Дзогчен и распространил ее по малым общинам разных стран. Три раза в год в каждой из них в один и тот же день, в одно и то же время проводилась эта практика «дистанционной передачи Учения». Таким образом, с самых первых шагов в лоно транснациональной Дзогчен-общины ее члены соприкасались с нетривиальными технологиями передачи религиозного знания. О таком нестандартном способе инициации мы узнали из интервью со вторым русскоязычным авторизованным инструктором (1968 г.р.). В течение многих лет он был личным переводчиком Намкая Норбу на ретритах для русскоязычной аудитории и сохранил в своей памяти много знаний об истории формирования цифрового измерения Дзогчен-общины:

В 2000-м появилась система дистанционной передачи, для которой использовалась видеокассета с записью практики. Мы синхронизировались под эту кассету – одновременно выполняли практику. Чогьял Намкай Норбу сделал видеозапись с практикой передачи Дзогчен, как он обычно дает передачу. Кассета не распространялась публично, получить ее можно было только в местных Дзогчен-общинах. Три раза в год мы собирались в определенное время – в день годовщин Гараба Дордже, гуру Падмасамбхавы и Адзома Другны. Годовщина Гараб Дордже приходилась у нас, например, на 5 часов утра зимой. Мы приезжали к 5 утра, ставили эту кассету и делали совместно практику синхронно с Чогьялом Намкай

¹ Jim Raschick. URL: <http://melong.com/passages-died-jim-raschick/>

Норбу. Те, кто не имели возможность приехать на ретрит к Чогьялу Намкай Норбу, могли в этом участвовать. И таким образом новые люди приходили в Дзогчен-общину. В течение многих лет было так, потому что интернет в те времена не позволял осуществлять видеотрансляцию.

Намкай Норбу создал собственную систему научения Дзогчену и назвал ее «Санги Маха Сангха». Она должна была состоять из четырех стадий последовательного освоения обширного комплекса учений и практик Дзогчена. Респонденты высказывали сожаление, что учитель не завершил эту систему. Детально он успел разработать алгоритм прохождения трех уровней, обучение на каждом из которых проводил сам. К лекциям и ретритам, проводимым Намкаем Норбу, могли подключиться ученики из разных стран, поскольку преподавание велось с использованием передовых технологий. Дзогчен-община очень быстро освоила телефонные сетевые трансляции, а вскоре создала собственные вебкасты. В начале 2000-х гг. сын Намкая Норбу – Еши Намкай, будучи специалистом в IT-технологиях, создал сайт webcast.dzogchen.net.

Подробно об использовании этих технологий говорится в интервью со вторым авторизованным инструктором:

С 1999 г. начались телефонные трансляции. Обычно это было так: приезжает куда-то Чогьял Намкай Норбу, и один день ретрита транслируется по гарам Дзогчен-общины – Подмоскowie, Америка, Аргентина и т. д. Не на всех, а именно на гары. Можно поднять архивы norbu.net – рассылки Дзогчен-общины. Она существует с 1990-х гг. Я к ней подключался с 1996 г., она была через голландский сервер. Это была частная рассылка, другой не было. Потом она стала официальной. Началась она минимум с середины 1990-х гг. <...> Потом появилась с 1998 г. русская рассылка. А с 2005 г. начались уже интернет-трансляции ретритов. <...> Сначала это были подключения только в гарах и лингах, потом появилась возможность всем подключаться. Мы платили огромные деньги, чтобы позволить такую трансляцию с минимальной задержкой. Мы и потом тоже использовали ее, не пользовались Google hangouts, потому что там полторы минуты может быть задержка. А у нас была задержка минимальная, потому что очень мощные серверы арендовали. Сначала по Италии, а потом в Америке. <...> Были разные трансляции: открытые – к которым мог подключиться кто угодно, и закрытые – к которым можно было подключиться по паролю для членов Дзогчен-общины. Но закрытых было мало, в основном открытые. Узнать о них можно было через norbu.net, люди подключались самостоятельно.

По мнению опрошенных членов Международной Дзогчен-общины, новаторская стратегия в отношении медиатехнологий была изначально напрямую связана с мировоззренческой установкой самого Чогьяла Намкая Норбу, «учившего применять те средства и инструменты, которые соответствуют обстоятельствам времени и существующих задач». Так, одной из первых Дзогчен-община стала использовать для быстрой связи, оповещений и решения организационных вопросов Google-группу Norbunet, а потом ее русскоязычный аналог Voice. Созданная в начале 2000-х гг.

система онлайн-трансляций ретритов и учений на сайте webcast.dzogchen.net используется сегодня в транснациональном пространстве Международной Дзогчен-общины для совместных практик и после смерти Учителя. История становления транснациональной общины в многообразии событий, переданных учений, встреч, конкретных практик в течение нескольких десятков лет фиксировалась в газете «Зеркало», выходявшей сначала в бумажном варианте, а далее она была оцифрована и для ее материалов был создан отдельный сайт. Ссылки на этот сайт респонденты присылали, как правило, в ответ на вопросы об отдельных понятиях или локальных событиях того или иного года.

Отдельным трудным для респондентов стал вопрос о существовании общины после ухода ее Учителя. И здесь мы хотели бы привести выдержку из интервью с русскоязычным членом Дзогчен-общины, принадлежащим к молодому поколению (1985 г.р.). Его ответ интересен в нескольких аспектах. Во-первых, имея экономическое образование и большой опыт работы в сфере цифрового маркетинга и веб-разработки, он разъяснил, как устроена медиаинфраструктура Дзогчен-общины в ее нынешнем виде. А, во-вторых, пролил свет на специфику ее активности в социальных сетях:

Мы сейчас сайт (webcast.dzogchen.net) используем для трансляции записей учений Намкая Норбу и совместных практик. Благодаря этому члены Дзогчен-общины из разных уголков Земли могут собраться и практиковать вместе. На сайте есть архив материалов, но он небольшой. Полноценный большой архив в процессе индексации материалов и разработки определенного программного обеспечения для доступа к материалам <...> У нас на сайте есть открытый раздел с открытыми трансляциями, есть раздел с закрытыми, которые, когда они проходили, Учитель обозначил как закрытые. Закрытость связана с природой учения. В социальных сетях мы представлены в Fb – там есть Fb-группы больших и малых центров, есть Fb-группа «Зеркало». Есть группы, которые публикуют информацию об открытых событиях, связанных с Янтра-йогой, Санти Маха Сангхой и Кайтой (радостные танцы и песни). Нас мало в ВК, потому что для общения между собой русскоязычная Дзогчен-община больше использует Google группы, email и мессенджеры. Исторически так сложилось. Есть практики, которые проводятся в онлайн-формате, когда мы учимся у инструкторов. Они объясняют нам вопросы практики в Zoom или Google meet. Также онлайн проводятся совместные практики. Например, у нас есть практики, которые мы выполняем в соответствии с лунным календарем, 4 раза в месяц – это 10, 15, 25 и 30 день. <...> Сами практики проходят офлайн – человек, выполняющий практику находится в линге или в гаре (редко у себя дома) и там, как правило, есть другие практикующие. А трансляция позволяет практикующим из других мест присоединиться и выполнить практику вместе.

В наш гайд был включен вопрос о возможности вынесения в онлайн всех практик Дзогчен-общины. В ходе интервью выяснилось, что и открытые и тайные практики (те, что требуют передачи и специаль-

ной инициации) вынесены в онлайн. Однако сама инициация и передача тайных практик в данный момент в Дзогчен-общине может осуществляться только в личном общении в формате «учитель-ученик».

Непобедимое солнце русскоязычной Тхеравады: единая цифровая ниша vs офлайн конкуренция общин

Русскоязычные тхеравадинские общины, презентующие себя группами в ВК и собственными веб-сайтами, – явление сравнительно новое. В начале 1990-х гг. в российской буддийской среде имелось лишь небольшое количество инициативных тхеравадинов-одиночек. Они узнавали о Тхераваде по книгам, организовывали редкие краткосрочные приезды в Россию западных и азиатских наставников. Результатом таких приездов в 1992 г. стала регистрация двух тхеравадинских организаций – «Бодхимандала» и «Патибодхана». Однако просуществовали они недолго, поскольку визиты зарубежных наставников прекратились, а внутри русскоязычной тхеравадинской среды так и не образовалось единого видения практик и дальнейших общинных стратегий¹. В отсутствие монахов-наставников и ясного понимания того, как организовывать жизнедеятельность общины, русскоязычные тхеравадины сделали упор на переводы с английского языка книг отдельных азиатских и западных учителей Тхеравады. Значимые подвижки в сторону формирования общин начались только в 2000-х гг. в связи с двумя обстоятельствами. Во-первых, появились те, кто самостоятельно отправлялся в страны Юго-Восточной Азии, получал там опыт пребывания в буддийских общинах или медитационных центрах, принимал полные монашеские или послушнические обеты на временной или постоянной основе. По возвращении некоторые из них создали новые общины той тхеравадинской традиции, которой они были обучены в период жизни в азиатских монастырях. Во-вторых, распространение общедоступного Интернета и социальных сетей стимулировало русскоязычных тхеравадинов вынести свои дискуссии сначала на сайт Буддийского форума², где они создали себе отдельную нишу, а потом на форумы собственных сайтов. Нынешняя среда российских приверженцев тхеравадинского буддизма представлена автономными малочисленными сообществами, использующими Интернет и новые технологии для популяризации собственной версии традиций тхеравадинского буддизма.

Практически в каждом интервью ответ на вопрос о буддийском медиапространстве неизменно начинался с рассказа о разобщенной среде русскоязычных тхеравадинских общин. Респонденты подчеркивали, что

¹ Русскоязычные тхеравадинские общины не подвергались социологическому исследованию. Обсуждение основных вех становления русскоязычной Тхеравады с некоторыми датами и именами мы обнаружили на форуме украинского сайта dhamma.ru. В 2017 г. сайт праздновал свое 10-летнее существование, в контексте которого и была поднята тема истории тхеравадинского русскоязычного буддизма. См.: <https://dhamma.ru/forum/index.php?topic=687.0> (дата обращения: 22.11.2020).

² Сайт Буддийский форум был основан в 1998 году.

каждая стремится создать собственную цифровую нишу. Приведем пример из интервью с буддистом-тхеравадином из Санкт-Петербурга (1975 г.р.), историком по образованию, создателем популярного паблика в Fb и группы в ВК. Он был очевидцем приезда большинства учителей в Россию, создания общин и хорошо знаком с главами многих общин русскоязычной Тхеравады. Получив свои обеты мирянина от Его Святейшества Далай-ламы XIV, опыт монашеской жизни он в дальнейшем обрел уже в монастырях Мьянмы. В интервью респондент дал подробную характеристику тхеравадинских общин и обозначил карту их цифровой активности:

Русскоязычная Тхеравада – сложное явление. В первую очередь она очень атомизирована – много сообществ и групп, духовных искателей-одиночек, у которых нет особого желания объединяться, потому что у них разные учителя и традиции. Иногда они пересекаются на ретритах, но это происходит редко. Духовные искатели создают свои сайты и форумы, похожие на отдельные крепости <...> Буддийское учение они постигали по книгам и собственным переводам, обсуждая трудные вопросы на форумах. В 2002 г. киевские буддисты создали замечательный сайт dhamma.ru и связанный с ним форум. Также примерно в эти годы набрал популярность «Буддийский форум», на нем обсуждались разнообразные вопросы по теории и практике. По прошествии нескольких лет образовалась питерская община – сначала на базе «Буддавихары» в Горелово, а спустя какое-то время костяк общины ушел из Буддавихары и создал свою полностью самостоятельную общину во главе с русскоязычным монахом Бханте Панньявудхо (Топпером). Примерно с 2007 г. питерская тхеравадинская община имеет свой сайт, который постоянно пополняется новыми переводами – <http://www.theravada.ru>, а в социальной сети ВК его представляют одноименные группы, находящиеся в различных регионах России. В тесном сотрудничестве с [theravada.ru](http://www.theravada.ru) находится группа «Буддаяна». У нее, кстати, тоже есть свой сайт – <https://theravada.world>. Община «Тхеравада.ру» пробовала развивать свои группы в Facebook, но не пошло, не их аудитория. Такой популярности как в ВК добиться не удалось. В 2011 г., если не ошибаюсь, появилась тхеравадинская община в Москве. У нее тоже есть свой сайт – <https://www.theravada.su/> и группы в Fb и ВК с названием «Буддизм Тхеравады в Москве». Они обычно проводят свои встречи в центре «Риме». Примерно в тоже время в Москве на базе корейского центра «Дальмаса» (dalma.ru) появилась группа приверженцев «Тайской лесной традиции». Они сделали свой сайт с переводами – <http://forestsangha.ru> в 2013 г. и регулярно приглашают буддийских учителей в Россию для проведения ретритов.

Свою онлайн-активность в указанных социальных сетях респондент оценил как популяризаторскую, нацеленную на привлечение максимально широкой аудитории. Не принадлежа ни к одной из русскоязычных общин, держась в стороне от их противостояния, он видит свою миссию в трансляции учительских рефлексий о доктрине и продвижении русских переводов

текстов канона и комментариев. Выступая, по сути, в функции «теоблогера», он сам выбирает темы для освещения, учителей для онлайн-продвижения, пишет собственные просветительские статьи:

Моя деятельность в пабликах представляет для меня интерес и важность, потому что в них я могу поделиться с читателями тем, что сам для себя нахожу вдохновляющим, интересным и полезным <...> например, о буддийских археологических сакральных памятниках. Делюсь там новостной информацией о выходе важных книг по тхераваде и новых переводах или о предстоящих ретритах. Моя целевая аудитория – буддисты, сочувствующие и интересующиеся, духовные искатели любых традиций, если что-то из материалов показалось им интересным и полезным, то уже хорошо.

Интервью с создателями и администраторами упомянутых выше сайтов показали, что доминантной активностью российских тхеравадинских групп является самостоятельная переводческая деятельность, объектом которой выступает Палийский канон. Респонденты подчеркивали, что для российского социокультурного контекста буддизм Тхеравады – это принципиально новая традиция, известная прежде лишь узкому кругу профессиональных ученых-буддологов. В силу этого цифровизация переводов, создание онлайн-материалов о русскоязычных тхеравадинах, обсуждение вопросов доктрины и практики на форумах они рассматривают как способ популяризации буддизма Тхеравады в России. Приведем здесь мнение респондента (1984 г.р.)¹, юриста по образованию, создателя собственного сайта theravada.world. Его пример интересен тем, что респондент является собой пример «цифрового спикера», ведя онлайн-активность в интересах конкретной общины. В интервью он отметил, что первым появился сайт theravada.ru, вдохновителем которого стал глава Санкт-Петербургской тхеравадинской общины монах Топпер, а создателем человек с рабочим псевдонимом «SV». По словам респондента, традиция Тхеравады получила известность в России исключительно благодаря сайту theravada.ru и ее представительству через сайт theravada.world. Более того, по мнению респондента, контент этих сайтов является источником вдохновения для известного российского писателя Виктора Пелевина, несущего знание о Тхераваде в широкую публичность:

Лет 20 назад слово «Тхеравада» не использовалось применительно к Южному буддизму, говорили – «Хинаяна». Потом, когда появился Интернет, слово «Тхеравада» даже не сразу стали использовать как термин, релевантный для поиска. В русскоязычном интернете вся информация – это была информация о Махаяне. Все это продолжалось долго, пока примерно лет 10 назад не появился первый сайт с соответствующим названием – Theravada.ru, на котором впервые появились переводы сутта-питаки Палийского канона. На нем каждый день в течение 10 лет выкладывались переводы сутта-питаки – то, что в наибольшей

¹ Сам он аттестовал себя, как «буддист-мирянин традиции Тхеравада (Буддаяна), южный палийский буддизм. Буддийский активист и культуртрегер. Первое буддийское Прибежище (будем считать, условный аналог крещения) принял более 12 лет назад».

степени к своей обычной жизни могут применить монахи и миряне. И это радикальным образом изменило картину мира – о Тхераваде в России узнали. В пользу этого свидетельствует, что последняя книга Пелевина посвящена уже не махаяне, дзену, а Тхераваде. В его книгах видно, что он сделал крен в сторону Тхеравады и явно совершенно изучал ее по нашему сайту. И он волей-неволей стал рупором информации для другого уровня публичного распространения. В 2019 г. я инициировал проект *theravada.world*, поскольку за последние 10 лет буддизм Тхеравады стал известен, появились люди, которые только им интересуются. Люди узнали, что есть альтернатива махаянскому буддизму. У меня появилась идея, как организовать этих людей на их энтузиазме. И сделать что-то вместе. Люди могут делать переводы, комментировать, обсуждать. Вот, возникла идея комьюнити. Идея такая – все, у кого есть интерес, могут это принести, прислать, текст, фотографии, перевод, сделать сайт с открытой архитектурой, изменения в контент которого смогут внести все желающие. Такая энциклопедия, которая пополняется читателями. Аудитория – только для своих, для буддистов. Но в принципе прицельно об этом не думал, считал, что хорошо, если будет у ищущего такой ресурс, где все собрано. Сделать что-то, похожее на Википедию, справочный ресурс.

Приведенная цитата весьма важна для анализа, поставленных нами вопросов о внутриобщинном дискурсе о целевом использовании новых медиа и о включенности или невключенности в общероссийский контекст публичной презентации буддизма. Из анализа цитаты со всей очевидностью следует, что использование Интернета и новых медиа рассматривается российскими последователями Хинаяны как способ популяризации Южного буддизма в России. Согласно тезисам респондента, они стремятся дополнить медиатизированную сферу публичности знаниями на русском языке о Тхераваде.

Необходимо подчеркнуть, что деятельность по переводу на русский язык текстов Палийского канона и их популяризация через веб-сайты трактуется буддистами-тхеравадинами в качестве самостоятельной религиозной практики. Об этом напрямую говорит в своем интервью соучредитель московской тхеравадинской общины, создавший сайты theravada.su и tipitaka.theravada.su. В своей онлайн практике он реализует стратегию «цифрового профессионала». Имея профильное техническое образование, он сам написал программное обеспечение для своих сайтов и рассматривает их как ресурс для членов московской общины и всех, кто хочет посвящать себя «традиции Тхеравады с опорой на палийские оригиналы»:

Я заинтересовался буддизмом в конце 1990-х, с 2000-х выбрал традицию Тхеравада и начал кое-что переводить. Изначально мои работы публиковались на других сайтах, в дальнейшем я сам освоил технологию их создания. У меня образование по информационным технологиям, которое позволило мне разработать программное обеспечение для обоих сайтов. Сайт theravada.su я запустил с 2007 г., в 2011 перерегистрировал на другом домене. В 2009 г. вместе с русскоязычным монахом Буддханяно бхиккху

(Rauidex) мы создали в Москве буддийскую общину. Община в Москве называется «Буддизм Тхеравады в Москве». Также есть община, официально зарегистрированная в подмосковной Балашихе, – «Община буддистов Тхеравады», но мы проводим занятия в Москве. Сейчас у меня два сайта – theravada.su и tipitaka.theravada.su, оба сделаны мной. Со временем стало ясно, что там нужны лекции. С тех пор моя работа подчинена целям исследования важных текстов и терминов и подготовке лекций для общины. Разработка программного обеспечения вся на мне, платформа сайта www.theravada.su – открытая система управления содержимым drupal (<https://www.drupal.org>). Сайт tipitaka был создан примерно в 2015 г., изначально там были только тексты на пали, потом я сделал возможность добавлять и переводы. Я продолжаю дорабатывать программное обеспечение сайта tipitaka, а прихожане из нашей общины участвуют в загрузке на него новых материалов. Создание сайтов и перевод – это тоже религиозная практика. Она продолжает традицию, которая в древности началась с устной передачи учений, потом продолжилась изданием буддийских книг, а теперь и созданием сайтов.

В каждом из интервью респонденты самостоятельно поднимали тему конкуренции сайтов, высказывая некоторую критику в адрес друг друга. Предметом критики выступают отнюдь не технические характеристики сайтов, стиль или репертуар их контента. Ключевыми вопросами противостояния между «религиозными цифровыми новаторами» являются подходы к переводам текстов Палийского канона и способы выстраивания религиозной общины. Так, во всех интервью респонденты обязательно подчеркивали, что опубликованные на русском языке буддологические переводы фрагментарны, а потому приходится самим этим заниматься. В отсутствие монашеской сангхи, живущей в России на постоянной основе, мирянам приходится самоорганизовываться, решая на свой страх и риск вопросы инициации новичков, строгости соблюдения религиозных предписаний, аутентичности собственной религиозной деятельности тхеравадинской традиции. В этом контексте перевод и комментирование канона видится им единственно возможным путем получения знания из первых рук и способом установления этой аутентичности.

Упомянутый выше респондент, избравший стратегию «цифрового профессионала», автор сайтов theravada.su и tipitaka.theravada.su, является противником онлайн-практики переводов текстов канона «только с английского языка без сверки с палийскими оригиналами». Он видит свою религиозную миссию в цифровом донесении неискаженных текстов, поскольку переводит их сам с опорой на палийские оригиналы и выкладывает на своих сайтах. Респондент полагает, что это позволяет, например, познакомиться с аутентичной версией способов буддийской инициации и повседневной практики. Опираясь на свои переводы палийских текстов, он утверждает, что мирянин не нуждается в монашеской сангхе (общине) или монахе для принятия Прибежища (своего рода религиозного посвящения), а миряне в отсутствие компетентных монахов могут принимать на себя роль переводчиков и трансляторов учения Будды:

Я – мирянин. Для мирян особенно выделяется практика благотворительности – дарения, поддержки буддийских монахов, но не только их. Любая благотворительность является благом и формирует предпосылки для благополучия. Кроме этого, мирянам рекомендовано соблюдение пяти принципов, миряне могут заниматься и медитацией – развитием ума с помощью техник, которые Будда дает в текстах и которые подробно объясняются в комментаторской литературе. Из этих практик в онлайн можно вынести материальную поддержку общин, центров и монахов, изучение и обсуждение буддийских текстов. В идеале работой по переводу и комментированию текстов должны заниматься монахи, имеющие буддийское образование. В настоящий момент никто из них этой работой не занимается, поэтому ей приходится заниматься мирянам. Кроме того, среди русскоязычных последователей буддизма Тхеравады есть разногласия на тему принятия прибежища в Трех драгоценностях. Некоторые последователи выступают в пользу того, что прибежище дается монахом и не может быть принято самостоятельно. Я выступил с критикой этой точки зрения, указывая на то, что она не имеет оснований в каноне. По итогам исследования этого вопроса мною в соавторстве была написана, наделавшая много шума, статья <https://www.theravada.su/node/526>.

В 2018 г. была предпринята попытка объединить усилия различных тхеравадинских цифровых ресурсов в рамках наполнения контента вновь возникшего сайта тхеравада.рф. Его создателем выступил известный в этой среде буддист-тхеравадин (1981 г.р.), начавший когда-то свой духовный путь с освоения метода Випассаны в трактовке Шри Сатьи Нарайана Гоенки. Много лет он посвятил изучению различных практик работы с сознанием, осознанно пришел к буддизму, шесть лет прожил в статусе монаха в одном из тхеравадинских монастырей Шри-Ланки. По возвращении наряду с прочим он хотел объединить конфликтующую русскоязычную Тхераваду в онлайн-пространстве через общий веб-сайт, на котором могли бы выкладывать свои переводы, статьи и др. все желающие. Потерпев неудачу в реализации первоначального замысла, он вынужденно принял на себя стратегию тео-блогера, выкладывая на своем сайте переводы текстов, собственные повествования о практиках медитации, учителях, монастырях и русскоязычных монахах и монахинях:

В 2005 г. я стал активным членом группы Випасана, она не требует какой-либо религиозной принадлежности. И, кстати, в последнем романе «Непобедимое солнце» Пелевин прямо пишет о Випассане, упоминает Гоенку. Потом я поехал на год в Индию, жил там в центре, медитировал и подумал, что хочу посвятить время обучению в монастыре. Отправился в тхеравадинский монастырь на Шри-Ланку, понял себя как буддиста, принял на время послушнические, а затем монашеские обеты. За тот период я написал книгу под своим монашеским именем Алокананда «Антология учения Будды». Позже каким-то образом она распространилась по сети. Через 6 лет, когда вернулся в Россию, я уже знал о монахах, знал о русских тхеравадинских общинах.

Но с ними трудно, я много раз уходил с буддийских форумов тхеравадинов. Потихонечку образовались медиа – мы с женой сделали группу «Реализаторы фантазии рф»¹ в ВК и Fb. Я добавил РФ, потому что хотелось что-то хорошее для своей страны. Но группа как-то быстро стала про духовные искания, а потом и вовсе буддийской. Я стал писать по поводу медитации, о разных техниках медитационных, истории из монастыря, из жизни Будды. Перевел несколько книг по описанию методов различных учителей этой традиции. Стал думать, куда выложить. Оказалось, что каждый тхеравадинский ресурс – это презентация определенной группы и ее воззрений. И эти группы враждуют между собой, есть несколько видов таких расколов. Даже если ты не примкнул ни к одной группе, ты все равно принадлежишь к определенной традиции тхеравадинской, а их много. Мы с женой сделали гадательные «Карты Ясности» и гадательное онлайн мобильное приложение для Андроид, выложили в Гугл-плэй. Родилась идея сделать портал, который всех объединял бы, чтобы все статьи и переводы, касающиеся Тхеравады, какие есть, там были. В 2018 г. один друг, веб-мастер, сделал мне сайт, дизайн делала моя жена. Потом я вышел в информационное поле, предложил всем давать материалы. Но никто особо не откликнулся. Я просматриваю все, что есть по Тхераваде в сети и копирую, размещаю информацию о русскоязычных монахах и монахинях. Я стараюсь держать правильную мотивацию – у меня на сайте нет никакой регистрации посещаемости, никаких форумов, на которых все спорят и ругаются, ни с кем не конкурирую. Основная моя мотивация – ты переводишь и таким образом глубже понимаешь информацию. Результат этой моей духовной практики, подвижничества, я выкладываю на свой сайт.

Заключение

Российский цифровой буддизм – это гетерогенная реальность, в которой соседствуют онлайн-сообщества, сайты, приложения, созданные или используемые аналоговыми буддийскими организациями, с онлайн-сообществами, сайтами и приложениями так называемых онлайн-буддистов. Мы полагаем, что цифровое картографирование этой реальности следует производить не аналитически, как это предлагают делать зарубежные коллеги, а путем поэтапных прикладных количественных зондажей. Использование методов математического моделирования позволило нам создать цифровую карту буддийских онлайн-сообществ социальной сети ВКонтакте. Мы установили, что «буддийская» ниша в данной сети представлена онлайн-сообществами, созданными последователями офлайн-направлений российского буддизма, и разнообразными квазибуддийскими сообществами, не имеющими никаких аналогов офлайн. Преобладающими количественно

¹ На странице группы имеются ссылки на настольную игру «Карты Ясности» и на мобильное приложение с этой игрой для Андроид. См.: https://vk.com/realizatory_fantasyi (дата последнего посещения 22.11.2020).

и по своей онлайн-активности являются бурятские, калмыцкие и тувинские онлайн-сообщества ветки школы гелугпа и онлайн-группы российской Ассоциации общин, входящих в состав Международной организации Карма-кагью. Значимо уступают в количественном отношении онлайн-сообщества российской части Международной Дзогчен-общины и русскоязычной Тхеравады. Кроме того, в ВК сообщества Дзогчен-общины крайне малочисленны и закрыты, а группы русскоязычной Тхеравады не консолидированы. Сравнение полученных результатов по ВК с данными по Fb показало, что цифровая активность направлений офлайн-организаций российских буддистов в этих сетях различна. В буддийской нише платформы Facebook преобладают персональные блогерские аккаунты членов Дзогчен-общины и русскоязычной Тхеравады. Мы полагаем, что цифровое картографирование буддийских онлайн-сообществ, пабликов, блогов в Fb в сочетании с качественным изучением этой среды может пролить свет на особенности выстраивания отношений с Интернетом и новыми медиа как традиционных гелугпинских этнических офлайн-организаций и российской ветки Международной общины Карма-кагью.

Цифровое картографирование буддийской ниши ВК обнаружило значимую лакуну знаний об онлайн-профилях российской части Международной Дзогчен-общины и сообществ русскоязычной Тхеравады. Следующий этап исследования позволил установить репертуар используемых медиа и типы цифровых новаторов, усилиями которых осуществлялось форматирование медиатехнологий.

Новаторская стратегия отношения к Интернету и технологиям Чогьяла Намкая Норбу имела своим следствием возникновение эмерджентной цифровой среды Международной Дзогчен-общины. Она формировалась благодаря усилиям «цифровых профессионалов» в лице самого Намкая Норбу, его сына и российских последователей. Общинная идентичность Дзогчен-общины изначально выстраивалась как транснациональная, то есть не связанная с конкретной территорией, центром, страной, этничностью и т. п. Принципиальными для ее цифрового воспроизведения стали медиа, созданные общинными цифровыми профессионалами, – собственная почтовая рассылка Norbunet, онлайн-газета «Зеркало», веб-сайт webcast.dzogchen.net, позволяющий проводить онлайн-ретриты. Слабая востребованность ВК объясняется тем, что эта социальная сеть ориентирована преимущественно на российского пользователя, а члены Дзогчен-общины настроены преимущественно на транслокальное общение внутри своей среды, что хорошо обеспечивается в Fb. Вместе с тем, использование Fb, YouTube является, скорее, дополнительным ресурсом для освещения публичных событий, а также для реализации локальных закрытых встреч и ведения закрытых групп.

Совершенно иначе формировалась новаторская стратегия русскоязычной Тхеравады. Из анализа результатов нашего исследования российской Тхеравады очевидностью следует, что использование интернета и новых медиа рассматривается в общинах как способ популяризации буддизма Тхеравады (хинаяны) в России. Они не ставят перед собой цели

противопоставить себя закрепленной в России исторически Махаяне тибетской школы. Общины российской Тхеравады стремятся дополнить медиатизированную сферу публичности российского буддизма знаниями на русском языке о Тхераваде. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что их онлайн-активность не ставит задачей самопрезентацию в качестве традиционного российского буддизма.

Позитивное отношение к Интернету и медиатехнологиям связано со стремлением популяризировать буддизм Тхеравады в России. Новаторство здесь опосредовано межобщинной офлайн-конкуренцией за аутентичность передачи традиции и авторитет. В традициях буддизма Тхеравады социальная организация общины предполагает наличие монастыря и монашествующих. Как воспроизводить буддизм Тхеравады вне этой традиционной структуры – это один из ключевых вопросов, с которым сталкиваются европейцы и россияне, желающие практиковать Тхераваду у себя на родине. Обнаруженное онлайн-противостояние тхеравадинских сайтов полностью воспроизводит конфликты и конкуренцию, существующие в офлайн-тхеравадинских общинах различных учительских традиций. Эта конкуренция мотивировала цифровых стратегов и спикеров русскоязычной Тхеравады создавать свои автономные веб-сайты и открывать онлайн-сообщества в социальной сети ВКонтакте. И здесь можно говорить об обратном воздействии медиа на конкретную религиозную среду. Цифровые спикеры, теоблогеры и профессионалы тхеравадинских общин внимательно мониторят изменения онлайн-инфраструктуры русскоязычной ниши тхеравадинов, зорко отслеживают дискуссии на форумах сайтов, в чатах Telegram, персональных пабликах, блогах и группах в ВК и Fb. Ведущей онлайн религиозной практикой в этой нише является популяризация тхеравадинского буддизма через переводы Палийского канона на русский язык, комментирование его текстов, рассказы об азиатских и западных учителях, обсуждения практик и методов на форумах сайтов. Тхеравадинские цифровые новаторы стремятся к созданию сходного репертуара медиа – веб-сайты с переводами текстов канона, форумами, паблики и группы в социальных сетях. Все это вместе выливается в унификацию интернет-ресурсов конкурирующих в офлайне общин. Как можно видеть на основании проведенного исследования, малочисленные религиозные общины, принадлежащие к нетрадиционным для России направлениям одной из мировых религий (в данном случае: буддизма), достаточно успешно освоили сетевые технологии и применяют их для самопрезентации и распространения своего учения.

Библиографический список

1. Актамов И. Г. Бадмацыренов Т. Б., Цыремпилов Н. В. Российский буддизм в интернет-измерении // Власть. 2015. № 7. С. 125–130. EDN: UDRSFV.

2. Гришаева Е., Шумкова В. Теории среднего уровня в исследовании религии и медиа: медиатизация, медиация и RSST // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(2). С. 28–32. DOI: 10.22394/2073-7203-2020-38-2-7-40; EDN: KGECLH.
3. Островская Е. А., Бадмацыренов Т. Б. Стратегии буддийских сообществ в новых медиа // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 109–119. DOI: 10.31857/S013216250019277-7; EDN: GPPGQB.
4. Anderson J. The Internet and Islam's new interpreters // Eickelman D. F. (ed.) *New media in the Muslim world: The emerging public sphere*. Bloomington: Indiana University Press, 1999. 213 p.
5. *Buddhism, the Internet, and Digital Media The Pixel in the Lotus* / Ed. by G. P. Grieve, D. Veidlinger. N. Y.: Routledge, 2014. 240 p.
6. Campbell H. (ed.) *Digital Judaism: Jewish Negotiations with Digital Media and Culture*. N. Y.: Routledge, 2015. 222 p.
7. Campbell H. *Framing the Human-Technology Relationship: How Religious Digital Creatives Engage Posthuman Narratives* // *Social Compass*. 2016. Vol. 63(3). P. 302–318. DOI: 10.1177/0037768616652328.
8. Campbell H. *Introduction: The rise of the study of digital religion* // *Digital Religion. Understanding Religious Practice in New Media Worlds* / Ed. by H. A. Campbell. N. Y.: Routledge, 2012. 276 p.
9. Campbell H. *When Religion Meets Media*. L.: Routledge, 2010. 232 p.
10. Campbell H., Bellar W. *Digital Religion: The Basics*. N. Y.: Routledge, 2022. 178 p.
11. Campbell H., Tsuria R. (eds) *Digital Religion: Understanding Religious Practice in Digital Media*. L.: Routledge, 2022. 308 p.
12. Cheong P., Huang S., Poon J. *Cultivating Online and Offline Pathways to Enlightenment. Religious authority and strategic arbitration in wired Buddhist organization* // *Information, Communication & Society*. 2011. Vol. 14(8). P. 1160–1180. DOI: 10.1080/1369118X.2011.579139.
13. Connely L. *Virtual Buddhism: Online Communities, Sacred Place and Objects* // *The Changing World Religion Map: Sacred Places, Identities, Practices and Politics*. N. Y.: Springer, 2015. 3926 p.
14. Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge, UK: Polity Press, 2017. 290 p.
15. Grieve G. P. *The Middle Way Method: A Buddhist-Informed Ethnography of the Virtual World of Second Life* // *Buddhism, the Internet, and Digital Media: the Pixel in the Lotus* / Ed. by G. P. Grieve, D. Veidlinger. N. Y.: Routledge, 2015. 232 p.
16. Grieve G. P. *Cyber Zen: Imagining Authentic Buddhist Identity, Community, and Practices in the Virtual World of Second Life*. L.: Routledge, 2016. 278 p.

17. Grieve G. P., Veidlinger D. Buddhist Media Technologies // The Oxford Handbook of Contemporary Buddhism / Ed. by M. Jerryson. N. Y.: Oxford University Press, 2016. 469 p.
18. Kim M. C. Online Buddhist community: An alternative organization in the information age // Hojsgaard M., Warburg M. (eds) Religion and cyberspace. L.: Routledge, 2005. 224 p.
19. Krotz F. Mediatization. A concept with which to grasp media and societal change // Lundby K. (ed.), Mediatization: Concept, changes, consequences. N. Y., NY: Peter Lang, 2009. 317 p.
20. Lee J. Cultivating the Self in Cyberspace: The Use of Personal Blogs among Buddhist Priests // Journal of Media and Religion. 2009. Vol. 8(2). P. 97–114.
21. Lövheim M., Axner M. Mediatized religion and public spheres: Current approaches and new questions // Granholm K., Moberg M., Sjö S. (eds) Religion, Media, and Social Change. L.: Routledge, 2015. 224 p.
22. Ostrovskaya E., Badmatsyrenov T. et al. Russian-Speaking Digital Buddhism: Neither Cyber, nor Sangha // Religions. 2021. Vol. 12(6). P. 449. DOI: 10.3390/rel12060449.
23. Ostrowski A. American Cybersangha: Building a Community or Providing a Buddhist Bulletin Board? // Buddhism, the Internet, and Digital Media: the Pixel in the Lotus / Ed. by G. P. Grieve, D. Veidlinger. N. Y.: Routledge, 2015. 232 p.
24. Prebish Ch. S. The Cybersangha: Buddhism on the Internet // Religion online: Finding Faith on the Internet / Ed. by L. L. Dawson, D. E. Cowan. N. Y., L.: Routledge, 2004. 288 p.
25. Radde-Antweiler K., Zeiler X. Mediatized Religion in Asia: Studies on Digital Media and Religion, L.: Routledge, 2019. 248 p.
26. Schlutter M. Buddhism in the Digital World // The Wiley Blackwell Companion to East and Inner Asian Buddhism / Ed. by M. Poceski. Wiley Blackwell, 2014. 552 p.
27. Veidlinger D. Introduction // Buddhism, the Internet, and Digital Media: the Pixel in the Lotus / Edited by Gregory P. Grieve, Daniel Veidlinger. New York: Routledge. 2015. 232 p.

Получено редакцией: 2.09.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ОСТРОВСКАЯ Елена Александровна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории социологии

БАДМАЦЫРЕНОВ Тимур Баторович, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и социологии; директор Центра

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.6

Network Technologies as a Tool for Self-Presentation of Small Religious Groups (The Case of Buddhism New for Russia)¹

Elena A. Ostrovskaya

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

e.ostrovskaya@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-0664-1514

Timur B. Badmatsyrenov

Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russia;

Center for Socio-Political Research “Alternative”, Ulan-Ude, Russia

badmatsyrenovtb@bsu.ru

ORCID: 0000-0002-6363-9464

For citation: Ostrovskaya E. A., Badmatsyrenov T. B. Network technologies as a tool for self-presentation of small religious groups (the case of Buddhism new for Russia). *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 79–106. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.6; EDN: PKBVEW.

Abstract. This article analyses the results of a long-term study of the strategies of the Russian-speaking Buddhist community in relation to the Internet and new media. The authors present the results of a study of two cases of Buddhist digital innovators – communities of the Russian-speaking branch of the International Dzogchen Community and Russian Theravada. The authors chose these two cases for analysis, since they are representative for the sociological consideration of the multidimensional connections between online and offline communications of Russian digital Buddhism. The subject of the study seems to be especially relevant, since in modern sociology more and more attention is paid to the study of the influence of media technologies, the Internet and social media on religious traditions, practices and forms of social organisation of religion. The reason for this is the deepening process of mediatisation of modern societies. It has brought with it fundamental transformations of various spheres of social activity. Religions are involved in the process of mediatisation, that poses a number of serious questions that require new answers unknown to their traditions. Thus, the digitalisation of sacred texts brings with it the devaluation of the tradition of canonical knowledge and interpretation of sacred texts. In this complex context of reformatting social reality, Russian traditional religions are developing their own reflections and responses to the risks of mediatisation. On the Russian-language Internet, Orthodoxy, Islam, Judaism and Buddhism are represented by a rich variety of websites of the corresponding religious communities and centres of various trends, podcasts, channels, publics, groups and blogs on social networks. And, as the results of sociological research demonstrate, the discussion of the correlation of the value-normative coordinates of everyday life with religious-doctrinal regulation serves as the semantic core of trans-local religious communications mediated by media. New digital media challenge religious traditional values, since they provide space and ways of forming new religious authorities, new ways of influencing a certain religious group. The study was conducted using a methodology developed by the authors, combining methods of mathematical modelling and qualitative sociology. The authors conclude that, paradoxically, non-traditional Buddhist organisations in Russia have adopted an innovative strategy and have proven to be very creative in attracting new media and promoting their own presentations in the public space. And the directions of Buddhism that have been institutionalised in the past 30 years, on the contrary, are conservative.

Keywords: Russian digital Buddhism, Buddhist digital innovators, media strategies, Russian Theravada, Hinayana, Mahayana

References

1. Aktamov I. G., Badmatsyrenov B., Tsyrempilov N. V. Russian Buddhism in the Internet Dimension. *Vlast*, 2015: 7: 125–130 (in Russ.). EDN: UDRSFV.
2. Grishaeva E., Shumkova V. Middle-Range Theories in Religion and Media Studies: Mediation, Mediatization and RSST. *Gosudarstvo, religii, tserkov v Rossii i za rubezhom*, 2000: 38(2): 7–40 (in Russ.). DOI: 10.22394/2073-7203-2020-38-2-7-40.
3. Ostrovskaya E. A., Badmatsyrenov T. B. Russian Digital Buddhism: Strategies of Buddhist Communities in New Media. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 7: 109–119 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250019277-7.

¹ **Acknowledgements.** The study was funded by RSF grant no. 24-48-03022 “Traditional Buddhism, Postsecularity and Modern Socio-Political Processes in Russia and Mongolia”.

4. Anderson J. The Internet and Islam's new interpreters. In Eickelman D. F. (ed.) *New media in the Muslim world: The emerging public sphere*. Bloomington, Indiana University Press, 1999: 213.
5. Buddhism, the Internet, and Digital Media The Pixel in the Lotus. Ed. by G. P. Grieve, D. Veidlinger. New York, Routledge, 2014: 240.
6. Campbell H. (ed.) *Digital Judaism: Jewish Negotiations with Digital Media and Culture*. New York, Routledge, 2015: 222.
7. Campbell H. Framing the Human-Technology Relationship: How Religious Digital Creatives Engage Posthuman Narratives. *Social Compass*, 2016: 63(3): 302–318. DOI: 10.1177/0037768616652328.
8. Campbell H. Introduction: The rise of the study of digital religion. In *Digital Religion. Understanding Religious Practice in New Media Worlds*. Ed. by H A. Campbell. New York, Routledge, 2012: 276.
9. Campbell H. *When Religion Meets Media*. London, Routledge, 2010: 232.
10. Campbell H., Bellar W. *Digital Religion: The Basics*. New York, Routledge, 2022: 178.
11. Campbell H., Tsuria R. (eds) *Digital Religion: Understanding Religious Practice in Digital Media*. London, Routledge, 2022: 308.
12. Cheong P., Huang S., Poon J. Cultivating Online and Offline Pathways to Enlightenment. Religious authority and strategic arbitration in wired Buddhist organization. *Information, Communication & Society*, 2011: 14(8): 1160–1180. DOI: 10.1080/1369118X.2011.579139.
13. Connely L. Virtual Buddhism: Online Communities, Sacred Place and Objects. In *The Changing World Religion Map: Sacred Places, Identities, Practices and Politics*. New York, Springer, 2015: 3926.
14. Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge, UK, Polity Press, 2017: 290.
15. Grieve G. P. The Middle Way Method: A Buddhist-Informed Ethnography of the Virtual World of Second Life. In *Buddhism, the Internet, and Digital Media: the Pixel in the Lotus*. Ed. by G. P. Grieve, D. Veidlinger. New York, Routledge, 2015: 232.
16. Grieve G. P. *Cyber Zen: Imagining Authentic Buddhist Identity, Community, and Practices in the Virtual World of Second Life*. London, Routledge, 2016: 278.
17. Grieve G. P., Veidlinger D. Buddhist Media Technologies. In *The Oxford Handbook of Contemporary Buddhism*. Ed. by M. Jerryson. New York, Oxford University Press, 2016: 469.
18. Kim M. C. Online Buddhist community: An alternative organization in the information age. In Hojsgaard M., Warburg M. (eds) *Religion and cyberspace*. London, Routledge, 2005: 224.
19. Krotz F. Mediatization. A concept with which to grasp media and societal change. In Lundby K. (ed.). *Mediatization: Concept, changes, consequences*. New York, NY, Peter Lang, 2009: 317.
20. Lee J. Cultivating the Self in Cyberspace: The Use of Personal Blogs among Buddhist Priests. *Journal of Media and Religion*, 2009: 8(2): 97–114.
21. Lövheim M., Axner M. Mediatized religion and public spheres: Current approaches and new questions. In Granholm K., Moberg M., Sjö S. (eds) *Religion, Media, and Social Change*. London, Routledge, 2015: 224.
22. Ostrovskaya E., Badmatsyrenov T. et al. Russian-Speaking Digital Buddhism: Neither Cyber, nor Sangha. *Religions*, 2021: 12(6): 449. DOI: 10.3390/rel12060449.
23. Ostrowski A. American Cybersangha: Building a Community or Providing a Buddhist Bulletin Board? In *Buddhism, the Internet, and Digital Media: the Pixel in the Lotus*. Ed. by G. P. Grieve, D. Veidlinger. New York, Routledge, 2015: 232.
24. Prebish Ch. S. The Cybersangha: Buddhism on the Internet. In *Religion online: Finding Faith on the Internet*. Ed. by L. L. Dawson, D. E. Cowan. New York, London, Routledge, 2004: 288.
25. Radde-Antweiler K., Zeiler X. *Mediatized Religion in Asia: Studies on Digital Media and Religion*. London, Routledge. 2019: 248.
26. Schlutter M. Buddhism in the Digital World. In *The Wiley Blackwell Companion to East and Inner Asian Buddhism*. Ed. by M. Poceski. Wiley Blackwell, 2014: 552.
27. Veidlinger D. Introduction. In *Buddhism, the Internet, and Digital Media: the Pixel in the Lotus*. Ed. by G. P. Grieve, D. Veidlinger. New York, Routledge. 2015: 232.

The article was submitted on: September 02, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Ostrovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of Sociology

Timur B. Badmatsyrenov, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science and Sociology; Director of the Center

Приложение

Випассана (Vipasyanā, санскр. «проникновенное видение») – вид медитации, созерцание четырех благородных истин и идеи не вечности, в буддийской традиции Южной и Юго-Восточной Азии. С конца XX в. получила широкое распространение в различных регионах мира как среди буддистов, так и людей, интересующихся медитативными техниками, разработанными Махаси Саядо (1904–1982) и Сатья Нараяном Гоенкой (1924–2013), известными бирманскими буддийскими религиозными деятелями.

Гелуг – одна из четырех основных традиций-школ тибето-монгольского буддизма, основанная выдающимся тибетским буддийским ламой Чже Цонкапой (1357–1419). Также часто употребляется «желтая вера», «желтошапочная школа». Характеризуется развитой системой буддийских монастырей, монастырского образования, институтами монашеской дисциплины, особым подходом к сочетанию философской подготовки и религиозной практики. С XVII в. занимает доминирующее положение и выполняет особую роль в политическом развитии тибето-монгольского макрорегиона, вырабатывает специфическую теократическую форму правления во главе с Далай-ламами в Тибете и Богдо-гэгэнами в Монголии. Традиционно распространена в России, прежде всего в Республиках Бурятия, Калмыкия, Тыва, Забайкальском крае, Иркутской области, на Алтае.

Дацан – в бурятской традиции буддийский монастырь, центр буддийского образования, культовой деятельности, культуры и искусства.

Дзогчен (rdzogs pa chen po, тиб. «великое совершенство») – буддийское учение, важнейшая часть тибетской школы ньигма и других школ тибето-монгольского буддизма. Во второй половине XX в. получает широкое распространение во многих странах. Представлена международными организациями и многочисленными общинами, такими как Международное Дзогчен-сообщество, основанное Намкаем Норбу Ринпоче, общинами Тулку Урген Ринпоче и Чокьи Нима Ринпоче и другими тибетскими и западными учителями.

Палийский канон – собрание священных буддийских текстов на языке пали. Составляет основу учения Тхеравады.

Сангха (saṅgha, санскр. «собрание», «община») – община в буддизме и ряде других религиозных течений. Различают Арья-Сангху, общину просветленных существ, будд, пратьека-будд, бодхисаттв, архатов, а также обычную сангху – общину монахов, монахинь, мирян и мирянок.

Три драгоценности (Триратна, санскр.) – Будда, Дхарма (Учение), Сангха (община), три объекта духовного прибежища в буддизме. Занимает центральное символическое и идейное место в буддийском учении и практике. В тибето-монгольской традиции также дополняется Гуру (санскр.), Ламой (тиб.) – Учителем.

Тхеравада (theravāda, санскр. «учение старейшин») – направление, школа в буддизме, получившее распространение в Южной и Юго-Восточной Азии. В настоящее время общины разных школ Тхеравады действуют во многих странах Азии, Европы, Америки и Африки. Считается старейшей из сохранившихся школ буддизма. Центральное место занимает монашество, со строгими правилами монастырской жизни. Во многих странах буддийские монахи-тхеравадины принимают активное участие в общественно-политической жизни, разрабатывают политико-правовые идеи и реализуют различные общественные проекты.

Хурул – буддийский храм в Калмыкии

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.7
EDN: MFHOTB

Галичина и Донбасс как идеальные модели региональной идентичности: социокультурные корни противостояния западной и восточной Украины¹

Ссылка для цитирования: Косов Г. В., Ярмак О. В., Гарас Л. Н. Галичина и Донбасс как идеальные модели региональной идентичности: социокультурные корни противостояния западной и восточной Украины // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 3. С. 107–134. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.7; EDN: MFHOTB.
For citation: Kosov G. V., Yarmak O. V., Garas L. N. Galicia and Donbass as Ideal models of regional identity: socio-cultural roots of the confrontation between Western and Eastern Ukraine. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 107–134. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.7; EDN: MFHOTB.

SPIN-код: 2630-4171

Косов Геннадий Владимирович¹

¹Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

kossov1@yandex.ru

SPIN-код: 8215-7744

Ярмак Ольга Валерьевна¹

¹Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

olga_yarmak@inbox.ru

SPIN-код: 9700-5761

Гарас Людмила Николаевна¹

¹Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

garas_ln@mail.ru

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 23-28-01684 «Особенности восприятия государственного транзита в регионах пост-Украины».

Аннотация. В данной статье рассматриваются идеальные модели региональной идентичности на Украине – Галичина и Донбасс. Подчеркивается, что Украина, став суверенным государством и появившись на политической карте мира в 1991 г., столкнулась с проблемой ярко выраженной мозаичности регионов. Отдельные регионы включались в состав Украины уже оформившиеся как самобытные целостности с устойчивыми особенностями культуры и способом жизни населения. Авторы акцентируют внимание на том, что на территории Украины сосуществовал целый ряд территориальных комплексов достаточно слабо связанных между собой, а подчинение их различным государствам в силу частого изменения границ, обуславливало их сложное взаимодействие. Процессы изменения политической принадлежности регионов актуализируют идентификационный вопрос, а идентичность в таких условиях превращается в некоего демиурга действительности и может выступать главным, а иногда и единственным источником смыслов. Провозглашение независимости Украиной актуализировало исторически сформировавшиеся противоречия, ранее существующие преимущественно латентно. В статье доказывается наличие социокультурных регионов, своеобразных этнотерриториальных сообществ, создающих континуум с ярко выраженной дихотомией – Донбасс и Галичина. Начиная с первых лет независимости Украины в сознание граждан активно внедрялся образ новой независимой страны как великой европейской державы, становлению которой всегда мешала и продолжает мешать Россия. То есть продвигался проект, в основу которого был положен галицийский национализм (с подчеркнута русофобской основой) и концепция «титულიной украинской нации». В свою очередь, регионалистские настроения на Востоке Украины показали, что региональная идентичность может обладать большим потенциалом для социальной интеграции граждан. Начиная с 1990-х годов Донбасс нередко выступал в качестве объекта преднамеренно «иног» со стороны украинской политической и культурной элиты, что являлось контрастным фоном в контексте практик национального строительства Украины. Авторы приходят к выводу, что формирование украинской национальной идентичности осуществлялось весьма противоречиво и характеризовалось ярким доминированием региональной идентичности на Востоке Украины на фоне тотального продвижения Галицийского проекта, причем с 2014 г. его продвижение осуществлялось именно вооруженным путем. Однако, насильственное стремление нивелировать региональную идентичность жителей Востока Украины запустило процесс сецессии региона – самопровозглашение ДНР и ЛНР и их последующее включение в 2022 г. в состав Российской Федерации.

Ключевые слова: региональная идентичность, Украина, Россия, Донбасс, Галичина

Введение

Исследование особенностей региональной идентичности Украины являются актуальными, что связано с геополитическими трансформациями конца XX – начала XXI в., приведшими к изменению «знакового мира», обусловившими нестабильность и плюральность векторов развития будущего. Перемены, происходящие в структуре современного мирового порядка, доминирующих тенденциях его динамики, взаимоотношениях его ключевых игроков, спроецировались на качественное и количественное изменение границ государств. Так, распад Советского Союза привел не только к появлению на политической карте мира новых государств, но и усилил в них социально-экономическую напряженность и конкуренцию

элит, обострил межэтнические проблемы и противоречия, актуализировал вопрос идентичности населения как в масштабе государства в целом, так и его регионов в частности.

Цель представленного исследования – выявить особенности становления региональной идентичности на примере таких украинских регионов как Донбасс и Галичина в ретроспективном срезе, определить социокультурную специфику и сложности формирования украинской национальной идентичности и обосновать запрос на федерализацию, существовавший на Украине до 2014 г., приведший к сецессии части территорий восточной и юго-восточной Украины после событий 2013–2014 гг.

Теоретико-методологические основы исследования

Отдельные аспекты процессов формирования региональной идентичности исследуются в работах и зарубежных, и российских исследователей. Так, этнополитическое районирование и исторические предпосылки регионализации стали предметом изучения М. С. Днистрянского [36], В. Н. Рогатина [22] и других.

Н. Ю. Рябчук [48] заявляет о существовании «двух Украин», подразумевая не просто Восток – Запад или россияне – украинцы, а предполагая, что существует два кардинально отличающихся проекта, в первую очередь две разные системы ценностей: советских – антисоветских, евразийских – европейских. То есть, одна Украина – это проект, ориентированный на Польшу – Литву и их путь посткоммунистического развития и ценностное сопровождение, а другая – это проект, ориентированный на Россию – Беларусь, ценности «Русского мира» и соответствующий путь развития. Автор подчеркивает, что данные проекты несовместимы между собой и имеют ценностно-цивилизационное измерение, хоть и коррелируют с этничностью, языком и регионом. В тоже время они коррелируют с возрастом и образованием: молодые и более образованные выступают приверженцами проекта «европейской» несоветской Украины, а старшие и менее образованные – наоборот. После отделения наиболее «советизированных» регионов: Крыма и Донбасса, «две Украины» остаются, но изменился уровень их поддержки населением, доминантным стал европейский проект.

Британский и канадский доктор политологии украинского происхождения, специалист по истории и политике СССР, России и Украины, советолог, автор научных статей по национализму и геополитике Т. Кузьо [60; 62], рассматривая российско-украинские отношения в рамках дискуссий о национальной идентичности, культуре и «инаковости», отмечает, что правящие элиты Украины не придерживаются консенсуса по поводу того, как относиться к «значимому Другому» (России), что является весьма важным в процессе формирования национальной идентичности. В статье «Национальное самосознание и написание истории в Украине» [61] Кузьо подчеркивает, что в российско-украинских отношениях существует высокая острота споров касательно истории и ее интерпретации, что несо-

мненно влияет на внутреннюю и внешнюю политику украинского государства, прежде всего, на их межгосударственные отношения. Российские элиты и большинство россиян не рассматривают Украину и Белоруссию как «чужие» страны.

Сущность и механизмы формирования национальной идентичности изучали А. Валевский [29], Е. Грицай и М. Николко [5], И. В. Жирун [8], Л. П. Нагорная [19], Л. А. Фадеева [25].

Территориальную идентичность регионов, в том числе и украинского пограничья, исследовали Л. Баррингтон [55], С. В. Мельничук [16], В. П. Рогатин [47], Л. В. Томанчук [24]. Так, Т. Ю. Журженко [9] рассматривает проблему демаркации постсоветских границ и ее политические, социальные и культурные последствия, особо обращая внимание на случай российско-украинской границы, анализирует проблемы российско-украинского трансграничного сотрудничества сквозь призму конкурирующих проектов европейской и «пост-советской» интеграции.

В фокусе научного исследования Я. В. Верменич [30; 31; 32] находится регионализм на Украине как культурный феномен, особенности территориальной идентичности украинского пограничья, Донбасс как пограничный регион, Крым и Донбасс в судьбе Украины и др.

Формирование идентичности в контексте конфликтологической парадигмы изучал А. В. Баранов [2; 3].

Специфику «демаркации границы» «Галичина – Донбасс» выявляли и описывали О. Маланчук и Н. Черниш [53], С. П. Пахоменко [42].

Региональные особенности исторических идентичностей и их влияние на формирование современных политических ориентаций на Украине изучала В. В. Середа [49; 50]. В статье «Региональная историческая идентичность и память» [51] В. Середа отмечает в качестве вызовов жизнеспособности украинского государства отсутствие культурной и политической сплоченности, которая вписывается в дихотомическую концептуальную схему Восток-Запад. Исследователь подчеркивает, что именно историческое прошлое выступает определяющим фактором сплочения/дезинтеграции украинцев.

Вопросам исследования украинской идентичности посвящены работы М. Т. Степико [52], который ее анализирует, учитывая взаимообусловленность всех ее компонент – национальной, этнической, а также идентичности государства и страны. Особое внимание автор уделяет историко-культурным основаниям становления украинской нации и корреляции с современными особенностями формирования украинского государства.

Характеристика эмпирической базы. Эмпирическую базу исследования составили: перепись населения 2001 г.¹ [33], результаты фокус-групповых исследований [53], массовых социологических исследований, проводившихся во Львове и Донецке с 1999 по 2004 гг. [53], рейтинга мониторинга [46] и общенациональных опросов [23] (Киевский международный институт социологии). Особое значение имеют данные социологических

¹ Всеукраїнський перепис населення 2001 р. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/> (дата обращения: 30.04.2024).

исследований, проведенных Институтом политических и этнонациональных исследований имени И. Ф. Кураса [44] и Украинским Центром экономических и политических исследований им. А. Разумкова [37].

Методологическая база исследования связана: с концепцией социального хронотопа и одним из ее элементов – пространственно-временной компонентой идентичности [25]; конструктивизмом и моделью социокультурных размежеваний С. М. Липсета – С. Роккана [15].

В рамках методологических пояснений отметим, что авторы периодически будут использовать условно географические термины «восточная» и «западная» Украина. При этом мы понимаем, что западная Украина не сводится к Галичине (Львовщине), а восточная – к Донбассу. Тем не менее, мы будем говорить о Галичине и Донбассе как об идеальных типах (в терминологии М. Вебера) региональной идентичности. Согласно данным исследования, проведенного польскими социологами в 2003 г., жители западных областей Украины (Волинской, Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской) оказались более похожими по различным аспектам идентичности (идентичность места, привязанность к месту, психологическая укорененность, соседские связи, региональная и национальная идентичность и т. д.) на жителей восточных и юго-восточных областей Польши (главным образом, Польской Галиции), чем на жителей Крыма и Восточной Украины (Днепропетровской, Харьковской, Донецкой областей) [54]. Схожую позицию занимал и украинский исследователь М. Т. Степико, который отмечал, что жители Донбасса и Крыма считают себя по характеру, обычаям, традициям ближе к россиянам, нежели к своим согражданам из западных областей Украины [52, с. 199–206].

Порубежье на Украине и проблемы обретения идентичности: теоретический аспект

Украина, став суверенным государством и появившись на политической карте мира в 1991 году, столкнулась с проблемой ярко выраженной мозаичности. Как отмечали Г. В. Косов и Д. В. Маковская в статье «Население Украины в условиях государственного транзита: ретроспективный анализ» [12, с. 69], Украина – это «рубежная страна», включающая порубежье трех масштабных пространств: западноевропейского, восточноевропейского и средиземноморского. То есть формирование современной территории украинского государства происходило на основе интеграции нескольких четко обозначенных пограничий (фронтирных зон). Как отмечала И. А. Халий, Украина демонстрирует географическое разделение, когда страна в своем «взгляде на мир» и «желательные перспективы развития» делится пространственно [26, с. 32]. Подобные «рубежные зоны», писал В. А. Дергачев [12], могут обладать как созидательной, так разрушительной энергетикой, что зависит от множества факторов, в том числе от качества политической элиты и ее геополитической ориентации.

Украинский исследователь В. П. Рогатин указал на то, что отдельные регионы включались в состав Украины уже оформившиеся как самобытные целостности с устойчивыми особенностями культуры и способом жизни населения [47, с. 6], то есть речь идет о регионализации. На протяжении столетий, подчеркивает Г. Королев, на территории Украины сосуществовал целый ряд территориальных комплексов достаточно слабо связанных между собой, а подчинение их различным государствам в силу частого изменения границ, обуславливало их сложное взаимодействие [38, с. 16–17].

Земли современной Украины в разные исторические периоды находились под разным влиянием, а именно: российским, польским, австрийским, венгерским, турецким, были составными частями разных макросоциальных общностей – европейской и российской, что оказало влияние на образ жизни, мировосприятие, ценностные ориентации населения разных регионов Украины [31, с. 12].

Процессы изменения политической принадлежности регионов актуализируют идентификационный вопрос, а идентичность в таких условиях превращается в некоего демиурга действительности и может выступать главным, а иногда и единственным источником смыслов. Конечно, как отмечал известный британский социолог Э. Гидденс, обретение идентичности в современном обществе является весьма сложным и далеко не беспроблемным процессом, так как индивид в поисках идентичности сталкивается с рядом «дилемм самоопределения» [56], ведь в условиях «текущей современности» (З. Бауман) все затруднительнее отвечать на вопрос: кто ты?

Сегодня «люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются» [10, с. 7]. Иными словами, есть долговременные факторы – базовые культурные ценности, выступающие неизменными константами на протяжении длительного исторического периода, которые будучи характерными для многих поколений какой-либо общности, выступают стабильными показателями их идентификации [18, с. 16]. Именно культура формирует у людей чувство принадлежности к определенной общности, т. е. чувство идентичности [1].

Идентичность, являясь многомерным феноменом, может выступать как фактором консолидации общества, так и быть источником конфликтов. Повышенный градус конфликтности характерен для тех сообществ, которые находятся на пересечении цивилизационных и культурных границ. Как отмечал С. Хантингтон: «Украина – это расколота страна с двумя различными культурами. ... Линия разлома между цивилизациями, отделяющая Запад от православия, проходит прямо по ее центру вот уже несколько столетий» [27, с. 255]. То есть проблема культурно-цивилизационной идентичности Украины – ключевая. Связана она с опытом исторической памяти, что, в свою очередь, обуславливает стратегии дальнейшего развития государства.

Характерной особенностью «рубежной страны» может стать столкновение полюсов культурного развития, что способно детерминировать перманентную историческую турбулентность, «расшатать» поведенческий стереотип, вызвать чувство ностальгии за «чужими» культурными образами, а также затруднить формирование государственной идентичности, то есть «расколота культурно страна» характеризуется незавершенностью синтеза и это может стать ее постоянной чертой. Г. А. Королев считает, что феномен украинского «разделения» заключается в его принципиальной непреодолимости, который обуславливает появление различных ответов на одни и те же вызовы и формирует состояние раздвоенной лояльности, дихотомии ментальности и т. п. [38, с. 17]. Так, обретение независимости Украиной в 1991 г. не создало автоматически целостную украинскую государственную идентичность, формирование которой затруднялось рядом региональных особенностей.

Численность населения Украины на 1 января 1991 г. составляла 51 млн 944 тыс. человек. Национальный состав населения страны пестрый. По итогам переписи населения Украины 2001 г., доминантная группа украинцы – 77,8%, а самое крупное меньшинство – русские, которые составляли 17,3%, (свыше 8 млн человек)¹, локализовавшихся в основном на Юго-Востоке страны. То есть в стране появляются регионы (например, Крым, Донбасс и др.) с компактным проживанием людей, идентифицирующих себя как «русские», «русскоговорящие украинцы», разделяющих ценности русской культуры и цивилизации православия, обладающие единой системой ценностей, в которой особая роль отводится языковому фактору, а также выступавших за добрососедские отношения с Россией.

Провозглашение независимости Украины актуализировало исторически сформировавшиеся противоречия, ранее существовавшие преимущественно латентно. Как пишут российские исследователи А. О. Наумов и А. Ю. Наумова, среди базовых направлений дезинтеграции следует отметить: экономическое (аграрный северо-запад и промышленный юго-восток), политическое (стремление жителей западных регионов страны к унитаризму и тяготение к федерализации на юго-востоке), конфессиональное (греко-католичество на западе и православие на востоке), языковое (украинофоны, доминирующие преимущественно в западных областях, в основном на Львовщине) и билингвы и русофоны преимущественно сосредоточены на юго-востоке страны) и ментальное (условно западноевропейский и российский тип самосознания) [20, с. 56].

Исходя из вышеизложенного, сделаем промежуточный вывод о том, что сложившиеся противоречия свидетельствуют о наличии социокультурных регионов, существовании этнотерриториальных сообществ, создающих континуум с ярко выраженной дихотомией – Донбасс и Галичина [39, с. 14], как некие условные идеальные типы.

¹ Всеукраїнський перепис населення 2001 р. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/> (дата обращения: 30.04.2024).

Галицийский национализм и регионалистские настроения на Востоке Украины как основа социальной интеграции граждан

Новые идеологемы, начиная с первых лет независимости Украины, обусловили политику украинизации, а часть политической элиты, в основном Востока и Юга Украины, разыгрывая карту «русский язык как второй государственный» в предвыборной гонке, стремилась усилить свой политический вес.

В сознание граждан активно внедрялся образ новой независимой страны как великой европейской державы, становлению которой всегда мешала и продолжает мешать Россия. То есть продвигался проект, в основу которого был положен галицийский национализм (с подчеркнута русофобской основой) и концепция «титупольной украинской нации». Так, в трудах одного из идеологов украинского национализма Д. Донцова, который начинал свои интеллектуальные изыскания еще в период Российской империи, национализм увязывается с идеями мистической апокалиптической борьбы Востока и Запада, ведется «поиск врагов (русские, поляки, евреи) и противопоставление себя им» [7, с. 27]. В эссе «Дух России» («The Spirit of Russia») (1961 г.) Д. Донцов представляет Россию в качестве врага, метафизического зла, которое не может быть рационально познаваемым [28, с. 143]. Пропагандируя насилие, Донцов призывает все европейские народы на борьбу с Россией. Украина должна выступить в авангарде этой борьбы, ведь будучи частью романо-германского мира, она должна отделиться от России и интегрироваться в Европу.

Именно политические и культурные ценности Галичины украинцы должны были воспринять как ценности истинной Украины, в которой, по мнению И. Кононова [39, с. 28], кристаллизуется современная украинская нация. Донбасс представляется как не совсем развитый регион, в котором формирование такой нации еще не произошло, и, как следствие, в данном регионе видится угроза существования Украины как единого политического организма. Так, ценности региональной идентичности Галичины преподносились в качестве эталонных, что для полиэтничного государства стало политическим анахронизмом, разрушающим основы государства. Конституция Украины 1996 г. закрепила унитарную форму государственного устройства (идея федерализации не смогла воплотиться), что свидетельствует о практике жесткого регионализма, то есть преобладает формальный подход к восприятию регионов, заданный существующими административно-территориальными границами и ограниченный многочисленными барьерами для регионального развития. Подчеркнем, что федерализация Украины в данном случае позволила бы снять региональные противоречия, примирить региональные идентичности, сформировать общегражданскую идентичность и, как итог, сохранить целостность государства.

Политика ограничений в языковой сфере (нападки на русский язык), ситуация в украинском православии (продвижение схизматической Украинской православной церкви Киевского Патриархата, а позже создание псевдопоместной церкви и гонение на каноническую Украинскую православную церковь Московского Патриархата), навязывание своих героев и праздников и т. п. стали триггером для действий, направленных на защиту существующего социально-политического уклада, носителей иной, отличной от западноукраинской, идентичности [4]. Ответом и защитной реакцией на продвижение культурной унификации и навязывание стандарта, стало стремление регионального социума защитить свою самобытность, что нашло свое проявление в защите регионального пространства развития, отстаивании приоритетов социокультурной, этнической, религиозной и иных групповых идентичностей, распространении конфликтного противостояния.

Регионалистские настроения на Востоке Украины показали, что региональная идентичность может обладать большим потенциалом для социальной интеграции граждан. Начиная с 1990-х гг., Донбасс нередко выступал в качестве объекта преднамеренно «иного» со стороны украинской политической и культурной элиты, что являлось контрастным фоном в контексте практик национального строительства Украины. Как подчеркивает А. Миллер, «энергичный, пользующийся поддержкой мощной диаспоры западноукраинский национализм смотрел на восточных украинцев с их русским языком как на объект социальной инженерии, из которого еще только предстояло сделать полноценных украинцев» [17, с. 63]. Тем не менее, отмечает И. Кононов, Донбасс в то время представлял собой уникальный регион, а существующие противоречия между Галичиной и Донбассом, особенно в вопросах формирования нации, не выступали фатальным расколом. Однако политика Киева по жесткому выстраиванию национальной идентичности в духе галицийского (львовского) проекта привела к усилению запроса на федерализацию Украины, и, как следствие этого, к событиям 2014 г.

Пространственно окрашенные идентификации становятся основанием консолидации сообществ как носителей устойчивых специфических черт массового сознания. Региональная идентичность, выступая в роли конструктора, способна формировать мировоззренческие принципы и ментальные стереотипы определенного территориального сообщества. Вследствие исторических и геополитических обстоятельств латентное состояние региональной идентичности способно быстро перейти в активную фазу и выступить фактором общественной жизни. Ярко выраженная региональная идентификация позволяет маркировать социальное пространство, подразделяя его на: «мы» (члены регионального сообщества) и «они» (представители других регионов и региональных групп).

Украинский исследователь О. Маланчук отмечала, что на Украине существуют два региональных полюса – Донецк и Львов, сформированные социокультурными различиями. Поэтому исследовательский коллектив проводил полевые социологические исследования, стремясь выявить

региональные отличия в отношении жителей этих городов к политическим процессам и явлениям, а также перспективам будущего. Авторы проекта «Львов-Донецк» подчеркивали, что выбор именно этих городов был обусловлен тем, что они являются в некотором роде «столицами» западного и восточного регионов Украины и их исследование позволит понять особенности населения этих регионов (гипотеза не подтвердилась частично). Исследования начались в 1994 г. и показали, что в представлениях респондентов этих городов отличалось даже восприятие понятия «украинец». Так, для львовян и галичан это в первую очередь идентификация себя с украинской нацией (точнее, украинским этносом), а для жителей Донецка – принадлежность к гражданам Украины. Данный тезис был подтвержден и результатами фокус-групповых исследований в Донецке и Львове в 1996–2006 гг., хоть и для большого количества львовских респондентов понятие «украинец» включало и этнический, и гражданский аспекты [52].

По результатам исследований [53] не выявлено серьезных колебаний идентичности обоих городов за 10 лет. Тем не менее, у жителей Львова она более стабильная и устоявшаяся, иерархия идентичностей осталась практически неизменной. При этом доминантными идентичностями во Львове оставались две: этническая и локальная региональная (украинец и львовянин). Так, львовяне первоначально отождествляли себя с «украинцами»: 1994 г. – 73,1%, 1999 г. – 74,8%, 2004 г. – 72,1%, а потом с «львовянами»: 1994 г. – 69,5%, 1999 г. – 74,6%, 2004 г. – 70,8%.

Респонденты из Донецка продемонстрировали наличие более нестойкой и гетерогенной идентичности. Просматривается изменение в иерархии идентичностей (одни характеристики выпали, а иные пришли им на смену). С 1999 по 2004 гг. происходит стабилизация и укрепление доминантной идентичности – локальной региональной («дончанин» – житель Донбасса): 1994 г. – 55,6%, 1999 г. – 56,4%, 2004 г. – 68,4%. «Украинская» этническая идентичность заняла третье место в 1999 и 2004 гг. составив 39,9 и 42,1% соответственно, в 1994 г. данная идентичность занимала четвертое место – 39,3%.

Следует подчеркнуть, что во Львове получила распространение и общая региональная идентичность («западонец» как представитель Западного региона страны): 1994 г. – 37,9%, 1999 г. – 36,2%, 2004 г. – 29,8%. В Донецке же респонденты значительно реже идентифицируют себя с жителями Востока страны. Так, к жителям востока Украины в 2004 г. себя отнесли только 6,3% жителей Донецка, то есть большинство респондентов не соотносят себя с общей региональной идентичностью. Таким образом, дончане не являются репрезентантами особенностей всего Востока Украины. Данная специфика связана с тем, что еще в советское время сформировался своеобразный субрегион – Донбасс с центром в Донецке. И. Кононов подчеркивает, что есть основания говорить об общественном проекте Донбасс, носителями и реализаторами которого выступают граждане и региональные элиты – преимущественно донецкие (луганские элиты неконсолидированные). Интересной является мысль американского

историка Г. Куромии, который утверждал о существовании внеэтнической донбасской идентичности, которой противопоставляют «образцово национальную» и «европейскую» идентичность львовянина [41, с. 547].

В идентификационной модели дончанина культурно-религиозная идентичность играла важную роль только в 1999 г. – 35,4%, а спустя 5 лет утратила позицию, переместившись в 2004 г. на 6 позицию – 27,3%. Отличия между городами заключаются в том, что у львовских респондентов культурно-религиозная идентичность связана с греко-католической церковью, а у дончан – преимущественно с православной. В Донецке православные верующие преимущественно относят себя к УПЦ КП, УПЦ МП и РПЦ, тогда как во Львове к УГКЦ, УПЦ КП и УАПЦ. Отметим, что в Восточном регионе Украины УПЦ МП принадлежат 45,8%, 39,2% — протестантские приходы (наибольший процент). Согласно данным 2003 г., число приходов новых религиозных организаций только Донецкой области достигало 21,9%, тогда как в Галиции — 2,2% [40, с. 199, 206]. В целом показатели религиозности в городах совпадают с их локальными социокультурными, историческими и экономическими особенностями.

Особо следует отметить, распространенность в Донецке «советской идентичности» в 1994 г., которая составляла 40,0%, в 1999 г. – 21,5%, в 2004 г. – 9,8%. Украинские исследователи Н. Черныш и О. Маланчук предполагали, что такое количественное снижение идентифицирующих себя со страной, которой уже нет покажет интересные тенденции, а именно: носители «советской идентичности» сменили ее на «российскую», однако, подобная гипотеза не нашла подтверждения. Число респондентов, отождествлявших себя с россиянами, было тогда стабильно и составляло около 20%. Можно допустить, что носители «советской идентичности» либо отождествили себя с дончанами (заметный рост респондентов в 2004 г.), либо в меньшей степени – с «украинцами», так как количественно выросли именно эти две позиции. В частности, уже на третье место в 1999 г. поднялась такая разновидность этнической идентичности, как украинская, а в 2004 г. данная позиция осталась неизменной [53].

Во Львове для респондентов с 1994–2004 гг. была характерна этническая и классовая идентичность, а в меньшей степени профессиональная. Наиболее чуждой была политическая идентичность – коммунисты. В Донецке преобладала классовая и профессиональная идентичность и наименее просматривалась – политическая идентичность – украинские националисты. В Донецке наблюдался наименьший уровень толерантности к украинским националистам: 1994 г. – 43,9%, 1999 г. – 31,8%, 2004 г. – 42,7%. Отметим, что уровень неприятия украинских националистов сократился к концу 1990-х гг., и вновь возрос в начале 2000-х годов, что, возможно, связано с событиями «Оранжевой революции» 2004 г. Модели социальной идентификации в двух городах условно можно сгруппировать так: 1) те, кто благосклонно относится к украинским националистам, греко-католикам, политическим реформаторам и украинцам, и одновременно негативно отзываясь о коммунистах, россиянах и «советских людях»; 2) группа характеризуется полностью противоположными ощущениями общности; 3) те, кто не идентифицировал себя ни с одной группой.

Данные социологических опросов свидетельствует о росте поляризации между Львовом и Донецком в вопросе территориальной целостности Украины на 2004 г. Если среди львовян желание относительно территориальной целостности Украины только усиливалось и на 2004 г. достигло 97,9%, то у жителей Донецка отношение к целостности Украины коррелировало с политической ситуацией (1994 г. – 45,8%, 1999 г. – 73%, 2004 г. – 58%), что характерно для всех возрастных групп. Следует отметить, что жители Донецка стремились продолжать вектор взаимодействия на укрепление связей с Россией, хотя показатели с течением времени стабильно снижались: 1994 г. – 76%, 1999 г. – 60%, 2004 г. – 55%. Тем не менее, в Донецке на момент проведения опроса в 2004 году было много приверженцев тесных связей с Россией, которые, правда, тогда отнюдь не выступали против украинской независимости.

Представители отдельных регионов Украины по-разному понимали украинскую государственность и относились к советскому прошлому. У них были «свое прочтение» истории украинского государства и свои коммеморативные практики; различно понимали они украинский патриотизм, относились к статусу русского языка; обладали различными электоральными предпочтениями, а также внешнеполитическими ориентациями и тяготением к межстрановым интеграционным проектам. Так, львовские респонденты, согласно данным исследования «Львов-Донецк», были склонны положительно оценивать те исторические события и личности, которые связаны с националистическим нарративом истории Украины, подчеркивающим ее ориентацию на независимость, в то время как жители Донецка поддерживали феномены, представленные в восточнославянском нарративе, рассматривающем украинцев как тесно связанных с русскими [49, с. 12]. Л. Берингтон пришел к выводу, что внешнеполитические ориентации обусловлены в большей степени региональными факторами, нежели языком, национальностью, религией или образованием [55, р. 59]. То есть, любой выбор в пользу присоединения/неприсоединения страны к какому-либо геополитическому центру способен запустить внутреннюю дестабилизацию страны и усилить существующие политико-идеологические и культурно-цивилизационные противоречия между регионами, усилить тенденции автономизма и сепаратизма. Как отметил российский исследователь К. П. Курылев, Украина, длительный период балансируя между Россией и Западом, четко обозначила вектор своей внешней политики как евроатлантический, что привело к геополитической декомпозиции страны, погружению ее в гражданскую войну [14, с. 20], а позже – к потере территорий.

Региональную идентичность нельзя сводить к поиску отдельных особенностей региона, так как для ее существования необходимо наличие оппонента, против которого она направлена (политически, культурно и т. п.). Отсутствие оппонента затрудняет сам момент противопоставления по классической схеме «мы-они», «свой-чужой». Интересными оказываются данные мониторингового опроса 2005 г. [21] по выявлению факторов национальной толерантности населения Украины и результаты анализа

динамики национальной дистанцированности за 1992–2005 гг. (используется шкала социальной дистанции Богардуса¹), которые позволили выявить парадоксы национального менталитета и выявить отношение населения Украины к другим национальностям. Полученные данные свидетельствуют о высоком уровне психологической обособленности населения Украины от большинства других этносов, преобладают изоляционистские (около 50%) и прямые ксенофобские установки (25%). Особо следует подчеркнуть рост и распространение ксенофобских настроений уже после событий «Оранжевой революции» 2004 г. и особенно юдофобских установок среди украинской молодежи, которые постепенно демонстрировали рост.

Представители большинства иных этносов воспринимаются как «чужие» и «вытесняются» массовым сознанием за пределы страны, а в качестве «своих» население Украины воспринимало преимущественно этнические украинцев, русских и белорусов (после 2014 г., очевидно, и русские были «вычеркнуты»). То есть населению Украины более присуща сильная этническая идентификация и нетерпимость к другим этническим группам.

Украинский исследователь Н. В. Панина отмечала доминантную роль регионального фактора в особенностях формирования национальной толерантности граждан Украины по отношению к различным этносам. Различия по отношению к каждому этносу четко ранжировались на оси «Восток – Юг – Центр – Запад», где Юг тяготеет к Востоку, а Центр – к Западу. Отношение близости к украинцам (как показатель украинской национальной идентичности) ярко выражено на Западе Украины (1,9 балла), на Востоке и Центре Украины составило по 2,0 балла, а в южных регионах зафиксировано значимое увеличение дистанцированности по отношению к украинцам, по сравнению с остальными регионами – 2,6 балла.

Отношение близости к русским (как показатель толерантности) просматривалось преимущественно на Востоке Украины и менее всего – на Западе. Так, среднее значение индекса национальной дистанцированности населения Украины в целом от русских составило 3,1 балла. В Восточном регионе отношение к русским можно оценить как национально-идентификационное, так как соответствующий показатель составил 2,3 балла. В Южном регионе он составил 2,9 балла, в Центральном – 3,2 балла, а Западном – достиг верхней критической отметки национальной толерантности по отношению к русским – 4 балла.

Касательно геополитических ориентаций следует подчеркнуть, что у лиц, отрицательно относящихся к союзу с Россией и Беларусью, уровень украинской идентичности выше, чем у тех, кто к такому союзу относится положительно. То есть исследование общественного мнения фиксирует высокий уровень межрегионального отчуждения, а граждане

¹ Шкала социальной дистанции Богардуса измеряет установки одной социальной группы относительно установок других социальных групп (расовых, этнических и иных). В основе этой шкалы лежит следующее принципиальное допущение: чем большее предубеждение испытывает индивидум в отношении конкретной группы, тем меньше он желает взаимодействовать с членами этой группы. То есть данная шкала позволяет измерить степень теплоты, враждебности, безразличия или близости между группами.

Украины считают себя ближе к жителям соседних стран, нежели украинцам из других регионов. Так, дончане гораздо лучше относились к русским в России, чем к украинцам на Западной Украине, что явно указывает на слабость гражданской национальной идентичности как общенационального «чувства единства и принадлежности» [63, р. 36]. Аналогичное различие между тем, что С. Шульман назвал этнической украинской и восточнославянской версиями национальной идентичности, первая из которых основана на титульном языке и местной культуре, а вторая — на преимущественно общей культуре украинцев и русских. Данные особенности создали дополнительное напряжение в процессе внутренней украинской интеграции и сохранении целостности.

Таким образом, уже в исследованиях, проводившихся задолго до «майдана» и переворота 2014 г., четко выявлялся факт существования «двух Украин», «фактически двух наций», «двух цивилизационных конгломератов – украино- и русско-культурного» [44, с. 574, 585]. Но, по мнению Я. Верменич, такая концепция слишком упрощала проблемы культурного регионализма Украины, не отражая всей их сложности. Ведь необходимо было учитывать не только и не столько цивилизационные различия по линии «Запад – Восток» (Л. Баррингтон и И. Херрон отмечали большую разницу между западным регионом Украины и остальными) [55, р. 60], сколько обращать внимание на истоки становления раздвоенной лояльности, дихотомных ментальностей и региональных идентичностей, что является характерным для ситуации пограничья [31, с. 31].

Как отметил В. С. Ковин, к середине 2000-х гг. у населения Украины превалировала именно местная локальная идентичность [11, с. 56]. Согласно данным Украинского центра экономических и политических исследований им. Разумкова 44,4% респондентов отождествляли себя в первую очередь с определенной местностью или местным сообществом, 31,3% демонстрировали общеукраинскую идентичность и 14,8% – региональную идентичность. При этом общенациональная идентичность (40,4%) оказалась доминантной в западном регионе страны, а региональная (19,4%) – в Восточном. Вероятно, доминирование локальной идентичности может свидетельствовать о слабой вовлеченности граждан в общенациональные процессы, о некоторой обособленности локалитетов друг от друга.

О высоких показателях локальной идентичности свидетельствуют и иные исследования, например, проведенное О. М. Гнатюк [34, с. 245]. Было проанкетировано около 1000 респондентов – жителей разных регионов Украины, населенных пунктов разного иерархического уровня. Вопросы были составлены на основе методики исследования региональной идентичности М. П. Крюлова. Результаты опроса показали, что в масштабах страны самые высокие показатели локальная идентичность показывает в западном регионе (20–30% респондентов ассоциируют себя с населенным пунктом, в котором они проживают), а самые низкие показатели – восточная часть Украины – 10–15%. В юго-восточной части Украины субрегиональная идентичность ослаблена, а доминантной является региональная. Ответы респондентов показали, что 65% жителей Ивано-

Франковской области и 38% жителей Закарпатской в качестве центрального города считают свой районный центр, а областной центр – 1 и 3% соответственно. При этом в Донецкой и Луганской областях респонденты вообще не называли центральным городом свой райцентр, а областной центр указали 75 и 100% опрошенных соответственно. Таким образом можно говорить не только о противостоянии идентичностей, но о борьбе архаики и селянства Западной Украины с модерном и урбанизированными сообществами Украины Восточной (прежде всего Донбасса).

Наиболее сформированной национальная идентичность оказалась в столичном регионе, на западе и центре Украины, а наименьшее – на юго-востоке. Регионами, в которых доминирует украинская идентичность, признаются Волынь и Галичина. Наиболее «украинским» городами из ряда приведенных жители Киева указали на Львов (средний балл 9,29 из 10), Киев (7,29), Полтаву (7,13) и Винницу (6,69), наименее «украинский» – Донецк (2,83) [33, с. 248].

Радикальные изменения в процессе формирования идентичностей на Украине вызвали события, последовавшие за украинским кризисом 2013–2014 гг., а именно вхождение Крыма и г. Севастополя в состав РФ, провозглашение ДНР/ЛНР и пр. Как пишет А. Воронович, около 6 млн человек, для которых была характерна «либо русская, либо восточно-украинская, либо даже интернационалистская постсоветская идентичность ушли из украинского политического процесса» [65, р. 290]. Русские утратили «статус» «суперменьшинства» [17, с. 48] на Украине и это позволило украинской власти проводить агрессивную политику продвижения галицийской культуры и нарративов во всех регионах страны, стремительно элиминировать русский язык из публичной сферы и активной политики памяти, продвигать кампанию десоветизации в сфере символической политики. Так, опросы, проводимые американским университетом Санкт-Галлена в 2013, 2015 и 2017 гг. в рамках проекта «Украинский регионализм», показывают постепенное снижение интереса к праздникам, связанным с советской эпохой, и, наоборот, рост количества праздников, коррелирующих с украинской государственностью и историей. Если в 2013 г. самыми отмечаемыми были 10 праздников: 8 Марта; 9 Мая; 23 Февраля; День города/села; День независимости Украины; 1 Мая; День Конституции; День памяти Голодомора; день рождения Т. Шевченко; 7 Ноября; День Соборности Украины, то в 2015 г. – 12 праздников (добавляются День защитника Украины – 15,6% и День достоинства и свободы – 8%). В 2017 г. праздников уже 15 и набирают поддержку праздники 8 Мая (День мира и согласия) – 20,2%, День Небесной сотни – 16,4% и для 3,1% – день рождения С. Бандеры) [64]. Отметим, что после событий 2014 г. уровень региональной разобщенности на Украине начал демонстрировать отчетливую тенденцию к снижению за счет формирования общеукраинской идентичности [13, с. 58]. Это видно, в том числе, по отношению украинских респондентов к различным регионам Украины. Так, по данным проекта «Украинский регионализм» [57] (где 1 – это абсолютно холодные, а 7 – абсолютно теплые), в 2015 г. – холодно жители Украины относились

к жителям Востока страны – 5,88 пунктов, а наиболее холодно – к жителям Донбасса – 5,18. В 2017 г. – регионы Востока уже воспринимаются своими, а явно выпадает из общей картины лишь Донбасс – 5,52.

Согласно результатам опроса Центра Разумкова [58], которые он проводил в 2006 и 2023 гг., можно констатировать, что в Восточном, Южном и Центральном регионах наблюдался рост самооценки культурной близости с западными регионами страны (например, оценка близости Галичины возросла в этот период на Востоке страны – с 4,7 до 6,2, на Юге – с 4,3 до 6,7, в Центральном регионе – 6,2 до 7,0 баллов)¹, и снижение самооценки близости с Донбассом (на Востоке с 8,4 до 6,5 баллов, На Юге – с 7,4 до 6,3 баллов, в Центральном регионе – с 6,9 до 5,7 баллов). Понимая определенную степень ангажированности данных исследований, тем не менее отметим, что постепенно трансформируется сам смысл принадлежности к украинской нации, что проявляется, прежде всего, в усилении отчуждения от России и усилении украинского национализма.

На Украине происходит рост гражданской идентичности, о чем свидетельствуют данные Киевского международного института социологии (опросы проводились в феврале 2012 г. и сентябре 2014 г), а именно: в 2014 г. 61,4% респондентов (на 10% чем в 2012г.) в общенациональной выборке идентифицировали себя как «гражданин Украины», в отличие от 21%, которые идентифицировали себя со своим городом или селом, и 9% со своим регионом. Тем не менее, заметна регионализация, чаще всего себя с «гражданами Украины» идентифицируют жители Западного (78%) и Центрального региона (80,7%) Украины. Жители Юго-Востока: «гражданин Украины» – 47,7%, житель моего города/поселка/села – 34,2%, житель моего региона – 6,2%. Для жителей Донбасса в 2014 году доминантной являлась региональная идентичность – 30,1%, на втором месте 27,7% – житель моего города/поселка/села, 24,7% – «гражданин Украины». На Донбассе происходит снижение национальной идентичности и одновременный рост значимости региональной идентификации в сравнении с 2012 г.

Свыше 90% респондентов, гордящихся тем, что они являются гражданами Украины, проживают на Западе и в Центре страны, 88,5% – на Юге и 75,6% – на Востоке: в Днепропетровской, Запорожской и Харьковской областях. При всей ангажированности упомянутого исследования, в нем отмечается, что на Востоке страны наблюдается самая значительная доля тех, кто скорее или совсем не гордится своей принадлежностью к Украине (около 20%) [35]. Об этом свидетельствуют результаты опроса, проведенного Фондом «Демократические инициативы» им. Илька Кучерива совместно с социологической службой Центра Разумкова с 9 по 15 августа 2023 г. Мы отдаем себе отчет в том, что презентуемые данные являются политически ангажированными, но тем не менее даже в этом исследовании выявлено, что 20% респондентов, ориентированных на региональную идентичность и не считающих себя украинцами. Это, по нашему мнению, является очень показательным.

¹ «0» обозначает, что жители этого региона не имеют ничего общего с респондентами в характере, обычаях, традициях, «10» – что, жители этого региона или страны максимально похожи на респондента в характере, обычаях, традициях.

Если в 1990-е гг. принадлежность к нации воспринималась в первую очередь в этнокультурных, а не гражданских терминах, то со временем ситуация изменилась. Фактор 2014 и 2022 гг. оказал влияние на формирование национальной идентичности, которая стала не только более значимой для украинцев, но и приобрела более радикальный смысл, тем самым наполнив гражданскую привязанность к своей стране потенциально исключительным этнокультурным содержанием. Подобные установки, ранее ассоциировавшиеся с украинской этнической идентичностью, стали приниматься многими людьми иного этноса, религии, языковой привязанности, региона.

Украинский исследователь В. Кулик делает акцент на инклюзивности украинской национальной идентичности [59], то есть открытости для всех граждан, однако она и не является строго гражданской, так как включает в себя заметные этнокультурные компоненты. Трансформация украинской идентичности коррелирует с изменением этнокультурного содержания. В ней изменяется ряд принципиальных моментов: проводятся параллели с прошлым (борьба ОУН и УПА¹ за независимость), актуализацию получает украинский язык, а ключевым консолидирующим элементом украинской идентичности становится радикализация антироссийских настроений (особенно после событий 2014 и начала СВО 24 февраля 2022 г.). Конечно, данная ситуация принимается не всеми, на Украине есть симпатизирующие России, тем не менее их количество существенно сократилось. Согласно данным опроса, проведенного Киевским международным институтом социологии 13–18 мая 2022 г., 2% украинцев хорошо относились к России, о своем плохом отношении к РФ заявили 92% жителей страны. Схожи результаты и мониторинга, проводимого социологической группой «Рейтинг»: абсолютное большинство украинцев – 97% считает РФ враждебной страной [45]. При этом, по результатам исследования социологической группы «Рейтинг», еще в начале февраля 2022 г. 34% украинцев хорошо относились к РФ. Происходит дальнейшее ухудшение отношения украинцев к жителям России. Так, согласно последним доступным данным, 81% респондентов негативно относятся к россиянам (в апреле 2022 г. – 69%, в апреле 2021 г. – 41%), 14% – нейтрально, только 3% – положительно [46].

Трансформация украинской национальной идентичности происходит также под противоречивым внешним влиянием двух конкурирующих и разновекторных идентичностей: панроссийской («русский мир») и европейской. То есть современная региональная поляризация Украины и ее динамика, как отмечает Н. Е. Пелагеша, связаны не только с проявлением исторического фактора «Восток-Запад», а и с реализацией этих политик идентичности [43].

¹ Запрещена в РФ как террористическая организация.

Выводы

Таким образом, Украина с 1991 г. представляет собой одно из государств мира, где региональные различия и вызванные ими проблемы имеют наиболее яркий характер. Каждый регион обладает спецификой, которая задается конвергенцией факторов: географические особенности, культурное и историческое прошлое, особенности менталитета и т. п.

Региональная идентичность пребывает в сложных отношениях с идентичностями иного порядка: чем сильнее идентичность национальная, этническая, тем слабее – региональная. Доминирование в идентификационной системе индивида этнической или региональной идентичности в противовес общенациональной (гражданской) может выступить реальной угрозой для целостности государства.

Процесс формирования украинской национальной идентичности характеризуется противоречивостью и неоднозначностью. Начиная с провозглашения независимости, наблюдались и фиксировались исследованиями разные тренды в формировании идентичности жителей Западного и Восточного регионов Украины – акцент на общенациональные (всеукраинские) и региональные интересы соответственно.

События украинского кризиса 2014 г. и последовавшие попытки вооруженным путем заставить Донбасс жить в соответствии с принципами Галицийского проекта, запустили процесс сецессии региона. Как заметил А. Ермолаев, «на Донбассе мы имеем дело с выраженным социокультурным конфликтом, в котором присутствуют признаки диффузности. ... В условиях глубокого кризиса нормативности и морально-духовного разрушения единого поля разные люди выстраивают для себя разные картины мира, и там, и там появляются «свои правды», которые часто называют антагонистичными. Миллионы людей ощущают себя лишними. Они не видят себя в этой модели государства. ...»¹. Украинские власти начали так называемую «антитеррористическую операцию» против Донецкой и Луганской Народных Республик (включающие региональные столицы Донецк и Луганск) с применением тяжелых видов вооружений и активном привлечении радикалов (нацбаты «Айдар», «Азов», «Торнадо»² и др.). Тем не менее, население республик сумело самоорганизоваться и дать отпор радикалам. Впоследствии противостояние перешло в боевые столкновения между вооруженными формированиями ополченцев ДНР-ЛНР с силовыми структурами Украины.

Следствием стало военное разделение Донбасса на две части в период с 2014 по 2022 гг. С одной стороны, ДНР и ЛНР, которые активно налаживали интеграционные связи с Россией, например, путем выдачи российских паспортов, введения рубля в качестве местной валюты и т. п. С другой – значительная часть Донецкой и часть Луганской областей, которые контролировались киевскими властями, активно исключали территории

¹ Денисенко Л. Монологи Ермолаева: С историей можно играть, но история играет злее // «Газета 2000» (Киев). 2014. 18–24 июля. С. 4–5.

² Признаны террористическими и запрещены в России.

ДНР и ЛНР из своего суверенного пространства посредством создания ряда препятствий, в частности, доступа населения республик к социальным выплатам, нарушением торговых отношений путем блокады поставок угля из республик и т. п. Данные процессы несомненно оказали влияние на идентичность, которая немного сдвинулась в сторону ощущения себя «более украинцами» или «более русскими» в зависимости от места локации.

Закрепление новой демаркации в 2022 г. задает тон дня формирования идентичности «Русского Донбасса», требуя от российского государства проведения целенаправленной и широкомасштабной политики идентичности, организованной органами государственной власти, политическими партиями, общественными организациями, целью которой является социокультурная интеграция, формирование и укрепление российской национальной идентичности населения территорий пост-Украины. Следует отметить, что конструирование идентичности сообществ в республиках Донбасса идет достаточно успешно, концепция «Русский Донбасс», как показывают исследования [3, с. 56–57], положительно оценивается подавляющим большинством жителей региона. Активно идет работа с молодежью, предпринимаются серьезные усилия в области патриотического воспитания, наблюдается вовлечение детей и молодежи в общероссийские организации и акции. Ведется активная работа в области исторической памяти: чествование и увековечение памяти новых героев-ополченцев и мирных жителей, героев России. Более того, события Великой Отечественной войны переосмысливаются через призму нынешних военных действий в контексте борьбы против фашизма и нацизма. Отмечаются российские праздники и появляются новые республиканские. Например, в конце февраля Луганская и Донецкая республики отмечают годовщину окончания «Дебальцево-Чернухинской операции», когда ВСУ были разгромлены в «Дебальцевском котле».

Современная «российская пост-Украина» вобрала в себя практически все регионы Украины, где была раньше сильная русская идентификация, что, с одной стороны, объективно решает проблему гетерогенности Украины и позволяет в условиях отсутствия русского «суперменьшинства» продвигать относительно безболезненно Галицийский проект, а с другой – создает основу для интеграции новых территорий в российское социокультурное пространство.

Библиографический список

1. Ачкасов В. А. Этническая и национальная идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2012. Вып. 1. С. 85–91. EDN: OQRILX.
2. Баранов А. В. Современный конфликт идентичностей на Украине: влияние на дезинтеграцию общества // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2015. № 4. С. 18–24. EDN: VCHDQF.

3. Баранов А. В. Направления и методы конструирования идентичности в условиях вооруженного конфликта (на материалах Донецкой и Луганской народных республик) // Политическое пространство и социальное время: право силы vs сила права / Под общ. ред. Т. А. Сенюшкиной. Симферополь: Ариал, 2023. С. 56–61. EDN: OJZSXA.
4. Вавилов А. Актуальные политические проявления регионализма в условиях кризиса власти на Украине // Международные процессы. 2021. № 19(2). С. 85–104. DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.5; EDN: IBVICM.
5. Валецький О. Актуальні питання державної політики ідентичності в сучасних умовах // Наукові перспективи. 2023. № 9(39). С. 52–65. DOI: 10.52058/2708-7530-2023-9(39)-52-65.
6. Верменич Я. В. Донбас у контексті теорій порубіжжя: соціогуманітарний аналіз // Український історичний журнал. 2015. № 1. С. 108–134.
7. Верменич Я. В. Регионализм в Украине как культурный феномен // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. 2014. № 1. С. 28–35. DOI: 10.15356/0373-2444-2014-1-28-35; EDN: RWTVFF.
8. Верменич Я. В. Територіальна ідентичність українського пограниччя: історичні витоки та геополітичні впливи / Відп. ред. В. А. Смолій. НАН України. К.: Інститут історії України, 2019. 367 с.
9. Гнатюк О. М. Ієрархічна структурованість просторової ідентичності населення України // Економічна та соціальна географія. Вип. 65. 2012. С. 242–250.
10. Грицай Е., Николко М. Украина: национальная идентичность в зеркале Другого. Вильнюс: ЕГУ, 2009. 220 с.
11. День Незалежності України: шлях до перемоги, ідентичність та цінність держави на тлі війни. URL: https://dif.org.ua/article/den-nezalezhnosti-ukraini-shlyakh-do-peremogi-identichnist-ta-tsinnist-derzhavina-tli-viyini#_Toc143506371 (дата обращения: 16.06.2024).
12. Дергачев В. А. Раскаленные рубежи. Одесса: Астропринт, 1998. 104 с.
13. Дністрянський М. С. Етнополітична географія України: проблеми теорії, методології, практики. Львів: Вид. центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2006. 490 с.
14. Жильцов С. С. Истоки современного украинского национализма // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2014. № 4. С. 21–36. EDN: TAFSHF.
15. Жирун И. В. Формирование украинской идентичности: гражданская, этническая или постколониальная? // Россия в современном мире. 2021. № 3. С. 145–164. DOI: 10.31249/rsm/2021.03.09; EDN: BVHSRM.
16. Журженко Т. Ю. Расширение Европы и перспективы «европеизации» украинско-российского пограничья // Политика. 2004. № 2. С. 106–119.

17. Ідентичність громадян України: тенденції змін (травень 2023р.). URL: <https://razumkov.org.ua/napriamky/sotsiologichni-doslidzhennia/identychnist-gromadian-ukrainy-tendentsii-zmin-traven-2023r> (дата обращения: 14.06.2024).
18. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
19. Ковин В. С. Призрачный регионализм: случай Украины // Вестник Пермского ун-та. Политология. 2020. № 14(1). С. 54–66. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-54-66; EDN: YJSXYI.
20. Кононов І. Ф. Донбас в етнокультурних координатах України (соціологічний аналіз): дис. ... д-ра соціол. н. Луганск, 2005. 473 с.
21. Корольов Г. О. Український федералізм в історичному дискурсі (XIX – початок XX століття). К.: Інститут історії України НАН України, 2010. 150 с.
22. Косов Г. В., Маковская Д. В. Население Украины в условиях государственного транзита: ретроспективный анализ // KANT: Social science & Humanities. 2024. № 1(17). С. 67–75. DOI: 10.24923/2305-8757.2024-17.8; EDN: EHOUNT.
23. Косов Г. В., Маковская Д. В. К вопросу о методологии пространственной дифференциации Украины в контексте дисфункционализма и феномена «тридцатилетней аморфной целостности» // KANT: Social science & Humanities. 2024. № 1(17). С. 56–66. DOI: 10.24923/2305-8757.2024-17.7; EDN: CXLOID.
24. Кочан Н. І. Релігійність в Україні регіональний вимір. Сб. науч. работ. Каменец-Подольский нац. ун-т им. И. Огиенко. 2010. Вып. 1. С. 197–208.
25. Куромія Г. Донбас поміж Україною та Росією: позанаціональна ідентичність? // Глобалізація. Регіоналізація. Регіональна політика. Хрестоматія з сучасної зарубіжної соціології регіонів. Луганськ, 2002. С. 541–554.
26. Курылев К. П. Факторы, детерминирующие перманентную нестабильность на Украине // Постсоветские исследования. 2018. № 1. С. 20–30. EDN: XRPPJJ.
27. Липсет С. М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей // Партии и выборы: Хрестоматія / Отв. ред. и сост. Н. В. Анохина, Е. Ю. Мелешкина. Ч. 1. М.: ИНИОН, 2004. С. 47–76. EDN: NCUNUL.
28. Мельничук С. В. Происхождение и особенности региональной поляризации во внешнеполитических ориентациях населения Украины // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2023. № 2. С. 116–127. EDN: FXTNEI.
29. Миллер А. И. Национальная идентичность на Украине: история и политика // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 4. С. 46–65. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-46-65; EDN: JKBXGA.

30. Мчедлов М. П. Общие вопросы религиозной идентичности: к постановке проблемы, условия ее объективного анализа // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мчедлов. М.: ИС РАН, 2008. С. 13–33.
31. Нагорна Л. П. Регіональна ідентичність: український контекст. К.: ІШЕНД імені І.Ф. Кураса НАН України, 2008. 405 с.
32. Наумов А. О., Наумова А. Ю. Проблема региональной идентичности как фактор общественно-политического кризиса на Украине 2004 г. // Известия АлтГУ. 2021. № 3(119). С. 54–60. DOI: 10.14258/izvasu(2021)3-07; EDN: USCKKV.
33. Панина Н. В. Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2006. № 1(81). С. 26–38.
34. Пахоменко С. П. Фактор ідентичності в українській кризі: приклад Донбасу // Вісник Маріупольського державного ун-ту. Сер.: Історія. Політологія. 2015. Вип. 12. С. 246–253.
35. Пелагеша Н. Є. Трансформація української національної ідентичності в умовах глобалізації: автореф. дис... канд. політ. н. К., 2009. 26 с.
36. Політичні проблеми сучасної України. Аналітичні доповіді Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України. К.: ІШЕНД, 2012. 600 с.
37. Рейтинг Моніторинг, 26-та хвиля: Оцінка дружності країн (10–11 лютого 2024). URL: <https://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/rejting-monitoring-26-ta-hvilya-ocinka-druzhnosti-krayin-10-11-lyutogo-2024.html> (дата обращения: 16.06.2024).
38. Рогатин В. Н. Гонения на Православие на Украине в 2014–2016 гг. М.: РИСИ, ФИВ, 2017. 224 с.
39. Рогатин В. П. Трансформація ролі субнаціональних регіонів у сучасних політичних процесах: автореф. дис... канд. політ. н. Сімф., 2007. 20 с.
40. Рябчук М. Ю. «Сяк-так, абияк»: двадцять років посткомуністичної трансформації в Україні // Україна. Процеси націотворення. К.: К.І.С., 2011. С. 381–396.
41. Семнадцатый общенациональный опрос: Идентичность. Патриотизм. Ценности (17–18 августа, 2022). URL: https://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/s_mnadcyate_zagalnonac_onalne_opituvannya_dentichn_st_patr_otizm_c_nnost_17-18_serpnya_2022.html (дата обращения: 16.06.2024).
42. Серета В., Судин Д. Львів'янин – окрема ідентичність чи просто прописка // Вісник ХНУ імені В. Н. Каразіна. Сер. «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». 2008. № 795. С. 94–98.

43. Серета В. В. Регіональні виміри українського соціуму: історичне минуле і національні ідентичності // Агора. Україна – регіональний вимір. 2006. Вип. 3. С. 29–41.
44. Серета В. В. Регіональні особливості історичних ідентичностей та їх вплив на формування сучасних політичних орієнтацій в Україні: автореф. дис... канд. соціол. н. К., 2006. 22 с.
45. Степико М. Т. Українська ідентичність: феномен і засади формування / Національний інститут стратегічних досліджень. К.: НІСД, 2011. 336 с.
46. Томайчук Л. В. Регионализм и региональная идентичность в современной Украине // ПОЛИТЭКС. 2013. № 9. № 1. С. 252–263. EDN: RVOLQP.
47. Фадеева Л. А. От социального хронотопа к политическому мифу: украинский кейс // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 150–162. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-150-162; EDN: FRYLMA.
48. Халий И. А. Современное российское приграничье: общие характеристики // Вестник Института социологии. 2014. № 4(11). С. 23–33. EDN: RFUMXG.
49. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 603 с.
50. Черниш Н., Маланчук О. Динаміка ідентичностей мешканців Львова і Донецька: компаративний аналіз (1994–2004 рр.). URL: https://uamoderna.com/images/archiv/12_2/5_UM_12_2_Statti_Chernysh_Malanchuk.pdf (15.06.2024).
51. Шлихта И. В. Образ внешнего врага в сочинениях Дмитрия Донцова 1921–1939 годов // Интеллигенция и власть. 2013. № 28. С. 142–152. DOI: 10.17223/18572685/50/7; EDN:
52. Якими українці бачать відносини України і Росії та які асоціації у українців викликають Росія та прості росіяни. URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=1420&page=2&t=13> (дата обращения: 20.07.2024).
53. Barrington L. W., Herron E. S. One Ukraine or many? Regionalism in Ukraine and its political consequences // Nationalities Papers. 2004. Vol. 32. No. 1. P. 53–86. DOI: 10.1080/0090599042000186179.
54. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford: Stanford University Press, 1991. 247 с.
55. Identities and Regionalism. URL: <https://www.uaregio.org/en/surveys/data-visualisations/survey-infographics/identities/> (дата обращения: 14.06.2024).
56. Kulyk V. Ukrainian Identity in Time of War: More Salient and Radical. URL: <https://www.iwm.at/publication/iwmpost-article/ukrainian-identity-in-time-of-war-more-salient-and-radical> (дата обращения: 16.06.2024).

57. Kuzio T. Identity and nation-building in Ukraine: Defining the «Other» // *Ethnicities*. 2001. Vol. 1. No. 3. P. 343–365. DOI: 10.1177/146879680100100304.
58. Kuzio T. National identity and history writing in Ukraine // *Nationalities Papers*. 2006. Vol. 34. No. 4. P. 407–427. DOI: 10.1080/00905990600842080.
59. Kuzio T. Ukraine’s relations with the west: disinterest, partnership, disillusionment // *European Security*. 2003. Vol. 12. No. 2. P. 21–44. DOI: 10.1080/09662830412331308046.
60. Lewicka M. Regionalne zróżnicowanie poczucia tożsamości: porównanie Polski i Ukrainy // *Studia Regionalne i Lokalne*. 2006. No. 1(23). S. 5–35.
61. Shulman S. The Cultural Foundations of Ukrainian National Identity // *Europe-Asia Studies*. 2004. Vol. 56. No. 1. P. 35–56. DOI: 10.1080/0966813032000161437.
62. Survey infographics. Historical memory. URL: <https://www.uaregio.org/en/surveys/data-visualisations/survey-infographics/historical-memory/> (дата обращения: 14.06.2024).
63. Voronovici A. Internationalist Separatism and the Political Use of “Historical Statehood” in the Unrecognized Republics of Transnistria and Donbass // *Problems of Post-Communism*. 2020. Vol. 67. No. 3. P. 288–302. DOI: 10.1080/10758216.2019.1594918.

Получено редакцией: 06.08.2024

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Косов Геннадий Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой «Социально-философские и политические науки»

Ярмак Ольга Валерьевна, доктор социологических наук, профессор кафедры «Социально-философские и политические науки»

Гарас Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Социально-философские и политические науки»

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.7

Galicia and Donbass as Ideal Models Of Regional Identity: Sociocultural Roots of the Confrontation Between Western and Eastern Ukraine¹

Gennady V. Kosov

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

kossov1@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1422-895X

¹ **Acknowledgements.** The study was carried out within the framework of the project by the RSF no. 23-28-01684 “Features of the perception of state transit in the regions of post-Ukraine”.

Olga V. Yarmak

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

olga_yarmak@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-5025-9112

Lyudmila N. Garas

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

garas_ln@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0391-652X

For citation: Kosov G. V., Yarmak O. V., Garas L. N. Galicia and Donbass as Ideal models of regional identity: sociocultural roots of the confrontation between Western and Eastern Ukraine. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 107–134. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.7; EDN: MFHOTB.

Abstract. The article examines ideal models of regional identity in Ukraine – Galicia and Donbass. It is emphasised that Ukraine, having become a sovereign state and appeared on the political map of the world in 1991, faced the problem of a pronounced mosaic of regions. Individual regions were included in Ukraine already formed as distinctive entities with stable features of culture and way of life of the population. The authors emphasise that on the territory of Ukraine there coexisted a number of territorial complexes that were rather weakly connected with each other, and their subordination to various states due to frequent changes in borders determined their complex interaction. The processes of changing the political affiliation of regions actualise the identification issue, and identity in such conditions turns into a kind of demiurge of reality and can act as the main, and sometimes the only source of meanings. The declaration of independence by Ukraine actualised historically formed contradictions, previously existing mainly latently. The article proves the existence of socio-cultural regions, unique ethno-territorial communities, creating a continuum with a clearly expressed dichotomy – Donbass and Galicia. Beginning from the first years of Ukraine’s independence, the image of the new independent country as a great European power, the formation of which has always been hindered and continues to be hindered by Russia, was actively introduced into the consciousness of citizens. That is, a project was promoted based on Galician nationalism (with an emphatically Russophobic basis) and the concept of the “titular Ukrainian nation”. In turn, regionalist sentiments in the Eastern Ukraine showed that regional identity can have great potential for the social integration of citizens. Since the 1990s, Donbass has often acted as an object of deliberate “otherness” on the part of the Ukrainian political and cultural elite, which was a contrasting background in the context of the practices of national construction in Ukraine. The authors conclude that the formation of Ukrainian national identity was carried out in a very contradictory manner and was characterised by a clear dominance of regional identity in the Eastern Ukraine against the background of the total promotion of the Galician project, and since 2014, its promotion has been carried out by armed means. However, the violent desire to level the regional identity of the inhabitants of the Eastern Ukraine launched the process of secession of the region – the self-proclamation of the DPR and LPR and their subsequent inclusion in the Russian Federation in 2022.

Keywords: regional identity, Ukraine, Russia, Donbass, Galicia

References

1. Achkasov V. A. Ethnic and national identity in the modern world. *Vestnik SPbGU. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2012: 1: 85–91 (in Russ.). EDN: OQRILX.
2. Baranov A. V. Directions and methods of identity construction in conditions of armed conflict (based on the materials of the Donetsk and Lugansk people’s republics). In *Political Space and Social Time: The Right of Might vs. the Power of Law*. Ed. by T. A. Senyushkin. Simferopol, Arial, 2023: 56–61 (in Russ.). EDN: OJZSXA.
3. Baranov A. V. Contemporary identities’s conflict in Ukraine: its influence on social disintegration. *Nacionalnaya bezopasnost i strategicheskoe planirovanie*, 2015: 4: 18–24 (in Russ.). EDN: VCHDQF.
4. Vavilov A. Current political manifestations of regionalism in the context of the power crisis in Ukraine. *International Trends. Mezhdunarodnye process*, 2021: 19(2): 85–104 (in Russ.). DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.5; EDN: IBBICM.
5. Valevskij O. Topical issues in modern conditions of state policy of identity. *Naukovi perspektivi*, 2023: 9(39): 52–65 (in Ukr.). DOI: 10.52058/2708-7530-2023-9(39)-52-65.
6. Vermenich Ya. V. Donbas in the context of borderlandstheories: socio-humanitarian analysis. *Ukrayinskij istorichnij zhurnal*, 2015: 1: 108–134 (in Ukr.).

7. Vermenich Ya. V. Regionalism in Ukraine as a cultural phenomenon. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Ser. geograficheskaya*, 2014: 1: 28–35 (in Russ.). DOI: 10.15356/0373-2444-2014-1-28-35; EDN: RWTVFF.
8. Vermenich Ya. V. Territorial identity of the Ukrainian border region: historical origins and geopolitical influences. Ed. by V. A. Smolij. Kiev, Institut istoriyi Ukrayini, 2019: 367 (in Ukr.).
9. Gnatyuk O. M. Hierarchical structure of spatial identity of the Ukrainian population. *Ekonomichna ta socialna geografiya*, 2012: 65: 242–250 (in Ukr.).
10. Gricaj E., Nikolko M. Ukraina: nacionalnaya identichnost v zerkale Drugogo [Ukraine: National Identity in the Mirror of the Other]. Vilnyus, EGU, 2009: 220 (in Russ.).
11. Independence Day of Ukraine: the path to victory, the identity and value of the state against the background of war. Accessed 16.06.2024. URL: https://dif.org.ua/article/den-nezalezhnosti-ukraini-shlyakh-do-peremogi-identichnist-ta-tsinnist-derzhavi-na-tli-viyini#_Toc143506371 (in Ukr.).
12. Dergachyov V. A. Raskalyonnye rubezhi [Hot Frontiers]. Odessa, Astroprint, 1998: 104 (in Russ.).
13. Dnistrianskij M. S. Etnopolitichna geografiya Ukrayini: problemi teorii, metodologiyi, praktiki [Ethnopolitical geography of Ukraine: problems of theory, methodology, practice]. Lviv, Vid. centr LNU im. Ivana Franka, 2006: 490 (in Ukr.).
14. Zhilcov S. S. The origins of contemporary ukrainian nationalism. *Vestnik RUDN. Ser. Politologiya*, 2014: 4: 21–36 (in Russ.). EDN: TAFSHF.
15. Zhirun I. V. Formation of the Ukrainian Identity: Civic, Ethnic or PostColonial? *Rossiya v sovremennom mire*, 2021: 3: 145–164 (in Russ.). DOI: 10.31249/rsm/2021.03.09; EDN: BVHSRM.
16. Zhurzhenko T. Yu. Rasshirenje Evropy i perspektivy «evropeizacii» ukrainsko-rossijskogo pogranichya [The expansion of Europe and the prospects for the “Europeanization” of the Ukrainian-Russian borderland]. *Politiya*, 2004: 2: 106–119 (in Russ.).
17. Identity of citizens of Ukraine: trends of change (May 2023). Accessed 14.06.2024. URL: <https://razumkov.org.ua/napriamky/sotsiologichni-doslidzhennia/identychnist-gromadian-ukrainy-tendentsii-zmin-traven-2023r>. (in Ukr.).
18. Kastels M. The information age: economy, society and culture. Transl. from Eng., ed. by O. I. Shkaratan. Moscow, GU VSHE, 2000: 606 (in Russ.).
19. Kovin V. S. Gnostly regionalism: the case of Ukraine. *Vestnik Permskogo un-ta. Politologiya*, 2020: 14(1): 54–66 (in Russ.). DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-54-66; EDN: YJSXYI.
20. Kononov I. F. Donbas in ethno-cultural coordinates of Ukraine (sociological analysis): dis. ... d-ra sociol. n. Lugansk, 2005: 473 (in Ukr.).
21. Korolov G. O. Ukrainian federalism in the historical discourse (the 19th – early 20th centuries). Kiev, Institut istoriyi Ukrayini NAN Ukrayini, 2010: 150 (in Ukr.).
22. Kosov G. V., Makovskaya D. V. Population of Ukraine in conditions of state transit: a retrospective analysis. *KANT: Social science & Humanities*, 2024: 1(17): 67–75 (in Russ.). DOI: 10.24923/2305-8757.2024-17.8; EDN: EHOUNT.
23. Kosov G. V., Makovskaya D. V. On the issue of the methodology of spatial differentiation of Ukraine in the context of dysfunctionality and the phenomenon of “thirty years of amorphous integrity”. *KANT: Social science & Humanities*, 2024: №1(17): 56–66 (in Russ.). DOI: 10.24923/2305-8757.2024-17.7; EDN: CXLOID.
24. Kochan N. I. Religious situation in Ukraine: regional aspect. *Sbornik nauchnyh robot. Kamenec-Podolskij nac. un-t im. I. Ogienko*, 2010: 1: 197–208 (in Ukr.).
25. Kuromiya G. Donbas pomizh Ukrayinoyu ta Rosiyeyu: pozanacionalna identichnist? [Donbas between Ukraine and Russia: extra-national identity?] Globalizaciya. Regionalizaciya. Regionalna politika. Hrestomatiya z suchasnoyi zarubizhnoyi sociologiyi regioniv, Lugansk, 2002: 541–554 (in Ukr.).
26. Kurylev K. P. Determinating factors of permanent instability in Ukraine. *Postsovetskie issledovaniya*, 2018: 1: 20–30 (in Russ.). EDN: XRPPJJ.
27. Lipset S. M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party System and Voter Alignment. Partii i vybory: Hrestomatiya [Parties and Elections: A Reader]. Ed. by N. V. Anohina, E. Yu. Meleshkina. Ch.1. Moscow, INION, 2004: 47–76 (in Russ.). EDN: NCUNUL.

28. Melnichuk S. V. The origin and characteristics of regional polarization in the foreign policy orientations of the population of Ukraine. *Uchenye zapiski KFU im. V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kulturologiya*, 2023: 2: 116–127 (in Russ.). EDN: FXTNEI.
29. Miller A. I. National identity in Ukraine: history and policy. *Rossiya v globalnoj politike*, 2022: 20: 4: 46–65 (in Russ.). DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-46-65; EDN: JKBXGA.
30. Mchedlov M. P. Obshie voprosy religioznoj identichnosti: k postanovke problemy, usloviya ee obektivnogo analiza [General issues of religious identity: towards the formulation of the problem, conditions for its objective analysis]. *Religiya v samosoznanii naroda (religioznyj faktor v identifikacionnyh processah) [Religion in the self-awareness of the people (religious factor in identification processes)]*. Ed. by M. P. Mchedlov. Moscow, IS RAN, 2008: 13–33 (in Russ.).
31. Nagorna L. P. Regional identity: ukrainian context. Kiev, IPIEND imeni I. F. Kurasa NAN Ukraïni, 2008: 405 (in Ukr.).
32. Naumov A. O., Naumova A. Yu. The problem of regional identity as a factor in the socio-political crisis in Ukraine in 2004. *Izvestiya AltGU*, 2021: 3(119): 54–60 (in Russ.). DOI: 10.14258/izvasu(2021)3-07; EDN: USCKKV.
33. Panina N. V. Factors of national identity, tolerance, xenophobia, and anti-semitism in the present-day Ukraine. *Vestnik obshestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2006: 1 (81): 26–38 (in Russ.).
34. Pahomenko S. P. Identity faktor in terms of Ukrainian crisis (on the example of Donbass region). *Visnik Mariupolskogo derzh. un-tu. Ser.: Istoriya. Politologiya*, 2015: 12: 246–253 (in Ukr.).
35. Pelagesha N. Ye. Transformation of the Ukrainian national identity under conditions of globalization: avtoref. dis... kand. polit. n. Kiev, 2009: 26 (in Ukr.).
36. Politichni problemi suchasnoyi Ukrayini. Analitichni dopovidi Institutu politichnih i etnonacionalnih doslidzhen im. I. F. Kurasa NAN Ukrayini [Political problems of modern Ukraine. Analytical reports of the Institute of Political and Ethnonational Studies named after I. F. Kuras NAS of Ukraine]. Kiev, IPIEND, 2012: 600 (in Ukr.).
37. Rating Monitoring, 26th wave: Rating of the friendship of countries (February 10–11, 2024). Accessed 16.06.2024. URL: <https://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/rejting-monitoring-26-ta-hvilya-ocinka-druzhnosti-krayin-10-11-lyutogo-2024.html> (in Ukr.).
38. Rogatin V. N. Persecution of Orthodoxy in Ukraine in 2014–2016. Moscow, RISI, FIV, 2017: 224 (in Russ.).
39. Rogatin V. P. Transformaciya roli subnacionalnih regioniv u suchasnih politichnih procesah [Transformation of the role of subnational regions in modern political processes]: avtoref. dis... kand. polit. n. Simferopol, 2007: 20 (in Ukr.).
40. Ryabchuk M. Yu. «Syak-tak, abiyak»: dvadcyat rokiv postkomunistichnoyi transformaciyi v Ukrayini [“One way or another”: twenty years of post-communist transformation in Ukraine]. In *Ukrayina. Procesi naciotvorennya*. Kiev, K.I.S., 2011: 381–396 (in Ukr.).
41. The Seventeenth National Poll: Identity. Patriotism. Values (August 17–18, 2022). Accessed 16.06.2024. URL: https://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/s_mnadcyate_zagalnonac_onalne_opituvannya_dentichn_st_patr_otizm_c_nnost_17-18_serpnya_2022.html (in Ukr.).
42. Sereda V., Sudin D. Lviv'yanin – okrema identichnist chi prosto propiska [A Lvivian is a separate identity or just a residence permit]. *Visnik HNU im. V. N. Karazina. Ser. «Sociologichni doslidzhennya suchasnogo suspilstva: metodologiya, teoriya, metodi»*, 2008: 795: 94–98 (in Ukr.).
43. Sereda V. V. Regionalni vimiri ukrayinskogo sociumu: istorichne minule i nacionalni identichnosti [Regional dimensions of Ukrainian society: historical past and national identities]. *Agora. Ukrayina – regionalnij vimir*, 2006: 3: 29–41 (in Ukr.).
44. Sereda V. V. Regional differences in historical identities and their impact on the formation of current political orientations in Ukraine: Avtoref. dis... kand. sociol. n. Kiev, 2006: 22 (in Ukr.).
45. Stepiko M. T. Ukrayinska identichnist: fenomen i zasadi formuvannya [Ukrainian identity: phenomenon and principles of formation]. Kiev, NISD, 2011: 336 (in Ukr.).
46. Tomajchuk L. V. Regionalism and regional identity in modern Ukraine. *POLITEKS*, 2013: 9: 1: 252–263 (in Russ.). EDN: RVOLQP.
47. Fadeeva L. A. From social chronotope to political myth: Ukrainian case. *Vestnik RUDN. Ser.: Politologiya*, 2023: 25: 1: 150–162 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-150-162; EDN: FRYLMA.

48. Halij I. A. Modern russian borderland: general characteristics. *Vestnik instituta sotziologii*, 2014: 4(11): 23–33 (in Russ.). EDN: RFUMXG.
49. Hantington S. The clash of civilizations and the remaking of world order. Transl. from Engl. by T. Velimeeva, Yu. Novikova. Moscow, AST, 2003: 603 (in Russ.).
50. Chernish N., Malanchuk O. Comparative analysis of identities in L'viv and Donetsk (1994–2004). Accessed 15.06.2024. URL: https://uamoderna.com/images/archiv/12_2/5_UM_12_2_Statti_Chernysh_Malanchuk.pdf (in Ukr.).
51. Shlihta I. V. Obraz vneshnego vruga v sochineniyah Dmitriya Doncova 1921–1939 godov [The image of the enemy in the works by D. Dontsov in 1921–1939]. *Intelligenciya i vlast*, 2013: 28: 142–152 (in Russ.). DOI: 10.17223/18572685/50/7.
52. How do Ukrainians see relations between Ukraine and Russia and what associations do Ukrainians have with Russia and ordinary Russians. Accessed 20.07.2024. URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=1420&page=2&t=13> (in Ukr.).
53. Barrington L. W., Herron E. S. One Ukraine or many? Regionalism in Ukraine and its political consequences. *Nationalities Papers*, 2004: 32: 1: 53–86 DOI: 10.1080/0090599042000186179.
54. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Stanford University Press, 1991: 247.
55. Identities and Regionalism. Accessed 14.06.2024. URL: <https://www.uaregio.org/en/surveys/data-visualisations/survey-infographics/identities/>.
56. Kulyk V. Ukrainian Identity in Time of War: More Salient and Radical. Accessed 16.06.2024. URL: <https://www.iwm.at/publication/iwmpost-article/ukrainian-identity-in-time-of-war-more-salient-and-radical>.
57. Kuzio T. Identity and nation-building in Ukraine: Defining the «Other». *Ethnicities*, 2001: 1: 3: 343–365. DOI: 10.1177/146879680100100304.
58. Kuzio T. National identity and history writing in Ukraine. *Nationalities Papers*, 2006: 34: 4: 407–427. DOI: 10.1080/00905990600842080.
59. Kuzio T. Ukraine's relations with the west: disinterest, partnership, disillusionment. *European Security*, 2003: 12: 2: 21–44. DOI: 10.1080/09662830412331308046.
60. Lewicka M. Regionalne zroznicowanie poczucia tozsamosci: porownanie Polski i Ukrainy [Regional Differentiation of Identity: Comparison of Poland and Ukraine]. *Studia Regionalne i Lokalne*, 2006: 1(23): 5–35 (in Pol).
61. Shulman S. The Cultural Foundations of Ukrainian National Identity. *Europe-Asia Studies*, 2004: 56: 1: 35–56. DOI: 10.1080/0966813032000161437.
62. Survey infographics. Historical memory. Accessed 14.06.2024. URL: <https://www.uaregio.org/en/surveys/data-visualisations/survey-infographics/historical-memory/>.
63. Voronovici A. Internationalist Separatism and the Political Use of “Historical Statehood” in the Unrecognized Republics of Transnistria and Donbass. *Problems of Post-Communism*, 2020: 67: 3: 288–302. DOI: 10.1080/10758216.2019.1594918.

The article was submitted on: August 6, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gennady V. Kosov, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Social, Philosophical and Political Sciences

Olga V. Yarmak, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Social, Philosophical and Political Sciences

Lyudmila N. Garas, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social, Philosophical and Political Sciences

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.8

EDN: JGZXEW

Проблема Севера и Юга: о возможностях сопоставления межрегиональных неравенств в Италии и России

Ссылка для цитирования: Коломиец В. К. Проблема Севера и Юга: о возможностях сопоставления межрегиональных неравенств в Италии и России // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 3. С. 135–155. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.8; EDN: JGZXEW.

For citation: Kolomiecz V. K. The North-South problem: on the possibilities of comparing interregional inequalities in Italy and Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 135–155. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.8; EDN: JGZXEW.

Коломиец Вячеслав Константинович¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

v_kolomiecz@mail.ru

SPIN-код: 3676-1980

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о возможностях и научных перспективах компаративных исследований межрегиональных различий и неравенств в России и Италии. Эти страны, находящиеся на значительном удалении, принадлежащие к разным географическим зонам, культурным средам и цивилизационным ареалам, заметно различаются по своему мировому статусу. Несмотря на самоочевидность этих страновых различий, они вот уже длительное время воспринимаются и в российской, и в итальянской исследовательской традиции как страны, подлежащие сопоставлению. Они выступают друг для друга – и в немалой степени по причине тех же самых различий – в качестве концептуального ресурса, элемента внешней среды и внешнего окружения, источника и фактора развития. Эта их сопоставимость имеет свое региональное измерение. Она распространяется на область исследований межрегиональных неравенств и противоречий, рассматривающих диалектику «центр – регионы» и образующих в плане методологии исследования особое компаративистское направление. Настоящее исследование представляет собой экскурс в область историко-социологической и политической регионалистики. Автор оценивает достижения и результаты, полученные отечественными и итальянскими авторами, а также перспективы научных разработок в данной области. Межрегиональные неравенства, неизбежные для Италии, оказавшейся в числе стран, «пришедших вторыми», имея в виду их относительно позднее приобщение к техногенной цивилизации, обрели смысл и значение общенациональной проблемы. Почти с момента возникновения единой итальянской государственности она известна как южный вопрос. Дихотомия «Север – Юг» в Италии

является воплощением региональных различий, диспропорций, противоречий. Она отразила в себе коллизию между унификацией традиционалистских общественных укладов и потребностью в сохранении их разнообразия. Эта дихотомия примечательным образом словно бы предвосхитила одноименную формулу новейшего времени, которой обозначаются деление и раскол современного глобального мира на богатые северные и бедные южные страны. В концептуальных схемах вариативности, то есть, с одной стороны, единства и сходства, а с другой – различий между Россией и Италией, в том числе и в области компаративной регионалистики, долгое время преобладали контрастные сравнения, которым более или менее правомерно приписывался константный характер. Эта устоявшаяся картина вариативности претерпела существенные видоизменения в процессе эрозии политических субкультур как левого, так и правого толка, секуляризации и рационализации общественного сознания. Автор приходит к выводу, что на примере Италии можно видеть, как архаические социальные практики могут сочетаться с современными технологиями, и это может породить весьма причудливые социальные коллизии.

Ключевые слова: Россия, Италия, компаративная регионалистика, региональные неравенства, унификация, разнообразие, контрастные сравнения, вариативность, константные неравенства

Неравенства межрегиональные и внутрирегиональные

Изначально для Италии, исследуемой на предмет сопоставимости ее неравенств с аналогичными или, во всяком случае, более или менее сходными неравенствами в России, были характерны замедленные темпы процессов модернизации общества. Это выразилось (здесь уже в полном отличии от России) в позднем достижении национально-государственного единства в его классической европейской форме национального государства. Оно окончательно сложилось лишь в последней трети XIX в. в результате форсированного насильственного соединения территорий, существенно разнящихся по уровню их социально-экономического и политического развития. Как то, впрочем, неизбежно случалось в процессе формирования более или менее крупных государственных образований в той же Западной Европе [9, с. 33–34]. Многоукладность номинально единого нового государства, построенного на началах жесткой централизации, постоянно воспроизводила остроту социальных конфликтов между старым и новым, передовым и отсталым, в том числе и в особенности на региональном уровне [9, с. 29–45; 22, с. 13–21; 40]. Самые радикальные способы выхода из состояния этой конфликтности предлагались силами, располагавшимися на левом фланге политической системы. Благодаря чему им удавалось завоевывать весомые позиции в итальянском обществе. В их доктринальных установках, как и в повседневной практике социальной борьбы и социального давления, неизменно присутствовали самые радикальные требования социальной справедливости и социального равенства. Все проявления социального неравенства, на которые итальянская социальная реальность обнаруживала большую щедрость, в оппозиционно настроен-

ной части общества, в его контрэлите уверенно воспринимались с крайней непримиримостью. Они рассматривались как некая аномалия, подлежащая решительному и полному искоренению, что усугубляло накал социальной напряженности [9].

В таком средоточии неравенств неравенства региональные, прежде всего межрегиональные, неизбежные для Италии, оказавшейся в числе стран, «пришедших вторыми» (Second Comers) [9, с. 32], как и внутрирегиональные, обретали смысл и значение общенациональной проблемы. С момента возникновения единой итальянской национальной государственности она стала известна как «южный вопрос» [10; 12, с. 23–34]. Сюда же примешивался вопрос более общего порядка – об отношениях центра и регионов, о разделении властных полномочий между ними, о централизации и децентрализации управления [10; 32]. А его решение в каждом случае, в различные периоды истории страны связывалось с необходимостью преодоления межрегиональных неравенств. Понятие регионов в Италии и, соответственно, региональной проблематики отождествляется, таким образом, по большей части с южными областями страны. Таковые образуют некий единый конгломерат, хотя и имеющий множество признаков внутренней неоднородности [4, с. 565–581]. Дифференциация страны по ее регионам, как, впрочем, и в соседней Франции, шла по линии «Север – Юг». Иными словами, – по критерию скорее географическому, чем какому-либо иному. Разумеется, границы этих территориальных конгломератов на протяжении столь длительного исторического периода времени обнаруживали свою подвижность в ту или иную сторону. Так что ось, выстроенная по географическому признаку, выступала скорее всего в роли некоего общего знаменателя. Дихотомия «Север – Юг» стала для Италии живым воплощением региональных различий, диспропорций, полярностей и неравенств, а в более общем плане – коллизий между техногенной и традиционалистской цивилизациями. Эта дихотомия примечательным образом словно бы предвосхитила одноименную формулу новейшего времени. Ею, как известно, обозначаются эмпирическое деление и раскол современного глобального мира на богатые северные и бедные южные страны [29; 30; 34; 36].

Методология исследования

Из совокупности методов, разработанных современной методологией обществознания, сравнительный метод представляется в данном случае наиболее продуктивным. Он и будет применен в процессе сопоставления России и Италии. При всех своих многообещающих свойствах и эвристических возможностях этот метод содержит в себе тем не менее неизбежные риски недостоверности знания, получаемого его посредством. Целостная картина вариативности, то есть единства общих и особенных черт обеих стран при ее воспроизведении чаще всего грешит некоторой односторонностью. Она наделяет особенное, как правило и в первую очередь, признаками приоритетности. Действительно, применение сравнительного метода в пер-

вом приближении, каковое обычно сводится к выявлению аналогий между рассматриваемыми объектами, убеждает скорее в обратном. То есть, скорее всего, в отсутствии этих сколько-нибудь видимых и значимых аналогий.

Более того, такое сравнение выглядит сплошь и рядом весьма произвольным и даже в чем-то непозволительным. Поскольку Россия и Италия – это территории отнюдь не лимитрофные. Что уже заведомо ставит под сомнение наличие сколько-нибудь значимых признаков общности, единства, схожести и аналогий между ними. Это страны, разведенные на значительное географическое расстояние, принадлежащие к разным культурным средам и цивилизационным ареалам, заметно различающиеся по своему мировому статусу. Поэтому естественным образом в общей картине сравнений традиционно преобладают именно контрастные сравнения. Они и призваны акцентировать особенные черты каждой страны. Однако, как бы ни были контрастны, разительны и самоочевидны эти страновые различия, Россия и Италия вот уже длительное время воспринимаются и в отечественной, и в итальянской исследовательской традиции как страны, сопоставимость которых между собой возможна и допустима. Они выступают друг для друга – и в немалой степени по причине именно тех же самых различий – в качестве концептуального ресурса, элемента внешней среды и внешнего окружения, источника и фактора развития [30; 34]. Эта сопоставимость имеет еще и свое региональное измерение. Она распространяется на область исследования региональных неравенств и полярностей, рассматривающих диалектику «центр – регионы» и образующих особое компаративистское направление [9; 10; 12].

Константные неравенства

Исходным фактором константного неравенства, по сей день непреодоленного и, как можно справедливо предположить, непреодолимого, остается унаследованная от давнего прошлого, обособленность и разобщенность территорий, составляющих ныне единое итальянское государство. Прежде всего это касается крупных территориальных конгломератов – Севера и Юга. Эта константность принадлежит к разряду исторических явлений, имеющих длительную временную протяженность. Во всяком случае, именно так ее определяет широко известная научная традиция школы «Анналов», на которую в подобных случаях принято ссылаться. Действительно, большие и малые территории Италии разделены границами, которые современная политическая география рассматривает как исторические, фантомные, реликтовые, ментальные [13; 14]. Некогда, до объединения страны они имели иной юридический статус – полноценных государственных границ. Последние, будучи давно упразднены, тем не менее, несмотря на всю свою сегодняшнюю вроде бы призрачность, обладают мерой собственной незыблемости. Соответственно, регионы – малые административно-территориальные образования, внутри которых они располагаются, – имеют свои собственные уклады и некий иммунитет, защи-

щающий их от вмешательства центральной власти. Это стало следствием компромиссного характера тех оснований, на которых вот уже более полутора веков покоится единая итальянская государственность, каким бы ни было ее устройство в тот или иной исторический период. Многоуровневая структура этих компромиссов – между северными и южными региональными элитами, между элитами и контрэлитами – всякий раз предполагала сохранение и даже консервацию реликтовых форм социальности, идеологическая сущность которых вменяла обществу идею социального неравенства как непреложную и неоспоримую норму. Что в свою очередь неизбежно предопределяло шаткость и неустойчивость каждого очередного компромисса. Действие его обычно исчерпывалось на протяжении относительно небольшого, по историческим меркам, отрезка времени. Таковы: либеральное шестидесятилетие от объединения страны до начала 1920-х гг.; фашистское двадцатилетие, включающее почти весь межвоенный период и вторую мировую войну; затем немногим менее чем полувековой период Первой республики – 1946–1994 гг. Выстраивание каждого нового компромисса уже не могло столь безапелляционно, как прежде, сохранять в неприкосновенности статус-кво отсталых регионов со всеми присущими им социальными неравенствами. А главное, система компромиссов, несмотря на всю ее отлаженность, совершенство и изощренность, не могла нейтрализовать, а тем более устранить общественный запрос на преодоление социальных неравенств, причем в особенности тех наиболее вопиющих, каковыми они были на региональном уровне. Из-за наличия коррупционной составляющей в системе компромиссов этот запрос приобретал особую силу, вследствие чего самые радикальные проекты переустройства общества на началах социального равенства завоевывали массовую поддержку.

Это предопределяло, причем на длительную историческую перспективу, сильное влияние левой политической субкультуры. В ареале ее влияния возникали наиболее значимые альтернативные сценарии, проекты и варианты общественного развития. Своим адептам они сулили самые сколь радикальные, столь и утопично-несбыточные способы необратимого искоренения любых социальных неравенств. И в этом левые сполна использовали преимущества своей оппозиционности. Иначе говоря, практической невозможности или, в лучшем случае, весьма ограниченного приобщения к власти, относительно скромного влияния на принятие властных решений и ответственности за них. Это противостояние великих политических религий XIX и, в особенности, XX в.; политических субкультур левого и правого толка, основанных на них, имело своим последствием смягчение социальных неравенств и межрегиональных в их числе.

С течением времени достижение каждого нового компромисса было отмечено менее острой конфликтностью между властью и оппозицией и, соответственно, противоборством враждующих политических субкультур. К середине 1970-х гг. (времени итальянского «политического чуда») – беспрецедентных успехов левой оппозиции – диалектика коммунизма и антикоммунизма, антифашизма и фашизма уже не отличалась былой остротой. Запущенные в полную силу процессы деидеологизации,

секуляризации и рационализации общественного сознания велик к взаимопроникновению политических субкультур, к размыванию границ между ними [25, с. 129]. Это ощутимым и пагубным образом сказалось прежде всего на левой политической субкультуре. Для последней исторический пример реального социализма, традиционно для нее притягательный и существенно ее подпитывавший, утрачивал признаки своей эталонности. Как следствие, он опровергал прежнюю веру в вероятность его воспроизведения, пусть хотя бы в некоторых его элементах и в отдаленной перспективе, в стране западного мира, каковой является Италия. Эрозия традиционных политических субкультур как левого, так и правого толка обернулась к началу 1990-х гг. крахом всех исторических партий и перестройкой партийно-политической системы.

То финалистски-прогрессистское видение исторического процесса, предполагавшее его завершение формированием некоего идеального общественного устройства на началах социального равенства, в значительной мере себя исчерпало [8, с. 49–62]. Но, как бы то ни было, оно не прошло бесследно и свою великую историческую роль сыграло. В результате нескольких волн модернизации архаично-реликтовые формы социальности, особенно на региональном уровне, были изрядно потеснены. Однако они сумели выжить и адаптироваться к новым условиям, сохранив свой константный характер. Обвальная девальвация ценностей левой политической субкультуры, прежде всего идеи социального равенства, сколь утопичной она порой ни казалась, фактически перевела в разряд неоспоримой нормы принцип социального неравенства. Это, в свою очередь, вызвало усугубление константных неравенств, в том числе и межрегиональных между Севером и Югом [29; 30; 31; 39; 40; 41].

Открытие российской социальной мыслью подобного рода явлений, резко дифференцирующих социальное пространство и весьма характерных для Италии, состоялось много раньше и пришлось на начало XX в. Оно, по-видимому, впервые было сделано идеологами партии эсеров. Для них межрегиональные неравенства и конфликты, столь разительные на фоне итальянской действительности, выглядели более чем сопоставимыми с одноименными явлениями, характерными и для России предреволюционной поры [37, с. 75–77]. Мировой революционный кризис начала XX в., пусть на короткое время, но словно бы подтвердил убедительность этих аналогий между Россией и Италией. Казалось, что они исчерпывали картину вариативности сравнений между двумя странами. Идея союза обездоленных классов – пролетариата Севера и крестьянства Юга, выдвинутая коммунистической партией Италии, – должна была воспроизвести на итальянской почве успешный опыт русской революции, совершенной на основе того же классового союза. Однако течение революционного кризиса, который должен был вылиться, распространившись на ту же Италию, в мировую революцию, пошло, вопреки ожиданиям, в нисходящем направлении. С этого момента пути исторического развития России и Италии разошлись кардинальным образом. В построении концептуальных схем вариативности на передний план вышли именно контрастные сравнения.

Столь же контрастными по своим внешним признакам выглядели эти, пусть неявные, но все же сравнения двух стран, в исследованиях «южного вопроса» в Италии и связанных с ним региональных неравенств, предпринятые отечественными авторами. Это произошло уже гораздо позже, начиная со времен оттепели 1960-х гг. Концептуальные построения, основанные на контрастности сравнений, вроде бы отвечали всем идеологическим нормам своего времени. Они делали существенный акцент на феномене отсталости Италии, не устраненной в ходе общественных преобразований и предполагалось, что она неустранима в принципе на пути капиталистического развития. Причем, согласно распространенному предубеждению, даже в зоне развитого западноевропейского капитализма. Настойчивое акцентирование наличия реликтовых форм социальности должно было оттенить и утвердить преимущества реального социализма. Этот общественный строй якобы по определению исключал вероятность возникновения в «реально-социалистическом» мире чего-либо подобного явлениям итальянской отсталости.

При таком сопоставлении образ капиталистического мира оказывался заведомо скомпрометированным, причем особенно в лице такой страны, как Италия. Ее история показательным образом была переполнена и насыщена примерами крайних проявлений социального зла. А именно, от фашистской тоталитарной диктатуры до самых зловещих форм скрытой и потаенной, а от этого совершенно бесконтрольной и крайне авторитарной власти, по сути, альтернативной государственной (мафия, ндрангета, козаностра и др. криминальные сообщества). Причем эти альтернативные формы и способы реализации власти действовали в западноевропейской стране с самой демократической конституцией. Даже информационная политика советского времени при всем неприятии и отторжении западных демократических ценностей отмечала ее как своего рода «икону стиля». То есть как самую передовую и едва ли не эталонную, благодаря чему левая политическая субкультура имела прочные позиции в жизни общества.

Размышления отечественных исследователей об итальянской отсталости не ограничивались между тем одной лишь Италией. Та являла собой наглядный и хрестоматийный пример региональных неравенств, столь характерных для ареала традиционалистской цивилизации, в особенности в южной части Зап. Европы. Их смысл, до поры до времени выраженный лишь в неявной, скрытой и иносказательной форме эзоповым языком науки, был гораздо шире. Он распространялся, как подразумевалось авторами этих исследований, также на советскую социальную реальность. То был повод и способ осмыслить, хотя бы в самом первом приближении, феномен отсталости их собственной страны. При таком нетривиальном подходе сравнения России (на тот момент – Советского Союза) и Италии заведомо утрачивали привычные признаки контрастности. А это никоим образом не соотнобразывалось с идеологическими императивами времен холодной войны, утверждавшими непримиримое противостояние и противоположность двух мировых общественных систем – социализма и капитализма [5; 17; 18]. Сомнительность этих сравнений, явно поблекших в своей

контрастности, казалась еще более убедительной в свете исторического опыта социализма. В действительности, он по праву обрел смысл синонима передового развития, весьма успешного по части преодоления отсталости. Социалистическая модернизация постреволюционной России стала впечатляющим примером невиданного социального роста. Этот исторический пример оказался притягателен далеко за ее пределами. Он был мифологизирован не только в самой советской стране, но и на том же Западе, особенно в кругах западноевропейских левых.

Апология достижений и завоеваний социализма пронизывала культуру советского общества. Такое ее апологетическое видение причудливо сочеталось с дискриминацией громадного пласта отечественной истории, который буквально третировался как период отсталости, отживших форм социальности. По факту он рассматривался как источник потенциальной опасности реставрации прошлого. Целью этих инвектив, возникавших в разное время и с разной степенью интенсивности, были явления отсталости, социальных, в том числе и региональных неравенств. В условиях форсированного и весьма результативного технического и социального развития страны официальная пропагандистская риторика склонна была трактовать их как «пережитки прошлого». То есть как нечто маргинальное, преходящее и неотвратно подлежащее скорому искоренению. За этой риторикой, однако, скрывался куда более реалистичный и прагматичный взгляд. По сути дела, он исходил из фактического признания феномена отсталости как общенациональной проблемы даже во времена «полной и окончательной победы социализма». Об этом свидетельствовали сколь широковещательные, столь и утопичные, лозунги догоняющего и опережающего развития, стирания различий между городом и деревней. Они в который уже раз были призваны бросить очередной вызов развитому капиталистическому миру.

Привычная контрастность сравнений между российской и итальянской социальной реальностью, продиктованная идеологическими императивами холодной войны, существенно теряла в своей убедительности еще по одной причине. Бреши в информационной блокаде советского общества, пробитые политикой разрядки международной напряженности начала 1970-х гг., позволяли по-иному и куда более адекватно оценить качество итальянской отсталости. Даже профессиональные и, без сомнения, компетентные наблюдения из советской социальной реальности убеждали в том, что отсталые формы итальянской социальности обладают иным качеством. Что они не столь одиозны, как то принято было всегда считать. Что длительное сращение архаики и прогресса, их сосуществование могут быть и драйвером передового развития, вполне котирующегося и на западноевропейском уровне. Экспертное сообщество отечественных итальянистов было впечатлено зримыми результатами этого передового развития итальянского общества. Особенно на фоне трудностей реального социализма оно склонялось, причем не без сильного влияния итальянской социальной мысли, к оптимистическим взглядам на перспективы решения «Южного вопроса». То есть скорого и необратимого преодоления межрегиональных неравенств, противоречий

и полярностей. В итоге к концу 1980-х гг., известных, как эпоха Кракси (по имени лидера социалистической партии), отмеченных весьма благоприятной экономической конъюнктурой, «южный вопрос», что в Италии, что за ее пределами, воспринимался не более как историографический реликт. Согласно новым веяниям, он всецело принадлежал к XIX в., если не к куда более ранним историческим временам. Откровенно реликтовой, исчерпавшей свой эвристический потенциал, а потому все менее убедительной выглядела и та концептуальная схема, которая утверждала дуалистическое строение итальянского общества [19; 20]. Тем более что именно с передовым, а никак не с отсталым развитием могла ассоциироваться Италия. С падением железного занавеса страна стала более доступной, во всяком случае, для узкого социального слоя постсоветских людей, резко повысивших свой социальный статус, но никак не интеллектуальный уровень. На них, получивших возможность прямого и непосредственного контакта с вожденным и желанным, прежде недостижимым чужеземьем, картина западного общества потребления воздействовала буквально завораживающе. Что было, разумеется, не удивительно на фоне советского, да и постсоветского общества недопотребления. В его режиме, как известно, жили несколько поколений граждан советской и постсоветской России [37, с. 270–273].

Век оптимистических надежд на окончательное решение самой острой национальной проблемы оказался крайне недолог. Более того, он слишком быстро сменился своей прямой противоположностью. Крах партийно-политической системы Италии в первой половине 1990-х гг. вызвал к жизни и акцентировал новую разновидность межрегиональных неравенств. Они получили свое концептуальное воплощение в так называемом северном вопросе. Север, который привычным образом почитался символом передового развития, неожиданно предстал в ином качестве. Теперь его ассоциировали с – многолетней жертвой паразитирующего на нем отсталого Юга, якобы тормозящего прогрессивное движение северных регионов. Парадоксальным образом решение северного вопроса мыслилось влиятельной частью элиты нового призыва из числа основателей так называемой Второй республики методами, повергавшими в изумление своей архаичностью. Лига Севера – партия, возникшая в конце 1980-х гг. на излете Первой республики, выдвинула сепаратистский проект провозглашения северных областей Италии самостоятельным государством. Тем самым впервые после национального объединения фактически оспаривалась правомерность существования единой итальянской государственности. Этот региональный национализм, наиболее чудовищный на то время фантом общественного сознания, выглядел курьезной нелепостью. Причем особенно в начале 1990-х гг., когда громадную популярность снискала прямо противоположная мифология глобализации общественных отношений. Она должна была, по замыслу ее творцов, привести к тотальной унификации мира, торжеству либерального мироустройства и счастливому концу истории [1; 2; 3; 24; 26; 27; 36].

Подобная аргументация, видевшая корень зла в региональной политической субкультуре Юга, при всей ее экстравагантности отнюдь не была лишена оснований. Влияние отсталого Юга, властно заявлявшего

о себе в масштабе всей страны, давно уже было непреложным фактом [6, с. 206–212]. Между тем эта диалектика передового развития и системного отставания с начала 1990-х гг. приняла новые формы. Всплеск сепаратистских настроений как реакция на извечный иждивенческий паразитизм Юга имел еще и внешний источник. В Италии принято считать, и в чем-то небезосновательно, что импульсом сепаратизма и нарастания социальной напряженности послужила советская перестройка. Крах реального социализма, реформатирование партийно-политической системы с устранением из нее КПСС – ее несущей опоры, распад Советского Союза, сопровождались невиданным дотоле импульсом, приданным сепаратизму на постсоветском пространстве. Эти обстоятельства, как минимум, сняли психологический барьер, служивший прежде сдерживающим фактором региональных противоречий и центробежных эксцессов. Эти взаимозависимые явления и в Италии, и в постсоветской России существенно расширили горизонты и возможности компаративистики. Они скорректировали былую картину вариативности, в новой редакции которой контрастные сравнения были буквально сведены на нет и уступили место прежде невозвратительным аналогиям [11, с. 54–84; 19; 20]. Тем более что привлечение эмпирических данных, которые составили основу для сравнительного анализа социокультурных, этнокультурных, медико-биологических и географических показателей, позволило выявить сходство в проявлениях межрегиональных неравенств и полярностей в начале XXI в. между севером и югом европейской части России, с одной стороны, и регионами Италии, северными и южными, – с другой [15; 16]. Эта дихотомия «Север – Юг» никоим образом не исчерпывала всей проблемы сравнительного исследования межрегиональных неравенств России и Италии. В самом деле, география российских неравенств являет собой более сложную картину учитывая совершенно иные географические масштабы страны [21, с. 219–233].

Как бы то ни было, но плодотворность такой компаративистики имеет свои веские основания. Действительно, итальянская социальная реальность издавна служит хрестоматийным примером региональных властных практик, институтов и организационных структур. Аналогии им можно отыскать далеко за пределами самой Италии, в том числе и в постсоветской России. В своей первооснове они были призваны компенсировать слабость центра – официальной власти, обладавшей хроническим дефицитом легитимности и твердым нежеланием поступиться монополией своего властного ресурса, а это в свою очередь создавало столь же хроническую ситуацию неуправляемости регионов. Заместить это безвластие могли неформальные сообщества, альтернативные государственной власти, ею не признанные, заведомо лишённые какого-либо официального представительства. Они были обречены на существование вне закона как ярко выраженные криминальные объединения, изначально имевшие региональное происхождение. В качестве классического и широко известного примера здесь напрашивается сицилийская мафия. Тем более что само слово, обозначающее это криминальное сообщество, стало нарицательным [23; 28; 31; 38]. Влияние подобных альтернативных систем власти распространялось на

общенациональный, а с течением времени и на транснациональный уровень. Они оказались уделом не только одной лишь Италии. Они властно заявляли о себе в самых разных странах и регионах мира с весьма несхожими уровнями общественного развития, характером политических отношений и особенностями политической культуры.

Во многих чертах аналогичная той же итальянской альтернативная система власти, выросшая из региональных и локальных криминальных сообществ, сложилась и в постсоветской России. Опыт многолетней итальянской истории, известный практиками фактического двоевластия, – сосуществования почти на равных, а то и в значительной мере с преимуществом этой альтернативной власти, формальных и неформальных властных институтов, – оказался тем источником, из которого возникла не только яркая метафора, но и весьма наглядная и вполне убедительная концептуальная схема, объясняющая новую социальную реальность постсоветской России. Наложенная на российские условия переходности от прежнего общественного строя к новому эта схема сравнения неплохо работала. Среди прочего, вследствие относительно неплохой осведомленности советских людей о феномене итальянской мафии, которая черпалась главным образом из художественного кинематографа. Разительность сходства между Италией и постсоветской Россией проступала весьма рельефно и убедительно. То было шокирующим открытием для постсоветского человека, сделанным им после прорыва информационной блокады прежних лет. Тогда познания рядового гражданина об этой стороне жизни его собственной страны были минимальны, если не вообще отсутствовали. Как и в Италии, социальный первоисточник альтернативной власти в постсоветской России имел то или иное региональное или локальное происхождение, причем, как правило, с выраженными признаками отсталости развития, будучи фактором консервации этой отсталости и усугубления константных неравенств. Как и в Италии, а то и в гораздо большей степени, альтернативная власть возымела способность выступать в роли драйвера развития. При том что вектор этого развития, официально провозглашенный, отличался противоположной направленностью. Его отличала устремленность никак не в сторону установления передовых рыночных отношений и глубокой демократизации общества, а наоборот, – создания разновидности системы авторитарной власти [9, с. 29–45].

Сдвиг вправо как фактор усугубления региональных неравенств

В Италии, вступившей в начале 1990-х гг. в период так называемой Второй республики, усугубление константных неравенств оказалось связанным с резким изменением соотношения политических сил. Классические времена последних десятилетий Первой республики были памятны чеканной формулировкой местного политического языка, благополучно заимствованной и подхваченной советскими масс-медиа. Согласно

ей, как постоянно и обоснованно утверждалось, ось политической жизни страны смещалась влево. Когда же Италия, преодолев свои смутные времена начала 1990-х гг., вышла из них с обновленной и реформированной партийно-политической системой, то новую политическую ситуацию стало уместным характеризовать уже иной, перефразированной и прямо противоположной формулировкой. Она могла бы звучать следующим образом: произошло смещение оси политической жизни страны вправо. Причем констатация этого непреложного факта справедлива вне зависимости от того, какая из политических сил находилась или находится у власти на данный момент. Ибо в многолетней битве идей за культурную гегемонию победу одержали именно правые.

Однако дело даже не в том, что, согласно демократической логике чередования у власти, на сегодняшний день у ее кормила оказались именно правые, чуждые идее социального равенства. От нее, предполагавшей жесткое целеполагание в виде совершенного общественного устройства, давно уже отступились и те же левые, некогда ее ревностные сторонники. Истинная проблема более общего порядка заключалась в ином. Весь уклад Второй республики, густо замешанный на популистских утопиях, предопределил стремительное ухудшение качества политического класса. От него не приходилось ожидать сколько-нибудь прорывных решений по части преодоления социальных, а тем более межрегиональных неравенств. Эти ожидания представляются заведомо напрасными, если принять во внимание, что среди депутатов нынешнего созыва итальянского парламента имеется менее 70% обладателей университетского диплома. На заре Первой республики, в первые послевоенные десятилетия таковых насчитывалось 91,4%. При том что тогда только 1% итальянцев имел высшее образование против 20% имеющих его на сегодняшний день. Обделена университетским дипломом, кстати, и сама Джорджа Мелони, первая в истории республиканской Италии женщина – председатель совета министров, нынешний лидер правых. Все это служит показателем более чем скудной компетентности политической элиты нового призыва. Это стало следствием резкого снижения качества итальянской демократии, которая в годы Второй республики пережила несколько волн популизма, подмявших под себя и правых, и левых. Политические партии, хотя и сохраняющие свои бренды, каждый с признаками некой оригинальной идеологической платформы, на глазах вырождаются в персоналистские группировки. Таковыми они были по принципу своей организации в позапрошлом веке, в первые десятилетия после объединения страны. Столь же катастрофическим выглядит падение роли парламента, признанного символа итальянской демократии. В наши дни он низведен до уровня придатка правительства, то есть института, обреченного всего лишь проштамповывать решения последнего.

Следствием этой пессимистической картины современной итальянской политической жизни стал взрывной рост показателя абсентеизма, свидетельствующий об утрате за последние полтора десятилетия 8,5 млн голосов избирателей. На парламентских выборах 2022 г. абсентеисты в количестве 36,1% составили едва ли не целую

«протестную» партию. Наиболее впечатляющим образом феномен абсентеизма проявил себя в южных регионах Италии. Число пришедших на избирательные участки оказалось почти вдвое меньше прежнего (с 16,2 до 8,5 млн). В частности, в Кампании проголосовали 53,2% избирателей, в Неаполе, в городском районе Фуоригротта это число снизилось с 62 до 49%. В Калабрии оно не достигло и 51% (в провинциях Кротоне – 45,9%, в Реджо Калабрии – 48,9%). Особенно катастрофичным падение электорального участия стало в таких коммунах провинции Реджо Калабрия, как Африко (явка к избирательным урнам была зафиксирована на уровне 32,1%), Плати (31,3%), Сан Лука (21,5%).

Куда большей партия абсентеистов оказалась на выборах в Европейский парламент в июне 2024 г. Тогда численность итальянцев, не явившихся к избирательным урнам, достигла 25 млн. И снова главным поставщиком кадров для этой партии абсентеистов стали южные регионы и островная Италия. Цифра – более чем впечатляющая, хотя отчасти объяснимая малой популярностью европейских выборов для итальянского избирателя.

Это разительное явление абсентеизма наблюдается в тех регионах, где весьма сильны позиции альтернативной системы власти, представленной организованной преступностью.

Может быть, в меньшей степени электоральный процесс поражен вирусом абсентеизма на региональном уровне. То есть там, где, по самому своему определению, политика должна быть максимально приближена к рядовым гражданам. Правда, 18–30-летние итальянцы, по данным исследования, проведенного в 2018–2019 гг. Институтом политических, экономических и социальных исследований, департаментом экономических наук Болонского университета и департаментом Корис Римского университета “Сапиенца”, не слишком охотно отождествляют себя с жителями собственного региона или более мелких административно-территориальных образований, то есть с малой родиной. Таковых набралось всего 6,9% (в России аналогичный показатель местного патриотизма в той же возрастной группе, по результатам исследования ФНИСЦ РАН, оказался существенно выше и составил 11,3%).

Тем не менее в оценках возможностей влияния на деятельность властей в регионах преобладают с разной степенью убежденности оптимистические мнения. Их разделяют 57,7% молодых итальянцев против 42,3% придерживающихся противоположной оценки (в России дело обстоит иначе: оптимистически настроены на данный счет 32,6 против 67,3%). В региональных выборах в Италии у избирательных урн отмечено присутствие 67,6% молодых граждан, имеющих право голоса (в России их существенно меньше – 46,3%) [7, с. 305]. В эффективность этой формы политического участия склонны верить 74,5% итальянцев и 23,9% россиян [35]. В случае возникновения трудных жизненных ситуаций на помощь со стороны местных властей рассчитывают и готовы к ним обратиться, согласно данным на 2018 г., 8% итальянцев и 7% россиян (спустя год, это соотношение изменилось, составив 19,8 к 10,5%).

Впрочем, не один абсентеизм при всем его негативном воздействии особенно на общенациональном уровне внес свой вклад в усугубление межрегиональных неравенств. Некогда почитавшаяся преодоленной дуалистическая структура итальянского общества, как показали результаты тех же парламентских выборов 2022 г., воспроизвела себя в полной мере. Север и Центр предстали как электоральная вотчина правоцентристской Лиги, а Юг – Движения 5 звезд. Столь специфичное электоральное поведение итальянцев, обостряющее межрегиональные неравенства, уже в который раз отразило логику глобальной взаимозависимости мира. В частности, Италия, едва преодолев, и то только отчасти, последствия кризиса 2008 г., а затем пандемии Covid-19, вынуждена противостоять резкому ухудшению международной экономической конъюнктуры, вызванному началом специальной военной операции на Украине. Так, уже первая половина 2022 г. привела к невиданному удорожанию сырья, стоимости энергоносителей, резкому взлету инфляции, снижению уровня потребления. Меры нынешнего правительства правых несостоятельны по части преодоления кризиса, о чем свидетельствует его политика в решении южного вопроса, ставшего извечным символом итальянских межрегиональных неравенств. Юг с его молодежной безработицей, реальной угрозой новой волны эмиграции – оттока наиболее активной части населения в более богатые регионы, а то и за границу, оказался словно бы отброшенным в прошлый, если не в позапрошлый век. Концепция решения южного вопроса сводится в настоящее время к уже скомпрометировавшим себя в прошлом сугубо бюрократическим мерам, сулящим новое обострение региональных неравенств [39; 40; 41].

К выводам

Компаративная регионалистика в той ее части, которая рассматривает Италию и Россию в их региональном измерении, имеет в отечественном обществознании более чем полувековую исследовательскую традицию. Применение сравнительного метода в данном исследовании позволило в первом приближении сформировать целостную картину вариативности, то есть единства и сходства региональных особенностей, в частности, межрегиональных неравенств, каждой из двух стран. Долгое время в концептуальных подходах советской, российской итальянистики сравнительный метод, особенно в области региональных исследований, применялся несколько односторонне. Приоритетный характер имели, как правило, контрастные сравнения. Это имело свои веские основания в силу видимых и очевидных различий между двумя странами – по их географическому положению, мировому статусу, принадлежности к разным культурным средам и цивилизационным ареалам.

Во времена холодной войны контрастность этих сравнений находила свое веское оправдание еще и в идеологическом противостоянии двух общественных систем социализма и капитализма. Особенности регионального развития в Италии с его архаично-реликтовыми формами социально-

сти были призваны, исходя из идеологических соображений, послужить доказательством преимуществ социализма перед капитализмом. С точки зрения этих преимуществ в «реально-социалистическом мире» по определению исключалась возможность существования одиозных форм неравенства, в том числе и межрегионального, примеры которого давала Италия. Вместе с тем осмысление длительного опыта развития Италии в режиме догоняющего развития имело своей скрытой и подспудной целью его проекцию на советскую действительность. Где свои проблемы преодоления отсталости, межрегиональных неравенств были ничуть не менее, а то и более актуальны, чем в Италии. В данном отношении это была возможность мониторинга на примере Италии факторов риска, значимых за ее пределами, в том числе и в «реально-социалистическом» мире.

Исторический пример Италии также значим длительным периодом сильного влияния ценностей левой политической субкультуры, служившей идейным источником организационных структур оппозиции, как и весьма ценным и поучительным в своей противоречивости опытом отношений центра и регионов. Того опыта, который изобиловал компромиссами, пусть на ограниченный срок, но обеспечивал общественную стабильность. Однако в то же время эта компромиссность отношений вела к консервации архаично-реликтовых форм социальности, для которых социальные неравенства возводились в разряд неоспоримой нормы.

Библиографический список

1. Баранов А. В. Сепаратизм в современной Италии: факторы развития, институционализация, политические стратегии // Человек, общество, управление. 2015. № 16(1). С. 78–90. EDN: TWTLPD.
2. Вялков Ю. А. Лига Севера и ее планы регионального переустройства Италии // Между сепаратизмом и автономией. Региональные и этнические партии в европейской политике / Под общ. ред. В. Я. Швейцера. М.: Огни ТД, 2006. С. 73–87.
3. Вялков Ю. А. Проблема регионального национализма в Италии (последняя четверть XX века) // Новая и новейшая история. 2007. № 6. С. 24–36. EDN: ICCCFZ.
4. Галкина Т. А. Италия постиндустриальная // География мирового развития: сборник научных трудов: К 90-летию Института географии РАН / Под ред. Л. М. Синцера. М.: ИГ РАН, 2009. Вып. I. С. 565–581. EDN: YSWKGJ.
5. Гоффе Н. В. Италия: проблема Юга и региональная политика (1950–1980). М.: Наука, 1983. 128 с.
6. Гоффе Н. В. Юг и проблемы меридионализации Италии // Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. М.: НИИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова, 2014. Т. 2. С. 206–213. EDN: TEXIAP.

7. Дорошина А. В. Политическая активность молодежи России в сравнении с активностью молодежи Польши, Германии и Италии // Социологический нарратив 2020. Общество в эпоху турбулентности: поиски, угрозы и перспективы / Под общ. ред. Р. И. Анисимова. М.: РГГУ, 2020. С. 302–307. EDN: TMRDBT.

8. Коломиец В. К. Концептуализация развития: современные подходы // История и современность. 2019. № 3(33). С. 49–62. DOI: 10.30884/iis/2019.03.03; EDN: VLZMWN.

9. Коломиец В. К. Италия: пример форсированного догоняющего развития пространственной социальной реальности // История и современность. 2020. № 2(36). С. 29–45. DOI: 10.30884/iis/2020.02.02; EDN: PRLEYZ.

10. Коломиец В. К. Регионы России – регионы Италии: традиции и перспективы сравнительного исследования // Межцивилизационные взаимодействия и перспективы развития человеческого потенциала России и Монголии. К 100-летию дипломатических отношений. Сб. ст. / Отв. ред. А. С. Железняков. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 197–201. DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-386-7.2021.26; EDN: WMBLRY.

11. Коломиец В. К. Россия и Италия: тренды исторического развития XX – начала XXI в. как взаимодействие пространственно-интегрированных социальных реальностей // История и современность. 2021. № 3(41). С. 54–84. DOI: 10.30884/iis/2021.03.02; EDN: LERRLT.

12. Коломиец В. К. Италия и Россия: региональное измерение пространственных социальных реальностей // История и современность. 2022. № 3(45). С. 23–34. DOI: 10.30884/iis/2022.03.02.; EDN: TLCCYF.

13. Колосов В. А. Актуальность и основные направления изучения фантомных границ // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации / Под ред. Л. Б. Вардомского, Л. И. Попковой, Ц. Мадры. Курск: КГУ, 2017. С. 256–267. EDN: WVEGZX.

14. Колосов В. А. Фантомные границы на постсоветском пространстве // Российское пограничье: вызовы соседства / Ред. В. А. Колосов. М.: ИП Матушкина И. И., 2018. С. 183–199. EDN: ZCIDXW.

15. Кондричин С. В. Дифференциация социального пространства России и Италии: историческая обусловленность явления // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 73–83. EDN: PFCFLV.

16. Кондричин С. В. Дифференциация социального пространства России и Италии: историческая обусловленность явления // Клио. 2008. № 2(41). С. 108–113. EDN: JUJUDD.

17. Лисовский Ю. П. Сельское хозяйство и крестьянское движение в современной Италии. М.: Наука, 1966. 256 с.

18. Лисовский Ю. П. Южный вопрос и социальные конфликты в Италии. Опыт экономико-социологического исследования. М.: Наука, 1979. 376 с.

19. Лисовский Ю. П. Италия: от фашизма к демократии. Трудные пути послевоенной перестройки. М.: Наука, 1990. 286 с.

20. Лисовский Ю. П. Социокультурные предпосылки модернизации. (Послевоенная Италия) // Полис. Политические исследования. 1992. № 6. С. 167–175.
21. Пантин В. И. Основные факторы неравномерного развития российских регионов // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 4. С. 219–233. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.12; EDN: RUAFWS.
22. Попов Д. И. Италия во второй половине XIX – начале XX в.: на пути к регионализованному государству // Вестник Омского ун-та. Сер. Исторические науки. 2017. № 4(16). С. 13–21. DOI: 10.25513/2312-1300.2017.4.13-21; EDN: YLUIVA.
23. Русаков Н. П. Из истории сицилийской мафии. М.: Наука, 1969. 179 с.
24. Сигачев М. И. Между регионализмом и панитальянским национализмом: правый популизм Лиги Севера // История и современность. 2020. № 3(37). С. 42–62. DOI: 10.30884/iis/2020.03.03; EDN: VBUEZW.
25. Холодковский К. Г. Италия: массы и политика. Эволюция массового социально-политического сознания трудящихся в 1945 – 1985 гг. М.: Наука, 1989. 256 с. EDN: SJXBFX.
26. Яхимович Э. П. Лига Севера: автономисты или сепаратисты? // Между сепаратизмом и автономией. Региональные и этнические партии в европейской политике / Под общ. ред. В. Я. Швейцера. М.: Огни ТД, 2006. С. 88–97.
27. Bellè E. From Territory to Community. Inside the «Black Box» of the Lega Nord’s Populism // Etnografia e ricerca qualitativa. 2015. No. 1. P. 89–110. DOI: 10.3240/79642.
28. Jamieson A. The Antimafia. Italy’s Fight against Organized Crime. London: Macmillan Press LMD, 2000. XXII, 258 p. DOI: 10.1057/9780333983423.
29. Bin R. Il filo rosso della dialettica tra unità e autonomia: ieri, oggi, domani // Le Regioni. 2021. No. 49(1-2). P. 41–55. DOI: 10.1443/101361.
30. Camerlengo Q. Unità e autonomia: una questione di indirizzo politico // Le Regioni. 2021. No. 49(1-2). P. 57–69. DOI: 10.1443/101362.
31. Cardano M., Panzarasa M. Mafia, fra biografia, storia e politica // Rassegna Italiana di Sociologia. 2018. No. 1. P. 171–184. DOI: 10.1423/89780.
32. Degl’Innocenti M. L’avvento della Regione 1970 – 1975. Problemi e materiali. Manduria; Bari; Roma: Piero Lacaita Editore, 2004. 364 p.
33. Della Morte M., Gliatta M. A. La Strategia per lo Sviluppo delle Aree Interne e la sua implementazione in Molise e in Abruzzo // Le Regioni. 2017. No. 6. P. 1270–1277. DOI: 10.1443/91374.
34. Donolo C. Questione meridionale // Parolechiave. 2015. No. 2(54). P. 5–20. DOI: 10.7377/82304.
35. EURISPES: Rapporto Italia 2020. URL: <https://www.eurispes.eu/ricerca-rapporto/rapporto-italia-2020/> (дата обращения: 12.03.2024).

36. Giannola A. Dalla dipendenza alla interdipendenza Nord – Sud: una nuova stagione per la ripresa dello sviluppo // *Rivista economica del Mezzogiorno*. 2017. No. 4. P. 843–856. DOI: 10.1432/90197.
37. Kolomiez V. Il Bel Paese visto da lontano... Immagini politiche dell'Italia in Russia da fine Ottocento ai giorni nostri. Manduria; Bari; Roma, Piero Lacaita Editore, 2007. 280 p. EDN: QORFRZ.
38. Lupo S. La mafia. Centosessant'anni di storia. Tra Sicilia e America. Roma: Donzelli, 2018. 416 p.
39. Mastropaolo A. La questione meridionale è una questione politica // *Parolechiave*. 2015. No. 2(54). P. 43–56. DOI: 10.7377/82307.
40. Miotti D. Zone Economiche Speciali per accelerare i processi di sviluppo delle Regioni del Sud appartenenti all'area della convergenza e non solo di quelle // *Rivista giuridica del Mezzogiorno*. 2017. No. 4. P. 1001–1024. DOI: 10.1444/88904.
41. Santillo M., Marino A. La questione delle disuguaglianze e dei divari socio-economici nella storia italiana dalla fase post-unitaria alla fine dell'intervento straordinario // *Rivista giuridica del Mezzogiorno*. 2021. No. 2–3. P. 469–485. DOI: 10.1444/100992.

Получено редакцией: 10.05.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Коломиец Вячеслав Константинович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения регионов России

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.8

The North-South Problem: On the Possibilities of Comparing Interregional Inequalities in Italy and Russia

Vyacheslav K. Kolomiecz

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

v_kolomiez@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1267-8455

For citation: Kolomiecz V. K. The North-South problem: on the possibilities of comparing interregional inequalities in Italy and Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 135–155. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.8; EDN: JGZXEW.

Abstract. The article examines the possibilities and scientific prospects of comparative studies of interregional differences and inequalities in Russia and Italy. These countries, located at a considerable distance, belonging to different geographical zones, cultural environments and civilisational areas, differ significantly in their global status. Despite the self-evident nature of these differences, they have long been perceived in both the Russian and Italian research traditions as countries subject to comparison. They act for each other – and to a large extent because of the same differences – as a conceptual resource, an element of the external environment and external surroundings, a source and factor of development. This comparability has its regional dimension. It extends to the field of research on interregional inequalities and contradictions, examining the dialectic of “center – regions” and forming a special comparative direction in terms of research methodology. This study is an excursion into the field of historical, socio-logical and political regional studies. The author evaluates the achievements and results obtained by domestic and

Italian authors, as well as the prospects for scientific developments in this area. Interregional inequalities, inevitable for Italy, which was among the countries that “came second”, given their relatively late introduction to the technogenic civilisation, have acquired the meaning and significance of a national problem. Almost from the moment of the emergence of a single Italian state, it has been known as the southern question. The North-South dichotomy in Italy is the embodiment of regional differences, disproportions, and contradictions. It reflected the conflict between the unification of traditionalist social structures and the need to preserve their diversity. This dichotomy remarkably seemed to anticipate the formula of the same name of modern times, which denotes the division and split of the modern global world into rich northern and poor southern countries. In conceptual schemes of variability, that is, on the one hand, unity and similarity, and on the other, differences between Russia and Italy, including in the field of comparative regional studies, contrasting comparisons, which were more or less rightfully attributed a constant character, have long prevailed. This established picture of variability has undergone significant modifications in the process of erosion of political subcultures of both the left and right persuasion, secularisation and rationalisation of public consciousness. The author concludes that the example of Italy shows how archaic social practices can be combined with modern technologies, and this can give rise to very bizarre social collisions.

Keywords: Russia, Italy, comparative regionalism, regional inequalities, unification, diversity, contrast comparisons, variability, constant inequalities

References

1. Baranov A. V. Separatism in contemporary Italy: factors of development, institutionalization, political strategies. *Chelovek, soobshество, upravlenie*, 2015: 1(16): 78–90 (in Russ.). EDN: TWTLPD.
2. Vyalkov Y. A. Liga Severa i ee plany` regionalnogo pereustrojstva Italii [The Northern League and plans of regional reconstruction of Italy]. *Mezhdru separatizmom i avtonomiej. Regionalnye i etnicheskie partii v evropejskoj politike* [In Between separatism and autonomy. Regional and ethnic political parties in the European politics]. Ed. by V. Ya. Shvejcz. Moscow, Ogni TD, 2006: 73–87 (in Russ.).
3. Vyalkov Yu. A. Problema regionalnogo nacionalizma v Italii (poslednyaya chetvert` XX veka) [A problem of the regional nationalism in Italy (the last quarter of the XX century)]. *Novaya i novejschaya istoriya*, 2007: 6: 24–36 (in Russ.). EDN: ICCCFZ.
4. Galkina T. A. Italiya postindustrialnaya [The post-industrial Italy]. *Geografiya mirovogo razvitiya: sbornik nauchny`x trudov: K 90-letiyu Instituta geografii RAN* [In The geography of world development. Collection of scientific papers. For the 90th anniversary of the Institute of geography of RAS]. Iss. I. Ed. by L. M. Sinczerov, 2009: 565–581 (in Russ.). EDN: YSWKGJ.
5. Goffe N. V. Italiya: problema Yuga i regional`naya politika (1950 – 1980) [Italy: the problem of the South and regional policy (1950 – 1980).] Moscow, Nauka, 1983: 128 (in Russ.).
6. Goffe N. V. The South and the problems of the meridionalization of Italy. In *A global world. Emerging models of national and regional development*. Vol. 2. Moscow, IMEMO RAN, 2014: 206–213 (in Russ.). EDN: TEXIAP.
7. Doroshina A. V. The political activity of the youth of Russia in comparison with the activity of the youth of Poland, Germany and Italy. In *The sociological narrative 2020. Society in the era of turbulence: searches, threats and prospects*. Ed. By R. I. Anisimov. Moscow, RGGU, 2020: 302–307 (in Russ.). EDN: TMRDBT.
8. Kolomiets V. K. The conceptualization of development: current approaches. *Istoriya i sovremennost`*, 2019: 3(33): 49–62 (in Russ.). DOI: 10.30884/iis/2019.03.03; EDN: VLZMWN.
9. Kolomiets V. K. Italy: an example of forced catch-up development of spatial social reality. *Istoriya i sovremennost`*, 2020: 2(36): 29–45 (in Russ.). DOI: 10.30884/iis/2020.02.02; EDN: PRLEYZ.
10. Kolomicz V. K. Regions of Russia – regions of Italy: traditions and prospects of comparative research. In *Intercivilizational interactions and prospects for the development of human potential of Russia and Mongolia. On the occasion of the 100th anniversary of diplomatic relations*. Coll. of art. Ed. by A. S. Zheleznyakov. Moscow, FNIS RAN, 2021: 197–201 (in Russ.). DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-386-7.2021.26; EDN: WMBLRY.
11. Kolomiets V. K. Russia and Italy: trends of historical development of the 20th – the beginning of the 21st centuries of interaction of spatially integrated social realities. *Istoriya i sovremennost`*, 2021: 3(41): 54–84 (in Russ.). DOI: 10.30884/iis/2021.03.02; EDN: LERRLT.
12. Kolomiyets V. K. Italy vs Russia: the regional dimension of spatial social realities. *Istoriya i sovremennost`*, 2022: 3(45): 23–34 (in Russ.). DOI: 10.30884/iis/2022.03.02; EDN: TLCCYF.

13. Kolosov V. A. Relevance and main directions of the study of phantom boundaries. In Strategy for the development of border territories: traditions and innovations. Ed. by L. B. Vardomskij, L. I. Popkova, C. Mađry. Kursk, KGU, 2017: 256–267 (in Russ.). EDN: WVEGZX.
14. Kolosov V. A. Phantom borders in the post-Soviet space. In Russian borderlands: challenges of neighbourhood. Ed by V. Kolosov. Moscow, IP Matushkina I. I., 2018: 183–199 (in Russ.). EDN: ZCIDXW.
15. Kondrichin S. V. Differenciaciya socialnogo prostranstva Rossii i Italii: istoricheskaya obuslovlennost` yavleniya [Differentiation of social spaces in Russia and Italy: historical conditionality]. *Socziologicheskij zhurnal*, 2008: 1: 73–83 (in Russ.). EDN: PFCFLV.
16. Kondrichin S. V. Differenciaciya socialnogo prostranstva Rossii i Italii: istoricheskaya obuslovlennost` yavleniya [Differentiation of social spaces in Russia and Italy: historical conditionality]. *Clio*, 2008: 2(41): 108–113 (in Russ.). EDN: JUJUDD.
17. Lisovskij Yu. P. Sel'skoe khozyajstvo i krestyanskoe dvizhenie v sovremennoj Italii [Agriculture and the peasant movement in modern Italy]. Moscow, Nauka, 1966: 256 (in Russ.).
18. Lisovskij Yu. P. Yuzhnyj vopros i soczialnye konflikty v sovremennoj Italii. Opyt ekonomiko-socziologicheskogo issledovaniya [The Southern question and social conflicts in Italy. The experience of economic and sociological research]. Moscow, Nauka, 1979: 376 (in Russ.).
19. Lisovskij Yu. P. Italiya: ot fashizma k demokratii. Trudnye puti poslevoennoj perestrojki [Italy: from fascism to democracy. The difficult ways of post-war perestroika]. Moscow, Nauka, 1990: 286 (in Russ.).
20. Lisovskij Yu. P. Sociokul'turny'e predposylki modernizacii. (Poslevoennaya Italiya) [Sociocultural prerequisites of modernization. (Post-war Italy)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1992: 6: 167–175 (in Russ.).
21. Pantin V. I. Main factors of uneven development among Russian regions. *Vestnik instituta sotziologii*, 2023: 14: 4: 219–233 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.12; EDN: RUAFW5.
22. Popov D. I. Italy on the way to the regionalized state: the second half of the XIXth – the beginning of the XXth century. *Vestnik Omskogo un-ta. Ser. Istoricheskie nauki*, 2017: 4(16): 13–21 (in Russ.). DOI: 10.25513/2312-1300.2023.4.13-21; EDN: YLUIVA.
23. Rusakov N. P. Iz istorii sizilijskoj mafii [From the history of the Sicilian Mafia]. Moscow, Nauka, 1969: 179 (in Russ.).
24. Sigachov M. I. Between regionalism and pan-Italian nationalism: the right-wing populism of the Lega Nord. *Istoriya i sovremennost'*, 2020: 3: 42–62 (in Russ.). DOI: 10.30884/iis/2020.03.03; EDN: VBUEZW.
25. Kholodkovskij K. G. Italiya: massy i politika. Evolyucziya soczialno-politicheskogo soznaniya trudyashchih v 1945 – 1985 gg. [Italy: the masses and politics. The evolution of the socio-political consciousness of workers in 1945 – 1985.] Moscow, Nauka, 1989: 256 (in Russ.). EDN: SJXBFX.
26. Yahimovich Z. P. Liga Severa: avtonomisty ili separatisty? [League of the North: autonomists or separatists?]. Mezhdru separatizmom i avtonomiej. Regionalnye i etnicheskie partii v evropejskoj politike [Between separatism and autonomy. Regional and ethnic political parties in the European politics]. Ed by V. Ya. Shvejczler. Moscow, Ogni TD, 2006: 88–97 (in Russ.).
27. Bellè E. From territory to community. Inside the “Black Box” of the Lega Nord’s populism. *Etnografia e ricerca qualitativa*, 2015: 1: 89–110. DOI: 10.3240/79642.
28. Jamieson A. The Antimafia. The Italy’s fight against organized crime. London, Macmillan Press LMT, 2000: XXII-258. DOI: 10.1057/9780333983423.
29. Bin R. The red thread of the dialectic between unity and autonomy: yesterday, today, tomorrow. *Le Regioni*, 2021: 49(1-2): 41–55 (in Ital.). DOI: 10.1443/101361.
30. Camerlengo Q. Unity and selfgovernment: a matter of political direction. *Le Regioni*, 2021: 49(1-2): 57–69 (in Ital.). DOI: 10.1443/101362.
31. Cardano M., Panzarasa M. Mafia, fra biografia, storia e politica. *Rassegna Italiana di Sociologia*, 2018: 1: 171–184 (in Ital.). DOI: 10.1423/89780.
32. Degl’Innocenti M. L’avvento della Regione 1970 – 1975. Manduria – Bari – Roma, Piero Lacaita Editore, 2004: 364 (in Ital.).
33. Della Morte M., Giatta M. A. La Strategia per lo sviluppo delle Aree Interne e la sua implementazione in Molise e in Abruzzo. *Le Regioni*, 2017: 6: 1270–1277 (in Ital.). DOI: 10.1443/91374.

34. Donolo C. Southern question. *Parolechiave*, 2015: 2(54): 5–20 (in Ital.). DOI: 10.7377/82304.
35. EURISPES. Rapporto Italia 2020. Accessed 12.03.2024. URL: <https://www.eurispes.eu/ricerca-rapporto/rapporto-italia-2020/> (in Ital.).
36. Giannola A. Dalla dipendenza alla interdipendenza Nord – Sud: una nuova stagione per la ripresa dello sviluppo. *Rivista economica del Mezzogiorno*, 2017: 4: 843–856 (in Ital.). DOI: 10.1432/90197.
37. Kolomiez V. Il Bel Paese visto da lontano... Immagini politiche dell'Italia in Russia da fine Ottocento ai giorni nostri. Manduria – Bari – Roma, Piero Lacaita Editore, 2007: 280 (in Ital.). EDN: QORFRZ.
38. Lupo S. La mafia. Centosessant'anni di storia. Tra Sicilia e America. Roma, Donzelli, 2018: 416 (in Ital.).
39. Mastropaolo A. The Southern question is a political question. *Parolechiave*, 2015: 2(54): 43–56 (in Ital.). DOI: 10.7377/82307.
40. Miotti D. Zone Economiche Speciali per accelerare i processi di sviluppo delle Regioni del Sud appartenenti all'area della convergenza e non solo di quelle. *Rivista giuridica del Mezzogiorno*, 2017: 4: 1001–1024 (in Ital.). DOI: 10.1444/88904.
41. Santillo M., Marino A. La questione delle disuguaglianze e dei divari socio-economici nella storia italiana dalla fase post-unitaria alla fine dell'intervento straordinario. *Rivista giuridica del Mezzogiorno*, 2021: 2-3: 469–485 (in Ital.). DOI: 10.1444/100992.

The article was submitted on: May 10, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav K. Kolomiecz, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Center of Study the Regions of Russia

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.9

EDN: LVSYFJ

К научной трактовке общественной эффективности образования

Ссылка для цитирования: Осипов А. М. К научной трактовке общественной эффективности образования // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 3. С. 156–171. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.9; EDN: LVSYFJ.

For citation: Osipov A.M. Towards a scientific interpretation of the social effectiveness of education. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 156–171. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.9; EDN: LVSYFJ.

SPIN-код: 3590-8187

Осипов Александр Михайлович¹

¹РГПУ им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

osipov.al58@gmail.com

Аннотация. В статье обоснована проблема общественной эффективности образования как главного научно-практического продукта и, одновременно, области теоретической интеграции социологии образования. Ее решение – предпосылка преодоления бюрократологий и перехода от универсального и бюрократического менеджмента к научному управлению образованием. Подход к общественной эффективности образования раскрыт на основе концепции его институциональных функций, как отношение общественно значимых результатов к совокупным затратам (включая нематериальные) на образование. Трактовка этой проблемы предполагает: определение методологической роли социологии в решении данной теоретико-прикладной проблемы; учет всего спектра институциональных функций (воздействие на все сферы жизни общества, отложенность результатов во времени; несводимость к рыночной услуге или педоцентристским и «компетентностным» схемам); междисциплинарное взаимодействие для концептуализации общественных затрат и результатов.

Отсутствие в действующем законодательстве РФ понятия «общественная эффективность образования» создает в образовательной политике нормативное пространство для бюрократологий. Бюрократы подменяют общественную эффективность образования – многокомпонентный критерий качества управления – выгодным для них проектным менеджментом. Они игнорируют обширную ответственность образования в обществе, дробя управление им на короткие проекты, и в этом действия бюрократов сливаются с неолиберальными «модернизациями» и педоцентристскими «реформами», приводят образование к кризису, растрате государственных ресурсов, отставанию в глобальном соперничестве.

Автор приходит к выводу, что для решения проблемы эффективности необходима методология анализа общественных затрат и результатов образования в рамках его институциональных функций. Успешная разработка концепции общественной эффективности

обеспечит опережающее развитие социологии образования в России на фоне мировых трендов мелкотемья и теоретической дезинтеграции этой отрасли науки. Последнее, по мнению автора, всецело отвечает приоритетам российского общества, образования и науки.

Ключевые слова: социология образования, институциональные функции образования, общественные затраты, общественные результаты, общественная эффективность образования

Перспектива определения общественной эффективности образования

Любые дискурсы об образовании на всех их уровнях (от обыденного до научного) и в любых предметных областях сливаются в оценке того, в какой степени оно удовлетворяет нужды человека, групп и общества. В наиболее общем виде эта оценка, при многообразии типов мировоззрений и социально-ценностных предпосылок, так или иначе выходит на понятие *общественной эффективности образования*, относящееся к теоретическому ядру социологии образования [12; 9]. Данная статья впервые обосновывает проблему эффективности образования с позиции современной социологии образования.

Проблема *эффективности* образования методологически связана с концепцией его институциональных функций. Ее решение требует долгосрочных усилий в социологии и взаимодействия целого корпуса наук, изучающих образование. Сведение образовательной политики к проектному менеджменту есть отказ от целостного видения образования и признания его институциональной ответственности, от стратегического и научного управления им. Оно укореняет отрасль в лоне бюрократий и ложных неолиберальных подходов, вопреки заявлениям руководства страны о становлении суверенной системы образования [6].

В большинстве научных работ не анализируется понятие *общественная эффективность* – основа для целостной научной оценки образования, а лишь ее заведомо фрагментарные и спорные эмпирические аспекты¹. Такие емкие оценки сложны в масштабе любой конкретной организации, тем более огромной отрасли, результативность которой отчасти отложена во времени.

Казалось бы, во всех науках, освещающих проблемы образования, должен ставиться такой научно-практический вопрос, а в их теоретическом развитии именно этот вопрос должен показывать «свет в конце туннеля» в том, что касается общественной системы образования и управления им [9]. Но так не происходит. Авторы дистанцируются от него, выбирая более «спокойные» темы. В чем «тайна» такого пробела целого спектра наук в России и в мире?

¹ Напр., «12 решений для нового образования». URL: <https://www.hse.ru/twelve/> (дата обращения 24.12.2023). Подробнее: Осипов А. М. К теории образовательной политики // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 29–30.

Одно из объяснений – привычное и удобное для многих деление предметных областей социальных и гуманитарных наук. На наш взгляд, такое деление также в содержании принятых в России паспортов научных специальностей. При спорности набора этих паспортов и специальностей¹, их содержание скорее закрепляет «утвержденные» границы и не стимулирует к выходу исследований в межпредметные (межотраслевые и междисциплинарные) области². Но именно такой выход нужен для постановки проблемы общественной эффективности любой области жизни (труда, образования, здравоохранения, культуры и т. п.). Удержание научных сообществ от постановки подобных вопросов – в интересах сохранения бюрократического уклада управления этими и другими областями.

В рыночных дискурсах об эффективности образования встречаются привычно упрощенные трактовки, воспроизводящие примитивные взгляды на эту эффективность как, например, статистическое влияние длительности обучения работника на уровень оплаты его труда [1]³. Такие взгляды неправомерно «усредняют» неодинаковое качество обучения и образовательных сред, специфику разных форм собственности, отраслей хозяйства и рабочих мест, личностно-творческих потенциалов работников, по сути, стирают проблему эффективности и могут создавать ложное впечатление о безнадежности российского образования. Экономократические дискурсы, как и неолиберальные, сводят образование к его формализации как рыночной услуги и к количественным индексам (человеческого капитала) с опорой на узкий круг показателей образовательной и экономической статистики. На деле они служат маркетинговым целям и не отражают институциональное содержание образования, не являются надежными для управления. Вряд ли возможны и общие числовые индексы развития образования и его эффективности, ведь экономика – лишь одна из сфер его институционального воздействия.

Наряду с неолиберальными подходами распространены *педоцентристские* [12, с. 399], срастающиеся с бюрократическими и урезающие концепт общественной эффективности образования к статистике успеваемости, ИГА, ВПР, ЕГЭ и ОГЭ, к выполнению предписанных программ и мероприятий.

Трактовка *эффективности* как отношения результатов к издержкам – сложная научная задача. Если в экономических исследованиях оценки эффективности сопровождаются математическими моделями,

¹ Согласно ему, социология образования, хотя и посвящена крупнейшему социальному институту и призвана концептуализировать образовательную политику, не существует официально в перечне научных специальностей, она есть лишь продукт соглашения в профессиональном социологическом сообществе.

² Альтернативную попытку содержат работы А. И. Субетто и научных школ, ориентированные на *проблемное* знание.

³ Теории *человеческого капитала*, как и методики его подсчетов, игнорируют тот простой факт, что образование не обязательно накапливается (как деньги на банковском счете), а может и убывать (знания и навыки не востребованы, забываются...). Процесс убывания стартует с началом образовательной программы. Этот факт учитывают социологи и экономисты, опирающиеся на концепт «человеческого потенциала» (см., напр., работы Н. Г. Яковлевой).

то в социальной сфере возникает множество параметров как издержек, так и результатов. Категория *эффективности* для социологии является непривычной, чаще она понимается как отсутствие ошибок или достижение положительного результата для общества безотносительно оценки издержек.

Понятие *эффективности* затронуто в работах немногих социологов (Б. К. Злобина, А. И. Ильина, Ж. Т. Тощенко, К. В. Харченко и др.). Его разработка придает социологии свойства технологии управления образованием. Категориальное определение *общественной эффективности образования* предполагает три задачи: (а) концептуализация границ институциональных функций (ответственности) образования; (б) разработка подходов к оценке общественных затрат на образование и (в) результатов его функционирования.

Определение границ влияния образования в обществе

Первая из трех задач отмечена вниманием классиков, но и незавершенностью ее разработок в мировой науке, что подтверждается содержанием базовых учебников и зарубежных, и отечественных отраслевых журналов. В ее решении важно определить области влияния *образования как социального института* и его ответственности [5, с. 105–109]. Они не сводятся к программам *формального* образования, охватывают все проявления целенаправленной социализации. Важно учесть возможности наук, вырабатывающих оценки сферы образования и образовательной политики.

Экономика образования сведена сегодня в основном к обслуживанию бухгалтерии образовательных учреждений, к маркетинговым сюжетам образования как услуги. Она не затрагивает функции образования даже в экономической сфере, и выборочно ставит вопросы его макроэкономической эффективности [2; 13]. Хотя связь между образованием и экономикой как научно-практическая проблема обостряется и осознается [11].

Педагогика в современной России ограничивает понятие эффективности образования (даже в рамках программ от дошкольной подготовки до высших уровней профессионального обучения) показателями успеваемости, игнорируя ответственность школы за соответствие передаваемых ею когнитивных комплексов (знаний по предметам) потребностям общества и индивидов¹. В этом – основа кризиса современной российской педагогики.

Социология образования в том виде, как ее представляет одноименный Центр (ныне в составе Института управления образованием РАО), судя по его публикациям за три десятилетия², не изучает образование в рамках базовых концепций социологии и его эффективность как подсистемы общества. Усилия профессиональных социологов возвращают эту научную область к ее предмету и к собственной теории, к конструктив-

¹ Показатели успеваемости есть, по сути, редуцированные образовательных результаты внутри определенной возрастной группы в индексной или балльной форме – ЕГЭ и др.

² См.: URL: http://ofernio.ru/site_iuo_rao/pg_cso.html (дата обращения: 26.09.2023).

ности знания и ориентации на цели управления образованием (работы Ю. Р. Вишневого, С. И. Григорьева, В. А. Ивановой, Н. А. Матвеевой, В. В. Фурсовой, Е. А. Шуклиной и др.).

Образовательный менеджмент как академическая область оторван от социально-системного видения образования, не анализирует общественные потребности и его институциональную ответственность, общественную эффективность и стратегии его развития, сосредоточен на моделях проектного менеджмента и не вступает в полемику с бюрократическим менеджментом¹.

Предмет *образовательной политики*, судя по одноименному журналу², сведен к *проектному менеджменту* и обходит сущностные вопросы: каковы образовательные потребности общества и групп, разных отраслей, кем вырабатываются доктрины образовательной политики, какие силы посредством каких социальных и управленческих механизмов и в чьих интересах добиваются их реализации, какова действующая образовательная доктрина (публичная или скрытая)? Социология образования ставит эти вопросы [12, с. 162–180].

Приложение концепции институциональных функций образования к проблеме его общественной эффективности означает пересмотр критериев управления. Эта концепция позволяет реконструировать границы ответственности образования по основным сферам и функциям. Представляют интерес вопросы о том, какая часть спектра институциональных функций образования вошла в предмет государственного управления, учтена образовательной политикой, а какая – нет? Охватывает ли эта политика своим целеполаганием, регулированием и ресурсным обеспечением все значимые стороны функционирования образования? В каких аспектах функционирования возникают пробелы или провалы, дефицит ресурсов и управленческих воздействий? С работой каких звеньев управления связаны возможные пробелы и дефициты?

Для их освещения предстоит ответить, учтены ли институциональные функции образования в законодательстве, ведомственных программах, управленческих практиках? Спектр функций охватывает все сферы общества, а изучение функционирования смыкается с анализом состояния и динамики этих сфер. В социологии функции освещены неравномерно. Больше внимание уделено проблеме социальной селекции, влияния на социальные перемещения.

Обратим кратко внимание на ряд взаимосвязанных характеристик функций: процессуальные, социально-структурные и социально-типологические.

Процессуальные характеристики указывают на интенсивность институциональных воздействий. «Избыток» образования (превышение его достигнутого уровня над квалификационными требованиями трудовых операций) объективно повышает производительность труда и инновацион-

¹ Менеджмент в образовании: Учебник и практикум для вузов / Под ред. С. Ю. Трапицына. М.: ЮРАЙТ, 2023.

² «Образовательная политика» – научно-аналитический журнал РАНХиГС.

ную активность работников применительно к техническим видам труда, что подтверждается производственной статистикой. Обладание более высокими уровнями образования и профессиональных квалификаций повышает шансы восходящей социальной мобильности. Эти и подобные им связи поддаются измерению, что подтверждалось зарубежными и отечественными исследованиями, в том числе панельными и лонгитюдными [10].

Социально-структурные характеристики представляют интерес в связи с тем, что функционирование образования обусловлено как его собственными структурами (сетями учреждений, распределением ресурсов, технологиями обучения, составом обучающихся, направлениями подготовки), так и разными сегментами социальной структуры населения и разных (этнических, демографических, профессиональных и др.) общностей, организаций.

Социально-типологические характеристики заслуживают изучения в связи с тем, что образование включено в процессы воспроизводства и модификации социально-типических феноменов, в первую очередь культуры и ее разновидностей (профессиональных, поколенных, этнических, политических, информационных, экологических и т. д.). Изучение этих функций предполагает наличие апробированных моделей социальных типов. Типологические характеристики важны для оценки функции гомогенизации индивидов через организованную социализацию (Э. Дюркгейм). Эта функция делает теоретически возможным существование социально дифференцированного общества в его границах. Образование усиливает в обществе социальную солидарность, нужную для преодоления неизбежных кризисов социальных отношений в условиях неоднородности.

Для социологии важно признать, что результаты для ряда функций отчасти объективно отложены во времени, то есть, социально-нормативные или культурные, нравственные и политико-идеологические положительные (равно как и отрицательные) продукты возникают не автоматически с образовательным процессом или проектом, а с некоторой задержкой по времени, на более поздних стадиях социализации, по окончании обучения.

Общественные затраты на образование как научная проблема

Определение *общественных затрат на образование* – сложная междисциплинарная задача, решение которой требует комплексной методологии и стратегии с применением возможностей big data. Сложность состоит в разнородном характере этих затрат и их источников (госбюджет, частные инвестиции и пожертвования и др.), функциональном сочетании затрат (объекты инвестиций многостороннего назначения, как научно-учебно-производственные программы и лаборатории и т. п., что требует дифференцированного учета по каждому из этих назначений), а также в сочетании краткосрочных и долгосрочных, материальных и нема-

териальных. Сложность состоит также в полном учете затрат, часть которых, имея нефинансовую природу (напр., неоплачиваемые виды труда¹), не учтена статистикой и требует особых научных методов для их измерения.

Требуется методология оценки *издержек*. Интернет-порталы Министерства просвещения РФ и Министерства науки и высшего образования РФ не дают сведений о бюджетах ведомств и расходах по направлениям, статьям и потребителям. Как трактовать нецелевые, нерациональные затраты, понесенные напрасно по утвержденному госбюджету²?

Оценка затрат должна исключать повторный счет, может быть исчислена в количественных параметрах. Она должна включать все виды финансово-экономических (а не только госбюджетных), материально-технических, социальных издержек на цели образования. *Финансовые и материальные затраты*³, как правило, должны включать капитальные расходы на строительство и ремонт образовательных учреждений и их коммунальное обслуживание, оснащение лабораторным и учебным оборудованием, платные услуги формального и неформального плана, библиотечные фонды и пр.⁴ Социальные издержки – это и время, затраченное людьми на образовательную и обслуживающую деятельность⁵.

Определение общественных затрат осложнено латентным характером многих издержек (напр., финансовые злоупотребления чиновников, коррупция и т. п.), а также тем, что бюрократы, «универсальные менеджеры» добились закрытости и автономии, концентрации власти в распределении ресурсов и трактуют эффективность лишь как выполнение ими же утвержденных проектов вне зависимости от миссии образования и оценок его состояния [6].

Заслуживают внимания затраты, находящиеся под бюрократическим контролем [14, с. 286–287; 6]. В них усиливается противоречие между интересами рационального управления, стратегическими ценностями общества и системы образования, с одной стороны, и бюрократически избираемыми приоритетами ее финансирования. Так, выбирая приори-

¹ Школьный учитель (на 1 ставку) тратит на документальную отчетность в год в среднем около 600 час., директор – около 1250 час. [14, с. 310–318].

² Структура рабочих мест в экономике включает 7% работников с высшим образованием, 15% – со средним профессиональным. Но в вузы и колледжи поступают более половины выпускников средней школы. Госзадания вузам превышали потребности занятости по многим специальностям, немало выпускников теряли 4–5 лет и не трудились по полученным профилям, тратились средства на переобучение, пособия безработным. «Вдруг» запоздало признан дефицит рабочих. По словам Т. А. Голиковой, «на одного зарегистрированного безработного с соответствующим опытом приходится 13 вакансий квалифицированных рабочих промышленности, строительства, транспорта». URL: <https://www.interfax.ru/business/921976> (дата обращения: 21.09.2023).

³ В том числе не прямые инвестиции, в виде грантов, даров, материальных и иных ценностей, произведений искусства, научных продуктов и т. п.

⁴ Могут быть учтены затраты многостороннего назначения (напр., ландшафтные работы в кампусах, многоцелевые научные разработки).

⁵ Подготовка кадров, участие родственников, администрирование и бухгалтерия, учебные и внеклассные занятия педагогов, работа вспомогательного персонала (напр., строителей школ, инженерных служб и уборщиц, охраны и питания, разработчиков образовательных материалов), неучтенное рабочее время на создание документации и т. п.

тетом инфраструктурные проекты (новые кампусы и школы, трудоемкий документооборот¹, мероприятия с неявной пользой и т. п.), бюрократы мирятся с утратой научных основ деятельности, с неполной загрузкой имеющихся основных фондов и их аварийным состоянием, с сокращением сети образовательных организаций и ухудшением их социальной доступности, с низкой оплатой труда персонала, с распадом научных школ.

Непрозрачная область общественных затрат на образование относится к семьям. В 2022–2023 гг., по данным репрезентативных обследований домохозяйств, доля трат на образование удвоилась (до 2%)², особенно заметен рост среди семей с низкими и средними доходами. В пересчете на совокупный бюджет семей эти расходы оцениваются примерно в 200 млрд руб. (подвоз детей, питание и одежда, оплата обучения и проживания при недостаточности стипендии, «добровольные» взносы и подарки педагогам, канцтовары и ремонты образовательных учреждений, покупка учебной литературы и компьютеров)³.

Результаты образования как компонент его эффективности

Влияние образования на общество должно рассматриваться в контексте корпуса институциональных функций образования, охватывающего сферы социального развития, экономики, культуры и политики, иначе государство рискует утратить контроль над отраслью. Признание таких функций лишает ценностного основания главенствующие в настоящее время в отрасли технологии «универсального менеджмента» и делает безальтернативным научное управление ею.

Отложенность во времени результатов – институциональное свойство образования: общество получает часть их не сразу, а через годы после выпуска учащихся из школы, колледжа или вуза. Так образование проявляет институциональную инерционность [2; 3], уравнивает турбулентные, а иногда спровоцированные извне тренды в культуре и социальном развитии [5, с. 84]. Это свойство не позволяет свести образование к индивидуальному кругу потребностей и к рыночной услуге, за которую коммерсанты ждут оплату «здесь и сейчас». Потребитель в данном случае это общество в целом и его будущие поколения.

¹ Перечень социально-экономических эффектов проекта Минобрнауки РФ «Создание сети современных кампусов» (расп. №293-Р от 26.07.2023, 235 стр.) требует от вузов-участников отчеты по 46 методикам, каждая из которых требует сбор сведений по списку и их математическую обработку.

² По репрезентативным данным Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 07.03.2024). В семьях, имеющих детей школьного и студенческого возраста, доля расходов достигает 10%.

³ На одного обучающегося очно в среднем около 20000 руб. в год (не учтено дошкольное и послевузовское образование). В России обучаются около 30 млн. чел.: 18 млн – в школах, 7 млн – в вузах, 3,5 млн – в колледжах).

Понятие «результат образования» нельзя вывести из какой-то части функций. Последние реализуются во всех его сферах, где требуются разные измерители. Например, в экономике можно оценить *производительность труда и прибыль*, относимые на счет образования работников¹. В сфере социальной жизни – его влияние на социальные перемещения², расслоение или интеграцию. В сфере культуры результаты определяются воспроизводством (масштабами, ценностно-содержательными характеристиками) определенных социальных типов культуры с приоритетом национального типа, преемственностью, инновационностью при обеспечении целостности социума, динамикой общественного интеллекта. В социально-политической сфере также есть комплекс приоритетов. Разве для российского общества эти *внеучебные* результаты менее значимы, чем ЕГЭ, ВПР и ИГА, следование требованиям формальной документации и кабинетных наборов «компетенций», поступаемость в вузы, публикационные рейтинги?

Результаты образования неодинаково проявляются на разных уровнях – макросоциальном, групповом, индивидуальном. Первые два агрегируют и нивелируют результаты, а индивидуальный усиливает энтропию результатов.

Проблема общественных результатов образования открывает новую, стержневую часть проблемного поля социологии образования. Эта область интегрирует разные тематические аспекты, служит превращению социологии образования в научную технологию управления системой образования.

Общественные результаты не могут иметь единичного выражения. Они – целый комплекс долгосрочных последствий образования, представляющий ориентиры для научного управления. В оценках достижения каждого целесообразно разработать набор эмпирических шкал, релевантных каждой функции. Средства статистики не обеспечивают измерение многих результатов. Результаты по ряду функций можно оценить лишь в специальных исследованиях.

Проблема результатов в контексте институциональных функций заслуживает дискуссии (и изложена ниже именно в этой перспективе, а не как готовый практический рецепт) и теоретической операционализации с целями:

- а) выработки концепций результатов применительно к каждой функции,
- б) определения состава результатов с точки зрения возможностей общественного (государственного) регулирования,
- в) научно-методического обеспечения их эмпирического измерения в интересах образовательной политики, государственно-общественного управления.

¹ Различия в производительности труда обусловлены не только уровнями образования работников, но и характером их способностей, организацией труда и массой иных факторов, в т. ч. «человеческими отношениями» (Э. Мэйо).

² Образование – один из факторов перемещений, где проявляются экономические и социальные ресурсы семьи, классовые и сословные отношения, этнокультурные и религиозные установки и т. д. Переоценка роли уровня образования порождает *системную ошибку* в социологическом анализе его значения.

Таблица 1 (Table 1)

Институциональные функции образования и их общественные результаты
Institutional functions of education and their public results

Сфера общества, наименование функции ¹	Общественный результат – критерий эффективности выполнения данной функции ²
Экономическая	
Формирование профессионально-квалификационного состава трудовых ресурсов, их качеств	Соответствие структуры общего и профессионального образования совокупности рабочих мест с учетом их перспективы, достаточность трудовых качеств работников
Формирование потребительских стандартов	Соответствие формируемых потребительских стандартов населения разумным потребностям
Привлечение экономических ресурсов для целей образования	Уровень достаточности ресурсов, характер их источников для удовлетворения потребностей всей направлений функционирования отрасли
Распределение экономических ресурсов в отрасли	Достаточность ресурсов по уровням и сегментам, регионам, группам персонала отрасли
Социальная	
Гомогенизация общества через организованную социализацию индивидов	Однородность ценностей классов, групп и слоев, уровень их взаимного доверия, социальной интеграции, предотвращения раскола
Формирование, воспроизводство образовательных общностей	Состав, структура образовательных общностей, их социальная активность (потенциал, ресурсы активности)
Активизация социальных перемещений	Доступность разных уровней и типов образовательных программ для классов, групп и слоев, состояние каналов мобильности
Социальная селекция индивидов	Уровень корреляции образовательных карьер с социальным происхождением учащихся, с уровнями и направленностью способностей
Воспроизводство социальных групп и слоев, принадлежность к которым обусловлена образованием	Уровни воспроизводства разных профессиональных групп и квалификационных слоев, предпочтителен открытый тип воспроизводства независимо от социального происхождения
Социальная поддержка учащихся (с учетом потребностей детей и подростков)	Достаточный уровень адаптации детей и молодежи в образовательных организациях для их учебной мотивации
Культурная	
Воспроизводство определенных социальных типов культуры	Реальные социально-культурные типы, с приоритетом национальной культуры и их интеграции
Инновации в культуре	Поддержка инноваций, не опасных для целостности общества
Воспроизводство, развитие общественного интеллекта	Технологии, состояние общественного интеллекта, барьеры в его функционировании, развитии
Социально-политическая	
Привитие приемлемых правовых и политических ценностей и норм	Уровни освоения в образовательных общностях знаний в областях права и политики, способов участия в политической жизни страны
Поощрение законопослушного поведения, воспроизводство ведущей идеологии	Уровни законопослушного и отклоняющегося поведения в сфере политики; политико-идеологический ландшафт общества
Содействие патриотизму	Патриотический ландшафт общества

¹ Цит. по [6, с. 136–149].

² Указанные результаты могут создаваться также в ситуациях нецеленаправленной социализации – общения, повседневности, труда и т. д.

В представленной схеме (табл. 1) общественная эффективность образования выражает общий институциональный взгляд на него. Для управления требуется также учет функциональных свойств его сегментов – дошкольного, общего, дополнительного, профессионального, неформального, самообразования и др., а также их социальной доступности. Концептуальное продолжение данной схемы – проработка проблемы общественных затрат, рассматриваемых комплексно (финансовых, материальных, социальных др.) и совмещенных с каждой функцией применительно к разным уровням анализа (социетальному, локальному, организационному, социально-групповому). Такое совмещение может составить методологическую рамку для обсуждения общественной эффективности образования и качества управления этой отраслью.

Для примера наметим подходы к трактовке результатов по некоторым функциям образования.

1. Социология так и не ответила на вопрос: обеспечивает ли общественная система образования гомогенность и солидарность граждан, слоев и групп, выражающуюся в их взаимном уважении, ответственном отношении к другим гражданам и к обществу в целом? Способствует ли эта система социальной интеграции, преодолению у детей и молодежи подчас воспроизводимых в семейной социализации недоверия, неприязни в отношении «других»? Если способствует, то за счет чего? Если дисфункционалирует, то с какими человеческими, организационными структурными свойствами связаны дисфункции?

Неолиберальная система управления образованием не интересуется обозначенной выше проблемой, требующей не только формализованной отчетности по контролируемым топ-менеджментом проектам, но и аналитических исследований, не сводимых к бюрократическим запросам отчетов о наличии у учителей сертификатов нужного образца о повышении их квалификации, о средних баллах ЕГЭ и долях «медалистов» или поступивших в вузы.

Статистическая и нормативная стороны образования (уровни квалификации, оснащенность литературой, успеваемость и участие в конференциях и конкурсах, выполнение санитарных или противопожарных норм, медосмотры и т. п.) не отображают проблемы общества в социокультурном воспроизводстве и социальной интеграции. Но они дают бюрократам обширные области для контроля и подтверждения их мнимой нужности в управлении отраслью.

Пример названных характеристик – устойчивая социально-историческая связь школы с государством, проявляющаяся в поддержке патриотизма. При изучении данной функции, далекой от неолиберальных трактовок и коммерческих амбиций, возникают задачи проработки самого понятия «патриотизм», смежных с ним и альтернативных феноменов общественного сознания, эмпирического изучения *патриотического ландшафта* общества в разрезе его территорий, групп и слоев (структурные характеристики), отражения разных форм или компонентов патриотического сознания на жизнедеятельности (политической активности, правовом поведении, социальной самоорганизации индивидов).

2. Формирование профессионально-квалификационного состава населения – одна из зримых институциональных функций образования. Однако она не отображена в законодательстве и нацпроекте «Образование», отчасти учитывается в некоторых федеральных, отраслевых и муниципальных программах (например, в поддержке подготовки инженерных и педагогических кадров, закрепления медицинского персонала в сельской местности и др.).

Несогласованность уровневой и отраслевой структуры подготовки кадров в общем и профессиональном образовании с потребностями занятости дает преимущества управленческому аппарату. При дефиците бюджетных ресурсов он распределяет их между заинтересованными получателями – регионами и сегментами отрасли, конкретными учреждениями. Сотни учреждений вступают в конкуренцию, представляя в вышестоящие органы свои заявки (как правило, завышенные в сравнении с реальными потребностями, но со ссылками на общественные нужды) на числа мест приема по бюджету.

Федеральные и региональные органы управления образованием, как и подведомственные им организации, не создавали подразделений, ответственных за изучение потребностей сферы занятости и проблем адаптации выпускников. Первые полагались на сохранение распределительных полномочий, вторые – на сохранение завышенных и в действительности не востребованных объемов подготовки за счет госбюджета в условиях навязанной конкуренции.

Право распределения бюджетных ресурсов выгодно бюрократическому менеджменту, а конкуренция заявок с мест усиливает и продляет такую его привилегию. Напротив, приведение распределения к научно обоснованным критериям ослабит всевластие органов управления в распределении ресурсов¹.

Проработка рациональной модели, согласующей структуру профессионального образования и потребности экономики, приоритетна для страны, но она не была включена в нацпроект «Образование». Она сократила бы, во-первых, распределительную монополию топ-менеджмента, и, во-вторых, господство проектного подхода, поскольку основана на научных измерениях эффективности (соответствия структуры и содержания подготовки потребностям занятости, адаптации на рабочих местах, текучести и профессиональной стабильности).

Весомым обстоятельством, укрепляющим авторитарное управление образованием, стало экономическое и межрегиональное расслоение населения и бедность занятых². Эти расслоение и бедность – одно из условий действенности бюрократических механизмов управления, в т. ч. контроля

¹ Такой критерий – величина подтвержденной расчетами потребности сферы занятости и экономической динамики, однако ее мониторинг не ведется.

² В России разница в уровнях оплаты за квалифицированный труд достигла 4000 раз [4, с. 23]. Декларированный годовой доход одного из министров в Правительстве РФ равен зарплате профессора в государственном вузе за 1500 лет. Известны случаи аудиторной нагрузки преподавателей 60 часов в неделю, их подработок уборщицами и лаборантами в своих школах, колледжах и вузах.

цифр приема и структуры профессионального образования. Завышенные планы приема в вузы при низких уровнях зарплаты специалистов будут и впредь выгодны бюрократическому менеджменту. Слабая закрепляемость молодежи на рабочих местах во многих профессиях, в здравоохранении, образовании и науке связана с отсутствием надежных социальных перспектив (создание семьи, приобретение жилья, повышение квалификации и расширение коммуникативных и досуговых возможностей) при низкой оплате труда. Такое отсутствие коррелирует с текучестью и оттоком кадров в пользу крупных городов, с дефицитом кадров во многих регионах. При завышенных планах приема на бюджетные места усиливается директивная роль топ-менеджмента.

Операционализация и эмпирическая интерпретация этой функции, как и алгоритм оценки ее выполнения – решаемая научно-прикладная задача. Специалисты по анализу и прогнозированию занятости и трудовых ресурсов располагают методологией соответствующих измерений.

Заключение

Исходя из рассмотренного выше можно сделать следующие основные заключения.

1. Концепция общественной эффективности образования – основание научного управления им в стратегическом и локальных контекстах. В России эта научная проблема не обозначена, сохраняются дезинтеграция изучающих образование наук и бюрократологии, доминируют педоцентристские и неолиберальные дискурсы, где общественная эффективность игнорируется или подменяется *вне*научными концептами, задающими ложные нормы и приоритеты (образование – услуга и капитал, право выбора школы, интеграция в европейское образовательное пространство, компетентностный подход и пр.), ведущие к воспроизводству бюрократологий и бюрократической тирании в отрасли.

2. Педоцентристские и неолиберальные дискурсы создали в России противоречивую законодательную базу и управленческие практики в образовании. В них утвердились менеджеризм и проектный подход, исключено участие институтов гражданского общества, игнорируется научное управление, уровень формализации довел всю отрасль до кризиса. Теоретический вакуум в проблеме общественной эффективности – залог воспроизводства бюрократологий. Предпосылки для концепции эффективности образования есть в российской социологии и выражают ее опережающий потенциал на фоне глобальных трендов и результатов.

3. Концепция эффективности образования строится на понимании ее как отношения достигнутых результатов к совершенным затратам ресурсов (социальных, экономических и иных) в рамках его институциональной ответственности. Развитие концепции предполагает междисциплинарное взаимодействие социальных и гуманитарных наук, их координацию.

В таком взаимодействии социология образования играет методологическую роль, вырабатывая видение корпуса институциональных функций образования в тех областях, в которых предстоит измерять его общественные результаты.

4. В данной статье предлагаются к теоретической апробации схема функций и общественно значимых результатов образования. Она позволяет заключить, что топ-менеджмент не уделяет внимания целому ряду функций и результатов, лишаящих его властного ресурса. Признание таких результатов лишит бюрократов информационной закрытости и всевластия в распределении ресурсов. Задача социальных и гуманитарных наук состоит в доказательстве, обосновании целесообразного изменения законодательства ради его релевантности корпусу институциональных функций и перехода от бюрократического к государственно-общественному управлению образованием – главной предпосылке преодоления бюрократологий и поступательного развития в интересах страны.

Библиографический список

1. Капелюшников Р. И. Отдача от образования в России: ниже некуда? // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 37–68. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-8-37-68; EDN: RHQPVC.
2. Линьков А. Я., Василенко Н. В. Экономика образования. М.: ИНФРА-М, 2017. 411 с. EDN: ZFZLUN.
3. Матвеева Н. А. О соотношении инерционности и субъектности в системе образования // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 83–87. EDN: WZPXYP.
4. Матвеева Н. А. Социальная инерция: к определению понятия // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 15–23. EDN: OWVWWD.
5. Осипов А. М. Глобальные противоречия и цивилизационные приоритеты России // Вестник госун-та Дубна. Сер.: Науки о человеке и обществе. 2022. № 1. С. 20–25. EDN: KZHPHS.
6. Осипов А. М. Приоритеты изучения образования в свете проблемы бюрократологий // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 2. С. 15–33. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.2; EDN: UOVTMS.
7. Осипов А. М. «Троянские кони» неолиберализма в образовании // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 137–148. DOI: 10.7868/S0132162517080153; EDN: ZGOXVZ.
8. Осипов А. М., Иванова В. А. Институциональные функции – пороговая проблема современной социологии образования // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 117–124. EDN: VSLWYN.
9. Осипов А. М., Наран Б. Какова общественная эффективность образования в России? // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2023. № 4. С. 888–900. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-888-900; EDN: CFHNRS.

10. Руткевич М. Н., Рубина Л. Я. *Общественные потребности, система образования, молодежь*. М.: Политиздат, 1988. 224 с.
11. Смолин О. Н. *Экономический рост и образовательная политика: технологии и идеология // Экономическое возрождение России*. 2019. № 1(59). С. 29–39. EDN: YUIULB.
12. *Социология образования: учеб. и практ. для вузов / Под ред. А. М. Осипова*. М.: ЮРАЙТ, 2023. 365 с. EDN: QKKMDH.
13. Чекмарев В. В. *Флим-флам (пинг-понг) для системы образования // Экономика образования*. 2014. № 1. С. 7–10. EDN: SCDHZJ.
14. *Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании / Под ред. А. М. Осипова*. В. Новгород: Виконт, 2020. 351 с. EDN: MSNLLC.

Получено редакцией: 14.12.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Осипов Александр Михайлович, доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.9

Towards a Scientific Interpretation of the Social Effectiveness of Education

Alexander M. Osipov

Hertzen University, St. Petersburg, Russia

osipov.al58@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9314-389X

For citation: Osipov A.M. Towards a scientific interpretation of the social effectiveness of education. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 156–171. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.9; EDN: LVSYFJ.

Abstract. The article substantiates the problem of the social effectiveness of education as the main scientific and practical product and, at the same time, as the area of theoretical integration of the sociology of education. Its solution is a prerequisite for overcoming bureau-pathologies and the transition from universal and bureaucratic management to scientific management of education. The approach to the social effectiveness of education is disclosed on the basis of the concept of its institutional functions, as the ratio of socially significant results to the total costs (including intangible) of education. The interpretation of this problem involves: determining the methodological role of sociology in solving this theoretical and applied problem; taking into account the entire spectrum of institutional functions (impact on all spheres of society, delay in results in time; irreducibility to a market service or pedo-centric and “competence” schemes); interdisciplinary interaction for the conceptualisation of social costs and results.

The absence of the concept of “social effectiveness of education” in the current legislation of the Russian Federation creates a normative space for bureaupathologies in educational policy. Bureaucrats replace the public efficiency of education – a multi-component criterion of management quality – with project management that is advantageous to them. They ignore the extensive responsibility of education in society, breaking up its management into short projects, and in this the bureaucrats’ actions merge with neoliberal “modernisations” and pedo-centric “reforms”, leading education to a crisis, waste of state resources, and lagging behind in global competition.

The author comes to the conclusion that in order to solve the problem of efficiency, a methodology for analysing public costs and results of education within the framework of its institutional functions is necessary. Successful development of the concept of public efficiency will ensure the accelerated development of the sociology of education in Russia against the background of global trends of shallow topics and theoretical disintegration of this branch of science. The latter, in the author’s opinion, fully meets the priorities of Russian society, education and science.

Keywords: institutional functions of education, societal costs, societal results, societal efficiency of education

References

1. Kapeliushnikov R. I. Returns to education in Russia: nowhere below? *Voprosy ekonomiki*, 2021: 8: 37–68 (in Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2021-8-37-68; EDN: PHQPVC.
2. Linkov A. Ya., Vasilenko N. V. Economics of Education. Moscow, INFRA-M, 2021: 411 (in Russ.). EDN: ZFZLUN.
3. Matveeva N. A. O sootnoshenii inercionnosti i subektnosti v sisteme obrazovaniya [On the relationship between inertia and subjectivity in education]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2002: 3: 83–87 (in Russ.). EDN: WZPXYP.
4. Matveeva N. A. Socialnaya inerciya: k opredeleniyu ponyatiya [Social inertia: Towards the definition of the term]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2004: 4: 15–23 (in Russ.). EDN: OWVWWD.
5. Osipov A. M. Global contradictions and civilizational priorities of Russia. *Vestnik gosun-ta Dubna. Ser.: Nauki o cheloveke i obshchestve*, 2022: 1: 20–25 (in Russ.). EDN: KZHPHS.
6. Osipov A. M. (2023) Priorities for studying education in the light of the problem of bureaupathology. *Vestnik instituta sotziologii*, 2023: 14: 2: 15–33 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.2; EDN: UOVTMS.
7. Osipov A. M. “Trojan horses” of neoliberalism in education. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2017: 8: 137–148 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162517080153; EDN: ZGOXVZ.
8. Osipov A. M., Ivanova V. A. Institutional functions – a threshold problem of modern sociology of education. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2016: 1: 117–124 (in Russ.). EDN: VSLWYN.
9. Osipov A. M., Naran B. What is the social efficiency of education in Russia? *Vestnik RUDN. Ser. Sociologiya*, 2023: 4: 888–900 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-888-900; EDN: CFHNR5.
10. Rutkevich M. N., Rubina L. Ya. Obshhestvenny`e potrebnosti, sistema obrazovaniya, molozh [Public needs, educational system, youth]. Moscow, Politizdat, 1988: 224 (in Russ.).
11. Smolin O. N. Economic growth and educational policy: technologies and ideology. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, 2019: 1: 29–39 (in Russ.). EDN: YYIULB.
12. Sociology of education. 2nd ed. Ed. by A. M. Osipov. Moscow, YURAYT, 2023: 424 (in Russ.). EDN: QKKMDH.
13. Chekmarev V. V. Flim-flam (ping-pong) for the education system. *Ekonomika obrazovaniya*, 2014: 1: 7–10 (in Russ.). EDN: SCDHZJ.
14. School in paper abyss: the crisis of information flows in education. Ed. by A. M. Osipov. Veliky Novgorod, Vikont, 2020: 351 (in Russ.). EDN: MSNLLC.

The article was submitted on: December 14, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander M. Osipov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.10

EDN: LXXZBO

Профилактика экстремизма и терроризма в школах: опыт Республики Дагестан¹

Ссылка для цитирования: Адиев А. З. Профилактика экстремизма и терроризма в школах: опыт Республики Дагестан // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 3. С. 172–188. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.10; EDN: LXXZBO.

For citation: Adiev A. Z. Prevention of extremism and terrorism in schools: experience of the republic of Dagestan. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 172–188. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.10; EDN: LXXZBO.

Адиев Асланбек Залимханович¹

¹РЦЭИ ДФИЦ РАН,
Махачкала, Россия

Khalid_84@mail.ru

SPIN-код: 7617-2483

Аннотация. В статье представлены результаты исследования профилактической анти-террористической воспитательной работы среди учащихся общеобразовательных школ Республики Дагестан. Отмечается, что данная работа со школьной молодежью проводится системно и комплексно с участием не только педагогов, но и внешних субъектов профилактического воздействия на подростков из числа представителей правоохранительных органов, различных министерств и ведомств, уполномоченных в сфере молодежной, информационной и государственной национальной политики, деятелей культуры и искусства, представителей официального мусульманского духовенства, спортсменов, депутатов, ветеранов СВО и других лидеров общественного мнения. Выявлено, что основным форматом данной работы является тематическая профилактическая беседа со школьниками, проведение которой требует определенных педагогических навыков и компетенций. С помощью формализованного экспертного опроса школьных учителей и серии исследовательских интервью выявлена оценка эффективности данной деятельности, а также проблемы, препятствующие повышению качества антиэкстремистской просветительской работы с дагестанской молодежью. Отмечая важность и полезность этой работы, опрошенные учителя указывают на ряд проблем и факторов, снижающих ее эффективность. Загруженность учителей «бумажной» работой, частые требования разного рода отчетов о проделанной работе, формализм, проведение мероприятий без учета возрастных и индивидуальных особенностей учащихся, некомпетентность, отсутствие понимания и поддержки со стороны родительского сообщества, слабый интерес к такого рода мероприятиям как со сто-

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта Главы Республики Дагестан на выполнение инициативных исследований в области гуманитарных наук. Проект «Профилактика экстремизма и терроризма в общеобразовательных школах: опыт Республики Дагестана».

роны педагогов, так и со стороны школьников и ряд других факторов мешают повышению качества антитеррористической просветительской работы с дагестанской молодежью. Представляется, что профилактика экстремизма и терроризма является частью общего просветительского воздействия института общеобразовательной школы на ребенка, воспитывающего в нем нравственного, законопослушного и патриотичного гражданина. Для повышения качества этой работы важно на государственном уровне поднять авторитет школьных учителей, поскольку учитель без авторитета – плохой воспитатель для подростков не только в сфере противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма, но и в целом в деле духовно-нравственного и патриотического воспитания.

Ключевые слова: работа с молодежью, Республика Дагестан, профилактика экстремизма и терроризма, школа, мероприятие, учитель, родители, воспитание

Введение

Проблема противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма в Республике Дагестан (РД) продолжает становиться все более актуальной. Террористические атаки на православные храмы и синагоги в Махачкале и Дербенте 23 июня 2024 г., а также антиизраильские погромы в аэропорту Махачкалы 29 октября 2023 г. свидетельствуют о том, что деструктивные силы всерьез взялись за радикализацию дагестанской молодежи. Из отчета руководства МВД по РД следует, что за 2023 г. в республике обезврежено 5 законспирированных террористических ячеек; выявлено 12 фактов финансирования терроризма; зарегистрировано 21 преступление, связанное с распространением в сети интернет-контента, содержащего идеологию терроризма и экстремизма; получено 83 ложных сообщения о готовящихся актах терроризма, направленных на дестабилизацию обстановки в регионе¹. В мае 2024 г., затрагивая эту проблему в своем ежегодном отчетном выступлении, Глава РД С. А. Меликов заявил: *«Нам нельзя расслабляться, потому что враги не спят! Они ищут выходы на наших детей с призывами совершать теракты! Для борьбы с неприятелем мы должны говорить со своей молодежью – без формализма! Они должны видеть, что наши слова и дела идут рука об руку, что мы едины на основе межнационального и межконфессионального согласия!»*². Действительно, проблема вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность стала более опасной для общества, чем в предыдущие годы: расширились информационно-коммуникационные возможности для массовой вербовки новых адептов всевозможных деструктивных идеологий. Наибольшую угрозу общественной безопасности в республике представляют приверженцы идеологии радикального

¹ Отчет Министра внутренних дел по Республике Дагестан А. М. Магомедова Народному Собранию Республики Дагестан // Официальный сайт МВД по РД. 28.03.2024. URL: <https://05.xn--b1aew.xn--p1ai/document/48829360> (дата обращения: 31.05.2024).

² Послание Главы Республики Дагестан Сергея Меликова Народному Собранию Республики Дагестан // Официальный сайт Главы Республики Дагестан. 29.05.2024. URL: <https://glava.e-dag.ru/press/836/> (дата обращения: 31.05.2024).

исламизма, которые в конечном итоге призывают к насильственному свержению конституционного строя России как светского государства. По данным экспертов¹, террористы сегодня в основном работают с молодежью дистанционно – через социальные сети и мессенджеры, где происходит психологическая и идеологическая обработка, формирование мотивов для совершения актов «школьного терроризма» и терактов в местах массового скопления людей. Однако важно понимать, что молодежь нигде не застрахована от воздействия деструктивных идеологий. Поскольку дети проводят в школе значительную часть времени, ее роль в противодействии распространению среди учащихся деструктивных идеологий невозможно переоценить. В рамках профилактической работы среди старшеклассников по антитеррору в школах проводятся мероприятия различных форматов, используются разные методы воспитания и социализации учащихся. В воспитательную работу с молодежью вовлечены не только администрации и педагогические коллективы школ, но и специалисты со стороны, в том числе из органов исполнительной власти всех уровней, правоохранительных структур, общественных и религиозных организаций. Основной исследовательский вопрос работы: как сегодня в Дагестане выстроена система профилактической работы по противодействию распространению идеологии экстремизма и терроризма среди учащихся общеобразовательных школ? Задача заключалась также в том, чтобы выявить мнение (оценку) самих субъектов профилактики об эффективности и полезности проводимых с молодежью воспитательных мероприятий, а также о проблемных аспектах этой работы. В статье представлен анализ как организационных, так и содержательных характеристик превентивной антитеррористической деятельности в РД.

Методы исследования

Исследование организационных аспектов противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма в школах РД проведено методом анализа документов и экспертного интервью. Проведены: анализ соответствующих нормативно-правовых актов² и концептуальных документов³; выборочный обзор планов мероприятий по профилактике терроризма и экстремизма, проводимых в школах. Такой план мероприя-

¹ Выступление представителя аппарата НАК В. В. Лободы «О компетенциях специалистов, ответственных за противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2023. № 1(30). С. 26–29.

² См.: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

³ См.: «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации» (утверждена 5 октября 2009 г. Президентом РФ); «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (утверждена 29 мая 2020 г. Президентом РФ); «Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 – 2028 годы» (утвержден 30 декабря 2023 г. Президентом РФ); Государственная программа Республики Дагестан «Комплексная программа противодействия идеологии терроризма в Республике Дагестан» (утверждена 22 декабря 2023 г. Правительством РД); «План «дорожная карта» реализации Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 – 2028 годы в Республике Дагестан на 2024 год» (утвержден 25 марта 2024 г. Министерством образования и науки РД).

тий имеется в каждом образовательном учреждении. В целях выявления экспертного мнения об эффективности практикуемых сегодня в школах мероприятий, направленных на формирование у молодежи антитеррористического мировоззрения, в мае-июне 2024 г. автором был проведен формализованный опрос среди директоров школ, завучей по воспитательной работе, классных руководителей и педагогов-психологов. В опросе участвовали педагоги из городов (Махачкала, Буйнакск, Дербент, Хасавюрт, Избербаш, Каспийск, Кизилюрт, Южно-Сухокумск) и сельских районов (Акушинский, Ахтынский, Ботлихский, Буйнакский, Дербентский, Казбековский, Карабудахкентский, Кизилюртовский, Кумторкалинский, Новолакский, Ногайский, Табасаранский, Унцукульский, Хасавюртовский, Хунзахский, Цумадинский) всех географических зон Дагестана. Всего было опрошено 74 педагогических работника. Вопросник был составлен после изучения тематической нормативной базы, а также после консультаций с представителями Экспертного совета при Антитеррористической комиссии (АТК) в РД. Результаты опроса были дополнены мнениями и комментариями, собранными в ходе исследовательских интервью с представителями отделов образования в муниципалитетах РД; директорами и школьными учителями; работниками Министерства образования и науки РД, Министерства по делам молодежи РД, Министерства по национальной политике и делам религий РД, Муфтията РД; представителями академического сообщества и общественных организаций. Респонденты указаны с уточнением их экспертной категории (например, учитель) и города/сельского района.

Организация профилактической работы среди школьников

В основе государственной политики России в сфере противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи лежит идея о том, что в этом деле должны участвовать все уровни власти, а также само общество [2]. Национальный антитеррористический комитет России (НАК) разрабатывает пятилетние планы работы в целях обеспечения системности и межведомственного взаимодействия в деле противодействия распространению идеологии терроризма. В 2024 г. началась реализация «Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы» (Комплексный план), основной целью которого является формирование у населения РФ неприятия идеологии терроризма и устойчивости к ее пропаганде¹. В целях более скоординированной реализации Комплексного плана в РД реализуется тематическая государственная программа, определяющая объем работы

¹ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы (утвержден Президентом Российской Федерации 30 декабря 2023 г. № Пр-2610) // Официальный сайт НАК России. URL: <http://nac.gov.ru/hronika-sobytiy-ukazy-prezidenta/prezidentom-rossii-utverzhdyon-kompleksnyy-plan.html> (дата обращения: 24.04.2024).

каждого субъекта профилактики терроризма и экстремизма на республиканском уровне. Основным показателем успешности проводимых профилактических мероприятий является охват ими (количественный или %) учащихся, в том числе детей из т. н. «группы риска». В свою очередь, в каждом ведомстве, муниципалитете и образовательном учреждении реализуется свой план работ в указанной сфере деятельности с учетом положений федерального Комплексного плана и республиканской госпрограммы. *«В каждой школе есть план работы по противодействию идеологии экстремизма и терроризма. В Отделе образования администрации района есть специалист, который координирует эту работу во всех учебных заведениях. Эта работа, безусловно, должна носить системный характер и, в первую очередь, иметь целью защитить детей, школьников от влияния тех людей, которые насаждают экстремистскую идеологию»* (директор школы, Кумторкалинский район). В работе со школьниками, а также их родителями (законными представителями) участвуют все субъекты антитеррористической деятельности: от учителей до представителей власти и общественности. *«Это, конечно, инспектор ПДН, это представители духовенства, а еще привлекаем спортсменов, имеющих какой-то авторитет среди молодежи»* (завуч по воспитательной работе, Бабаюртовский район).

Как на региональном, так и на муниципальном уровне субъекты профилактики организованы в межведомственные рабочие группы (МРГ), которые работают по заранее составленному план-графику, посещая образовательные учреждения. В республиканские МРГ по профилактической работе с молодежью, как правило, входят специалисты из Министерства образования и науки РД, Министерства по делам молодежи РД, Министерства по национальной политике и делам религий РД, а также представители общественных организаций и официального мусульманского духовенства (Муфтията РД), специализирующиеся на работе с молодежной аудиторией. В некоторых муниципалитетах сформированы Лекторские группы, которые по графику проводят профилактические беседы и лекции с учащимися во всех образовательных учреждениях в черте муниципального образования.

Выборочный обзор ведомственных, муниципальных, а также школьных планов мероприятий по профилактике экстремизма и терроризма выявил, что наиболее распространенными форматами общей антитеррористической воспитательной работы со школьниками являются: тематические классные часы; открытые уроки; еженедельные «разговоры о важном»; лекции приглашенных спикеров; показ специализированных документальных фильмов и видеороликов; раздача антитеррористических информационных буклетов. Проведение подобных мероприятий не требует от администрации образовательного учреждения и педагогов специальной подготовки, поэтому их чаще всего включают в планы профилактических работ по антитеррору.

К более интерактивным и трудоемким форматам работы относятся: организация среди школьников военно-патриотических игр; вовлечение старшеклассников в деятельность волонтерских отрядов краеведов-следопытов по сбору данных о подвигах дагестанцев – ветеранов ВОВ; организация походов-экспедиций для школьников по местам боевых событий в Дагестане 1999 г. (Ботлихский, Новолакский и Цумадинский районы), а также по местам сражений времен ВОВ в других регионах России. Но далеко не все школы могут себе позволить подобные мероприятия, да и то лишь при финансовой и организационной поддержке властей. Поэтому большинство школ ограничиваются проведением менее ресурсозатратных мероприятий: профилактических бесед; тематических конкурсов среди школьников на создание лучшего информационного материала (видеоролика, фотографии, стенгазеты), сочинений и рисунков; показом театрализованных постановок; организацией спортивных состязаний, флэш-моб акций и т. п. *«Ежегодно по линии администрации района мы проводим конкурсы на лучший рисунок, на лучший плакат на тему борьбы с терроризмом. Есть конкурс лучших сочинений, тоже на эту тему. Такие конкурсы обычно охватывают детей с 7 по 11 классы. А вот в конкурсе рисунков практически нет ограничений; участвуют все дети. Еще проводится конкурс видеороликов. Дети с удовольствием это делают, умеют прекрасно снимать видео. Есть мероприятия ежегодные, приуроченные к определенным памятным датам, а есть мероприятия, которые проводятся более часто по календарному плану работы»* (директор школы, Ногайский район). В последнее время популярной становится организация в школах диалоговых площадок (по аналогии с Всероссийским проектом Росмолодежи «Диалоги с героями») для интерактивных встреч старшеклассников с приглашенными спикерами из числа деятелей культуры, представителей духовенства, правоохранительных органов, ветеранов и участников СВО, спортсменов и др. лидеров общественного мнения не только по антитеррористической тематике, но и в целом о патриотизме, нравственности, вреде наркомании.

Помимо общих профилактических мероприятий, в школах проводятся групповые и индивидуальные занятия с детьми из т. н. «группы риска», которые потенциально наиболее уязвимы влиянию идеологии экстремизма и терроризма. В «группу риска», как пояснили опрошенные учителя, входят дети мигрантов; дети, возвращенные из зон боевых действий, например, из Ирака и Сирии; дети из неблагополучных семей; выходцы из семей террористов и их пособников, осужденных или уничтоженных. К «группе риска» также относятся школьники с выраженными изменениями в социальном поведении, религиозном мировоззрении [6, с. 26], а еще подростки, состоящие на учете в подразделении МВД по делам несовершеннолетних (ПДН), муниципальных Комиссиях по делам несовершеннолетних (КДН), ФСИН России и внутришкольном учете. В целях своевременного выявления школьников, требующих индивидуального профилактического внимания, завучи по воспитательной работе, классные руководители и социальные педагоги интересуются психологическим

климатом в их семьях и в классах, материальным положением семей таких детей, наблюдают за внешним видом обучающихся, а педагоги-психологи проводят среди учащихся психодиагностические тестирования, направленные на выявление обучающихся, склонных к радикализации, а также к агрессивному и суицидальному поведению. *«Вот, допустим, у всех людей на телефоне бывают любимые люди, фотографии детей, а у меня, вот, (показывает свой телефон в прозрачном чехле со вставленным в него рукописным списком имен) опасные дети, которых я должна контролировать ежедневно. Мне надо, чтобы эти дети утром пришли в школу, а в обед пошли вовремя домой, дошли, понимаете? Это тоже своего рода работа, надо каждый день держать руку на пульсе, чтобы контролировать этих детей»* (завуч по воспитательной работе, Махачкала). После определения детей, относящихся к «группе риска», с ними проводится специальная работа, направленная на включение их в позитивную среду развития. Это могут быть кружки по интересам, спортивные секции, летние лагеря при школах, волонтерские и патриотические движения. Цель подобных мер – занять ребенка общественно и индивидуально полезной деятельностью, способствовать его разностороннему развитию и позитивной социализации. Помимо воспитательных бесед субъекты профилактики оказывают подростку из «группы риска» психологическую помощь; стараются ограничить его общение с лицами, оказывающими на него негативное влияние; содействуют его социальной реабилитации и наполнению его досуга полезными занятиями. При этом самих детей из «группы риска» стараются по педагогическим причинам не выделять из общей массы учеников. *«Что касается детей, которые у нас на контроле. Родители их против проведения всяких индивидуальных бесед с ними. Считают, что это дети вполне социализированные, что эти дети абсолютно ничем не отличаются от других детей и акцентировать внимание только на них и проводить с ними какую-то индивидуальную профилактическую работу не стоит. Мол, вы наносите какой-то психологический вред этим детям. Прежде всего вопросы возникают у их одноклассников: а почему его забрали, а почему с ним проводятся какие-то беседы? Это потом начинается навешивание ярлыков»* (педагог-психолог, Ногайский район). Как видим, в этой работе очень важен врачебный принцип «не навреди». Просветительская и профилактическая работа по формированию антитеррористического мировоззрения проводится как со школьниками, так и с их родителями (законными представителями), поскольку без их активного участия в этом процессе положительного эффекта ожидать не стоит.

Проблемы проведения и оценка эффективности профилактических мероприятий

В целях выявления мнения педагогов об эффективности, а также о проблемных аспектах проводимых в школах мероприятий, направленных на формирование у детей антитеррористического мировоззрения,

нами был проведен формализованный опрос. На вопрос: «Как вы считаете, мероприятия, проводимые в школах с целью формирования среди учащихся неприятия идеологии экстремизма и терроризма в целом, полезные или бесполезные?», 36 респондентов (почти половина участников опроса) однозначно ответили «Да, полезные»; еще 18 респондентов (почти четверть опрошенных учителей) выбрали вариант ответа «В основном полезные». Вариант ответа, что среди таких мероприятий «Есть как полезные, так и бесполезные» выбрали 17 участников опроса, которые тем самым дают понять, что не все проводимые в школах мероприятия по противодействию распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи, можно считать полезными. Оставшиеся 3 респондента затруднились с ответом и ни один участник опроса не выбрал ответ «В основном бесполезные», что свидетельствует в целом о положительном восприятии данной работы школьными учителями.

На вопрос: «Считаете ли Вы эффективными профилактические антитеррористические мероприятия, которые проводятся в вашей школе с учащимися?» абсолютное большинство респондентов (69 из 74 опрошенных педагогов) ответили: «Да» (31) и «Скорее да» (38). С целью определить отношение педагогов к воспитательной работе с учащимися, респондентам был задан вопрос: «Вы, в целом, довольны тем, как проводится профилактика экстремизма и терроризма среди молодежи в Дагестане?». Наиболее популярным вариантом ответа среди опрошенных педагогов оказался ответ «В целом да, но эту работу можно делать еще лучше и эффективнее». Его выбрали 33 участника опроса. Еще 29 респондентов выбрали ответ «Да, эта работа у нас в республике хорошо налажена». Оставшиеся 12 респондентов ответили «Нет, в работе с молодежью в этой области у нас много проблем». Принимая во внимание большую долю среди опрошенных педагогов довольных тем, как проводится профилактика экстремизма и терроризма среди молодежи в Дагестане, мы все же акцентируем внимание на том, что каждый шестой участник опроса считает, что в работе с молодежью в этой области в Дагестане много проблем. К тому же наибольшая часть респондентов считает, что эту работу можно делать еще лучше и эффективнее.

Какие же проблемы в антитеррористической воспитательной работе с молодежью актуальны на сегодня в Дагестане? В методических материалах по совершенствованию работы педагогических кадров по противодействию идеологии терроризма, изданных в Махачкале в 2023 г., перечислены следующие проблемы: недостаточная информированность обучающихся об угрозах терроризма и его последствиях; экстремистская пропаганда и вербовка обучающихся через социальные сети; формальное проведение мероприятий по профилактике терроризма в общеобразовательных организациях [6, с. 20]. Помимо этого, социолог З. М. Абдулагатов указывает на наличие в этой сфере и других проблем. Ученый пишет, что среднестатистический учитель в Дагестане не готов к воспитанию патриота и законопослушного гражданина как минимум по трем причинам: учитель не получает зарплату, достойную высокообразованного человека, занимаю-

щегося важным государственным и общественным делом; у него нет четких представлений о своих воспитательных функциях; в основной массе учитель в Дагестане не считает, что его ученики должны быть патриотами [1, с. 248]. Если учителя, вероятно, полностью согласятся с цитируемым автором относительно низких зарплат в Дагестане, то с двумя другими тезисами ученого они вряд ли согласятся открыто. И даже если исходить из того, что автор объективно прав, спрашивать напрямую участников исследования о понимании ими важности своей воспитательной работы со школьниками, похоже, нет никакого смысла, поскольку неизбежен эффект социальной желательности в ответах респондентов, т. е. стремление опрашиваемых давать «правильные», социально одобряемые ответы. Поэтому вошедший в опросник перечень проблем, актуальных в деле профилактики экстремизма и терроризма среди учащихся в дагестанских общеобразовательных школах был составлен не только в результате обзора тематической научной и методической литературы, но и по итогам предварительных консультаций с учителями и представителями Экспертного совета при АТК в РД. Таким образом удалось сформулировать перечень проблем и обсудить их в ходе исследовательских интервью с педагогами. Отвечая на вопрос, респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа. В предложенном списке проблем, участники опроса особо отметили фактор недостаточной вовлеченности родителей учащихся в эту работу (половина респондентов). Этот фактор комментировался педагогами в ходе экспертных интервью. *«Многие родители это дело просто переложили, вообще воспитание, на педагогов и сидят и говорят: нам надо зарабатывать, а вы наших детей воспитывайте! Это, конечно, вот, бич последнего времени, когда родители не так сильно задействованы в этих во всех моментах. И, что касается экстремизма, вот, экстремистских каких-то взглядов, вы же понимаете, что семей очень много, они разные, каждый человек в семье воспитывается и такое же экстремистское настроение дома у родителей может быть. Поэтому я, все-таки, не умаляю значение педагога. Педагоги, мы же, в любом случае, правильно ориентированы. Нам надо знать, где какая семья, где какой ребенок, чем ребенок дышит, что от этого ребенка можно ожидать, а что, ну, ни за что, ни при каких обстоятельствах ожидать невозможно»* (педагог-психолог учреждения дополнительного образования). *«Ну, родители, это же сложный контингент, они все заняты. Заняты своей работой. Есть, конечно те, кто с интересом приходят, но в основном, они все делают акцент на том, что у них нет времени»* (завуч по воспитательной работе, Кизляр). *«Родители на собрания приходят? Конечно нет. Очень трудно. Вот, последнее собрание, там было всего 37 человек и то, мы с трудом их собрали. Одни и те же ходят на собрания. Даже если в 16:00 его назначаешь, они говорят: ой, нам в садик (детский сад) надо и сразу встают, уходят. Поэтому, да, есть такой момент с родителями»* (завуч по воспитательной работе, Махачкала). Между тем, родительское сообщество, выстраивая коммуникацию, увеличивая свою вовлеченность в жизнь молодых людей способно заметить признаки психологического неблагополучия и отклоняю-

щихся форм поведения у членов семьи, такие как резкое изменение образа жизни, внешние изменения, появление нового окружения, присутствие определенных символов, атрибутики, литературы [5, с. 14]. Специалисты-практики твердо убеждены, что в профилактическую деятельность должны быть вовлечены абсолютно все институты и агенты социализации: семья (родители), детский сад (воспитатели), школа (учителя), вуз (преподаватели), духовенство [8, с. 23]. На уточняющий вопрос: «Как бы Вы оценили готовность и желание родителей приходить на родительские собрания и другие школьные мероприятия, посвященные антиэкстремистской и антитеррористической тематике?» Большинство респондентов (52 опрошенных учителей) ответили, что родители не проявляют особого интереса к таким мероприятиям. Лишь 11 респондентов ответили, что «Они проявляют живой интерес к таким мероприятиям». Остальные 11 участников опроса затруднились ответить. Комментируя свой ответ, респондент сказала: *«Родителей я обеспечу на собрание. На последнем собрании 150 родителей у меня сидело в актовом зале. Это работа завуча с классными руководителями. Как я работаю с классными – от этого зависит. Это от требовательности завуча зависит, я так скажу. Но не проблема посещения родительских собраний или встреч меня волнует. Меня волнуют, именно, взгляды родителей»* (завуч по воспитательной работе, Махачкала). Многие опрошенные учителя отмечают, что сталкиваются с предвзятым и негативным отношением со стороны родителей, которых вызывают в школу из-за плохого поведения или успеваемости их детей. *«Сейчас, когда любого родителя приглашают в школу, этот человек, она или он, заходит на территорию школы уже с настроением воевать. Особенно женский пол»* (член родительского комитета, Ногайский район).

Второй по важности проблемой, как показал опрос, стал фактор избыточности: *«Этих мероприятий в школе стало слишком много, они отвлекают детей от учебного процесса»* (30 респондентов выбрали этот ответ). В ходе интервью обнаружилось, что такое мнение особенно популярно среди директоров махачкалинских школ, где остро стоит проблема переполненности классов и нехватки помещений. Во многих школах столицы республики в классах учатся в среднем по 40 человек, классов не хватает, уроки с трудом вмещаются в шестидневную неделю в две смены, и им еще нужно найти время для организации встреч по вопросам противодействия терроризму, включенных в календарные планы мероприятий других субъектов антитеррора, например, подразделений МВД. В целом беспокойство учителей, особенно классных руководителей и учителей-предметников, переживающих за успеваемость своих учеников, вполне объяснимо необходимостью успеть охватить все темы и учебный план в отведенные часы. Но даже тот факт, что 30 из 74 опрошенных педагогов считают, что в школах слишком много профилактических антитеррористических мероприятий, не может не отразиться на их эффективности. *«Мы слишком много внимания этому вопросу уделяем. Вот как раз на последнем заседании рабочей группы педагоги-психологи высказали мнение о том, что мы постоянно им вдалбливаем, что терроризм – это плохо, экстремизм –*

это плохо, что невольно ребенок начинает этим интересоваться. Ему и директор школы об этом говорит, завуч говорит, педагог-психолог говорит, все говорят и здесь, наоборот, происходит какая-то обратная реакция. Поэтому, мне кажется, что слишком заострять на этом внимание не стоит. Делать это нужно осторожно и не так заметно, в какой-то степени завуалированно» (учитель общеобраз. школы, Ногайский район). Если те, кто занимается профилактикой терроризма и экстремизма среди старшеклассников, сами отмечают избыточность этих мероприятий, то подросткам они вряд ли принесут большую пользу.

Вариант «Школьникам эти мероприятия не интересны» выбрали 16 участников опроса (чуть больше 1/5 всех опрошенных). По мнению общественного деятеля, имеющего опыт участия в профилактических беседах с молодежью, основная проблема здесь кроется в неподготовленности спикеров, выступающих перед молодежью по тематике антитеррора, межэтнической толерантности и патриотического воспитания. *«Да, противодействовать проявлениям экстремизма и ксенофобии могут мероприятия, направленные на воспитание патриотизма среди молодежи, например, уроки мужества, разговоры о важном или профилактические встречи и беседы. А вот если спикеры слабые и приходят на эти встречи с молодежью неподготовленными и им нечего рассказать, то вполне может случиться обратный эффект»* (общественный деятель, Махачкала). Схожее мнение выразил социальный педагог из Хасавюртовского района, отмечая, что просчеты в тактике профилактической работы могут побудить у учащихся интерес к идеологии экстремизма и терроризма, хотя бы в силу юношеской тяги к тотальному отрицанию, пересмотру и нивелированию общепринятых стереотипов и догм [9, с. 111].

Столько же респондентов (16 участников опроса) среди проблем, характерных для превентивных антитеррористических мероприятий среди молодежи, отметили вариант ответа: *«Эти мероприятия часто проводятся формально (лишь бы отчитаться)»*. *«Как и везде! Вот это... ради галочки!»* (директор школы, Махачкала). *«На мероприятиях звучат общие банальные слова, пустота, главное отчет! Для отчета сделайте фотографии с мероприятия в школе и все! А чем вы хотите удивить школьников? И школьники прекрасно видят: ты пустой или не пустой. Они сидят, смеются и отпускают язвительные замечания, если вы как оратор не смогли их заинтересовать своим выступлением»* (общественный деятель, Махачкала). Элемент формализма, по мнению учителей, присутствует не только в мероприятиях, но и в учебных материалах. Так, завуч по воспитательной работе в сельской школе из Хасавюртовского района замечает, что в рамках предмета «Основы безопасности жизнедеятельности» не отводится достаточно времени на изучение способов противодействия вовлечению подростков в террористическую деятельность, а сам учебный материал не соответствует возрастным особенностям учащихся. Она пишет, что в отведенные на предмет ОБЖ часы школьникам преподают основы организации системы противодействия терроризму в Российской Федерации. Наверное, это не плохо для общего развития. Однако непо-

нятно, какое отношение имеет рассказ о Национальном антитеррористическом комитете, антитеррористических комиссиях и оперативных штабах, которые являются элементами системы противодействия терроризму в стране, собственно, к практическим вопросам безопасности жизнедеятельности конкретного школьника [4, с. 15–16]. В то же время, замечает педагог, вопросы противодействия вовлечению в террористическую деятельность, правила безопасного поведения в интернете не изучаются или рассматриваются очень поверхностно.

Еще 16 участников опроса отметили вариант ответа «Участники мероприятий из органов власти и общественных организаций часто не знают, как общаться со школьниками». Эту проблему следует рассматривать в совокупности с двумя предыдущими факторами, поскольку профилактические беседы, проводимые с участием неподготовленных и малокомпетентных спикеров, не умеющих общаться с подростками и озабоченных лишь своей отчетностью по календарному плану мероприятий, предсказуемо не вызывают интереса у старшеклассников. Кстати, все эти три проблемы были отмечены одинаковым количеством респондентов. *«Участники мероприятий из органов власти, вот, они едут к нам с какими-то наставлениями. Да вы проведите это так, чтобы ребенок ушел от этого, чтобы он действительно понял, что это! Мне не нравится, как они проводят. Вот, например, правоохранительные органы. Приходят, там, с прокуратуры, или еще откуда, они приходят... формально. Проводим мы, собираем детей мы, аудитория наша, пускай они что-то принесут, чтоб действительно было интересно!»* (завуч по воспитательной работе, Махачкала). В то же время часть опрошенных педагогов не согласны с тем, что из различных ведомств к работе с молодежью привлекаются неподготовленные специалисты. *«Вот, например, если письмо идет в МВД, просят представить интересного лектора, они, конечно, неинтересного, зануду какого-нибудь не представят, они отправляют самых ярких. Мне было интересно, вот, от Минмолодежи был такой парнишка, я уже не помню, как его зовут, я думала, какой у него может быть опыт? Что он там может рассказать? Мне даже самой было интересно, когда мы в первый раз поехали. Но оказалось, что этот парнишка может проводить ту же беседу и работу с детьми лучше, чем мы все вместе взятые! Потому что он быстро со сцены прыгнул вниз, быстро организовал аудиторию, они ему и хлопали, они ему и топали, он задавал им вопросы, т. е. такой интерактив был проведен, я была удивлена!»* (специалист по повышению квалификации педагогических кадров учреждения дополнительного образования). При этом респондент указывает, что есть и другой аспект этой проблемы – сугубо нравоучительный тон выступающих во время профилактических бесед с молодежью вызывает у них скуку: *«Единственное, вот, те недостатки, которые, вот, в профилактической работе, я сама вижу, ребята не очень любят эти нотации. Они нотации не слушают, т. е. если мы начнем говорить, вот, вы должны быть такими-то, сякими-то... они нотации не любят. Они любят, вот, интерактивы, они любят, вот,*

интересные мероприятия, они любят, когда это все ярко, нескучно проходит. И на такие моменты отзывы они дают. А если это была бы такая скучная неинтересная лекция, они, конечно, эти лекции не слушают».

Помимо предложенных в анкете вариантов ответов о проблемных аспектах профилактической антиэкстремистской работы со школьниками, участники исследования называли и ряд других проблем. Это, в частности, неуважительное отношение некоторых родителей к учителям, подрывающее авторитет учителя перед их детьми. А без авторитета учитель не может положительно влиять на своих учеников. Об этом пишет и завуч по воспитательной работе из сельской школы Хасавюртовского района отмечая, что любая психологическая поддержка со стороны взрослых практически сразу дает необходимый коррекционный эффект только в том случае, если взрослые приобретают авторитетную позицию в глазах подросткового сообщества. В этом, по мнению педагога, значительную роль играет эмоциональный контакт и личностно-заинтересованное общение специалистов-психологов и педагогов с учащимися [3, с. 5].

В ходе исследования респондентами не раз озвучивалась проблема слишком прямолинейной работы с молодежью со стороны ряда субъектов профилактики экстремизма и терроризма. *«Вы знаете, вот, когда в лоб проводятся эти беседы, они практически никакого эффекта не дают. Нужно мягко, осторожно проводить эту работу, установить контакт, заслужить доверие ребенка, и тогда эффект будет»* (учитель, Хасавюртовский район). Определяющим условием в разработке стратегии в антитеррористической работе, по мнению учителя из Дербентского района, должна быть педагогическая, образовательная деятельность, направленная на перестройку общественного сознания, воздействие на восстановление позитивных ценностных ориентиров у молодых людей [7, с. 91]. Некоторые педагоги отмечают, что при проведении с подростками профилактических бесед, занятий и мероприятий не нужно затрагивать самих деструктивных идей, чтобы не превратить профилактику в обучение экстремизму и терроризму.

Ряд опрошенных педагогов признают, что уровень подготовки самих учителей по вопросам профилактики экстремизма и терроризма среди молодежи остается низким, необходимы курсы повышения квалификации, методические материалы по проведению групповых и индивидуальных профилактических бесед с детьми из «группы риска», а также обмен опытом работы с педагогами из других школ, организованный опять же без формализма.

Также многие учителя и директора школ отметили, что учителя сегодня перегружены «бумажной работой» и разного рода отчетами, что не может не ухудшать качество их воспитательной работы. *«Вот это – лишь бы занять учителя какой-то бумагой! Честное слово! Да я бы лучше, чем этим заниматься, я в каждом классе могла бы провести беседы, говорить, как вести себя летом, какие у нас летние лагеря... Понимаете? Круглосуточно у нас идет работа!»* (завуч по воспитательной работе, Махачкала).

Заключение

По итогам проведенного нами исследования можно сказать, что в Дагестане выстроена комплексная система профилактической работы по противодействию распространению идеологии экстремизма и терроризма, охватывающая всю учащуюся молодежь. Основные субъекты этой работы – школьные учителя – в целом оценивают эту работу положительно, признают ее эффективность, понимают ее важность и полезность для общества. При этом многие из них видят, в каком направлении можно и нужно улучшить качество этой работы. Загруженность учителей всевозможными отчетами вынуждает их (и не только их) проводить профилактические мероприятия формально, они, зачастую, не успевают их качественно проработать. А это, в свою очередь, снижает интерес детей к подобным занятиям. Справедливости ради надо сказать, что не все профилактические анти-террористические мероприятия должны быть веселыми и интересными, какими бы скучными ни были лекции, например, о правовой ответственности за репосты экстремистских материалов на страницах социальных сетей, их необходимо проводить среди школьников. Не вызывает сомнения и вывод о том, что родительское сообщество должно более активно включаться в воспитательную (антиэкстремистскую, патриотическую, духовно-нравственную) работу, проводимую в школе. *«В первую очередь, надо работать с родителями, надо, чтобы родители понимали, что просто так их в школу не вызывают, что у ребенка есть проблема и ее нужно решать на ранней стадии, пока она не выросла в большую проблему»* (представитель муниципальной власти, Ногайский район). На государственном уровне важно поднять авторитет школьных учителей (это можно сделать за счет значительного повышения их зарплат и социального престижа), чтобы они могли влиять на учеников; учитель без авторитета – плохой педагог и воспитатель для подростков. По-прежнему в некоторых школах наблюдается слабое взаимодействие с другими субъектами профилактики, а также нехватка специалистов в этой области, особенно в сельской местности. Все субъекты противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма среди школьников решают эти задачи в соответствии со своей основной специализацией и эффективность их совместной работы зависит от уровня координации предпринимаемых действий. Нередко учителя в этом направлении действуют интуитивно, опираясь исключительно на свой педагогический опыт, и изъявляют желание пройти специализированные курсы повышения квалификации, например, по проведению индивидуальных профилактических занятий с детьми из «группы риска». Для улучшения качества этой работы, по мнению опрошенных учителей, нужно: регулярно выявлять и внедрять по-настоящему работающие, полезные профилактические мероприятия; к каждому проблемному ребенку подходить индивидуально и системно; повышать компетентность педагогов-психологов и учителей в этом направлении; находить разнообразные формы занятости, чтобы направлять неуемную энергию подростков в позитивное русло; учитывать возрастные и индивидуальные особенности детей

при проведении с ними профилактических мероприятий. Как выразился опрошенный эксперт, *«если молодому человеку правильно объяснить, что такое патриотизм, что такое Родина, что он живет в многонациональной, многоконфессиональной стране, что он должен любить свою малую Родину, а она является частью нашей большой страны – России, то я думаю, что такой человек не попадет под влияние экстремистских идей и призывов»* (представитель Министерства по делам молодежи РД). Таким образом, система профилактического воздействия на школьников с целью формирования у них антитеррористического мировоззрения должна быть органично связана с другими направлениями воспитательной работы, проводимой с молодежью в школе, в том числе по патриотическому и духовно-нравственному воспитанию. В свою очередь, общая методическая база такой работы должна разрабатываться с опорой на результаты научных исследований, проведение которых – задача социологов и представителей других социальных наук.

Библиографический список

1. Абдулагатов З. М. Семья и школа в решении проблем профилактики религиозного экстремизма и терроризма (на примере Республики Дагестан). Махачкала: ИИАЭ ДФИЦ РАН, 2021. 288 с.
2. Адиев А. З., Мусаева А. М. Профилактика терроризма на Северном Кавказе // Россия и мусульманский мир. 2022. № 1(323). С. 33–52. DOI: 10.31249/rimm/2022.01.004; EDN: GALGAB.
3. Алиева Г. К. Профилактика противодействия идеологии терроризма, экстремизма среди учащейся молодежи (на опыте работы МКОУ «Костекская СОШ им. Б. Ш. Бакиева») // Актуальные проблемы организации противодействия распространению идеологии терроризма в образовательных организациях Республики Дагестан. Махачкала: АЛЕФ, 2023. С. 5–7.
4. Алханова А. Ш. Воспитательный потенциал школы как часть системы противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма // Актуальные проблемы организации противодействия распространению идеологии терроризма в образовательных организациях Республики Дагестан. Махачкала: АЛЕФ, 2023. С. 14–18.
5. Махмутова Р. Г., Шибанова Н. А. Мониторинг радикализации молодежи в учебных заведениях // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2022. № 1(28). С. 12–15.
6. Методические материалы для совершенствования работы педагогических коллективов общеобразовательных организаций по противодействию идеологии терроризма. Махачкала: ДИРО, 2023. 72 с.
7. Мирзоева В. Н. Антитеррористическая безопасность в школе // Актуальные проблемы организации противодействия распространению идеологии терроризма в образовательных организациях Республики Дагестан. Махачкала: АЛЕФ, 2023. С. 91–93.

8. Пхешхова И. М. Причины и условия, способствующие вовлечению молодежи в террористическую среду // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2022. № 1(28). С. 20–23.

9. Шамсуев О. З. Актуальные вопросы организации профилактической работы по противодействию идеологии экстремизма и терроризма в образовательном учреждении // Актуальные проблемы организации противодействия распространению идеологии терроризма в образовательных организациях Республики Дагестан. Махачкала: АЛЕФ, 2023. С. 110–113.

Получено редакцией: 02.07.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Адиев Асланбек Залимханович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.10

Prevention of Extremism and Terrorism in Schools: Experience of the Republic of Dagestan¹

Aslanbek Z. Adiev

RCER DFRC RAS, Makhachkala, Russia

Khalid_84@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4459-7462

For citation: Adiev A. Z. Prevention of extremism and terrorism in schools: experience of the republic of Dagestan. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 172–188. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.10; EDN: LXXZBO.

Abstract. The article presents the results of the study of preventive anti-terrorist educational work among students of general education schools of the Republic of Dagestan. It is noted that this work with school youth is carried out systematically and comprehensively with the participation of not only teachers, but also external subjects of preventive influence on adolescents from among representatives of law enforcement agencies, various ministries and departments authorised in the field of youth, information and state national policy, cultural and art figures, representatives of the official Muslim clergy, athletes, deputies, veterans of the Special Military Operation and other public opinion leaders. It was revealed that the main format of this work is a thematic preventive conversation with schoolchildren, that requires certain pedagogical skills and competencies. Using a formalised expert survey of school teachers and a series of research interviews, an assessment of the effectiveness of this activity was identified, as well as problems that hinder the improvement of the quality of anti-extremist educational work with Dagestani youth. Noting the importance and usefulness of this work, the interviewed teachers point to a number of problems and factors that reduce its effectiveness. The workload of teachers with “paperwork”, frequent demands for various kinds of reports on the work done, formalism, holding events without taking into account the age and individual characteristics of students, incompetence, lack of understanding and support from the parent community, weak interest in such events from both teachers and schoolchildren and a number of other factors hinder the improvement of the quality of anti-terrorist educational work with Dagestani youth. It seems that the prevention of extremism and terrorism is part of the general educational impact of the comprehensive school institution on a child, raising him to be a moral, law-abiding and patriotic citizen. To improve the quality of this work, it is important to raise the authority of school teachers at the state level, since a teacher without authority is a bad educator for teenagers

¹ **Acknowledgements.** The article was prepared as part of the realization of a grant from the head of the Republic of Dagestan for carrying out initiative research in the field of humanitarian sciences. Project “Prevention of extremism and terrorism in secondary schools: experience of the Republic of Dagestan”.

not only in the area of countering the spread of the ideology of extremism and terrorism, but also in the matter of spiritual, moral and patriotic education in general.

Keywords: work with youth, Republic of Dagestan, prevention of extremism and terrorism, school, event, teacher, parents, training

References

1. Abdulagatov Z. M. Family and school in solving problems of preventing religious extremism and terrorism (on the example of the Republic of Dagestan). Makhachkala, IIAE DFIC RAN, 2021: 288 (in Russ.).
2. Adiev A. Z., Musaeva A. M. Prevention of terrorism in the North Caucasus. *Rossiya i musulmanskij mir*, 2022: 1(323): 33–52 (in Russ.). DOI: 10.31249/rimm/2022.01.004; EDN: GALGAB.
3. Alieva G. K. Prevention of countering the ideology of terrorism, extremism among students (based on the experience of the MCOU “Kostek Secondary School named after B.Sh. Bakiev”). Aktualny`e problemy` organizacii protivodejstviya rasprostraneniya ideologii terrorizma v obrazovatel`ny`x organizacijax Respubliki Dagestan [In Current problems of organizing counteraction to the spread of the ideology of terrorism in educational organizations of the Republic of Dagestan]. Makhachkala, ALEF, 2023: 5–7 (in Russ.).
4. Alkhanova A. S. The educational potential of the school as part of the system of countering the spread of the ideology of extremism and terrorism. Aktualny`e problemy` organizacii protivodejstviya rasprostraneniya ideologii terrorizma v obrazovatel`ny`x organizacijax Respubliki Dagestan [In Current problems of organizing counteraction to the spread of the ideology of terrorism in educational organizations of the Republic of Dagestan]. Makhachkala, ALEF, 2023: 14–18 (in Russ.).
5. Makhmutova R. G., Shibanova N. A. Monitoring the radicalization of youth in educational institutions. *Vestnik Nacionalnogo antiterroristicheskogo komiteta*, 2022: 1(28): 12–15 (in Russ.).
6. Metodicheskie materialy dlya sovershenstvovaniya raboty pedagogicheskikh kollektivov obshheobrazovatelnyh organizacij po protivodejstviyu ideologii terrorizma [Methodological materials for improving the work of teaching staff of general education organizations in countering the ideology of terrorism]. Makhachkala, DIRO, 2023: 72 (in Russ.).
7. Mirzoeva V. N. Anti-terrorism security at school. In Current problems of organizing counteraction to the spread of the ideology of terrorism in educational organizations of the Republic of Dagestan. Makhachkala, ALEF, 2023: 91–93 (in Russ.).
8. Pheshkhova I. M. Causes and conditions conducive to the involvement of young people in the terrorist environment. *Vestnik Nacionalnogo antiterroristicheskogo komiteta*, 2022: 1(28): 20–23 (in Russ.).
9. Shamsuev O. Z. Topical issues of organizing preventive work to counter the ideology of extremism and terrorism in an educational institution. Aktualny`e problemy` organizacii protivodejstviya rasprostraneniya ideologii terrorizma v obrazovatel`ny`x organizacijax Respubliki Dagestan [In Current problems of organizing counteraction to the spread of the ideology of terrorism in educational organizations of the Republic of Dagestan]. Makhachkala, ALEF, 2023: 110–113 (in Russ.).

The article was submitted on: July 02, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aslanbek Z. Adiev, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ РОССИЯН

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.11

EDN: KQHANM

Динамика событийной структуры жизненного пути в России¹

Ссылка для цитирования: Андрееenkova А. В., Медведева А. А. Динамика событийной структуры жизненного пути в России // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 3. С. 189–209. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.11; EDN: KQHANM.

For citation: Andreenkova A. V., Medvedeva A. A. Dynamics of the event structure of the life course in Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 189–209. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.11; EDN: KQHANM.

SPIN-код: 5739-0033

Андрееenkova Анна Владимировна¹

¹Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ),
Москва, Россия

Anna.andreenkova@cessi.ru

SPIN-код: 3571-1338

Медведева Анна Александровна¹

¹Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ),
Москва, Россия

Anna.medvedeva@cessi.ru

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного анализа жизненно-событийной структуры поколений россиян на основе эмпирических данных Российского социального исследования (РСИ) волна 9, сопоставимого с ESS. Анализ показал, что календарь жизни ныне живущих поколений россиян довольно сильно структурирован – события происходят в определенные и довольно узкие интервалы времени и в определенной последовательности. Особенностью календаря жизни в России является высокая концентрация всех базовых событий первой фазы взрослой жизни на узком интервале времени, короткий период вступления во взрослую жизнь. События поздней стадии жизни показывают большее хронологическое разнообразие и сценарную вариативность. Были обнаружены значимые различия в жизненно-событийной матрице поколений в России,

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ 23-18-00635 «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е, – лонгитюдное исследование через 30 лет».

среди которых увеличение среднего возраста наступления почти всех базовых жизненных событий, расширение границ возрастных жизненных этапов, удлинение пути взросления и перехода от зрелости к старости, а также диверсификация жизненных сценариев в профессиональной и семейно-брачной сферах. При сравнении индексов стандартизованности основных событий между поколениями был выявлен тренд на дестандартизацию жизненных путей – в старших поколениях уровень сходства значительно выше, чем среди молодых поколений. Основные изменения пришлись на поколение 1970–1979 гг. и ускорились в следующем поколении 1980–1989 гг. Возможными причинами могут быть макродемографические факторы, а также изменения в социально-экономических и исторических условиях, переход к постиндустриальному обществу. Тренд на дестандартизацию жизненных путей в старших поколениях затронул в первую очередь людей с более высоким уровнем образования, а в более молодых приобрел более широкий социально-классовый характер, гендерные различия стали проявляться в поколении 1980-х. Авторы выдвигают предположение, что увеличение дестандартизации жизненных путей может иметь разнонаправленные социальные и индивидуальные последствия. С одной стороны, новые возможности для развития, построение жизненного пути с учетом индивидуальных особенностей, талантов и желаний, большая гибкость жизненных траекторий, снижение нормативности и социального давления. С другой стороны, это может привести к росту неопределенности, социального напряжения, увеличению неравенств, углублению конфликта «отцов и детей», что повысит в обозримом будущем социальные риски.

Ключевые слова: жизненный путь, структурирование жизненного времени, жизненно-событийная матрица, календарь жизни, поколения, дестандартизация жизненного пути

Жизненный путь представляет собой хронологическую последовательность и сочетание событий, периодов и этапов в пределах срока жизни человека. Несмотря на внешнюю хаотичность и мозаичность жизни каждого отдельного лица, ее непредсказуемость и уникальность, систематическое сравнение жизненных путей людей говорит о значительной внутренней упорядоченности жизненных событий – их структурированности, и схожести между людьми – стандартизованности жизненного пути. Такое сходство может быть объяснено целым рядом факторов – общим физиологическим циклом жизни человека как биологического организма, логикой личностно-психологического развития, а также общностью социально-исторической среды, в которой проживают люди в конкретное время – нормативными, социальными, экономическими, политическими и юридическими факторами, которые ее образуют. Нормативные и институциональные условия жизни в конкретный период создают «контекстуальный купол» формирования человеческой жизни [14]. Переживание общих исторических событий на одном и том же жизненном этапе (общая историческая судьба) объединяет людей в поколения. Но в рамках заданного социокультурного контекста каждый человек строит свою жизнь индивидуально через жизненные выборы, цели, желания, планы и действия, каждое из которых влияет на последующие события и создает новые условия и возможности, либо ограничивает их.

Состояние изученности проблемы и теоретические основания исследования

Исследования жизненного пути стали популярны в социологии, начиная с 1960-х гг., и постепенно завоевывают лидирующие позиции в области изучения движения людей по возрастной лестнице и развития человека в целом, заменяя другие концепции, предложенные в рамках социальной психологии и демографии, такие как «жизненный цикл» (life cycle) или «продолжительность жизни» (life span). Терминологическое разнообразие в этом исследовательском направлении со временем только растет. Согласно анализу Д. Алвина, понятие «жизненный цикл» используется для изучения разных этапов развития человека в биологическом и психологическом плане, исследования изменений в человеке с течением жизни, а понятие «жизненный путь» применяется для динамического анализа социальных процессов микроуровня, выявления взаимосвязи развития людей и групп в зависимости от макросоциальной среды [8]. Любые терминологические споры условны и чаще всего относятся к научной традиции, в рамках которой развивается то или иное научное направление. В данной статье используется понятие «жизненный путь», понимаемое как хронологически выстроенная и взаимосвязанная совокупность событий и периодов в индивидуальной жизни, где каждое новое событие становится основой или причиной последующих, а вместе они образуют динамическую систему микроуровня, взаимосвязанную с макросоциальными процессами.

Одним из ключевых направлений в социологическом изучении жизненного пути является жизненно-событийный подход, в котором анализируются события жизни во взаимосвязи с изменяющимся историческим и социальным контекстом [1]. На примере ряда стран и сравнительных межстрановых исследований было показано, что календарь жизни людей исторически изменчив, отличается между разными странами [16], социальными группами – гендерными, образовательными, социально-классовыми [19]. В последние несколько десятилетий в структуре жизненно-событийной матрицы людей происходят серьезные изменения. Одно из основных изменений, показанное на примере западных стран, – индивидуализация жизненных траекторий, дестандартизация жизненных событий во времени, изменение их последовательности и включение новых событий и траекторий в сценарии жизненного пути [9; 17]. С конца 1960-х во многих странах стали меняться модели взросления, перехода от юности к взрослости [10]. Важной тенденцией является изменение частоты и распространенности жизненных событий – переход событий из категории редких в категорию стандартных или частых. Среди таких событий – распад семейных союзов, одиночное или приемное родительство, отказ от официального брака [4; 13; 18]. Семейно-брачный календарь менее стандартизирован, чем трудовой и образовательный, и различия между этими двумя сферами со временем усиливаются [12]. На изменения в семейно-брачном календаре основное влияние оказывает ослабление социальных норм и барьеров. В образовательно-профессиональном календаре структуриро-

ванность выше, а изменения связываются с трансформацией структуры экономики и занятости и реформами системы образования. Рост вариативности в событийном календаре жизни исследователи также связывают с увеличением общей нестабильности, ростом социетальных угроз и глобальных катаклизмов [11].

Как показывают предыдущие исследования, скорость происходящих изменений в жизненно-событийной матрице жизни в разных странах неодинакова [15]. В России многие изменения следуют общим глобальным тенденциям с некоторым отставанием по времени, но имеют и свои социально-культурные особенности [2]. Проблеме жизненного пути в России посвящено немало работ в области психологии и развития личности (Б. Г. Ананьев, И. С. Кон, С. Л. Рубинштейн). Глубокие лонгитюдные исследования образовательных и профессиональных траекторий берут начало в работах В. Н. Шубкина, М. Титмы, а настоящее время продолжают исследовательских проектах Д. Л. Константиновского, Г. А. Чередниченко и других. В работах целого ряда российских исследователей – А. И. Антонова, А. Б. Синельникова, А. В. Носковой, Т. К. Ростовской, В. Н. Архангельского, Т. А. Гурко и других, показаны изменения семьи и репродуктивного поведения, которые происходят как на индивидуальном уровне, так и между поколениями. Но комплексный жизненно-событийный подход к построению «календаря жизни» стал применяться в России относительно недавно, после того, как были получены эмпирические данные нескольких масштабных исследовательских проектов, позволяющих проводить межстрановые сравнения – исследования «Поколение и гендер», Российского социального исследования по программе ESS (ПСИ-ESS) и ряда других. В работах на основе этих данных показано, что общие направления изменений, происходящих в России, на этапе перехода к взрослой жизни, сходны с другими европейскими странами, но происходят позже и более низкими темпами [3]. В последние годы все больший интерес стал проявляться к исследованиям жизненного календаря поздней зрелости и старения [7]. Анализ отдельных событий или жизненных этапов позволяет глубоко изучить этот процесс, его причины и следствия, но не выстроить общую картину изменений в структуре жизненного пути.

Комплексный анализ структуры, особенностей и тенденций жизненно-событийной матрицы в России, проверка базовых гипотез о направлении и содержании происходящих изменений является основной целью этого исследования. Среди задач – определение направления и скорости изменений в хронологии жизненных событий разных сфер жизни, выделение событий, по которым происходят наиболее серьезные изменения. Основным методом исследования является анализ жизненно-событийной матрицы разных поколений россиян.

Методология исследования

Сравнение жизненно-событийной матрицы может проводиться на разных уровнях по степени детализации. На самом обобщенном уровне жизненная структура одинакова для всех и состоит из событий рождения и смерти, анализ ведется только в отношении длительности интервала между этими событиями для разных групп в социологических и демографических исследованиях продолжительности жизни. На базовом уровне находятся события, образующие «каркас» жизненно-событийной матрицы, на развернутом – все многообразие жизненных событий в их полноте – биографические исследования. Предметом данного исследования являются события базового уровня, которые включены в жизненный путь значительной части людей, если не большинства, и связаны с переходами из одного состояния в другое в социальном, экономическом, пространственном или социально-психологическом плане.

Представленный в статье анализ проводится на данных Российского социального исследования (РСИ), сопоставимого с ESS волна 9 (конец 2018 – начало 2019 гг.). РСИ проведен Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) как национальный опрос россиян 15 лет и старше методом личных интервью по месту жительства, размер выборки составил 2415 респондентов [5]. В опрос включены вопросы о том, в каком году произошли следующие события в жизни респондента: первая постоянная работа, уход из родительского дома, начало жизни с первым партнером, первый брак, первый ребенок, последний ребенок, первый внук, последняя работа. Вопросы задавались в зависимости от возраста респондента и предыдущих событий в жизни (наличие совершеннолетних детей для вопросов о внуках и т. п.). Вопросы об опыте развода и вдовства включены без уточнения времени наступления этих событий, как и показатель общей длительности получения образования.

Методические ограничения. Количество событий жизненного пути, которые могут быть включены в анализ на основе этих данных, относительно невелико. Измеряемые в РСИ события неравномерно распределены по жизненному пути: из восьми событий с вопросом о дате пять относятся к началу взрослой жизни, три – к концу. Неравномерно распределены события и по сферам жизни – шесть из них относятся к брачно-семейным отношениям и два к профессиональным. Ограниченное число показателей «календаря жизни» характерно для большинства формализованных количественных исследований. Поэтому при всех достоинствах использования данных масштабных количественных опросов, у нас есть возможность ответить лишь на часть исследовательских вопросов о динамике «календаря жизни», но не претендовать на то, чтобы описать происходящие процессы во всей их полноте.

Построение показателей, использованных в анализе. По каждому событию было построено несколько показателей, оценивающих структурированность и уровень стандартизованности события (УСд). К оценке структурированности относятся медианный возраст наступле-

ния события для респондентов, которые его испытали (возраст рассчитан как разница между годом, когда произошло событие и годом рождения респондента) и пропуск события – доля респондентов, в жизненный путь которых событие не входит, оно «пропущено». Мерами стандартизованности выступают возрастная вариативность события – стандартное отклонение от среднего значения по возрасту наступления события (степень разброса от средней); «медианный сценарий» – доля респондентов, которые попадают в «стандартный» сценарий события для каждого поколения – интервал медианы для поколения и фиксированной дисперсии (+-3 года); общая вариативность события – стандартное отклонение от средней по возрасту при учете ненаступления события. Для анализа события были разделены на две группы – события образовательно-профессиональной и семейно-брачной сфер.

В ходе анализа было запланировано проверить две группы гипотез. Гипотезы о трендах – происходят ли изменения жизненно-событийной матрицы между поколениями в сторону увеличения стандартизации или, напротив, намечается тренд к дестандартизации. Гипотеза о сферах жизни – насколько синхронно происходят изменения в уровне стандартизованности событий семейно-брачной и образовательно-профессиональной сфер. На основе опыта европейских стран и общего сходства в демографических и социально-структурных процессах можно предположить, что уровень стандартизованности событий в семейно-брачной сфере ниже и изменяется быстрее, чем в образовательно-профессиональной.

В анализ данных включены респонденты 1989 года рождения и старше и исключены те, кто родился после 1989 года и не достигли 30 лет к моменту опроса, так как для многих молодых респондентов изучаемые события еще не произошли и сравнение с другими поколениями для них невозможно или мало информативно.

Событийная структура и поколенные изменения в образовательно-профессиональной сфере жизни

Среди пяти изучаемых событий образовательно-профессиональной сферы четыре относятся к общим событиям жизненно-событийной матрицы – они входят в структуру жизненного пути подавляющего большинства респондентов, а одно событие – опыт безработицы, включено в жизненный путь меньшей части респондентов и поэтому характеризуется как специфическое событие. В отношении ухода с рынка труда относительно надежные сравнения возможны лишь для старших поколений (1949 г. и раньше и 1950–1959 г.), по другим поколениям различия в реализованности события очень велики. Такое событие, как отделение от родительской семьи, относится и к образовательно-профессиональной, и к брачно-семейной сферам, так как связано и с получением образования, и с формированием нового домохозяйства или семьи.

Три события раннего этапа жизненного пути – окончание образования, выход на рынок труда и отделение от родительской семьи – сконцентрированы на узком временном интервале при медианном возрасте в 20 лет (Табл. 1). При сходной медиане возрастная вариативность этих событий различна: довольно низкая в отношении длительности образования, выше в отношении выхода на рынок труда и высокая в отношении отделения от родительской семьи. Медианный возраст ухода с рынка труда составляет 59 лет без учета гендерных различий, которые закрепились в России законодательно, а также имеют отраслевую и профессиональную специфику. Медианная длительность трудовой жизни россиянина (интервал между выходом на рынок труда и ухода с рынка труда) составляет около 36 лет, то есть занимает около половины всего жизненного времени человека.

Возрастные границы и последовательность жизненных событий социально-профессиональной сферы постепенно меняются. Наибольшие изменения коснулись длительности образования – она последовательно росла в каждом новом поколении. Наименьшие изменения в медианном возрасте события отмечены в отношении выхода на рынок труда и отделения от родительской семьи. Если в старших поколениях преобладал линейный сценарий в последовательности событий «обучение – работа», то в последующих увеличилась фрагментация сценариев («обучение – работа – обучение» или совмещение работы и обучения). В старших поколениях профессиональный путь был относительно непрерывным. В более молодых поколениях в структуру жизненного пути входят вынужденные перерывы в работе – безработица: ее испытали 14% в старших поколениях и более трети в поколениях 1970-х годов и младше. Старшие группы россиян столкнулись с реальной или потенциальной безработицей в конце своей трудовой жизни, группы 1960–1969 гг. рождения – в его середине, а рожденные в 1960–1979 г. – в самом начале. Такие различия оказывают влияние на взаимосвязь с другими жизненными событиями и последствия безработицы: на выбор карьеры и построение жизненного пути в молодом возрасте, состояние брачно-семейных отношений в среднем возрасте, влияние на физическое здоровье и социально-психологическое самочувствие в старшем возрасте. В отношении ухода с рынка труда сравнение двух поколений – старшего (1949 г. и старше) и поколения 1950–1959 гг. показывает высокую стабильность медианного возраста события. Однако, можно предположить, что в последующих поколениях медианный возраст и возрастная вариативность увеличатся в результате общесоциальных (пенсионной реформы, дефицита кадров на рынке труда, состоянием сферы социального обеспечения) и индивидуальных факторов (усложнение профессиональных траекторий, условий и режима труда и материальных причин).

Таблица 1 (Table 1)

**Возраст наступления событий образовательно-профессиональной сферы
в разных поколениях**

*Age of occurrence of events in the educational and professional sphere
in different generations*

	1980–1989	1970–1979	1960–1969	1950–1959	1949 и старше
ОБРАЗОВАНИЕ-ДЛИТЕЛЬНОСТЬ					
Медиана по количеству лет	14	13	13	12	11
Вариативность (станд. отклонение)	2,4	2,5	2,3	2,5	3,3
Медианный сценарий (%)	71	67	75	67	53
ПЕРВАЯ РАБОТА					
Медиана по возрасту	20	20	20	19	18
Пропуск события (%)	3	6	2	4	3
Возрастная вариативность (станд. отклонение)	3,0	3,4	3,8	5,6	3,4
Медианный сценарий (%)	63	57	67	63	64
Общая вариативность (станд. отклонение)	4,5	5,9	4,6	6,8	4,5
УХОД ИЗ РОДИТЕЛЬСКОГО ДОМА					
Медиана по возрасту	20	20	20	20	20
Пропуск события (%)	12	9	7	5	7
Возрастная вариативность (станд. отклонение)	4,3	4,1	4,4	5,4	5,2
Медианный сценарий (%)	55	70	62	68	66
Общая вариативность	8,1	7,4	6,9	7,4	7,6
ОПЫТ БЕЗРАБОТИЦЫ (%)	35	35	30	20	14
УХОД С РЫНКА ТРУДА					
Медиана по возрасту			53	57	58
% работавших в 50 лет			79	83	81
% работавших в 65 лет				21	22
Пропуск события (%)	89	91	70	24	11
Возрастная вариативность (станд. отклонение)			7,8	6,8	9,0
Медианный сценарий (%)			14	39	39
Средняя длина трудового стажа (года)	12,9	22,4	32,3	37,4	40,0
Средняя длина трудового стажа на 35 лет		14,8	15,0	15,3	16,1
Средняя длина трудового стажа на 45 лет		24,1	24,6	24,9	25,7

Примечание. Размер выборки по поколениям – минимум 239 респондентов (самое старшее), максимум 462 (1980–1989). Подсчеты авторов статьи. Формулировки вопросов приведены в документации проекта, размещенные на сайте www.russiansocialsurvey.ru.

Уровень стандартизованности (УСд) событий социально-профессиональной сферы довольно высок. Общая вариативность длительности образования составляет 2,4 пункта, выхода на рынок труда – 3,6 пунктов, наполненность медианного сценария – 67% и 64% соответственно. УСд трех других событий этой сферы ниже.

Изменения в уровне стандартизованности событий социально-профессиональной сферы между поколениями разнонаправлены. Стандартизованность увеличилась в молодых поколениях в отношении длительности образования и выхода на рынок труда, но сократилась в отношении отдаления от родительской семьи. Периоды вынужденной безработицы охватывают все большую долю респондентов в каждом новом поколении, что ведет к дестандартизации профессиональных путей. В отношении межпоколенных различий в длительности пребывания на рынке труда и времени ухода с рынка труда убедительных данных пока мало, но косвенные признаки говорят о росте дестандартизации.

Событийная структура и поколенные изменения в семейно-брачной и репродуктивной сфере

События семейно-брачной сферы на ранних этапах взрослой жизни охватывают более широкий возрастной интервал, чем события образовательно-профессиональной сферы. У большинства респондентов образовательные и профессиональные события предшествуют брачно-семейным, хотя близки по срокам. Вместе эти события образуют период высокой концентрации жизненных переходов и решений на этапе ранней взрослости.

Состав и структура событийной матрицы в брачно-семейной и репродуктивной сфере претерпели значительные изменения при сравнении поколений. Количество событий семейно-брачной сферы молодых поколений меньше, чем в старших. В старших поколениях такие события как первые длительные отношения с партнером, вступление в брак, рождение первого ребенка, рождение последующих детей и рождение внуков являлись частью жизненно-событийной матрицы большинства респондентов. Начиная с поколения 1970-х, наметилась тенденция к увеличению пропуска части событий этой сферы. В частности, доля тех, кто не вступал в брак, выросла с 3% в самых старших поколениях до 16% в поколении 1970-х и 27% в самом младшем поколении. Доля не родивших ребенка изменялась с 13% в самом старшем поколении до 27% и 33% в двух самых молодых (хотя для части респондентов этого поколения эти события могут быть пока не реализованы). Рождение двух и более детей не вошло в событийную матрицу 38% респондентов в самом старшем поколении и 59% в поколении 1970-х (о самом молодом поколении пока говорить рано, но вероятна тенденция к дальнейшему росту). Рождение внуков не стало частью жизненно-событийной матрицы 12% в самом старшем поколении, 28% в поколении 1950-х и 52% в поколении 1960-х. Средний возраст этого события повышается – к 45 годам имели внуков 19% в самом старшем поколении и 11% в поколениях 1960-х и 1970-х.

Событие, которое стало более часто включаться в жизненно-событийную матрицу, – распад брачного союза. Доля респондентов, которые имеют опыт развода, выросла с 14% в самом старшем поколении до 35% в поколении 1960-х. В последующих поколениях включение такого события в жизненный путь снизилось (27% в поколении 1970-х и 17% в поколении 1980-х) на фоне резкого роста незаключенных союзов. В отношении другого вида распада брачного союза – вдовства, выделить тенденции без информации о возрасте наступления события гораздо сложнее. В самом старшем поколении доля тех, кто испытал вдовство, достигает 55%, в более младших поколениях доля значительно меньше, но, наиболее вероятно, это связано с неполной реализованностью события, напрямую связанной с возрастом. Однако, есть основания полагать, что включенность этого события в жизненный путь в младших поколениях будет меньше.

Изменения в возрастных границах событий и их последовательности. Помимо изменений в составе и структуре событий в брачно-семейной сфере, заметные изменения произошли в возрастных границах и последовательности событий. Одним из таких изменений является трансформация базового сценария в семейно-брачной сфере на этапе ранней взрослости, доминирующего в старших поколениях: раннее вступление в брак близко к окончанию образования (медиана 22 года), рождение первого ребенка сразу после или до вступления в брак и отделение от родительской семьи как результат заключения брака. В последующих поколениях доля сценариев, когда начало жизни с партнером предшествует выходу на рынок труда, увеличилось более чем в два раза: 6% в самом старшем поколении и 18% в поколении 1970–1979 гг., что, наиболее вероятно, связано с увеличением длительности получения образования. Другим заметным изменением стала взаимосвязь первых партнерских отношений и брака. В старших поколениях первые партнерские отношения и брак совпадали по времени для большинства респондентов и составляли одно событие. Начиная с поколения 1970-х, ситуация начала стремительно, по меркам демографических процессов, меняться в сторону расхождения возраста наступления этих событий.

Существенные изменения претерпела взаимосвязь и последовательность событий «брак-первый ребенок». В самом старшем поколении медианный возраст первого ребенка на год меньше медианного возраста первого брака – что реализовано в более чем 80% случаев. В последующих поколениях медианный возраст событий увеличился, как и возрастная вариативность. Сценарий «брак-первый ребенок» сократился до 60% в поколении 1970-х, но увеличилась доля сценариев, когда вместо парного события «брак-ребенок» реализовывалось лишь одно из них – ребенок без брака или брак без детей.

В жизни поколений произошли изменения в длительности реального репродуктивного возрастного интервала. Общий интервал рождения детей, оцененный как медианные границы рождения первого и последнего ребенка, составил 6 лет, между 23 и 29 годами. В старшем поколении в этот интервал попадали 74% имеющих более 1 ребенка, в поколении 1970-х – 57%. Медианный возраст рождения первого внука колеблется вокруг 49 лет и высока вероятность, что этот возраст повышается, хотя точные оценки сделать пока трудно из-за различий в реализованности события для разных поколений.

Таблица 2 (Table 2)

Возраст наступления событий брачно-семейной сферы в разных поколениях
Age of occurrence of events in the marital and family sphere in different generations

	1980–1989	1970–1979	1960–1969	1950–1959	1949 и старше
НАЧАЛО ЖИЗНИ С ПЕРВЫМ ПАРТНЕРОМ					
Медиана по возрасту	23	22	22	22	22
Пропуск события (%)	14	6	4	4	2
Возрастная вариативность (станд. отклонение)	3,9	4,2	3,8	3,8	3,8
Медианный сценарий (%)	50	65	74	69	74
Общая вариативность (станд. отклонение)	8,8	6,7	5,8	5,7	5,0
ПЕРВЫЙ БРАК					
Медиана по возрасту	25	23	22	22	22
Пропуск события (%)	27	16	7	5	3
Возрастная вариативность (станд. отклонение)	3,7	4,8	3,8	4,6	4,6
Медианный сценарий %	45	52	69	69	74
Общая вариативность (станд. отклонение)	11,4	9,8	6,9	6,7	5,9
ПЕРВЫЙ РЕБЕНОК					
Медиана по возрасту	26	24	24	24	23
Пропуск события (%)	33	13	9	8	6
Возрастная вариативность (станд. отклонение)	3,8	4,9	3,9	4,2	4,1
Медианный сценарий (%)	43	48	65	61	73
Общая вариативность (станд. отклонение)	12,3	9,7	7,8	7,8	7,1
ОПЫТ РАЗВОДА (%)	17	27	35	26	14
ПОСЛЕДНИЙ РЕБЕНОК					
Медиана по возрасту	30	31	28	29	29
Возрастная вариативность (станд. отклонение)	3,4	5,7	5,0	4,6	5,2
Пропуск события (%)	68	59	50	44	38
Медианный сценарий (%)	21	16	30	35	36
Общая вариативность (станд. отклонение)	14,0	15,9	15,1	14,9	14,9
ПЕРВЫЙ ВНУК					
Медиана по возрасту		41	47	49	48
Возрастная вариативность (станд. отклонение)		2,6	3,9	6,3	7,2
% к 45 годам		10	12	16	19
% к 65 годам				74	84
Пропуск события (%)	100	94	52	28	12
Медианный сценарий (%)		6	35	37	46

Примечание. Формулировки вопросов приведены в документации проекта, размещенные на сайте www.russiansocialsurvey.ru. Медианный сценарий первого брака рассчитан как брак в медианном интервале до рождения детей, первого ребенка – как рождение ребенка в медианном интервале после заключения брака.

Оценки стандартизованности брачно-семейной и репродуктивной сферы. События этой сферы существенно отличаются по уровню стандартизованности события (УСд) – он значительно выше для событий ранних этапов взрослости и ниже для событий зрелых и старших этапов. Такие события как начало жизни с партнером, первый брак и рождение первого ребенка в старших поколениях показывают высокий уровень стандартизованности: в медианный сценарий попадают около трех четвертей опрошенных. Значительные изменения происходят в поколении 1970-х – наполненность медианного сценария падает для всех событий, но с разной скоростью. Если в отношении начала жизни с партнером падение не столь велико (65%), в отношении брака оно более существенно (до 52%), в отношении первого ребенка – очень велико (лишь 48% попадают в медианный сценарий). В поколении 1980-х этот тренд усилился. Общая вариативность событий существенно возросла, особенно в отношении первого брака: стандартное отклонение в 5,9 пунктов в самом старшем поколении, 9,8 пунктов в поколении 1970-х и 11,4 в самом молодом, в отношении первого ребенка – 7,1, 9,7 и 12,3 пунктов соответственно. Уровень стандартизованности события таких событий как последний ребенок и первый внук довольно низкий, в медианный сценарий попадают меньше половины респондентов даже в самом старшем поколении, в поколении 1970-х наполненность медианного сценария составляет лишь 16% в отношении последнего ребенка и 35% – первого внука. События этой сферы на этапах ранней взрослости гораздо более стандартизованы, чем события поздних возрастных этапов для всех поколений.

Данные говорят о том, что в семейно-брачной и репродуктивной сфере жизни происходят очень существенные изменения, которые затронули в первую очередь поколения 1970-х, но продолжают расширяться в поколении 1980-х. Изменения касаются состава событий и их последовательности, медианного возраста событий и их возрастной и общей вариативности. Сравнение уровня стандартизованности в разных сферах жизни и по разным событиям показывает, что гипотеза об асинхронной динамике в семейно-брачной и образовательно-профессиональной **подтвердилась**. Дестандартизация событий семейно-брачной сферы в каждом новом поколении идет значительно быстрее, чем в образовательно-профессиональной сфере, где процессы дестандартизации происходят одновременно с противоположно направленными процессами.

Поколенные изменения в структуре жизненного пути в России – стандартизация или дестандартизация?

В исследованиях «календаря жизни» последних лет выдвинуты две альтернативные теории о направлении процесса изменений в событийной структуре жизненного пути. В рамках первой гипотезы утверждается, что сходство в событийной структуре жизни, времени наступления событий и их последовательности, растет. Другая гипотеза, которая находит под-

тверждение в целом ряде стран, говорит о дестандартизации жизненного пути, его индивидуализации и деинституционализации. Эмпирические доказательства и той, и другой теории пока довольно противоречивы в отношении разных сфер жизни, событий и стран.

Для проверки этих гипотез в России нами были построены два Индекса стандартизованности жизненного пути – на этапе ранней взрослости для всех поколений (ИСЖ1) и на всем протяжении жизненного пути, но только для старших поколений, для которых эти события уже в значительной степени реализованы (ИСЖ2). Индекс строился путем суммирования баллов за попадание в «медианный сценарий» по событиям: первая работа, уход из родительского дома, длительность получения образования, первый партнер, брак, первый ребенок, отсутствие опыта развода, отсутствие опыта безработицы (как доминирующие сценарии), рождение более 1 ребенка. Для ИСЖ2 были добавлены такие события как наличие внуков (для рожденных в 1960 г. и позже – на момент опроса, для рожденных раньше 1960 г. – на возраст в 45 лет) и уход с рынка труда (+2 года от 55 для женщин и от 60 для мужчин). Каждый Индекс был преобразован в шкалу до 1 до 10, где 1 означает низкий уровень стандартизованности, а 10 – высокий.

Общий уровень стандартизованности жизненного пути находится на уровне выше среднего для раннего этапа жизненного пути (6,3 по ИСЖ1) и чуть ниже средней по ИСЖ2 (5,4 при среднем значении шкалы в 5,5). Сравнительный анализ ИСЖ1 и ИСЖ2 по поколениям показывает снижение уровня стандартизованности: с 7,0 в самом старшем поколении до 5,6 в самом младшем по ИСЖ1, падение поступательно и составляет 0,2–0,5 пунктов в каждом поколении, с уровня 6,1 до 4,6 в поколении 1970-х по ИСЖ2 (Табл. 3). Скорость изменения ИСЖ2 в поколении 1970-х значительно выше, чем в предыдущих поколениях (0,9 пунктов), хотя это может быть связано с незавершенностью событий старшего возраста для этого поколения, и тогда по прошествии времени мы ожидаем увидеть дальнейшее падение индекса.

Таблица 3 (Table 3)

Стандартизованность событий жизненного пути в разных поколениях – ИСЖ1 и ИСЖ2

Standardisation of life course events in different generations – ILC1 and ILC2

	1980–1989	1970–1979	1960–1969	1950–1959	1949 и старше	По всем поколениям
Индекс стандартизованности жизненного пути в период ранней взрослости (ИСЖ1)	5,6	5,9	6,3	6,5	7,0	6,3
Статистическая значимость различий в значении Индекса между поколениями (ANOVA)	**	**			**	F= 27.313, Sig. = .000
Индекс стандартизованности на всех этапах жизненного пути (ИСЖ2)	-	4,6	5,5	5,7	6,1	5,4
Статистическая значимость различий в значении Индекса между поколениями (ANOVA)		**			**	F= 37.512, Sig. = .000

Результаты теста ANOVA. Разница средних между поколениями 1960–1969 и 1950–1959 статистически не значима, во всех остальных случаях значимость <0.05 .

Межгрупповые различия в стандартизованности жизненно-событийной сетки. Для проверки значимости межгрупповых различий в уровне стандартизованности события жизненного пути проведен регрессионный анализ, где зависимыми переменными выступали ИСЖ1 и ИСЖ2, а независимыми – пол, поколения (1 – младшее, 5 – старшее), образование (1 – <8 классов, 2 – 10 классов, 3 – ПТУ, 4 – техникум, 5 – высшее), социальный класс (достигнутый уровень на момент опроса, самоопределение по категориям 1 Рабочие, 2 Крестьяне, 3 Предприниматели, 4 Руководители, 5 Служащие, 6 Интеллигенция). Гендерные различия в календаре жизни были показаны по многим жизненным событиям и во многих странах, в том числе в России [6]. Образовательные траектории могут влиять на общий жизненный путь с точки зрения как направления для траектории жизни и структурирования событий во времени, так и культурного капитала и рационального планирования жизни. Социально-классовое положение человека, как начальное (родительский капитал), так и достигнутое, служит показателем социальных возможностей и широты выбора, поэтому можно предположить, что группы с более высоким социальным положением более свободны в структурировании своего жизненного пути, их путь более индивидуально вариативен.

Результаты регрессионного анализа по всем поколениям показывают, что поколенческие различия остаются наиболее значимыми даже при учете других факторов, включенных в регрессионный анализ (Табл. 4). Уровень стандартизованности жизненного пути на его ранних этапах статистически значимо связан с социально-классовым положением, но не с уровнем образования. Гендерные различия оказались невелики – статистически значимы по ИСЖ2, но не по ИСЖ1.

Чтобы проследить изменения межгрупповых различий в ИСЖ во времени, был проведен регрессионный анализ независимо по каждому поколению (Табл. 4). Межгрупповые различия в уровне стандартизованности жизненного пути в самом старшем поколении россиян минимальны – относительно высокий уровень характерен для всех изучаемых групп. Дифференциация начала расти в поколении 1960–1969 гг. и важную роль в этом сыграло развитие профессионального образования. В этом поколении ИСЖ1 среди респондентов, имеющих профессиональное образование любого уровня, значимо ниже, чем у людей только с общим образованием (6,9 и 6,1 соответственно), различия в ИСЖ2 меньше, но также значимы (5,3 и 5,7). В поколении 1970–1979 гг. на первое место вышли социально-классовые различия: уровень стандартизованности жизненных событий существенно сократился у рабочих и работников сельского хозяйства и в меньшей степени в других группах. В самом молодом поколении основные различия связаны с образованием (между людьми с высшим уровнем образования и без него) и гендером.

Таблица 4 (Table 4)

Социально-демографические факторы и ИСЖ – результаты регрессионного анализа
Socio-demographic factors and ILC – results of regression analysis

Факторы	ВСЕГО		1980–1989		1970–1979		1960–1969		1950–1959		1949 и раньше	
	Beta	Sig.	Beta	Sig.	Beta	Sig.	Beta	Sig.	Beta	Sig.	Beta	Sig.
ИСЖ1												
Поколения	0,25 ***	0,000										
Образование	0,04	0,057	0,22 ***	0,000	0,13 **	0,008	-0,11 *	0,038	-0,07	0,196	0,01	0,910
Пол	-0,02	0,344	-0,16 **	0,001	0,09	0,061	0,07	0,173	-0,06	0,243	-0,07	0,303
Социальный класс	-0,06 **	0,009	-0,07	0,113	-0,11 *	0,020	-0,51	0,312	-0,02	0,684	0,01	0,912
R2	0,061		0,073		0,04		0,018		0,011		0,005	
Константа	5,12		5,08		4,73		6,54		7,35		7,43	
Стандартная ошибка оценки	0,21		0,37		0,38		0,47		0,46		0,53	
ИСЖ2												
Поколения	0,24 **	0,000										
Образование	-0,04	0,189			0,11 *	0,021	-0,15 **	0,002	-0,11 *	0,037	-0,039	0,555
Пол	0,06 *	0,035			0,09	0,067	0,13 **	0,009	-0,03	0,556	-0,027	0,677
Социальный класс	-0,06 *	0,014			-0,15 **	0,003	-0,03	0,568	-0,04	0,486	0,02	0,791
R2	0,075				0,044		0,039		0,016		0,002	
Константа	3,77				3,65		5,64		6,55		6,44	
Стандартная ошибка оценки	0,29				0,36		0,48		0,47		0,56	

Проведенный анализ показал, что гипотеза о постепенной дестандартизации базовой жизненно-событийной матрицы находит подтверждение при сравнении разных поколений россиян. По событиям периода ранней взрослости изменения происходят последовательно в каждом новом поколении и общее снижение уровня стандартизованности очень существенно. По событиям зрелых и поздних этапов уровень стандартизации был изначально ниже, изменения проходят также в направлении дестандартизации, но менее равномерно по поколениям.

Трансформационные процессы в календаре жизни российских поколений – скорость, направления, содержание

Данное исследование показало, что календарь жизни россиян всех ныне живущих поколений, включенных в исследование, довольно сильно структурирован – почти все события, включенные в анализ, происходят у большинства респондентов в определенной последовательности на довольно ограниченном возрастном отрезке. Хронологическая структурированность особенно велика для событий ранней взрослости. События поздней стадии жизни показывают более значительное хронологическое разнообразие и разброс, а также сценарную вариативность.

Особенностью календаря жизни в России является высокая концентрация всех базовых событий в первой фазе взрослой жизни на узком интервале времени. Переход от подростковой и юношеской стадии к взрослости можно назвать стремительным – подавляющее большинство россиян проходит все этапы получения профессионального образования, выходит на рынок труда и начинает свой трудовой путь, осуществляет поиск партнера и создает семьи между 18 и 24 годами. Россия вступила в стадию второго демографического перехода позднее, чем многие другие европейские страны, в результате почти все взрослые поколения россиян прошли основные этапы взросления до начала перехода, серьезные изменения стали происходить только в поколениях, взрослевших в новых социально-экономических условиях. Изменения связаны с увеличением среднего возраста наступления почти всех базовых жизненных событий, расширением границ возрастных жизненных этапов (такие события служат важными маркерами такого перехода) – удлинением «пути взросления», «перехода от зрелости к старости», а также диверсификацией жизненных сценариев.

Сравнение жизненно-событийной матрицы разных поколений россиян показало тренд на дестандартизацию жизненных путей. Для поколений, жизненный путь которых проходил в основном в советский период в условиях индустриального развития и политики стимулирования равенства и сглаживания межгрупповых различий в образе и условиях жизни, характерен довольно высокий уровень сходства базовой жизненно-событийной матрицы – стандартизованности жизненного пути. Поколения, рожденные в 1970-х годах и позже, живут в период экономических и политических трансформаций российского общества, глобальных демографических изменений и перехода к постиндустриальному обществу, что отражается на диверсификации условий жизни, увеличении различий в индивидуальном жизненном выборе, ослаблении групповой нормативности. Тренд на дестандартизацию затронул в первую очередь людей с более высоким уровнем образования, а затем приобрел более широкий социально-классовый характер. Гендерные различия в отношении уровне стандартизованности в старших поколениях невелики, но стали сильнее проявляться в молодом поколении 1980-х – процесс дестандартизации жизненных путей затронул женщин в большей степени, чем мужчин.

Несмотря на то, что многие изменения в жизненно-событийной сфере происходили последовательно во всех поколениях россиян, особенно заметными они стали в поколении родившихся в 1970–1979 гг. Именно в этом поколении количественные изменения приобрели качественный характер, стандартизованность жизненных путей уменьшилась, что имело как позитивные, так и негативные последствия – снижение предсказуемости, стабильности и безопасности. В самом молодом поколении в анализе – 1980–1989 гг. большинство процессов еще ускорилось, но изменения происходят в уже более устоявшейся и понятной макросреде, что позволило новому поколению легче адаптироваться к изменяющимся требованиям и условиям. Происходящие изменения в жизненно-событийной матрице поколений связаны как с макродемографическими процессами, так и с конкретно-политическими, экономическими и социальными. Неизбежным следствием различий в особенностях жизненного пути и жизненного опыта поколений является высокая конфликтность и межпоколенные противоречия.

Зафиксировав общий тренд на дестандартизацию жизненных путей, пока трудно определить какой именно вид она примет – межгрупповой фрагментации или полной индивидуализации. В сфере образования и начала трудовой деятельности вероятен рост фрагментации по траекториям образования, при этом стандартизованность событий внутри одной траектории может сокращаться, а между траекториями – увеличиваться. На последующих стадиях жизни профессиональные траектории преобразуются в довольно сложную структуру, где можно говорить об индивидуализации, хотя пока такое утверждение является лишь гипотезой. Тенденцией последних десятилетий является более частая смена мест работы, чем раньше, географическая трудовая мобильность, а также усложнение путей выхода с рынка труда. Начиная с 1990-х гг. сталкиваются два разнонаправленных процесса – ускоренный уход из трудовой деятельности части населения из-за структурных изменений в экономике и удлинение этого этапа для другой части из-за индивидуальной экономической необходимости, либо высокой востребованности отдельных групп специалистов, которых нечем заменить.

Новые тенденции по дестандартизации жизненных путей россиян могут иметь самые разные социальные и индивидуальные последствия, которые только предстоит определить и осмыслить. С одной стороны, увеличение разнообразия жизненных путей может привести к росту социального напряжения, увеличению неравенств, а также к усилению вечного конфликта «отцов и детей». С другой стороны, открываются новые возможности для развития – новых вариантов и сценариев, преодоления старых ошибок и проблем, движения к более многообразному обществу. Более глубокий анализ возможных последствий происходящих изменений требует специальных исследований и более детальных эмпирических данных, что открывает широкую исследовательскую перспективу в этом научном направлении.

Библиографический список

1. Андрееенкова А. В. Исследования жизненного пути – концептуальные и методологические подходы и решения // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 1. С. 6–24. DOI: 10.19181/snsr.2024.12.1.1; EDN: ADRPHA.
2. Захаров С. В. Ценностно-нормативные «расписания» человеческой жизни: представления жителей разных стран о том, когда девушка становится взрослой // Россия в Европе / Науч. ред. А. В. Андрееенкова, Л. А. Беляева. Москва: Academia, 2009. С. 347–380. EDN: DFTWPH.
3. Митрофанова Е. С. Модели взросления разных поколений россиян // Демографическое обозрение. 2019. № 6(4). С. 53–82. DOI: 10.17323/demreview.v6i4.10427; EDN: GSPPFS.
4. Носкова А. В. Меняющиеся семейные отношения — гендер и поколения // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 158–160. EDN: YGAMXJ.
5. Российское социальное исследование, сопоставимое с ESS: официальный сайт проекта. Москва, 2024. URL: <http://russiansocialsurvey.ru/> (дата обращения: 15.08.2024).
6. Родионова Л. А., Копнова Е. Д. Гендерные и региональные различия в ожидаемой продолжительности жизни в России // Вопросы статистики. 2020. № 27(1). С. 106–120. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-1-106-120; EDN: JSPKMQ.
7. Синявская О. В., Червякова А. А. Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. №5(171). С. 94–121. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2043; EDN: GNFMLV.
8. Alwin D. F. Life Course, life cycle, life history, life span and life stage // Encyclopedia of Sciences and Religions. Dordrecht: Springer, 2013. P. 1167. DOI: 10.1007/978-1-4020-8265-8_201175.
9. Beck U. Risk society, towards a new modernity. Thousand Oaks, CA: Sage, 1992. 260 p.
10. Billari F. C., Liefbroer A. C. Towards a new pattern of transition to adulthood? // Advances in Life Course Research. 2010. No. 15(2-3). P. 59–75. DOI: 10.1016/j.alcr.2010.10.003.
11. Blossfeld H.-P., Hofmeister H. Globalization, uncertainty and women's careers: an international comparison. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2006. 475 p.
12. Bras H., Liefbroer A., Elzinga C. H. Standardization of pathways to adulthood? An analysis of Dutch cohorts born between 1850 and 1900 // Demography. 2010. No. 47(4). P. 1013–1034. DOI: 10.1007/BF03213737.
13. Furstenberg Jr. F. F. On a new schedule: Transitions to adulthood and family change // The future of children. 2010. No. 20(1). P. 67–87. DOI: 10.1353/foc.0.0038.

14. Kohli M., Meyer J.W. Social structure and social construction of life stages // *Human Development*. 1986. No. 29. P. 145–149. DOI: 10.1159/000273038.

15. Kogan I., Noelke C., Gebel M. (eds) *Making the Transition: Education and Labor Market Entry in Central and Eastern Europe*. Stanford University Press, 2011. 432 p. DOI: 10.2307/j.ctvqsdktc.

16. Lesnard L., Cousteaux A-S. et al. Do Transitions to Adulthood Converge in Europe? An Optimal Matching Analysis of Work – Family Trajectories of Men and Women from 20 European Countries // *European Sociological Review*. 2016. Vol. 32. No. 3. P. 355–369. DOI: jcw003.10.1093/esr/jcw003.

17. Macmillan R., Copher R. Families in the life course: Interdependency of roles, role configurations, and pathways // *Journal of Marriage and Family*. 2005. No. 67(4). P. 858–879. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2005.00180.x.

18. Settersten R. A., Furstenberg F. F., Rumbaut R. G. *On the Frontier of Adulthood: Theory, Research, and Public Policy*. University of Chicago Press, 2006. 504 p.

19. Spéder Z., Murinkó L., Settersten R. A. Are Conceptions of Adulthood Universal and Unisex? Ages and Social Markers in 25 European Countries // *Social Forces*. 2014. No. 92(3). P. 873–898. DOI: 10.1093/sf/sot100.

Получено редакцией: 03.11.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреенкова Анна Владимировна, доктор социологических наук, заместитель директора

Медведева Анна Александровна, ведущий научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.11

Dynamics of the Event Structure of the Life Course in Russia¹

Anna V. Andreenkova

Institute for comparative social research (CESSI), Moscow, Russia

Anna.andreenkova@cessi.ru

ORCID: 0000-0002-6776-7703

Anna A. Medvedeva

Institute for comparative social research (CESSI), Moscow, Russia

Anna.medvedeva@cessi.ru

ORCID: 0009-0004-3675-5904

For citation: Andreenkova A. V., Medvedeva A. A. Dynamics of the event structure of the life course in Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 189–209. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.11; EDN: KQHANM.

¹ **Acknowledgements.** The article was prepared with the support of the RSF grant 23-18-00635 “Life path, values, and expectations of the generation growing up in the 1990s – a longitudinal study after 30 years”.

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of the life-event structure of generations of Russians based on empirical data from the Russian Social Survey (RSS) wave 9, comparable with ESS. The analysis showed that the life calendar of currently living generations of Russians is quite strongly structured – events occur in certain and rather narrow time intervals and in a certain sequence. A feature of the life calendar in Russia is a high concentration of all the basic events of the first phase of adult life in a narrow time interval, a short period of entry into adulthood. Events of the late stage of life show greater chronological diversity and scenario variability. Significant differences in the life-event matrix of generations in Russia were found, including an increase in the average age of onset of almost all basic life events, an expansion of the boundaries of age-related life stages, an extension of the path of growing up and the transition from maturity to old age, as well as diversification of life scenarios in the professional and family-marital spheres. When comparing the indices of standardisation of the main events between generations, a trend towards destandardisation of life paths was revealed: in older generations, the level of similarity is significantly higher than among younger generations. The main changes occurred in the generation of 1970–1979 and accelerated in the next generation of 1980–1989. Macro-demographic factors, as well as changes in socio-economic and historical conditions, the transition to a post-industrial society might be named among possible reasons. The trend towards destandardisation of life paths in older generations primarily affected people with a higher level of education, while in younger generations it acquired a broader social and class character; gender differences began to appear in the generation of the 1980s. The authors suggest that the increase in destandardisation of life paths may have multidirectional social and individual consequences. On the one hand, new opportunities for development, building a life path taking into account individual characteristics, talents and desires, greater flexibility of life trajectories, a decrease in normativity and social pressure. On the other hand, this may lead to increased uncertainty, social tension, increased inequalities, and a deepening conflict between “fathers and children,” which will increase social risks in the foreseeable future.

Keywords: life course, structuring of life time, life events matrix, timing of life, generations, destandardization of life course

References

1. Andreenkova A. V. Life course studies – conceptual and methodological approaches and solution. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 2024: 12(1): 6–24 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2024.12.1.1; EDN: ADRPHA.
2. Zakharov S. V. Cennostno-normativnye «raspisaniya» chelovecheskoj zhizni: predstavleniya zhitelej raznyh stran o tom, kogda devushka stanovitsya vzrosloj [Value-normative timing of human life: perceptions of residents of different countries about how girl become adult]. *Rossiya v Evrope* [In Russia in Europe]. Ed. by A. V. Andreenkova, L. A. Belyaeva. Moscow, Academia, 2009: 13–46 (in Russ.).
3. Mitrofanova E. S. Models of transition to adulthood of different Russian generations. *Demograficheskoe obozrenie*, 2019: 64(4): 53–82 (in Russ.). DOI: 10.17323/demreview.v6i4.10427; EDN: GSPPFS.
4. Noskova A. V. Changing family relations – gender and generations. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 2: 158–160 (in Russ.). EDN: YGAMXJ.
5. RSS Russian Social Survey comparable with ESS: official website of the project. Moscow, 2024. Accessed 15.08.2024. URL: <http://russiansocialsurvey.ru/> (in Russ.).
6. Rodionova L. A., Kopnova E. D. Gender and Regional Differences in the Life Expectancy in Russia. *Voprosy statistiki*, 2020: 27(1): 106–120 (in Russ.). DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-1-106-120; EDN: JSPKMQ.
7. Sinyavskaya O. V., Chervyakova A. A. Active Aging in Russia during Economic Stagnation: What Can We Learn from the Dynamics of the Active Ageing Index? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2022: 5: 94–121 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2043; EDN: GNFMLV.
8. Alwin D. F. Life Course, life cycle, life history, life span and life stage. In *Encyclopedia of Sciences and Religions*. Dordrecht, Springer, 2013: 1167. DOI: 10.1007/978-1-4020-8265-8_201175.
9. Beck U. *Risk Society, Towards a New Modernity*. Thousand Oaks, CA, Sage, 1992: 260.
10. Billari F. C., Liefbroer A. C. Towards a new pattern of transition to adulthood? *Advances in Life Course Research*, 2010: 15(2-3): 59–75. DOI: 10.1016/j.alcr.2010.10.003.
11. Blossfeld H. P., Hofmeister H. *Globalization, uncertainty and women's careers: an international comparison*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2006: 475.

12. Bras H., Liefbroer A., Elzinga C. H. Standardization of pathways to adulthood? An analysis of Dutch cohorts born between 1850 and 1900. *Demography*, 2010: 47(4): 1013–1034. DOI: 10.1007/BF03213737.
13. Furstenberg Jr. F. F. On a new schedule: Transitions to adulthood and family change. *The future of children*, 2010: 20(1): 67–87. DOI: 10.1353/foc.0.0038.
14. Kohli M., Meyer J. W. Social structure and social construction of life stages. *Human Development*, 1986: 29: 145–149. DOI: 10.1159/000273038.
15. Kogan I., Noelke C., Gebel M. (eds). *Making the Transition: Education and Labor Market Entry in Central and Eastern Europe*. Stanford University Press, 2011. DOI: 10.2307/j.ctvqsdktc.
16. Lesnard L., Cousteaux A-S. et al. Do Transitions to Adulthood Converge in Europe? An Optimal Matching Analysis of Work– Family Trajectories of Men and Women from 20 European Countries. *European Sociological Review*, 2016: 32: 3: 355–369. DOI: jcw003.10.1093/esr/jcw003.
17. Macmillan R., Copher R. Families in the life course: Interdependency of roles, role configurations, and pathways. *Journal of Marriage and Family*, 2005: 67(4): 858–879. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2005.00180.x.
18. Settersten R. A., Furstenberg F. F., Rumbaut R. G. *On the Frontier of Adulthood: Theory, Research, and Public Policy*. University of Chicago Press, 2006: 504.
19. Spéder Z., Murinkó L., Settersten R. A. Are Conceptions of Adulthood Universal and Unisex? Ages and Social Markers in 25 European Countries. *Social Forces*, 2014: 92(3): 873–98. DOI: 10.1093/sf/sot100.

The was submitted on: November 3, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Andreenkova, Doctor of Sociological Sciences, Vice director

Anna A. Medvedeva, senior researcher

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ РОССИЯН

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.12
EDN: ZORQIH

Высокопоставленные чиновники полномочных представительств Президента РФ в федеральных округах: каналы рекрутирования и карьера

Ссылка для цитирования: Тев Д. Б. Высокопоставленные чиновники полномочных представительств Президента РФ в федеральных округах: каналы рекрутирования и карьера // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 3. С. 210–232. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.12; EDN: ZORQIH.

For citation: Tev D. B. High-ranking officials of the plenipotentiary representative offices of the President of the Russian Federation in the federal districts: recruitment channels and careers. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 210–232. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.12; EDN: ZORQIH.

Тев Денис Борисович¹

¹Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

denis_tev@mail.ru

SPIN-код: 6278-5841

Аннотация. Статья посвящена анализу основных каналов рекрутирования высокопоставленных чиновников полномочных представительств Президента РФ в федеральных округах. Эмпирической основой исследования служит биографическая база данных, которая включает сведения о 154 президентских бюрократах по состоянию на апрель 2023 г. Рекрутирование выходцев из различных социально-профессиональных групп в аппарат полпредств обнаруживает ряд тенденций, обусловленных взаимодействующими друг с другом толкающими (особенности позиции претендента и сопряженных с ней ресурсов и интересов) и вытягивающими (место в системе власти и функциональная специализация полпредств, специфика руководящих должностей в них, как элементы структуры возможностей, а также личные связи) факторами. Одной из важнейших тенденций является милитаризация: большинство чиновников полпредств имеют опыт работы в силовых структурах и даже провели в них основную часть своей предшествующей карьеры. Рекрутирование силовиков, являющихся, в плане карьеры, «идеально-типическими» федеральными чиновниками и профессионально социализированными в рамках жестких, централизованных иерархий, вероятно, укрепляет автономию полпредств от внешних по отношению к федеральной власти акторов и интересов, включая региональные администрации, которые эти органы призваны контролировать. В логику автономизации вписывается и тот факт, что одним из основных поставщиков (особенно непосредственных) ключевых чиновников полпредств является администрация Президента, прежде всего, аппарат самих предста-

вительств. Тем не менее, весомое меньшинство президентских чиновников имеет опыт работы в региональных администрациях (особенно среди заместителей и помощников полпредов), а также в бизнесе, как государственном, так и частном (особенно среди полпредов и их заместителей). Впрочем, позиции в этих структурах редко выступают прямым трамплином к ключевой должности в полпредствах. Наконец, роль законодательных органов, как канала рекрутирования президентских чиновников, незначительна. В целом, выводы автора согласуются с результатами предыдущих исследований, что свидетельствует об относительной устойчивости тенденций рекрутирования.

Ключевые слова: администрация Президента, аппарат полномочного представителя Президента, карьера, рекрутирование, силовые структуры, региональная администрация, бизнес

Введение

Полномочные представители Президента в федеральных округах имели предшественников в виде полпредов Президента в регионах (субъектах) РФ, которые существовали с 1991 г. Однако в условиях децентрализации и регионализации 1990-х гг. эти чиновники обычно не обладали ресурсами и властью, достаточными для противостояния могущественным губернаторам, и нередко фактически контролировались ими, действуя скорее, как представители региональных властей в федеральном центре [2, с. 92; 5, с. 32; 16, р. 32–33].

В результате реформы 2000 г., направленной на централизацию власти с целью повышения эффективности государственного управления и одновременно предотвращения политических вызовов главе государства «снизу», РФ была разделена на семь федеральных округов (в дальнейшем их число менялось и ныне составляет восемь), в каждом из которых был назначен полномочный представитель Президента. Полпред призван обеспечивать реализацию конституционных полномочий главы государства в пределах округа, и является членом Совета безопасности РФ. Среди прописанных в указе Президента¹ задач и функций полпредов, можно выделить, во-первых, посредничество во взаимодействии федеральных органов исполнительной власти с органами власти субъектов РФ, включая урегулирование разногласий между ними. Во-вторых, контроль за исполнением решений федеральной власти в округе, включая приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным. В-третьих, координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти в округе, а также согласование кандидатур для назначения на должности федеральной государственной службы в округе. В-четвертых, мониторинг ситуации в сфере национальной безопасности, а также сбор информации

¹ Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. Информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/12119586/> (дата обращения: 18.04.2023).

о политическом, социальном и экономическом положении в округе и предоставление докладов Президенту. В-пятых, разработку совместно с межрегиональными ассоциациями экономического взаимодействия субъектов РФ программ социально-экономического развития территорий. В-шестых, участие в реализации наградной политики в округе. Деятельность полпреда непосредственно обеспечивает его аппарат, являющийся самостоятельным подразделением администрации Президента (АП) РФ. Он включает ряд должностей, прежде всего, таких как заместители и помощники полпреда, начальники департаментов, образованных по отраслевому признаку (внутренняя политика, социально-экономическая политика, кадровые вопросы, контроль, взаимодействие с органами власти субъектов РФ и органами МСУ) и главные федеральные инспекторы (ГФИ).

В целом, полпреды Президента в федеральных округах гораздо влиятельнее полпредов в регионах, существовавших при Б. Н. Ельцине, причем их власть вытекает не только из формальных полномочий, но во многом неформальна, имея своим источником непосредственный доступ к главе государства [5, с. 34, 445]. При этом роль полпредов варьируется в зависимости от их личных отношений с Президентом и степени активности¹. В начале 2000-х гг. полпредства внесли существенный вклад в приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным (и, вообще, обуздание регионального сепаратизма), а также в выведение федеральных (особенно ряда силовых) ведомств из-под контроля губернаторов и улучшение их взаимодействия [2, с. 94]. В то же время отмечалось, что, в целом, ресурсы, выделяемые полпредам, неадекватны тем широким задачам по мониторингу региональных администраций и координации федеральных ведомств на окружном уровне, которые они призваны решать [5, с. 40, 423, 435]. В частности, их аппарат довольно немногочислен, а экономические рычаги весьма ограничены (прежде всего, они не имеют прямого контроля над госбюджетом). В этой связи надо отметить, что были попытки наделить полпредов исполнительной властью, объединив их посты с должностями членов правительства, но ныне только один полпред занимает правительственный пост. При этом в 2021 г. за вице-преьерами было закреплено кураторство над федеральными округами, что еще более ослабило роль полпредов в социально-экономической сфере. В общем, в плане административных и, особенно, экономических ресурсов, полпреды во многом уступают губернаторам, которых призваны контролировать (к тому же, главы регионов, если они избраны населением, черпают легитимность из народной поддержки) [10, р. 943–945]. Что касается их влияния на функционирование федеральных силовых ведомств в округе, то оно неравномерно, будучи более заметным в отношении МВД и прокуратуры, тогда как ФСБ скорее сама контролирует полпредства [5, с. 39, 422–425].

¹ Туровский Р. Представители президента в федеральных округах: ждать ли перемен? // ПОЛИТКОМ.РУ. 25.12.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://politcom.ru/22882.html> (дата обращения: 17.03.2023).

Начиная с середины 2000-х гг., особенно после того, как задачи обеспечения лояльности и подконтрольности губернаторов федеральному центру, в целом, были выполнены, постоянно ведутся споры и высказываются сомнения по поводу не только эффективности, но и необходимости института полпредов. Полпредства называли «административной аномалией, неуклюже встроенной в существующие институты» [5, с. 26] и пятым колесом в телеге госуправления¹. Во многом они дублируют функции других органов, в частности, федеральных министерств и политического блока АП. Утверждалось, что должности полпредов со временем превратились в синекуры для отставных федеральных чиновников². Некоторые видные политики и эксперты заявляли, что институт полпредов себя изжил и должен быть упразднен, тогда как другие призывали к его глубокому реформированию, которое пока не было осуществлено³.

Актуальность исследования и обзор литературы

Изучение каналов рекрутирования и карьеры чиновников полпредств значимо по ряду причин. Во-первых, их социально-профессиональные характеристики могут отражать структуру власти, лежащую в основе элитного рекрутирования, особенности взаимоотношений различных властных институтов: Президента и его администрации, включая полпредства, с силовыми ведомствами, региональными администрациями, бизнесом, представительными органами и пр. В этом смысле, знание карьерных характеристик чиновников позволяет лучше понять характер этих отношений. В частности, анализ каналов рекрутирования руководства полпредств важен для выяснения степени их автономии от губернаторов, различных коммерческих структур и пр. Вообще, можно предположить (и это будет показано ниже), что «укрепление вертикали власти», создание и поддержание централизованной административной иерархии требует рекрутирования в полпредства, призванные выполнять эти задачи, чиновников определенного социально-профессионального типа. В этом смысле,

¹ Маркедонов С. Пятое колесо путинского государства // Газета.Ru. 28.05.2008 [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2008/05/28_x_2737333.shtml (дата обращения: 17.03.2023).

² Колесников А. Конец института полпредов // Forbes.ru. 07.09.2011. URL: <https://www.forbes.ru/ekonomika-column/vlast/73169-konets-instituta-polpredov> (дата обращения: 09.06.2023).

³ См., напр.: Миронов: институт полпредов могут упразднить // Коммерсантъ. 04.10.2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1002007> (дата обращения: 09.06.2023); Мусаханов И. Семь раз урежь // Версия. 08.12.2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://versia.ru/chem-zajmutsya-polpredy-prezidenta-posle-sokrashheniya-ix-polnomochij> (дата обращения: 09.06.2023); Нужны ли регионам президентские полпреды? – Мнения парламентариев // Regions.ru. 26.12.2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://regions.ru/news/2387850/> (дата обращения: 09.06.2023); Афанасьев С. «Полпреды — рудимент прошлого времени, но...»: пандемия повернула на 90 градусов вертикаль власти в России // Реальное время. 18.05.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/174778-pochemu-institut-polpredov-stal-mestom-dlya-otstavok> (дата обращения: 09.06.2023).

каналы рекрутирования и карьерные траектории чиновников полпредств могут рассматриваться как форма проявления и способ закрепления процесса централизации власти.

Во-вторых, профессиональный опыт и карьерные траектории чиновников полпредств могут влиять на их интересы и аттитюды и, как следствие, на политическое поведение. В зарубежной литературе показано значительное влияние работы в силовых структурах и бизнесе на поведение государственных деятелей [11; 13; 14; 17]. Предшествующий профессиональный опыт во многом определяет и специфику тех компетенций, которыми обладают чиновники, и, в связи с этим, также может влиять на характер и качество их работы. В общем, знание социально-профессионального происхождения чиновников важно для объяснения и прогнозирования их политической и управленческой деятельности.

Российскими и зарубежными авторами проведен ряд исследований социально-профессиональных характеристик чиновников полпредств. Изучались каналы рекрутирования руководства аппарата полпредств и ГФИ в 2000–2003 гг. [5], полпредов в 2000–2014 гг. [3] и ГФИ в 2000–2012 гг. [8, р. 82–84]. Они показали, что высокую долю среди них составляют выходцы из силовых структур: так, в 2000-е гг. их доля среди ГФИ превышала половину [8, р. 83, см. также: 15]. Также выявлена ведущая и усиливающаяся роль аппарата полпредств как канала рекрутирования их чиновников: в 2012 г. более 40% ГФИ были выходцами из АП [8, р. 83; см. также: 5, с. 115–116]. Заметными, хотя и гораздо менее значимыми, поставщиками руководящих кадров полпредств были бизнес и региональные администрации, при этом роль представительных органов была незначительной.

Несмотря на значимость уже полученных результатов, каналы и факторы рекрутирования руководства полпредств изучены недостаточно. Во-первых, описанные исследования проводились довольно давно, и нужно понять, наблюдаются ли выявленные ими тенденции в настоящее время, т. е. стабильны ли паттерны рекрутирования и карьеры чиновников, или, напротив, существенно изменились. Во-вторых, объектом этих исследований в основном была какая-то одна из категорий должностных лиц полпредств (полпреды, ГФИ), но важно проанализировать по единой методике все категории их ключевых чиновников, чтобы сравнить их карьерные тенденции. В-третьих, необходим развернутый и систематический анализ не только тенденций, но и факторов рекрутирования руководства полпредств, многие из которых в большинстве публикаций затрагиваются скорее вскользь. В частности, назначение в аппарат полпредств выходцев из тех или иных социально-профессиональных категорий необходимо рассмотреть в тесной связи с местом в системе власти и функциональной специализацией этих органов, призванных обеспечивать поддержание «властной вертикали».

Теоретическая основа исследования

В качестве теоретической рамки исследования использовалась (впервые применительно к российским чиновникам вообще и руководству полпредств в частности) модель элитного рекрутирования Б. Харасимива [12]. Он выделяет две группы факторов рекрутирования в состав элиты: толкающие – действующие «снизу», со стороны претендента на нее, и вытягивающие – действующие «сверху», со стороны производящих отбор персон и инстанций. Среди первых профессиональная роль, социальный статус, мотивация и пр., а вторых – покровительство (связи), структура политических возможностей, предпочтения селектората¹ и пр. Использование этой модели целесообразно потому, что позволяет проанализировать, как та или иная социально-профессиональная позиция и сопряженные с ней ресурсы, компетенции, интересы и амбиции, влияют на возможности продвижения ее обладателя на ключевые должности в полпредствах.

Особое значение в качестве фактора рекрутирования имеет «структура политических возможностей». Она представляет собой институциональную и политическую среду, в рамках которой индивид планирует свою карьеру. Согласно Й. Борхерту, с точки зрения амбициозного претендента, институциональная структура возможностей может выражаться в наличии определенных должностей, их доступности (относительной легкости, с которой их можно получить) и привлекательности (власти, престижа, дохода, возможностей карьерного роста и других благ, которые они предоставляют) [7, р. 121–123]. Сложные взаимодействия между этими параметрами, заданными структурой возможностей – основа индивидуальных расчетов, взвешивающих относительные издержки и выгоды достижения определенных должностей [7, р. 123]. В случае полпредств к характеристикам структуры возможностей могут относиться, например, функциональная специализация этих органов, их место в системе власти, а также специфика (в плане властных возможностей, зарплаты и пр.) руководящих должностей в них.

Эмпирическая база исследования

Эмпирической основой исследования служит биографическая база данных высокопоставленных чиновников полпредств Президента РФ в восьми федеральных округах (Дальневосточном, Приволжском, Северо-Западном, Северо-Кавказском, Сибирском, Уральском, Центральном и Южном) по состоянию на апрель 2023 г. К ним были отнесены полпреды, их заместители и помощники, и главные федеральные инспекторы (см. табл. 1 и 2). Все они принадлежат к высшей группе должностей государственной гражданской службы в АП в соответствующих категориях: «руководители», «помощники (советники)» и «специалисты»².

¹ Т. е. круга лиц осуществляющих отбор претендентов на элитные позиции.

² Указ Президента РФ от 31.12.2005 N 1574 (ред. от 17.04.2023) «О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57545/ (дата обращения: 09.05.2023).

Таблица 1 (Table 1)

**Количественные характеристики генеральной и исследуемой совокупностей
в разрезе должностей, чел.**

Quantitative characteristics of the general and studied populations by positions, in people

Категории руководителей	Генеральная совокупность	Исследуемая совокупность
Полпреды	8	8
Заместители полпредов	39	39
Помощники полпредов	30	30
ГФИ	81*	77
Руководители полпредств в целом	158	154

Примечание. В четырех регионах эта должность на момент исследования была вакантной.

Таблица 2 (Table 2)

**Количественные характеристики генеральной и исследуемой совокупностей
в разрезе федеральных округов, чел.**

*Quantitative characteristics of the general and studied populations
by federal districts, in people*

Округ	Генеральная совокупность	Исследуемая совокупность
ДФО	17	15
ПФО	25	25
СЗФО	24	24
СКФО	20	20
СФО	18	18
УФО	12	12
ЦФО	27	27
ЮФО	15	13

Кроме них, важную роль в полпредствах играют начальники департаментов, также относящиеся к высшей группе должностей (в категории «специалисты»), но в силу крайне фрагментарной информации о них (относительно полные сведения удалось найти примерно о трети – 23 чел.), они не включались в общую базу данных (но информация по ним будет представлена отдельно).

На каждую из включенных в базу персон автором была заполнена биографическая анкета, содержащая сведения о дате и месте рождения, профиле и месте получения образования, карьерном пути; эти данные затем были статистически обработаны. Источниками информации выступали сайты органов власти, коммерческих и иных организаций, отчеты компаний, материалы СМИ, биографические интернет-порталы. Как видно из табл. 1, собрать информацию удалось о 154 из 158, или более чем 97% чиновников.

Силловые структуры как канал рекрутирования чиновников полпредств

Милитаризация – одна из важнейших тенденций рекрутирования и карьеры руководства полпредств: две трети их ключевых чиновников работали в силовых структурах (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Работа чиновников в силовых ведомствах до вхождения в нынешнюю должность, в %
Work of officials in law enforcement agencies before taking their current position, in %

Категории руководителей	Опыт работы	Предшествующая позиция	Предпредшествующая позиция	Не менее половины предшествующей карьеры
Полпреды	62,5* (n = 8)	37,5 (n = 8)	50 (n = 8)	50 (n = 8)
Заместители	87 (n = 39)	18 (n = 39)	23 (n = 39)	44 (n = 39)
Помощники	50 (n = 30)	13 (n = 30)	17 (n = 30)	40 (n = 30)
ГФИ	77 (n = 77)	24 (n = 76)	36 (n = 74)	74 (n = 74)
Руководители полпредств в целом	66 (n = 154)	21 (n = 153)	30 (n = 151)	58 (n = 151)

Примечание. * В этой и последующих таблицах нижняя цифра в скобках (n) означает объем исследуемой совокупности, а верхняя – долю от нее.

Эти силовые ведомства разнообразны, но чаще встречается опыт службы в ФСБ и армии/ВМФ (примерно по 20%), МВД (18%) и прокуратуре (каждый шестой-седьмой). Силовой опыт не просто широко распространен, он доминирует в предшествующей карьере большинства чиновников: примерно у трех из пяти составляет не менее половины карьеры. Кроме того, как видно из таблицы 3, посты в силовых структурах нередко служили прямым трамплином к должностям в полпредствах.

Силовой опыт широко распространен среди всех категорий руководителей полпредств, причем больше всего силовиков среди заместителей полпредов и ГФИ (среди последних она выше, чем показало предыдущее исследование [8, р. 83]), а меньше всего – среди помощников (среди начальников департаментов таких около 60%). Причем если полпреды чаще других чиновников занимали в силовых структурах предшествующую позицию, то персон, прошедших не менее половины карьеры в силовых ведомствах, больше всего среди ГФИ и меньше всего среди помощников (которые вообще наименее укоренены в силовой среде) и заместителей полпредов (среди начальников департаментов – 55%).

Хотя силовой опыт часто встречается у чиновников всех полпредств, доля силовиков варьируется от 50% в УФО до 85% в ЮФО. Эти полпредства также, соответственно, аутсайдер и лидер по роли силового опыта в карьере: лишь каждый второй уральский чиновник провел в этих ведомствах не менее половины карьеры, но в ЮФО таких три четверти.

В рекрутировании силовиков в полпредства важны как толкающие, так и вытягивающие факторы, взаимодействующие друг с другом. Прежде всего, следует отметить, что силовики, во-первых, могут быть востребованы в полпредствах, обеспечивающих контроль федерального центра над региональной властью, как в некотором смысле «идеально-типические» федеральные бюрократы. В самом деле, чаще всего вся или почти вся их карьера, предшествующая переходу в АП, проходила в федеральных силовых ведомствах, в которых они постепенно продвигались вверх по служебной лестнице. Чаще всего у них, в отличие от многих чиновников «гражданской» федеральной администрации, отсутствуют или слабо выражены карьерные аффилиации с иными властными институтами (региональной администрацией, бизнесом и пр.), которые способствовали бы наличию соответствующих интересов, лояльностей, идентификаций, связей (хотя возможны связи через родственников и пр.). Поэтому их рекрутирование в полпредства укрепляет автономию этих органов от интересов и влияний, внешних по отношению к федеральной администрации.

Во-вторых, силовики могут быть предпочтительными кандидатами на должности в полпредствах, отвечающие за контроль центра над регионами и поддержание властной вертикали, как персоны, которые в силу профессиональной социализации в рамках жестких централизованных иерархий в повышенной степени обладают такими качествами как лояльность, дисциплинированность, исполнительность, привычка беспрекословно выполнять приказы начальства.

В-третьих, силовики могут быть востребованы и как персоны, обладающие специфическими компетенциями, ценными для чиновников полпредств в силу специализации этих органов. Прежде всего, это знание вопросов безопасности и правоохранительной деятельности, а также специфики работы силовых структур. В деятельности полпредств эти вопросы, включая координацию силовых ведомств, занимают особенно важное место. Поэтому отчасти объяснимо, что лидерами по присутствию карьерных силовиков являются полпредства тех округов, в которых проблемы обеспечения безопасности носят наиболее острый характер: ЮФО и СКФО, где, соответственно, 75 и 70% чиновников провели в силовых структурах не менее половины предшествующей карьеры. Также в полпредствах может быть востребована осведомленность силовиков о специфике соответствующих регионов, которой они могут обладать, особенно если занимали руководящие посты в региональных управлениях силовых ведомств (впрочем, для получения информации они могут использовать и неформальные связи в силовых структурах). Надо сказать, что многие ГФИ курировали те же регионы, в которых ранее работали в силовых ведомствах. Наконец, в полпредствах, призванных контролировать соответствие регионального законодательства федеральному, могут быть востребованы юридическое образование, которое имеют многие силовики, и, особенно, опыт работы в таких контрольных органах, как прокуратура.

В-четвертых, тесное взаимодействие аппарата полпредств с руководством силовых структур в данном округе, обусловленное их функциональной специализацией, способствует складыванию знакомств и связей между соответствующими чиновниками, которые облегчают обмен кадрами, «вытягивая» силовиков на руководящие посты в полпредствах.

В-пятых, важно, что силовики в России – весьма влиятельная категория бюрократов, в принципе, способная воздействовать и на принятие кадровых решений. Они могут быть способны продвигать себя и своих коллег в руководство властных органов, включая полпредства Президента. Ключевые посты в них могут быть интересны силовикам в ряде отношений. Так, по мнению Ф. Буркхадта и А. Либмана, они привлекательны в плане возможностей для извлечения ренты и контроля над этим процессом [9]. Они показывают, что назначение силовиков на посты ГФИ подчиняется скорее логике самостоятельного выбора наиболее выгодных в рентном отношении должностей, чем логике контроля федерального центра над регионами. Кроме того, надо отметить, что должности в полпредствах могут быть востребованы, как синекура или вторая карьера силовиками, которые нередко уходят на пенсию по выслуге лет еще в сравнительно молодом возрасте (чаще всего они покидали силовые структуры в 40–50 лет). В любом случае, для руководства этих ведомств продвижение подчиненных на видные посты в полпредствах может служить формой их вознаграждения за лояльность во время службы. Кроме того, поскольку чиновники полпредств координируют, прежде всего, работу силовых ведомств, руководство последних может быть заинтересовано в наличии своих людей в их аппарате ради обеспечения дружественной политики.

Наконец, следует отметить роль личных связей (а они, вообще, важны в среде российской бюрократии [1]) в притоке силовиков в полпредства. Знакомства и доверительные отношения с полпредами, сформировавшиеся во время совместной с ними работы в силовых структурах, могут выступать вытягивающим фактором рекрутирования. Так, полпред в СЗФО А. В. Гуцан ранее был помощником заместителя генпрокурора РФ по особым поручениям (по месту дислокации управления генпрокуратуры в СЗФО), а также в должности заместителя генпрокурора курировал работу прокуратуры в этом округе. При этом из окружного управления прокуратуры также вышли его заместитель О. В. Логунов и помощник М. М. Матвиенко. Впрочем, выходцы из силовых структур могут быть склонны назначать своих коллег на подчиненные им должности в силу не только личных связей, но и вообще склонности больше доверять «себе подобным» (представителям своей профессиональной корпорации), особенно сильно верить в их лояльность и компетентность. Всем этим можно отчасти объяснить то, что лидерами по милитаризации являются полпредства в ЮФО, СКФО, СЗФО и СФО, которые возглавляют карьерные силовики, в двух из них (в ЮФО и СКФО) также больше всего персон, в чьей карьере силовой опыт доминирует.

Гражданская федеральная администрация как канал рекрутирования чиновников полпредств

Одним из основных каналов рекрутирования чиновников полпредств служат «гражданские» (не силовые) федеральные административные органы. Примерно две трети имели опыт работы в них и более 60% вышли прямо оттуда. Причем главную роль среди них играет АП и, прежде всего, как видно из таблицы 4, аппарат самих полпредств.

Таблица 4 (Table 4)

Работа чиновников в АП до вхождения в нынешнюю должность, в %
 Work of officials in the Presidential Administration before taking their current position, in %

Показатели	Категории руководителей				
	Полпреды	Заместители	Помощники	ГФИ	Руководители полпредств в целом
Наличие опыта работы	37,5 (n = 8)	69 (n = 39)	57 (n = 30)	62 (n = 77)	60 (n = 154)
В т.ч.					
В том же полпредстве	0	38	40	58	47
В другом полпредстве	0	21	17	4	10
В ЦА АП	37,5	21	7	3	10
Предшествующая позиция	37,5 (n = 8)	56 (n = 39)	56 (n = 30)	57 (n = 76)	56 (n = 153)
В т.ч.					
В том же полпредстве	0	38	43	53	45
В другом полпредстве	0	8	10	3	5
В ЦА АП	37,5	10	3	1	6
Предпредшествующая позиция	0 (n = 8)	33 (n = 39)	30 (n = 30)	32 (n = 74)	30 (n = 151)
В т.ч.					
В том же полпредстве	0	15	13	28	21
В другом полпредстве	0	5	13	3	5
В ЦА АП	0	10	4	1	4

До занятия нынешней должности опыт работы в АП уже имели 60% чиновников, причем больше половины занимали в ней предшествующую, а почти треть – предпредшествующую позицию. Особенно много персон с опытом работы в АП в ЦФО – 81%, тогда как в УФО его имел лишь каждый третий. Почти половина чиновников имеют опыт работы в тех же полпредствах, в которых работают ныне (причем обычно прямо перед занятием нынешней должности), но примерно каждый десятый работал и в других полпредствах. Словом, внутреннее рекрутирование и профессионализация в самом узком смысле – одна из наиболее выраженных тенденций (особенно в ДВФО, ЦФО и ЮФО). В разрезе должностей она наиболее характерна для ГФИ (и еще больше для начальников департаментов), тогда как заместители реже имеют такой опыт, а у полпредов он вообще отсутствует (т. е. лица, занимающие наиболее высокие должности, чаще рекрутируются вне тех органов, которыми руководят).

В целом, ключевая роль самих полпредств как канала рекрутирования (особенно непосредственного) их руководства понятна, учитывая специфику компетенций их чиновников (опыт работы в данном органе и соответствующие знания и навыки, как толкающий фактор), а также их связи с вышестоящими деятелями полпредств, влияющими на кадровую политику (как вытягивающий фактор). Вероятно, особенно важны эти компетенции для чиновников, играющих в большей степени техническую роль – ГФИ и начальников департаментов.

Одним из внешних по отношению к полпредствам поставщиков чиновников служит центральный аппарат (ЦА) АП. Как видно из таблицы 4, опыт работы в нем имеет каждый десятый, но у полпредов и, в меньшей степени, их заместителей он распространен гораздо шире. Сравнительно частое рекрутирование верхушки полпредств из ЦА можно отчасти рассматривать как форму проявления и способ упрочения контроля руководства АП над ее территориальными органами. Кроме того, для полпредов в качестве вытягивающего фактора рекрутирования, важны личные связи и доверительные отношения с главой государства, формированию которых способствует работа в ЦА АП. В разрезе округов роль ЦА как поставщика кадров наиболее выражена в ЦФО, что не удивительно: его штаб-квартира также находится в Москве, а сам полпред имеет значительный опыт работы в ЦА.

Кроме АП, чиновники полпредств (примерно каждый шестой) имеют опыт работы и в других несиловых федеральных исполнительных органах, но прямой доступ оттуда к ключевым постам ограничен: только 5% работали в них непосредственно перед занятием текущей должности. Среди них выделяются бывшее Министерство регионального развития (специфика его деятельности близка к функциям полпредств), а также Министерство связи и массовых коммуникаций и Министерство строительства и ЖКХ, в которых работали полпреды. Это указывает на значимость личных связей, сформировавшихся во время совместной работы в прошлом, как вытягивающего фактора рекрутирования.

В целом, рекрутирование ключевых чиновников полпредств из федеральной администрации и, прежде всего, самой АП вписывается в логику автономизации [см.: 8, р. 482–484; 6, с. 40] этих органов президентского аппарата, призванных контролировать администрации субъектов РФ, от региональных и вообще, внешних по отношению к центральной власти интересов и влияний.

Опыт работы чиновников полпредств в региональных администрациях

Как видно из табл. 5, присутствие в полпредствах выходцев из администраций субъектов РФ существенно.

Таблица 5 (Table 5)

**Работа чиновников в региональных администрациях (РА)
и местных администрациях (МА) до вхождения в нынешнюю должность, в %**
*Work of officials in regional administrations (RA)
and local administrations (LA) before taking their current position, in %*

Категории руководителей	Опыт работы		Предшествующая позиция		Предпредшествующая позиция		Не менее половины предшествующей карьеры	
	РА	МА	РА	МА	РА	МА	РА	МА
Полпреды	25 (n = 8)	25 (n = 8)	0 (n = 8)	0 (n = 8)	12,5 (n = 8)	0 (n = 8)	12,5 (n = 8)	0 (n = 8)
Заместители	31 (n = 39)	10 (n = 39)	5 (n = 39)	0 (n = 39)	13 (n = 39)	3 (n = 39)	3 (n = 39)	3 (n = 39)
Помощники	33 (n = 30)	7 (n = 30)	17 (n = 30)	0 (n = 30)	23 (n = 30)	3 (n = 30)	17 (n = 30)	0 (n = 30)
ГФИ	21 (n = 77)	8 (n = 77)	8 (n = 76)	0 (n = 76)	11 (n = 74)	1 (n = 74)	0 (n = 74)	1 (n = 74)
Руководители полпредств в целом	26 (n = 154)	9 (n = 154)	8 (n = 153)	0 (n = 153)	14 (n = 151)	1 (n = 151)	5 (n = 151)	1 (n = 151)

Более четверти чиновников (чаще заместители и помощники) имеют постсоветский опыт работы в исполнительной власти субъектов РФ (среди начальников департаментов таких 43%) и почти каждый десятый в муниципальных администрациях. При этом посты в региональных администрациях редко служили прямым трамплином к нынешней должности, что наиболее характерно для помощников полпредов и в еще большей степени – для начальников департаментов, которые вообще сильнее других укоренены в исполнительной власти регионов. Лидер по присутствию региональных администраторов – полпредство в УФО (42%). Чаще всего чиновники полпредств работали в администрациях регионов, входящих в округ, в котором ныне работают, но те чиновники, которые занимали в региональных органах исполнительной власти предшествующую или предпредшествующую должность, напротив, работали в основном в субъектах РФ, не принадлежащих к данному округу.

Какие факторы влияют на рекрутирование региональных чиновников в полпредства? Касаясь структуры возможностей, следует повторить, что полпредства призваны контролировать губернаторов и их администрации. Это, очевидно, предполагает определенную автономию от региональных интересов. В силу такой функциональной специализации и ради поддержания автономии их чиновники рекрутируются в основном из федеральных органов власти, а доступ (особенно прямой) к ключевым должностям выходцев из региональных властных групп ограничен.

Однако ряд толкающих и вытягивающих факторов могут способствовать притоку региональных чиновников в полпредства. Во-первых, они обладают компетенциями (знание специфики регионов, понимание механизма функционирования их администраций и, вообще, региональ-

ной политико-административной сферы), которые могут быть полезны и востребованы в полпредствах, призванных контролировать губернаторов и повседневно взаимодействовать с ними. Контролирующий орган должен знать и понимать объект контроля. Во-вторых, хотя АП стремится обеспечить автономию полпредств от региональных влияний, не исключена ситуация, когда губернаторам удается продвигать в них своих людей с тем, чтобы обеспечить более дружественную политику со стороны этих органов, повысить восприимчивость их к региональным интересам. В-третьих, ключевые должности в полпредствах могут быть привлекательны для региональных чиновников, поскольку хорошо оплачиваются, хотя возможности коррупционного обогащения их обладателей, вероятно, ограничены тем фактом, что представительства относительно слабо вовлечены в решение экономических вопросов и повседневное взаимодействие с бизнесом. В-четвертых, тесное функциональное взаимодействие чиновников полпредств с региональными чиновниками при осуществлении полномочий может способствовать складыванию знакомств и связей, облегчающих движение кадров, вытягивающих на руководящие посты. Наконец, может быть значима и роль личных связей, сложившихся в ходе совместной работы в прошлом, как вытягивающего фактора рекрутирования региональных чиновников на должности в полпредствах. Среди полпредов есть те, кто имеет опыт работы в администрациях регионов. Это полпреды в ДВФО Ю. П. Трутнев и, особенно, в УФО В. В. Якушев, которые возглавляли, соответственно, Пермскую и Тюменскую области. Некоторые чиновники их аппарата – также выходцы из администраций этих регионов. Так, заместитель полпреда в УФО Т. Ю. Костарева ранее была помощницей вице-губернатора, а затем и руководителем аппарата и заместителем губернатора Тюменской области (позже она работала с будущим полпредом в Минстрое РФ)¹. Вообще, примечательно, что именно полпредство в УФО, возглавляемое чиновником, в чьей карьере региональный исполнительный опыт доминирует, включает больше всего выходцев из региональных администраций.

Опыт работы чиновников полпредств в органах представительной власти

В 1990-е гг. среди представителей Президента в субъектах РФ была велика доля выходцев из федеральной легислатуры: 44% из тех, кто занимал такие посты в 1991–1997 гг., имели опыт работы в ВС РСФСР или ФС РФ [8, р. 484]. Значимость парламента как поставщика этих чиновников во многом была связана с тем, что Президент Ельцин ранее был председателем Верховного Совета, и многие ключевые деятели АП также имели опыт членства в нем, включая ее руководителя (в 1993–1996 гг.) С. А. Филатова.

¹ Все факты, касающиеся биографий конкретных чиновников, взяты из открытых источников: сайты органов власти, материалы СМИ, биографические интернет-порталы.

Но как видно из таблицы 6, в нынешних полпредствах мало персон, заседавших в органах представительной власти, наличие опыта работы в них – скорее исключение.

Таблица 6 (Table 6)

Членство чиновников в представительных органах до вхождения в нынешнюю должность (с 1990 г.), в %
Membership of officials in representative bodies before taking their current position (since 1990), in %

Категории руководителей	Опыт членства	Предшествующая позиция	Предпредшествующая позиция	Не менее половины предшествующей карьеры
Полпреды	12,5 (n = 8)	0 (n = 8)	0 (n = 8)	0 (n = 8)
Заместители	8 (n = 39)	5 (n = 39)	3 (n = 39)	0 (n = 39)
Помощники	3 (n = 30)	0 (n = 30)	0 (n = 30)	0 (n = 30)
ГФИ	5 (n = 77)	1 (n = 76)	0 (n = 74)	0 (n = 74)
Руководители полпредств в целом	6 (n = 154)	2 (n = 153)	1 (n = 151)	0 (n = 151)

Всего 6% чиновников состояли в этих органах после 1990 г., причем 2% в Госдуме. Только в нескольких случаях они пришли прямо оттуда на нынешнюю должность. При этом парламентский опыт наиболее распространен у верхушки полпредств: полпредов (правда, всего у 1 из 8) и их заместителей (у начальников департаментов его нет). Распространенность такого опыта варьирует от полного отсутствия в УФО и ЮФО до 13% в ДВФО.

Вообще, исследования федеральной административной элиты (членов правительства, руководства центрального аппарата АП [4, с. 164–167; 18, р. 147]) показывают снижение значения парламента, как канала рекрутирования высших управленцев при В. В. Путине. Отчасти это связано с ослаблением самостоятельной роли легислатуры в политической системе. К тому же, в отличие от Б. Н. Ельцина, нынешний Президент не имел опыта работы в представительных органах и соответствующих связей, которые могли бы служить вытягивающим фактором рекрутирования. Впрочем, влияние ослабления парламента на рекрутирование депутатов в бюрократические органы (включая АП) неоднозначно: оно может усиливать привлекательность административной сферы, где сосредоточена реальная власть, и мотивацию к переходу в нее.

Слабое присутствие выходцев из представительной власти в полпредствах может быть связано также с ограниченностью востребованности компетенций депутатов в этих органах, деятельность большинства чиновников которых носит непубличный характер. Впрочем, на должностях, ответственных за внутреннюю политику, они могут быть ценны. Такой пост в полпредстве занимает один из бывших депутатов ГД. Также опыт

работы в представительных органах может быть несколько сильнее востребован на высших должностях (полпреды и их заместители), которые являются более публичными и политическими, чем на более «технических» позициях ГФИ.

Наконец, надо отметить, что чиновники с депутатским опытом, имеют и другой профессиональный опыт, который, вероятно, чаще всего был более важным фактором их продвижения на нынешнюю должность. Некоторые работали в силовых структурах, включая ФСБ (как, например, заместитель полпреда в СФО и бывший депутат ГД О. И. Денисенко). Заместитель полпреда в ДВФО, вышедший из ГД (Г. В. Куранов), ранее работал вместе с действующим полпредом в бизнесе и региональной администрации.

Выходцы из бизнеса в полпредствах

В условиях, когда при назначениях в полпредства приоритет отдается карьерным силовикам и чиновникам АП, доступ выходцев из бизнеса в эти органы весьма ограничен. Тем не менее, они, как видно из таблицы 7, представлены.

Таблица 7 (Table 7)

Работа чиновников в коммерческой сфере до вхождения в нынешнюю должность
(после 1991 г.), в %

*Work of officials in the commercial sphere before taking their current position
(after 1991), in %*

Категории руководителей	Опыт работы	Предшествующая позиция	Предпредшествующая позиция	Не менее половины предшествующей карьеры
Полпреды	50 (n = 8)	0 (n = 8)	0 (n = 8)	12,5 (n = 8)
Заместители	38 (n = 39)	0 (n = 39)	5 (n = 39)	8 (n = 39)
Помощники	33 (n = 30)	0 (n = 30)	0 (n = 30)	13 (n = 30)
ГФИ	26 (n = 77)	5 (n = 76)	9 (n = 74)	4 (n = 74)
Руководители полпредств в целом	31 (n = 154)	3 (n = 153)	6 (n = 151)	7 (n = 151)

Почти треть чиновников имеют опыт работы в коммерческих организациях в постсоветское время, причем многие из них (18%) занимали ключевые посты. Впрочем, опыт в бизнесе доминирует в карьере немногих чиновников. Также прямой доступ из бизнеса к ключевым должностям в полпредствах редок. В разрезе округов опыт работы в бизнесе варьируется от 8% в ЮФО до 39% в СФО, при этом больше всего чиновников, в чьей карьере он доминирует, в ПФО (20%). Кроме того, опыт работы в бизнесе шире представлен среди персон, занимающих выс-

шие должности – полпредов и их заместителей и реже встречается у ГФИ (и начальников департаментов), но именно ГФИ чаще рекрутируются прямо из коммерческой сферы.

Среди компаний, в которых работали чиновники, широко представлены, как частные, так и государственные. При этом порядка 6% чиновников ранее работали в структурах, входивших в это время в рейтинг крупнейших компаний России журнала «Эксперт» (чаще всего на неключевых постах). Так, заместитель полпреда в СЗФО Л. П. Совершаева прежде была советником председателя совета директоров АКБ «Россия» и возглавляла советы директоров холдинга «Национальная медиа группа» и ИК «Аброс» (владелец – миллиардер Ю. В. Ковальчук).

Как и в случае с другими группами, рекрутирование выходцев из бизнеса в полпредства обусловлено как толкающими (особенности социально-профессиональной позиции бизнесменов/менеджеров и связанных с ней интересов и ресурсов), так и вытягивающими (функциональная специализация полпредств и особенности руководящих должностей в них, как часть структуры возможностей, а также личные связи) факторами. Прежде всего, следует повторить, что полпредства в отличие, например, от региональных администраций, не занимаются повседневным решением проблем бизнеса, рутинным регулированием экономики. Они не обладают полномочиями непосредственно распределять бюджетные средства, управлять госсобственностью, устанавливать налоги, выдавать лицензии и пр. [5, с. 38–39]. Причем, как уже отмечалось, их функции в социально-экономической сфере были еще более урезаны в 2021 г., когда кураторство округов было закреплено за вице-преьерами. Ограниченность экономических функций и влияния полпредств, которую можно рассматривать как характеристику структуры возможностей, во-первых, ослабляет заинтересованность выходцев из бизнеса в занятии должностей в них. Во-вторых, снижает востребованность компетенций бизнесменов в этих органах. В-третьих, способствует меньшей интенсивности функционального взаимодействия бизнеса и руководства полпредств, которое, формируя знакомства и связи между чиновниками и менеджерами, может облегчать обмен кадрами.

Впрочем, экономическую роль полпредств не стоит игнорировать. Занимая высокие посты, полпреды обладают определенным влиянием на принятие экономических решений. Хотя полпреды не имеют прямого контроля над денежными потоками, они имеют право организовывать проверку хода реализации федеральных программ, использования федерального имущества и средств федерального бюджета в федеральном округе. Им также доверена разработка программ социально-экономического развития территорий округа (которые, впрочем, нередко остаются на бумаге), и в их аппарате есть заместители и помощники, а также департаменты, ответственные за социально-экономическую политику. Но нельзя сказать, что выходцы из бизнеса встречаются на этих постах чаще, чем среди прочих чиновников. При полпредствах также функционируют совещательные органы (например, советы при инвестиционных уполномоченных в округах), участие бизнеса в которых может способствовать складыванию зна-

комств между чиновниками и менеджерами, облегчающих обмен кадрами. Важно, что полпреды и их подчиненные могут лоббировать интересы коммерческих структур, обеспечивать бизнесу политическое прикрытие, минимизировать политические риски для инвесторов, используя прямой доступ к властным персонам (включая Президента РФ) [5, р. 34, 139]. Так что наличие своих людей в полпредствах все же, в некоторой степени, может быть выгодно бизнесу, особенно в условиях, когда политические связи имеют большое, иногда решающее значение для накопления капитала¹.

Однако интересы и мотивы выходцев из бизнеса к занятию должностей в полпредствах, как толкающий фактор рекрутирования не следует сводить к потребностям накопления капитала и процветания компаний, могут иметь значение и их личные карьерные амбиции. Высокие должности в полпредствах дают существенную власть и хорошо вознаграждаются, что также может мотивировать лиц, работающих в бизнесе, особенно небольшом, или потерпевших неудачу в коммерции, к переходу в эти органы.

Наконец, фактором, вытягивающим сотрудников компаний на посты в полпредствах, могут выступать личные связи, сформировавшиеся во время совместной работы в бизнесе. В этом смысле важно, что трое из восьми полпредов имеют значительный опыт в коммерческой сфере (В. В. Якушев в УФО, Ю. П. Трутнев в ДВФО, И. А. Комаров в ПФО), что может способствовать притоку выходцев из бизнеса в их аппарат. Некоторые их заместители и помощники действительно были заняты в тех же компаниях. Так, заместитель полпреда в ДВФО Г. В. Куранов в 1990-е гг. работал в компании «ЭКС Лимитед», создателем и директором которой был Ю. П. Трутнев. Помощник Д. В. Пшенников работал под руководством И. А. Комарова в компаниях «Норильский никель», «Автоваз» и пр. Примечательно, что больше всего персон, в карьере которых опыт в бизнесе доминирует, среди чиновников полпредства в ПФО, чей руководитель провел основную часть карьеры в коммерции.

Заключение

Рекрутирование представителей различных социально-профессиональных групп в аппарат полпредств обнаруживает ряд тенденций, обусловленных взаимодействующими толкающими и вытягивающими факторами.

Важнейшей тенденцией является милитаризация кадров: большинство чиновников (чаще всего ГФИ) имеют опыт работы в силовых структурах и даже провели в них основную часть предшествующей карьеры. Рекрутирование силовиков, являющихся в некотором смысле «идеально-типическими» федеральными чиновниками и профессионально социализированными в рамках жестких, централизованных иерархий, вероятно, укрепляет автономию полпредств от внешних по отношению к федераль-

¹ Волкова О. Ученые назвали политические связи главным источником богатства в России // РБК. 11.03.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56> bedc71a (дата обращения: 17.09.2016).

ной власти акторов, включая региональные администрации, которые эти органы призваны контролировать. Также вследствие функциональной специализации полпредств силовики могут быть востребованы в них благодаря ряду компетенций (знание вопросов безопасности и правоохранительной деятельности, нормативно-правовой базы, специфики конкретных регионов). Кроме того, будучи влиятельной категорией бюрократов, силовики могут быть способны воздействовать на кадровую политику в полпредствах с целью продвижения себя и своих коллег на ключевые посты, которые привлекательны для них в ряде отношений, включая возможности извлечения ренты. В целом, доминирование силовиков может способствовать авторитарным тенденциям в политике полпредств.

Другой основной канал рекрутирования чиновников полпредств – АП, прежде всего, аппарат самих полпредств. Ключевая роль чиновничества полпредств как поставщика (особенно непосредственного) их руководства понятна, учитывая специфику его компетенций и связей с вышестоящими деятелями полпредств, влияющими на кадровую политику. Вероятно, особенно важны эти компетенции для чиновников, играющих в большей степени «техническую» роль – ГФИ и начальников департаментов, которые чаще рекрутируются таким образом. В целом, внутреннее рекрутирование вписывается в логику автономизации полпредств, призванных контролировать администрации субъектов РФ, от региональных и вообще, внешних по отношению к АП влияний.

Словом, две важнейшие выявленные тенденции – милитаризацию и внутреннее рекрутирование – можно рассматривать как форму проявления и способ обеспечения централизации власти, процесса консолидации и поддержания централизованной административной иерархии.

Хотя чиновники полпредств в основном приходят из федеральных органов, заметное меньшинство работало в региональных администрациях. Но должности в них редко служат трамплином к ключевым позициям в полпредствах. Региональные чиновники обладают компетенциями, которые могут быть востребованы в полпредствах, призванных контролировать губернаторов и повседневно взаимодействовать с ними. Кроме того, не исключена ситуация, когда влиятельным губернаторам удастся продвигать чиновников администраций в полпредства с тем, чтобы, например, повысить восприимчивость этих органов к региональным интересам.

Весомое меньшинство чиновников (чаще полпреды и их заместители) имеют опыт работы в бизнесе, включая крупные фирмы. Но должность в коммерции редко служила трамплином к ключевому посту в этих органах. Ограниченность экономических функций полпредств ослабляет заинтересованность выходцев из бизнеса в занятии должностей в них, снижает востребованность их компетенций в этих органах, а также способствует меньшей интенсивности взаимодействия бизнеса и руководства полпредств, облегчающего обмен кадрами. В то же время полпреды обладают определенным влиянием на принятие экономических решений и могут лоббировать интересы бизнес-структур, используя прямой доступ к властным персонам. Поэтому колонизация аппарата полпредств все же может быть выгодна бизнесу.

В отличие от существовавших в 1990-е гг. представителей Президента в регионах, среди нынешних чиновников полпредств опыт работы в законодательных органах встречается только в виде исключения. Снижение значимости парламента как поставщика чиновников, которое показывают исследования и других сегментов административной элиты, вероятно, связано с ослаблением роли федеральной легислатуры (как и региональных заксобраний). К тому же, в отличие от первого Президента РФ, нынешний глава государства не имеет опыта работы в легислатуре и соответствующих связей, которые могли бы служить вытягивающим фактором рекрутирования.

Кроме того, следует отметить заметную роль личных связей, сформировавшихся благодаря предшествующей совместной работе с будущими полпредами, как вытягивающего фактора рекрутирования выходцев из рассматриваемых властных институтов на ключевые посты в полпредствах (что может говорить о выраженности неопатримониального способа отбора чиновников).

Наконец, важно подчеркнуть, что, как показывает сравнение с результатами прежних исследований, описанные тенденции рекрутирования являются устойчивыми, воспроизводясь с 2000-х гг., несмотря на то, что с тех пор контекст деятельности полпредств изменился, и необходимость в их контрольных функциях ослабла.

Библиографический список

1. Гимпельсон В. Е., Магун В. С. На службе государства российского: перспективы и ограничения карьеры молодых чиновников // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 5(73). С. 19–36. EDN: HTLRNR.
2. Лебедев В. А. Становление и развитие института полномочного представителя президента Российской Федерации в федеральном округе // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 6. С. 88–96. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.46.6.088-096; EDN: XVBPXF.
3. Меженина О. В., Полуэктова Н. Н. Полномочные представители президента в федеральных округах РФ: социально-профессиональные аспекты (2000–2014 гг.) // Известия Алтайского госун-та. 2014. № 4–2(84). С. 289–294. DOI: 10.14258/izvasu(2014)4.2-43; EDN: RKCGQJ.
4. Тев Д. Б. Высокопоставленные чиновники Администрации Президента РФ: каналы рекрутирования и карьера // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 3. С. 153–187. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.3.7; EDN: LOLGQW.
5. Федеральная реформа 2000–2003. Т. 1. Федеральные округа / Под ред. Н. Петрова. Сер. «Библиотека местного самоуправления». Вып. 48(1). М.: МОНФ, 2003. 512 с.
6. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / Пер. с англ. В. Р. Рокитянского. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 579 с. EDN: QODDDF.

7. Borchert J. Individual Ambition and Institutional Opportunity: A Conceptual Approach to Political Careers in Multi-level Systems // *Regional & Federal Studies*. 2011. Vol. 21(2). P. 117–140. DOI: 10.1080/13597566.2011.529757.
8. Burkhardt F. Institutionalising authoritarian presidencies: Polymorphous power and Russia's Presidential Administration // *Europe-Asia Studies*. 2021. Vol. 73(3). P. 472–504. DOI: 10.1080/09668136.2020.1749566.
9. Burkhardt F., Libman A. The Tail Wagging the Dog? Top-down and Bottom-up Explanations for Bureaucratic Appointments in Authoritarian Regimes // *Russian Politics*. 2018. Vol. 3(3). P. 239–59. DOI: 10.1163/2451-8921-00302005
10. Chebankova E. A. The Limitations of Central Authority in the Regions and the Implications for the Evolution of Russia's Federal System // *Europe-Asia Studies*. 2005. Vol. 57(7). P. 933–949. DOI: 10.1080/09668130500301329.
11. Dreher A., Lamla M. J. et al. The Impact of Political Leaders' Profession and Education on Reforms // *Journal of Comparative Economics*. 2009. Vol. 37(1). P. 169–193. DOI: 10.1016/j.jce.2008.08.005.
12. Harasymiw B. Mosca and Moscow: Elite Recruitment in the Soviet Union // Czudnowski M. M. (ed.) *Does Who Governs Matter? Elite Circulation in Contemporary Societies*. Chicago: North Illinois University Press, 1981. P. 265–292.
13. Horowitz M., Stam A. Does Where You Stand Depend On If You Served? How Military Backgrounds Influence the Behavior of Leaders. Paper written for presentation at the American Political Science Association Annual Meeting. 2010. 35 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/228160133_Does_Where_You_Stand_Depend_On_If_You_Served_How_Military_Backgrounds_Influence_The_Behavior_Of_Leaders (дата обращения: 09.09.2022).
14. Jochimsen B., Thomasius S. The perfect finance minister: whom to appoint as finance minister to balance the budget // *European Journal of Political Economy*. 2014. Vol. 34(C). P. 390–408. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2013.11.002.
15. Petrov N. Siloviki in Russian Regions: New Dogs, Old Tricks // *The Journal of Power Institution in Post-Soviet Societies*. 2005. Vol. 2. URL: <https://journals.openedition.org/pipss/331> (дата обращения: 17.06.2023). DOI: 10.4000/pipss.331.
16. Ross C. Putin's federal reforms and the consolidation of federalism in Russia: one step forward, two steps back! // *Communist and Post-Communist Studies*. 2003. Vol. 36(1). P. 29–47. DOI: 10.1016/S0967-067X(02)00057-0.
17. Scharfenkamp K. It's About Connections – How the Economic Network of the German Federal Government Affects the Top Earners' Average Income Tax Rate // *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*. 2016. Vol. 236(4). P. 427–453.

18. Semenova E. Russia: cabinet formation and careers in a super-presidential system // Dowding K., Dumont P. (eds) *The Selection of Ministers around the World*. L.; N. Y.: Routledge, 2015. P. 139–155. DOI: 10.4324/9781315757865.

Получено редакцией: 15.11.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тев Денис Борисович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Сектора социологии власти и гражданского общества

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.12

High-Ranking Officials of the Plenipotentiary Representative Offices of the President of the Russian Federation in the Federal Districts: Recruitment Channels and Careers

Denis B. Tev

Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia

denis_tev@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5442-7585

For citation: Tev D. B. High-ranking officials of the plenipotentiary representative offices of the President of the Russian Federation in the federal districts: recruitment channels and careers. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 210–232. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.12; EDN: ZORQIH.

Abstract. The article covers the analysis of the main recruitment channels for high-ranking officials of the plenipotentiary representative offices of the President of the Russian Federation in the federal districts. As the empirical basis of the study serves the biographical database, that includes information on 154 presidential bureaucrats as of April 2023. Recruitment of people from various socio-professional groups to the apparatus of the plenipotentiary representative offices reveals a number of trends caused by interacting push (specific features of the candidate's position and associated resources and interests) and pull (place in the power system and functional specialisation of the plenipotentiary representative offices, specifics of leadership positions in them, as elements of the opportunity structure, as well as personal connections) factors. One of the most important trends is militarisation: most officials of the plenipotentiary representative offices have work experience in law enforcement agencies and even spent there most of their previous careers. Recruiting security officials who are, in terms of career, "ideal-typical" federal officials and professionally socialised within the framework of rigid, centralised hierarchies probably strengthens the autonomy of the plenipotentiary representations from actors and interests external to federal power, including regional administrations, that these bodies are called upon to control. The logic of autonomisation is also in line with the fact that one of the main suppliers (especially direct) of key officials of the plenipotentiary representations is the Presidential Administration, first of all, the apparatus of the representations themselves. However, a significant minority of presidential officials have experience working in regional administrations (especially among deputies and assistants to plenipotentiaries), as well as in business, both public and private (especially among plenipotentiaries and their deputies). At the same time positions in these structures rarely serve as a direct springboard to a key position in the plenipotentiary representations. Finally, the role of legislative bodies as a channel for recruiting presidential officials is insignificant. In general, the author's findings are consistent with the results of previous studies, indicating the relative stability of recruitment trends.

Keywords: Presidential Administration, presidential plenipotentiary representative's office, career, recruitment, defense and law enforcement agencies, regional administration, business

References

1. Gimpel'son V. E., Magun V. S. Na sluzhbe gosudarstva rossijskogo: perspektivy i ogranichenija kar'ery molodyh chinovnikov [In the service of the Russian state: prospects and limitations of the career of young officials]. *Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2004: 5(73), 19–36 (in Russ.). EDN: HTLRNR.

2. Lebedev V. A. The Establishment and Evolvement of the Institution of the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in Federal District. *Vestnik Un-ta im. O. E. Kutafina (MGJuA)*, 2018: 6: 88–96 (in Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2018.46.6.088-096; EDN: XVBPXF.
3. Mezhenina O. V., Polujektova N. N. Presidential Plenipotentiary Envoy to the Federal Districts: Social and Occupational Considerations (2000–2014). *Izvestija Altajskogo gosun – ta*, 2014: 4-2(84): 289–294 (in Russ.). DOI: 10.14258/izvasu(2014)4.2-43; EDN: RKCGQJ.
4. Tev D. B. Senior Officials of the Presidential Administration of Russia: Recruitment Channels and Career. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 2020: 23(3): 153–187 (in Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2020.23.3.7; EDN: LOLGQW.
5. Federal'naja reforma 2000–2003. T. 1. Federal'nye okruga. Serija “Biblioteka mestnogo samoupravlenija” [Federal reform 2000–2003. Vol. 1. Federal districts. Series “Library of Local Government”]. Ed. by N. Petrov. Moscow, MONF, 2003: 48(1): 512 (in Russ.).
6. Huntington S. Political order in changing societies. Transl. from Eng. by V. R. Rokityansky. Moscow, Progress-Tradition, 2004: 579 (in Russ.).
7. Borchert J. Individual ambition and institutional opportunity: a conceptual approach to political careers in multi-level systems. *Regional & Federal Studies*, 2011: 21(2): 117–140. DOI: 10.1080/13597566.2011.529757.
8. Burkhardt F. Institutionalising authoritarian presidencies: Polymorphous power and Russia's Presidential Administration. *Europe-Asia Studies*, 2021: 73(3): 472–504. DOI: 10.1080/09668136.2020.1749566.
9. Burkhardt F., Libman A. The tail wagging the dog? Top-down and bottom-up explanations for bureaucratic appointments in authoritarian regimes. *Russian Politics*, 2018: 3(3): 239–259. DOI: 10.1163/2451-8921-00302005.
10. Chebankova E. A. The limitations of central authority in the regions and the implications for the evolution of Russia's federal system. *Europe-Asia Studies*, 2005: 57(7): 933–949. DOI: 10.1080/09668130500301329.
11. Dreher A., Lamla M. J., Lein S. M., Somogyi F. The impact of political leaders' profession and education on reforms. *Journal of Comparative Economics*, 2009: 37(1): 169–193. DOI: 10.1016/j.jce.2008.08.005.
12. Harasymiw B. Mosca and Moscow: Elite recruitment in the Soviet Union. In Does who governs matter? Elite circulation in contemporary societies. Ed. by M. M. Czudnowski. Chicago, North Illinois University Press, 1981: 265–292.
13. Horowitz M., Stam A. Does where you stand depend on if you served? how military backgrounds influence the behavior of leaders. Paper written for presentation at the American Political Science Association Annual Meeting. 2010: 35. Accessed 09.09.2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/228160133_Does_Where_You_Stand_Depend_On_If_You_Served_How_Military_Backgrounds_Influence_The_Behavior_Of_Leaders.
14. Jochimsen B., Thomasius S. The perfect finance minister: whom to appoint as finance minister to balance the budget. *European Journal of Political Economy*, 2014: 34(C): 390–408. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2013.11.002.
15. Petrov N. Siloviki in Russian regions: new dogs, old tricks. *The Journal of Power Institution in Post-Soviet Societies*, 2005: 2. Accessed 17.06.2023. URL <https://journals.openedition.org/pipss/331>. DOI: 10.4000/pipss.331.
16. Ross C. Putin's federal reforms and the consolidation of federalism in Russia: one step forward, two steps back! *Communist and Post-Communist Studies*, 2003: 36(1): 29–47. DOI: 10.1016/S0967-067X(02)00057-0.
17. Scharfenkamp K. It's about connections – how the economic network of the German federal government affects the top earners' average income tax rate. *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 2016: 236(4): 427–453.
18. Semenova E. Russia: cabinet formation and careers in a super-presidential system. In *The Selection of Ministers around the World*. Ed. by K. Dowding, P. Dumont. London; New York, Routledge, 2015: 139–155. DOI: 10.4324/9781315757865.

The article was submitted on: November 15, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis B. Tev, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of sociology of power and civil society

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.13

EDN: XRUZSC

Современный дискурс о неокOLONIALИЗМЕ: аналитический обзор исследований¹

Ссылка для цитирования: Вершинина И. А., Лядова А. В., Мартыненко Т. С., Григорьева Е.А. Современный дискурс о неокOLONIALИЗМЕ: аналитический обзор исследований // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 3. С. 233–256. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.13; EDN: XRUZSC.

For citation: Vershinina I. A., Liadova A. V., Martynenko T. S., Grigoreva E. A. Contemporary discourse on neocolonialism: an analytical review of research. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 233–256. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.13; EDN: XRUZSC.

SPIN-код: 6635-4045

Вершинина Инна Альфредовна¹

¹МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

urbansociology@yandex.ru

SPIN-код: 6576-4499

Лядова Анна Васильевна¹

¹МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

annaslm@mail.ru

SPIN-код: 1879-1340

Мартыненко Татьяна Сергеевна¹

¹МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

ts.martynenko@gmail.com

SPIN-код: 8692-0489

Григорьева Екатерина Александровна^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;

²МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

yreewda@gmail.com

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 24-28-00258.

Аннотация. Статья посвящена обзору современных исследований неокOLONIALИЗМА. В работе рассматривается история возникновения термина «неокOLONIALИЗМ», а также основные особенности неокOLONIALИЗМА XXI в., среди которых: трансформация характера, форм и методов колониального влияния, изменения его масштаба. Обозначены основные причины интереса к проблематике неокOLONIALИЗМАЛЬНЫХ исследований, включая общую смену исследовательской оптики, появление новых форм колониальной зависимости и др. Указаны предпосылки появления исследований неокOLONIALИЗМА в социологической науке. Анализ зарубежных исследований демонстрирует, с одной стороны, сохранение интереса к традиционным темам, связанным с колониальным наследием в африканских странах, поскольку именно они по-прежнему находятся в наиболее уязвимом положении в сравнении с другими бывшими колониями, с другой стороны – выход на более широкую тематику, связанную с культурным неокOLONIALИЗМОМ в условиях глобализации, а также превращением технологий в инструмент колониального влияния. Современные отечественные исследования неокOLONIALИЗМА обладают своей спецификой, выраженной, во-первых, в доминировании экономической трактовки неокOLONIALИЗМА, во-вторых, они часто посвящены изучению взаимосвязи неокOLONIALИЗМА с глобализацией и капитализмом, в-третьих, в работах отечественных авторов особое внимание уделяется положению России в системе глобального неокOLONIALИЗМА. На основе проведенного анализа научного дискурса авторами разработана типология форм неокOLONIALИЗМА, в рамках которой все формы делятся на две большие группы – традиционные и новые. К традиционным формам относятся, прежде всего, экономический и политический неокOLONIALИЗМ. К новым – культурный и образовательный неокOLONIALИЗМ. Интенсификация процесса цифровизации и возрастание экологических рисков в начале XXI в. позволяют говорить о том, что все большее значение приобретают и такие формы неокOLONIALИЗМА, как экологический и цифровой. Особое внимание в статье уделяется экологическому неокOLONIALИЗМУ как новой, особой его форме. Рассмотрены также причины возрастания интереса к нему и его влияние на политическую и экономическую сферы. Обсуждается тезис превращения зеленой повестки в новую форму идеологии, при помощи которой страны «большой семерки» реализуют выгодную им политику. Авторами сделан вывод о необходимости выявления конкретных интересов и ценностей, стоящих за современными экологическими инициативами.

Ключевые слова: неокOLONIALИЗМ, постколониализм, глобализация, экологический неокOLONIALИЗМ, инвайронментальное неравенство

Хотя эпоха Великих географических открытий, метрополий и колоний осталась далеко позади, сегодня стало очевидно, что государства мира по-прежнему не являются равноправными участниками глобальной дискуссии. Вопреки закреплённому в основополагающих международно-правовых актах принципу суверенного равенства государств, мы можем наблюдать высокий уровень глобального неравенства¹. Государства, обладающие большими ресурсами, имеют возможность вмешиваться во внутреннюю политику других стран, манипулировать выдачей займов, а также навязывать свои ценности, не вписывающиеся и порой разрушающие традиции

¹ 2023 in Nine Charts: A Growing Inequality // The World Bank. URL: 2023 in Nine Charts: A Growing Inequality (дата обращения: 01.02.2024).

и культуру иных обществ. В общественно-политическом¹ и научном [28] дискурсах подобный мировой порядок получил название «неоколониального», а деятельность, связанная с проведением отдельными государствами политики активного, но часто скрытого, вмешательства в дела других стран ради собственной выгоды – «неоколониализмом» или «постколониализмом». О «колониальных повадках» Запада говорил также в своем Послании Федеральному Собранию в феврале 2024 г. Президент РФ В. В. Путин².

Вопреки такой популярности термина в современной отечественной науке не существует работ, в которых системно был бы представлен комплексный взгляд на исследования неокOLONIALИЗМА. Чаще всего работы носят фрагментарный характер и связаны с изучением отдельных регионов. В связи с этим цель данной статьи – провести обзор актуальных отечественных и зарубежных исследований неокOLONIALИЗМА, выявить их специфику, а также предложить типологию форм неокOLONIALИЗМА.

Неоколониализм в теории и на практике: история вопроса

Термин «неоколониализм» возник во второй половине XX в. Его происхождение связывают с именем президента Ганы Кваме Нкрума, который в 1965 г. определил его как «империализм на его последней и, возможно, самой опасной стадии», когда страна лишь номинально обладает атрибутами суверенного государства, но фактически «ее экономическая система и, следовательно, ее политическая система управляются извне»³. «Парад суверенитетов», связанный с признанием независимости многих бывших колоний, например, в странах африканского континента, во многом носил номинальный характер. Вновь оформившиеся государства не имели достаточных ресурсов для того, чтобы выступать на международной арене наравне с крупными странами и фактически еще долгое время оставались колониями. И сегодня, по мнению теоретика международных отношений К. Эскуде, все государства можно разделить на три группы: создающие правила, подчиняющиеся правилам, а также государства-изгои, которые не могут создавать правила, но и не подчиняются другим⁴. Для изучения проблем современного неокOLONIALИЗМА в научном дискурсе для обозначения субъектов этих отношений также применяются такие термины, как «неометрополия» и «неоколония» [28].

¹ Гончарук Д. Путин: Неоколониализм стал барьером на пути развития человечества // Российская газета. 16.02.2024. URL: <https://rg.ru/2024/02/16/putin-neokolonializm-stal-barerom-na-puti-razvitiia-chelovechestva.html> (дата обращения: 20.02.2024).

² Послание Президента Федеральному Собранию. 29 февраля 2024 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 01.03.2024).

³ Nkrumah K. Neo-Colonialism, the Last Stage of Imperialism // Marxists Internet Archive. URL: <https://www.marxists.org/subject/africa/nkrumah/neo-colonialism/introduction.htm> (дата обращения: 20.02.2024).

⁴ Мартыненко Т. С. Теория «периферийного капитализма» Карлоса Эскуде // Центр консервативных исследований. 01.03.2012. URL: <http://konservativizm.org/konservativizm/geopolitika/010312081336.xhtml> (дата обращения: 10.02.2024).

Тем не менее, в начале XXI в. принципиальным образом меняется характер влияния одних стран на другие. Если еще во второй половине XX в. речь шла о серьезном и порой видимом вмешательстве в экономическую и политическую сферы, то сегодня все чаще встречается скрытое воздействие на сферу культуры, приводящее к трансформации ценностных установок и ориентиров. Основным выгодоприобретателем подобной политики, как и в эпоху классического колониализма, являются западные страны, чей рост и социально-экономическое развитие во многом связаны с эксплуатацией менее сильных государств.

Несмотря на долгую историю неравных отношений между государствами, в начале XXI в. интерес социальных наук к изучению нового колониализма («неокOLONIALИЗМА» или «постколониализма») возрастает по нескольким причинам. Во-первых, смена исследовательской оптики в социальных науках. В центре изучения социологов все чаще оказываются те, кто ранее носил статус «Другого» – женщины, пожилые люди, представители отдельных социальных групп и культур и др. На смену характерного для науки XIX и первой половины XX в. евроцентризма приходят исследования, исходной точкой которых становится позиция стран, находящихся на периферии глобальных процессов. Часто эти страны обладают отличными от западных государств культурой, традициями и социальными практиками.

Во-вторых, появляются новые механизмы и методы колониального влияния. В связи с процессами глобализации и цифровизации не только возрастает связанность мира, но и создаются новые способы воздействия на другие государства, а также новое пространство социального взаимодействия – цифровое. Так, сегодня в социальных науках широко обсуждается «колониализм данных» [41], когда датификация социальной жизни приводит к новым формам дискриминации. Центрами новых технологических прорывов сегодня стали также в основном западные страны, что негативно сказывается на позиции иных стран-разработчиков, поскольку появляются новые риски, связанные с социальной безопасностью. По мере цифровизации наиболее значимых сфер общественной жизни, например, здравоохранения, образования, экономической и политической сферы, эти риски все больше возрастают.

В-третьих, возникают новые формы неокOLONIALИЗМА воздействия. Так, наряду с экономической и политической экспансией все чаще речь идет о формах влияния, например, на культуру и другие сферы общественной жизни. Обострение глобальных проблем приводит к появлению в том числе экологического неокOLONIALИЗМА, который все чаще привлекает внимание исследователей.

Таким образом, можно зафиксировать принципиальные отличия неокOLONIALИЗМА начала XXI в. Во-первых, меняются характер, формы и методы оказания влияния. Если для периода колоний (классического колониализма) XVI – XIX вв. были характерны явная экспансия и вмешательство в жизнь другого государства, то для неокOLONIALИЗМА свойственно использование «мягкой силы» и попытки латентного влияния. Происходит

переход от влияния в области политики и экономики в область культуры. Важным инструментом подобного влияния является распространение собственной культуры, включая язык. Во-вторых, меняется масштаб влияния. Колониальная эпоха была связана с деятельностью отдельных стран на конкретных территориях, современный неокOLONIALИЗМ имеет глобальный масштаб во многом благодаря цифровым технологиям и процессу глобализации [28].

Колониальные и неокOLONIALИЗМНЫЕ практики являются объектом изучения многих наук, среди которых история, экономика, теория международных отношений и др. В социологическом дискурсе проблематика, связанная с вопросами влияния одних стран на другие, рассматривалась задолго до появления термина «неокOLONIALИЗМ». Довольно часто исследования в этой тематике носят критический характер, потому исходной для них является марксистская перспектива рассмотрения общества и его противоречий. Другим важным источником становится концепция империализма В. И. Ленина [20].

Во второй половине XX в. по мере возрастания взаимосвязи и взаимозависимости государств эта тема приобретает новое звучание сразу в нескольких направлениях исследований. С одной стороны, речь идет о теориях зависимости и мир-системном подходе. Так, еще в 1980-е гг. Р. Пребиш [26] писал о том, что менее развитые страны Латинской Америки вынуждены существовать в условиях эксплуатации более развитыми государствами. Продолжая и развивая идеи Р. Пребиша и других представителей теории зависимости, теоретики мир-системного подхода (И. Валлерстайн, Л. Скляр и др. [64; 67]) пишут о том, что положение страны внутри мир-системы обуславливает возможности эксплуатации ею других стран и их ресурсов.

С другой стороны, большое внимание к вопросам неравенства государств проявили глобализационные исследования. Они стали новым шагом на пути осознания социологическим сообществом глобальной связанности и проблемы глобального неравенства. В рамках этой перспективы, например, немецкий социолог У. Бек подчеркнул различие между терминами «глобализм» и «глобализация» [3], указав, что первый подменяет собой многомерный процесс глобализации, приводя все к господству неокOLONIALИЗМНОЙ экономики.

Несмотря на методологические различия между указанными выше подходами их объединяет интерес к экономической составляющей неокOLONIALИЗМА. Исследования начала XXI в. отличает более широкая исследовательская рамка и многоаспектность тематики. В отечественных социальных науках неокOLONIALИЗМНЫЕ исследования в современном их звучании появились позже, чем в зарубежной и обладают своей спецификой.

Обзор зарубежных исследований по неокOLONIALИЗМУ

Современный дискурс о неокOLONIALИЗМЕ в зарубежном научном пространстве отличается репрезентативностью, многоаспектностью и широким диапазоном обсуждаемой проблематики. Обзор публикаций по данной тематике позволяет выделить несколько основных направлений.

Хотя современное понимание неокOLONIALИЗМА значительно расширилось и уже выходит за традиционные как географические, так и социально-экономические рамки, тем не менее дискурс об отношениях в системе Север-Юг и их последствиях для народов развивающихся стран Африки, по-прежнему остается ведущим. В этой связи значительная часть работ связана с анализом последствий проведения неокOLONIALИЗМНОЙ политики для африканских государств. Как отмечают исследователи, несмотря на уже достаточный период независимого существования, государства Африки де-факто все еще находятся в состоянии колониальной зависимости от бывших метрополий, которые продолжают эксплуатировать и использовать в своих целях и интересах ресурсы и население этих стран через транснациональные корпорации [51].

Современный неокOLONIALИЗМ в Африке носит «завуалированный» характер, когда вместо политики «большой дубинки» и прямого воздействия на политическую систему нужный эффект достигается с помощью роли «добротного патрона и соседа» через своего рода миссионерскую деятельность, прежде всего, в социальной сфере. В этой связи британский исследователь М. Лангэн указывает, что донорская помощь не обязательно является формой альтруистической щедрости (хотя в определенных гуманитарных сценариях она вполне может присутствовать), но зачастую она выступает в качестве инструмента для достижения своих целей неокOLONIALИЗМНЫМИ системами политической кооптации [51, с. 61]. В качестве примера автор приводит в своих работах деятельность организации «Новый альянс за продовольственную безопасность и питание в Африке» (сокращенно – NAFSN)¹. Как указывает М. Лангэн, данная корпорация, созданная в 2012 г. под эгидой «Большой восьмерки» якобы для поддержки местного сельского хозяйства, по факту, используя риторику о продовольственной безопасности, на самом деле занимается захватом земель для выращивания экспортных товарных культур вместо тех, которые необходимы для питания проживающего в этом регионе населения, что приводит к истощению земельных угодий, усугублению проблемы голода и социально-экономического кризиса в целом [51, с. 63–64]. Таким образом, как отмечают исследователи, по сути, африканские страны становятся ресурсными сателлитами развитых стран-доменов [44; 60].

Наряду с традиционным «африканским» вектором в изучении неокOLONIALИЗМА актуализируется и вопрос о его формах вследствие трансформации в более широкий формат, не ограниченный только одним регионом или сферой деятельности.

¹ The New Alliance for Food Security and Nutrition in Africa. URL: <https://www.fao.org/family-farming/detail/en/c/384055/> (дата обращения: 10.02.2024).

Так, в условиях глобального общества ряд исследователей обращают внимание на т. н. культурный неокOLONIALИЗМ [68], проявление которого связано с насаждением для территорий, где реализуется эта политика, чуждых их населению ценностей и практик. В этой связи, опираясь на теорию символической власти французского социолога П. Бурдьё [38], данный процесс может быть рассмотрен как колониальная аккультурация, в рамках которого используется символическое насилие посредством навязывания определенных культурных стандартов и интернализации через них самого общества, что способствует установлению контроля над сознанием и поведением людей.

Вместе с культурным аспектом в неокOLONIALИЗМ проблематике широко представлена и тема экологической компоненты. При этом следует отметить преобладание критической рефлексии относительно зеленой экономики как необходимого условия для реализации Программы «Цели устойчивого развития» [39; 45; 58; 71]. Исследователи указывают, что экологическая риторика современных политиков направлена, в первую очередь, на реализацию интересов как определенных социальных групп, корпораций, так и в большинстве случаев экономик тех государств, которые они представляют. В этой связи становится очевидным, что подобная позиция ведет к усилению глобального неравенства.

Необходимо обратить внимание и на то, что продвигаемые в интересах крупных игроков современного технологического рынка меры по преодолению ресурсного истощения зачастую вызывают обратный эффект, так как производство новых технологий, необходимых для реализации предлагаемых программ, способствует еще большему загрязнению окружающей среды [34].

Одной из вызывающих особый интерес в рамках современного научного дискурса о неокOLONIALИЗМЕ выступает тема его детерминированности новыми технологиями и формирование еще одной его формы – технологической. Ее специфика рассматривается в двух аспектах.

В рамках первого поднимается вопрос об усилении с помощью цифровых инноваций государственного контроля над обществом и вследствие этого управление им для достижения определенных целей [48; 50]. В этой связи любопытный пример представляет реализация концепции «умного города», которая для ведущих мировых мегаполисов сегодня рассматривается как неотъемлемая основа их эффективного функционирования [56]. Однако, несмотря на существующие преимущества, цифровизация городского «организма» ведет к усилению пространственного неравенства и дисбалансу в развитии между центром и периферией. Наряду с этим так называемый цифровой неокOLONIALИЗМ в городской среде носит всеобъемлющий характер, так как собираемые платформами данные пользователей становятся мощным инструментом для манипулирования и контроля их поведением [42]. При этом механизмы влияния отличаются латентностью, встроены в программное обеспечение и протоколы, что создает для пользователей иллюзию сохранения своей субъектности, свободы выбора, независимости и самостоятельности.

В контексте второго направления анализируется, как неокOLONIALИЗМ воспроизводится посредством международной специализации рынка новых технологий, что ведет к дальнейшему глобальному неравенству на основе платформенного капитализма и контроля за счет технологического преимущества одних государств над другими [43; 55]. В этой связи яркий пример демонстрирует технополитика, реализуемая Соединенными Штатами Америки, которые активно скупают «мозги» в разных странах мира, концентрируя у себя и новые разработки, и рынок их производства, что способствует, в свою очередь, тотальной гегемонии данного государства в общественной и повседневной жизни других регионов.

Наряду с указанными также следует отметить актуализацию в исследовательском поле проблемы поиска новой теоретической рамки для осмысления феномена неокOLONIALИЗМА и, следовательно, его определения с учетом новых реалий его проявления [62].

Таким образом, обзор и систематизация актуальных релевантных публикаций демонстрирует, что в современном научном дискурсе парадигма неокOLONIALИЗМА выступает как теоретическая рамка для изучения широкого спектра вопросов, связанных с неравенством как на глобальном, так и на региональном уровне.

НеокOLONIALИЗМ в современных отечественных исследованиях

Современные отечественные исследования, посвященные феномену неокOLONIALИЗМА, имеют свою специфику, которая в общем виде может быть сведена к трем основным положениям. Во-первых, неокOLONIALИЗМ является предметом научного интереса для представителей экономических специальностей – неокOLONIALИЗМ рассматривается в первую очередь как экономическая категория [27]. В то же время социально-гуманитарная экспертиза данного феномена минимальна, равно как и количество исследований неокOLONIALИЗМНОЙ зависимости в социальной и культурной сферах. Так, например, ученых интересует выявление и описание современных методов перераспределения элементов национальных богатств между странами [18]; раскрытие механизмов формирования зависимого положения развивающихся стран от международных институтов экономической поддержки [17]; изучение факторов, на которых базируется экономическая «неокOLONIALИЗМНАЯ эксплуатация» [24] и др. Хотя ряд исследователей не обращается непосредственно к термину «неокOLONIALИЗМ», проблематика экономической зависимости одних стран от других в глобальном мировом порядке поднимается в исследованиях А. А. Ждановской, М. Л. Альпидовской, В. Е. Дементьева, Е. С. Новиковой, Е. В. Устюжаниной и др. [1; 12; 15].

Следует отметить те немногие работы, которые поднимают проблемы неокOLONIALИЗМНОЙ зависимости в сфере образования [16; 30; 32] и информационного неокOLONIALИЗМА [22; 23].

Во-вторых, большой объем публикаций посвящен изучению взаимосвязи неокOLONIALИЗМА с глобализацией и капитализмом, а также анализу процесса становления так называемой системы глобального неокOLONIALИЗМА. В этой логике неокOLONIALИЗМ рассматривается как современный мировой порядок, активно утверждающийся в начале XXI в. на основе тенденции глобализации и являющийся результатом усилия западных стран по созданию новой метрополии на месте старой колониальной системы после распада СССР [5–9; 13; 28]. Среди отечественных исследователей большой вклад в изучение данной проблематики внес А. А. Горелов. Начиная с 2009 г. автор выпустил серию работ, посвященных неокOLONIALИЗМУ и его непосредственной связи с глобализационными процессами, в которых он утверждает, что для неокOLONIALИЗМА характерно управление страной представителями коренной нации, но при этом правящая элита в первую очередь соблюдает интересы метрополии. Эта особенность отличает современный глобальный неокOLONIALИЗМ от колониализма классического. В рамках неокOLONIALИЗМАЛЬНЫХ отношений прямое и линейное преследование политических интересов метрополии, свойственное колониальному прошлому, уступает место «мягкой силе», в которой большую роль играет не менее эффективное экономическое управление посредством международных организаций и транснациональных корпораций [8]. Автор рассматривает неокOLONIALИЗМАЛЬНУЮ систему современного миропорядка как состоящую из единой метрополии, осуществляющей руководство всеми неокOLONIALИЗМАМИ. Теперь современной метрополией является уже не столица – город, откуда приехали колонизаторы, – а государство или даже совокупность государств. «Столицей» глобальной империи сегодня, по мнению автора, можно считать США, в то время как весь остальной мир превращается в одну глобальную неокOLONIALИЗМАЛЬНУЮ. А. А. Горелов утверждает, что основной принцип глобального неокOLONIALИЗМА: «одна метрополия – одна колония» [5]. Основными признаками неокOLONIALИЗМА, в этой связи, становятся отсутствие науки и высоких технологий; низкая продолжительность и качество жизни населения; ориентированное на подготовку узких и недалеких специалистов образование; потребление населением продуктов в соответствии с более низкими стандартами; низкий уровень медицины; выкачивание сырьевых и духовных ресурсов; желание жителей неокOLONIALИЗМАЛЬНЫХ эмигрировать и посылать своих детей учиться и жить в метрополию и др. [8]. Отмечается, что в этой выступающей системе глобального неокOLONIALИЗМА теряет смысл понятие внешней политики, поскольку ее место занимает мировая внутренняя политика, безучастная к суверенным государствам и строящаяся на принципах западной политической культуры [9].

Наконец, многие авторы поднимают вопрос о положении России в системе глобального неокOLONIALИЗМА и, фиксируя ее зависимое положение, утверждают необходимость преодоления нашей страной всех форм зависимости [7; 10; 24; 29]. Исследователи предлагают пути избавления России от неокOLONIALИЗМАЛЬНОЙ зависимости, обсуждаются меры по недопущению попадания национальной политической элиты под влияние

иностранных субъектов [19], рассматриваются инструменты политики удержания национального богатства в распоряжении нации [18], а также меры по модернизации экономики страны [2].

Стоит также отметить наличие отдельных работ, посвященных анализу отношений между конкретными странами [11], в особенности между бывшими колониальными державами и их колониями [4; 14; 25; 31].

Проведенный анализ современных отечественных исследований неокOLONIALИЗМА позволяет утверждать, что данный феномен хорошо описан в его экономическом измерении, однако требует дальнейшего глубокого изучения, особенно его информационные, культурные, научные, экологические формы, о которых на сегодняшний момент практически отсутствуют научные публикации в русскоязычном научном поле.

Экологический неокOLONIALИЗМ как одна из его новых форм

Обзор исследований, представленных в зарубежной и отечественной науке, позволяет представить базовую типологию подходов к неокOLONIALИЗМУ. Представляется, что в этом контексте уместно разделить их на две большие группы: традиционные и новые. К традиционным относятся, прежде всего, экономический и политический неокOLONIALИЗМ, которые существуют на протяжении нескольких столетий. В XX в. выросло значение культурного и образовательного неокOLONIALИЗМА, в основе которых лежит так называемая политика мягкой силы. Они приобретают сегодня новый формат, который позволяет отнести их к современным формам неокOLONIALИЗМА, поскольку принципиально отличаются от культурных и образовательных практик, существовавших в XIX – начале XX в. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что происходит постепенное смещение исследовательской перспективы от традиционных форм к новым, среди которых особенно значимыми являются экологический и цифровой неокOLONIALИЗМ. В связи с этим представляется перспективным анализ одной из них, а именно экологического неокOLONIALИЗМА.

В последние десятилетия научное сообщество, международные организации, политики и общественность уделяют особое внимание экологической проблематике, поэтому не удивительно, что в дискурсе о неокOLONIALИЗМЕ представлен и данный аспект. Экологический неокOLONIALИЗМ в широком смысле трактуется как прямое или косвенное вмешательство одних стран на территорию других, вследствие чего сокращаются ресурсы, множатся экологические риски, растут потери от социально значимых заболеваний по причине ухудшения состояния окружающей среды.

Для социальных наук особое значение приобретает понятие инвазивного неравенства [21], поскольку мир предстает «расколотым» в экологическом измерении [59], так как одни получают выгоду от деградации окружающей среды, а другие платят за это экологическими издержками [47; 57]. Данная новая форма неравенства зачастую опи-

сывается в привычных для социологии терминах, в частности Б. Латур и Н. Шульц предлагают характеризовать ее как новый климатический режим с опорой на ключевые «экологические классы» [52].

Социолог М. Манн описывает нынешнюю ситуацию как «климатическую войну» [54], поскольку для него, как и для многих других исследователей очевидно, что развивающиеся страны обменивают выгоды от глобализации на экологические потери [61; 63; 69], так как довольно часто имеет место «торговля окружающей средой», в рамках которой корпорации предлагают прямые иностранные инвестиции за предоставление «грязного убежища» для своих производств [65]. При этом довольно широкое распространение получила практика так называемых «двойных стандартов» [33], которая заключается в том, что одна и та же компания в разных регионах мира руководствуется разными экологическими требованиями. Так фактически навязывается развивающимся странам принятие уровней загрязнения, отвергаемых развитыми, в обмен на инвестиции.

Современные исследователи доказывают, что глобализация приводит к смещению бремени загрязнения в производстве и потреблении от развитых стран к развивающимся [35; 37], то есть к реализации неокOLONIALИЗМНОЙ политики в экологической сфере. Более того, предлагаемая странами Запада «зеленая повестка» гарантирует климатическое благосостояние, в первую очередь, странам «большой семерки» [46], что все чаще заставляет говорить об идеологическом характере экологических инициатив.

«Зеленая повестка» сегодня претендует на роль идеологий, как в свое время либерализм, социализм, консерватизм и др., то есть пытается предложить не только политический нарратив, но и проект социального развития, с учетом инвайронментального неравенства и конфликтов, разворачивающихся в данной сфере [52]. Экологическая проблематика является значимой составляющей политического дискурса, что, несмотря на широкое обсуждение на самом высоком уровне, не способствует эффективным действиям по охране окружающей среды. Наоборот, возникает все больше споров относительно методов ведения сельского хозяйства, безопасности для окружающей среды тех или иных источников энергии, допустимых ограничениях выбросов и т. д.

В последнее время в научной литературе все чаще сравниваются между собой и противопоставляются друг другу две группы стран: «Большая семерка» (Group of Seven, G7), в которую входят Канада, Франция, Германия, Италия, Япония, Великобритания и США, и страны «развивающейся семерки» (Emerging Seven, E7), среди которых называют Бразилию, Индию, Индонезию, Мексику, Россию, Турцию и Китай [46]. При этом последние скорее склонны следовать экологическим инициативам стран «большой семерки» (например, реализовывать многосторонние природоохранные соглашения), нежели создавать и реализовывать свои собственные [66]. По крайней мере, ситуация обстояла именно таким образом до последнего времени.

Конференция ООН по изменению климата (COP-28), прошедшая в конце 2023 г. в ОАЭ, довольно явно продемонстрировала отсутствие единства среди международного сообщества относительно того, решение каких задач в сфере экологии является первоочередным. Символично, что президентом данного мероприятия стал Министр промышленности и передовых технологий ОАЭ Султан Ахмед аль-Джабер, который также является главой Национальной нефтяной компании Абу-Даби (ADNOC). Не удивительно, что подготовка итоговой декларации вызвала довольно серьезные споры, поскольку некоторые нефтедобывающие страны, в первую очередь, Саудовская Аравия, выступили категорически против формулировки о провозглашении поэтапного отказа от использования ископаемых видов топлива в энергетике. Это противоречит их интересам и может способствовать усугублению социальных проблем, поэтому они выражают сомнения в том, что полный отказ от углеводородов целесообразен и соответствует целям устойчивого развития.

Более того, Султан аль-Джабер заявил, что нет ни научных исследований, которые бы доказывали, что поэтапный отказ от ископаемого топлива позволит предотвратить повышение температуры на планете более, чем на 1,5°, ни дорожной карты этого поэтапного отказа от ископаемого топлива, которая обеспечила бы устойчивое социально-экономическое развитие и гарантировала бы, что мир не вернется обратно в пещеры¹. Это резкое заявление, которое, тем не менее, свидетельствует о том, что экологическая проблематика тесно переплетена с политическими и социально-экономическими интересами, а потому в большинстве случаев у «зеленой повестки» есть свои выгодоприобретатели, которые заботятся вовсе не о сохранении окружающей среды. Никто не отрицает того, что постепенный переход от углеводородов к другим источникам энергии неизбежен, однако вопрос о том, с какой скоростью и с какими социально-экономическими последствиями он должен происходить, является весьма дискуссионным.

Странами «большой семерки» активно продвигается идея о том, что «зеленые» технологии могут способствовать существенному сокращению экологического ущерба [70]. Однако существуют исследования, которые свидетельствуют о том, что их роль не столь однозначна. В частности, разработка и внедрение «зеленых» инноваций приводят к более высокому потреблению энергии и, следовательно, способствуют серьезной деградации окружающей среды [46; 53]. Это подтверждает тезис о неокOLONIALном характере современной экологической повестки, которая представляет собой идеологический проект, за которым стоят в том числе и экономические интересы отдельных стран и корпораций.

Современные исследователи отмечают схожие черты в эволюции экологических движений разных стран мира: они политизируются, бюрократизируются и переходят от общественного активизма к лоббистской

¹ Cop28: 'failure is not an option,' says summit president – as it happened. URL: <https://www.theguardian.com/environment/live/2023/dec/10/cop28-live-focus-on-food-and-agriculture-as-climate-change-summit-continues> (дата обращения: 05.01.2024).

деятельности [36]. Тем самым научное знание становится основой для отстаивания экономических и политических интересов отдельных субъектов. Главными идеологами экологической повестки сегодня являются страны Европейского Союза, которые выступают за «радикальную декарбонизацию и деметанизацию», хотя США также претендуют на роль глобального лидера в данной сфере.

Учитывая тот факт, что население стран E7 составляет около половины от общей численности населения мира, что более чем в четыре раза превышает население стран G7, вряд ли последние могут навязывать всему остальному миру свои представления о том, какие действия необходимы для устойчивого развития в масштабах планеты. Не случайно Си Цзиньпин летом 2023 г. заявил о том, что «страна выбирает собственный климатический путь: две трети достижения этой цели страна будет определять сама, Китай не будет поддаваться влиянию других». Каждой стране необходимо четкое понимание того, чьи интересы стоят за теми или иными экологическими инициативами, чтобы избежать повторения колониализма, но теперь уже в его экологическом измерении.

Заключение

Ответ на «большие вызовы» сегодня является одним из приоритетных направлений деятельности любого государства. В современном глобальном мире общества все чаще сталкиваются с новыми видами угроз, обусловленными социальными, экологическими, экономическими и политическими факторами (например, миграционные процессы, изменение климата и др.). При этом варианты решений отдельных глобальных проблем, предлагаемых международными организациями, способствуют закреплению неокOLONIALЬНОЙ системы, в которой западные страны стремятся сохранить свое превосходство над всеми остальными, например, ограничивая доступ к новейшим разработкам в сфере искусственного интеллекта (AI).

В этой связи, в условиях геополитических трансформаций, весьма актуализируется научный дискурс о современных формах колониализма. Однако большинство исследований дают только описание отдельных кейсов, хотя обсуждаемые в них аспекты и отличает междисциплинарный подход. В данной статье была предпринята одна из немногих в социологическом дискурсе попыток систематизировать и обобщить существующие в научном сообществе представления о развитии колониализма в современном мире. На основе комплексного подхода авторами предложена типологизация существующих форм неокOLONIALИЗМА с делением их на традиционные и новые. При этом к традиционным отнесены экономический и политический неокOLONIALИЗМ, приобретающие в современных реалиях иной формат реализации – через культурные и образовательные практики. Новыми же формами, по мнению авторов исследования, выступают экологическая и цифровая. Их изучение представляется перспективным именно в контексте социологического дискурса на основе инвариантной социологии, цифровой социологии и социологии неравенства.

Представленный в данной работе анализ современных аспектов неокOLONIALИЗМА дает возможность понять, какие международные инициативы способствуют решению глобальных проблем, а какие ориентированы, прежде всего, на реализацию национальных интересов отдельных государств в ущерб социально-экономическому развитию тех стран, которые оказываются «заложниками» современной международной повестки, в которой явно прослеживается стремление западных стран не столько к развитию всего человечества, сколько к сохранению своей гегемонии.

Библиографический список

1. Альпидовская М. Л. Проблема обострения неравномерного социально-экономического развития стран в современных условиях // Теоретическая экономика. 2014. № 4(22). С. 46–50. EDN: OXLWDB.

2. Багомедов М. А., Рабаданова А. А. Структурная политика государства в регионах СКФО в условиях геэкономических вызовов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 12(86). С. 59–68. EDN: YXCQXA.

3. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева и др. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.

4. Бокерия С. А., Давидчук А. С. и др. Советские исследования неокOLONIALИЗМА // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 4. С. 671–687. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-671-687; EDN: GYGFFS.

5. Горелов А. А. От мировой колониальной системы до глобального неокOLONIALИЗМА // Век глобализации. 2014. № 2(14). С. 52–64. EDN: SXDHNF.

6. Горелов А. А. Глобальный неокOLONIALИЗМ в действии: война Запада против России и мира. М.: Летний сад, 2016. 360 с.

7. Горелов А. А., Бронников И. А. Глобальный неокOLONIALИЗМ и проблема суверенитета // Власть. 2015. № 2. С. 19–25. EDN: TNTVMF.

8. Горелов А. А., Горелова Т. А. Глобализация и глобальный неокOLONIALИЗМ // PolitBook. 2013. № 3. С. 115–131. EDN: SBMXCN.

9. Горелов А. А., Горелова Т. А. Капиталистическая идеология и политическая культура в формате глобального неокOLONIALИЗМА // PolitBook. 2015. № 4. С. 110–124. EDN: VQFKOD.

10. Гуреева М. А., Ларионов И. К. Экономическая безопасность России в условиях обострения ее противостояния западу // Экономические системы. 2019. Т. 12. № 1. С. 33–41. EDN: HINZIR.

11. Дейч Т. Л. Китай в Африке: «неокOLONIALИЗМ» или «win-win» стратегия? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 5. С. 119–141. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141; EDN: YOLFUL.

12. Дементьев В. Е., Новикова Е. С., Устюжанина Е. В. Место России в глобальных цепочках создания стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. Т. 12. № 1(334). С. 17–30. EDN: VHYWRD.
13. Дубровин М. А. Глобальный неокOLONIALИЗМ: формулирование понятия // Вопросы экономики и права. 2019. № 130. С. 14–17. DOI: 10.14451/2.130.14; EDN: HVOTCZ.
14. Дунаева М. Д. НеокOLONIALИЗМ как основа отношений Франции и Алжира на современном этапе // Наука. Образование. Инновации: современное состояние актуальных проблем. Анапа: ООО «НИЦЭСП» в ЮФО, 2023. С. 15–19. EDN: KYBGPO.
15. Ждановская А. А. Внешний долг как форма экономической зависимости // Вестник Института экономики РАН. 2018. № 2. С. 173–187. EDN: YWYRKA.
16. Интеллектуальный колониализм на глобальном образовательном рынке / Ред. С. А. Шаронова, Н. В. Трубникова. М.: РУДН, 2017. 229 с. EDN: ZQSJTR.
17. Кузьменко И. В. НеокOLONIALИЗМ в международных институтах поддержки слаборазвитых государств (на примере Всемирного банка) // Философия права. 2009. № 2(33). С. 86–89. EDN: KWSMIT.
18. Леденева М. В. Политика национального богатства как фактор выживания в условиях глобализации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. Т. 7. № 32. С. 12–20. EDN: NYHVYP.
19. Леденева М. В. Глобализация и неокOLONIALИЗМ: как избавиться от зависимости? // Вопросы безопасности. 2015. № 6. С. 1–16. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.6.17933; EDN: VSPOFV.
20. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма (Популярный очерк) // ПСС: в 55 т. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1969. Т. 27. Август 1915 – июнь 1916. С. 299–426.
21. Мартыненко Т. С. Инвайронментальное неравенство: современные подходы к концептуализации понятия // Вестник Томского госун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 200–214. DOI: 10.17223/1998863X/57/19; EDN: VIJPAC.
22. Панцеров К. А. Информационный империализм: препятствие на пути стран тропической Африки к независимому развитию // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 114. С. 355–362.
23. Панцеров К. А. Информационный империализм как форма неокOLONIALИЗМА в Африке: прошлое, настоящее, будущее // Африка: постколониальный дискурс / Отв. ред. Т. М. Гавристова, Н. Е. Хохолькова. Ярославль: Филигрань, 2020. С. 90–92. EDN: SEOCNZ.
24. Парфенов Д. А. Экономическая политика России в контексте современного неокOLONIALИЗМА // Российское предпринимательство. 2012. № 21(119). С. 4–10. EDN: PFCUKH.

25. Попов В. А. Неотрадиционализм, неонационализм и неокOLONIALИЗМ в Африке: постколониальный дискурс // Африка: постколониальный дискурс / Отв. ред. Т. М. Гавристова, Н. Е. Хохолькова. Ярославль: Филигрань, 2020. С. 92–94. EDN: AQJXYA.
26. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА, 1992. 331 с.
27. Сироткина А. И. Эволюция теоретических воззрений на неокOLONIALИЗМ как экономическую категорию // Вопросы политической экономики. 2020. № 3. С. 82–97. DOI: 10.5281/zenodo.4067063; EDN: WARNLO.
28. Сироткина А. И., Альпидовская М. Л. НеокOLONIALИЗМ XXI века: глобализм и мир-системность // Теоретическая экономика. 2020. № 12(72). С. 96–109. EDN: GOPGKI.
29. Субетто А. И. Экономический колониализм и крах рыночных реформ в России // Наступление эпохи великих ноосферно-социалистических преобразований / Под ред. А. В. Воронцова. СПб.: Астерион, 2019. 52 с.
30. Халидов Д. Ш. Российская версия неокOLONIALИЗМНОЙ системы образования // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2013. Т. 6. № 1. С. 110–112. EDN: QOUINTD.
31. Шульга А. А. НеокOLONIALИЗМ в Африке и глобализация: что общего? // Известия Иркутского госун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 68–74. EDN: WNDLZZ.
32. Ягуткина Е. С., Ягуткин С. М. Технологии современного антироссийского социально-интеллектуального неокOLONIALИЗМА // Управление в XXI веке. Белгород: ИД «Белгород», 2015. С. 344–349. EDN: ZGXMNP.
33. Acselrad H. Grassroots reframing of environmental struggles in Brazil // Carruthers D.V. (ed.) Environmental Justice in Latin America: Problems, Promise, and Practice. Cambridge: MIT Press, 2008. P. 75–97.
34. Adoko T. et al. (Neo)-Colonialism, globalised modernisation and global energy and environment: A review of available opportunities and their threats to globalization // International Journal of Social Science and Humanities Research. 2021. No. 9(3). P. 95–207.
35. Adow M. The climate debt: what the West owes the rest // Foreign Affairs. 2020. No. 99(3). P. 60–68. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-04-13/climate-debt> (дата обращения: 15.02.2024.)
36. Alonso A., Costa V., Maciel D. The formation of the Brazilian environmental movement. Working paper series, 259. Brighton: IDS, 2005. URL: https://www.researchgate.net/publication/237402569_The_Formation_of_the_Brazilian_Environmental_Movement (дата обращения: 10.01.2024.)
37. Aydin M., Turan Y. E. The influence of financial openness, trade openness, and energy intensity on ecological footprint: revisiting the environmental Kuznets curve hypothesis for BRICS countries // Environmental Science and Pollution Research. 2020. Vol. 27. No. 34. P. 43233–43245. DOI: 10.1007/s11356-020-10238-9.

38. Bourdieu P., Passeron J. C. et al. *Reproduction in education, society, and culture*. Los Angeles; London; New Delhi; Singapore; Washington, D.C.: Sage, 2013. 288 p.
39. Brand U. *The Global Political Economy of the imperial mode of living* // *Global Political Economy*. 2022. Vol. 1. No. 1. P. 26–37. DOI: 10.1332/PEIR2693.
40. Cheon Y., Danilova N. et al. Does trade openness convey a positive impact for the environmental quality? Evidence from a panel of CIS countries // *Eurasian Geography and Economics*. 2019. Vol. 60. No. 3. P. 333–356. DOI: 10.1080/15387216.2019.1670087.
41. Couldry N., Mejias U. A. *The costs of connection: how data is colonizing human life and appropriating it for capitalism*. Stanford, California: Stanford University Press, 2019. 324 p.
42. Couldry N., Mejias U. A. *Data colonialism: Rethinking big data's relation to the contemporary subject* // *Television & New Media*. 2019. Vol. 20. No. 4. P. 336–349. DOI: 10.1177/1527476418796632.
43. Dafoe A. *On Technological Determinism: A Typology, Scope Conditions, and a Mechanism* // *Science, Technology, & Human Values*. 2015. Vol. 40. No. 6. P. 1047–1076. DOI: 10.1177/0162243915579283.
44. Dever J., Dever J. *Information Age Imperialism: China, 'Race,' and Neo-Colonialism in Africa and Latin America* // *University of Miami Inter-American Law Review*. 2021. No. 1. P. 1–48.
45. Devine J. A., Baca J. A. *The political forest in the era of green neoliberalism* // *Antipode*. 2020. Vol. 52. No. 4. P. 911–927. DOI: 10.1111/anti.12624.
46. Doğan B., Ghosh S. et al. *Are economic complexity and eco-innovation mutually exclusive to control energy demand and environmental quality in E7 and G7 countries?* // *Technology in Society*. 2022. No. 68. DOI: 10.1016/j.techsoc.2022.101867.
47. Gould K. A., Pellow D. N., Schnaiberg A. *Interrogating the treadmill of production: Everything you wanted to know about the treadmill, but were afraid to ask* // *Organization and Environment*. 2004. Vol. 17. No. 3. P. 296–316.
48. Imbong R. A. *Neocolonialism and the Technopolitics of Specialization: Toward a Reimagination of the Sociotechnical Imaginaries Approach* // *Bandung*. 2023. No. 10. P. 283–301. DOI: 10.1163/21983534-10020008.
49. Jabłoński M. *The 'Illusion' of Social Research Action. Reflections on Neo-Colonial Pedagogy* // *Qualitative Sociology Review*. 2021. Vol. 17. No. 1. P. 96–109. DOI: 10.18778/1733-8077.17.1.7.
50. Kitchin R., Lauriault T., McArdle G. *Smart cities and the politics of urban data* // Marvin S., Luque-Ayala A., McFarlane C. (eds) *Smart urbanism: Utopian vision or false Dawn?* Routledge, 2013. P. 16–33.
51. Langan M. *Neo-Colonialism and the Poverty of 'Development' in Africa*. Palgrave Macmillan Cham, 2018. 253 p.

52. Latour B., Schultz N. On the Emergence of an Ecological Class: A Memo. Cambridge: Polity, 2022. 92 p.
53. Lin B., Liu X. Dilemma between economic development and energy conservation: energy rebound effect in China // *Energy*. 2012. Vol. 45. No. 1. DOI: 10.1016/j.energy.2012.06.077.
54. Mann M. *The New Climate War: The Fight to Take Back our Planet*. N. Y.: Public Affairs, 2021. 272 p.
55. McCarthy D. Imposing Evenness, Preventing Combination: Charting the International Dynamics of Innovation in American Foreign Policy // *Cambridge Review of International Affairs*. 2021. Vol. 34. No. 2. P. 296–315. DOI: 10.1080/09557571.2021.1877617.
56. Mouton M., Burns R. (Digital) neo-colonialism in the smart city // *Regional Studies*. 2021. Vol. 52. No. 12. P. 1890–1901. DOI: 10.1080/00343404.2021.1915974.
57. Murphy R. *Rationality and Nature: A Sociological Inquiry into a Changing Relationship*. Boulder: Westview Press, 1994. 294 p.
58. Navarro R. Climate Finance and Neo-colonialism: Exposing Hidden Dynamics. In: Cash C., Swatuk L. A. (eds) *The Political Economy of Climate Finance: Lessons from International Development*. International Political Economy Series. Palgrave Macmillan: Cham, 2022. P. 179–203. DOI: 10.1007/978-3-031-12619-2_8.
59. Newell P. Race, class and the global politics of environmental inequality // *Global Environmental Politics*. 2005. Vol. 5. No. 3. P. 71–94. DOI: 10.1162/1526380054794835.
60. Obikwelu J., Gérard-Marie M., Odumegwu A. The Effects of Neocolonialism on Africa's Development // *PanAfrican Journal of Governance and Development*. 2023. Vol. 4. No. 2. P. 3–35. DOI: 10.46404/panjogov.v4i2.4846.
61. Opoku E. E. O., Boachie M. K. The environmental impact of industrialization and foreign direct investment // *Energy Policy*. 2020. Vol. 137. 111178. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.111178.
62. Patel S. Anti-colonial thought and global social theory // *Frontiers in Sociology*. 2023. Vol. 8. DOI: 10.3389/fsoc.2023.1143776.
63. Polloni-Silva E., Ferraz D. et al. Environmental Kuznets curve and the pollution-halo/haven hypotheses: an investigation in Brazilian municipalities // *Sustainability*. 2021. Vol. 13. № 8. DOI: 10.3390/su13084114.
64. Sklair L. *The Transnational Capitalist Class*. Maiden, MA: Blackwell. 2001. 335 p.
65. Tayebi S. K., Younespour S. The effect of trade openness on environmental quality: evidence from Iran's trade relations with the selected countries of the different blocks // *Iranian Economic Review*. 2012. Vol. 16. No. 32. P. 19–40.

66. Viola E., Gonçalves V. K. Brazil ups and downs in global environmental governance in the 21st century // *Revista Brasileira de Política Internacional*. 2019. Int. 62(2). URL: <https://www.scielo.br/j/rbpi/a/b4VFts-XTyzCK9FDzJcjM4DS/?lang=en> (дата обращения: 10.02.2024).

67. Wallerstein I. *The modern world system: Capitalist agriculture and the origins of the European world economy in the sixteenth century*. N. Y.: Academic press, 1974. 244 p.

68. Xuereb K. Neo-colonialism in cultural governance in the EU: a Maltese case study // *European Journal of Cultural Management and Policy*. 2019. Vol. 9. No. 1. P. 4–17. URL: <https://www.encatc.org/media/5137-neo-colonialism-in-cultural-governance-in-the-eu-a-maltese-case-study.pdf> (дата обращения: 15.02.2024).

69. Yu C., Nataliia D. et al. Does trade openness convey a positive impact for the environmental quality? Evidence from a panel of CIS countries // *Eurasian Geography and Economics*. 2019. Vol. 60. No. 3. DOI: 10.1080/15387216.2019.1670087.

70. Yurdakul M., Kazan H. Effects of eco-innovation on economic and environmental performance: evidence from Turkey's manufacturing companies // *Sustainability*. 2020. Vol. 12. № 8. DOI: 10.3390/su12083167.

71. Zografos C. The contradictions of Green New Deals: green sacrifice and colonialism // *Soundings*. 2022. No. 80. P. 37–50. DOI: 10.3898/SOUN.80.03.2022.

Получено редакцией: 14.04.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вершинина Инна Альфредовна, доктор социологических наук, доцент кафедры современной социологии

Лядова Анна Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии

Мартыненко Татьяна Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии

Григорьева Екатерина Александровна, младший научный сотрудник Отдела теоретического анализа социальных трансформаций; старший методист Университетской гимназии

DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.13

Contemporary Discourse on Neocolonialism: An Analytical Review of Research¹

Inna A. Vershinina

Lomonosov MSU, Moscow, Russia

urbansociology@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6186-4388

¹ Acknowledgements. The study was funded by RSF grant No. 24-28-00258.

Anna V. Liadova

Lomonosov MSU, Moscow, Russia

annaslm@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2820-8589

Tatiana S. Martynenko

Lomonosov MSU, Moscow, Russia

ts.martynenko@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5101-2381

Ekaterina A. Grigoreva

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia;

Lomonosov MSU, Moscow, Russia

yreewda@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0313-3437

For citation: Vershinina I. A., Liadova A. V., Martynenko T. S., Grigoreva E. A. Contemporary discourse on neocolonialism: an analytical review of research. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 3. P. 233–256. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.13; EDN: XRUZSC.

Abstract. The article provides an overview of contemporary research on neocolonialism. The work examines the history of the term “neocolonialism”, as well as the main features of neocolonialism in the 21st century, including: the transformation of the nature, forms and methods of colonial influence, and changes in its scale. The main reasons for the interest in the problems of neocolonial studies are outlined, including a general change in research optics, the emergence of new forms of colonial dependence, etc. The prerequisites for the emergence of neocolonial studies in sociological science are indicated. The analysis of foreign studies demonstrates, on the one hand, the preservation of interest in traditional topics related to the colonial legacy in African countries, since they are still in the most vulnerable position compared to other former colonies, and on the other hand, an exit to a broader topic related to cultural neocolonialism in the context of globalisation, as well as the transformation of technology into an instrument of colonial influence. Modern domestic studies of neocolonialism have their own specifics, expressed, firstly, in the dominance of the economic interpretation of neocolonialism, secondly, they are often devoted to the study of the relationship between neocolonialism and globalisation and capitalism, thirdly, in the works of domestic authors special attention is paid to the position of Russia in the system of global neocolonialism. Based on the analysis of scientific discourse, the authors developed a typology of neocolonialism forms, that divides all forms into two large groups – traditional and new. Traditional forms include, first of all, economic and political neocolonialism. New forms include cultural and educational neocolonialism. The intensification of the digitalisation process and the increase in environmental risks at the beginning of the 21st century allow us to say that such forms of neocolonialism as environmental and digital are becoming increasingly important. Particular attention in the article is paid to environmental neocolonialism as a new, special form. The reasons for the growing interest in it and its impact on the political and economic spheres are also considered. The thesis of turning the green agenda into a new form of ideology, with the help of which the G7 countries implement policies that are beneficial to them, is discussed. The authors conclude that it is necessary to identify specific interests and values behind modern environmental initiatives.

Keywords: neocolonialism, post-colonialism, globalization, environmental neocolonialism, environmental inequality

References

1. Alpidovskaya M. L. The problem of aggravation of uneven socio-economic development of countries in modern conditions. *Teoreticheskaya ekonomika*, 2014: 4(22): 46–50 (in Russ.). EDN: OXLWDB.
2. Bagomedov M. A., Rabadanova A. A. The structural policy of the state in the regions of the North Caucasus Federal District in the context of geo-economic challenges. *Regionalnyye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 2017: 12(86): 59–68 (in Russ.). EDN: YXCQXA.
3. Beck U. What Is Globalization? Transl. from Germ. by A. Grigoriev et al. Moscow, Progress-Traditsiya, 2001: 304 (in Russ.).
4. Bokeriya S. A., Davidchuk A. S., Degterev D. A. (et al.). Soviet Studies of Neocolonialism. *Vestnik RUDN. Ser.: Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2022: 22(4): 671–687 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-671-687; EDN: YGFFFS.

5. Gorelov A. A. From the world colonial system to global neocolonialism. *Vek globalizatsii*, 2014: 2(14): 52–64 (in Russ.). EDN: SXDHNF.
6. Gorelov A. A. Global Neocolonialism in Action: The West's War against Russia and the World. Moscow, Letniy sad, 2016: 360 (in Russ.).
7. Gorelov A. A., Bronnikov I. A. Global neocolonialism and the problem of sovereignty. *Vlast'*, 2015: 2: 19–25 (in Russ.). EDN: TNTVMF.
8. Gorelov A. A., Gorelova T. A. Globalizatsiya i global'nyy neokolonializm [Globalization and global neocolonialism]. *PolitBook*, 2013: 3: 115–131 (in Russ.). EDN: SBMXCN.
9. Gorelov A. A., Gorelova T. A. Capitalist ideology and political culture in the format of global neo-colonialism. *PolitBook*, 2015: 4: 110–124 (in Russ.). EDN: VQFKOD.
10. Gureyeva M. A., Larionov I. K. Russia's economic security in the context of its escalating confrontation with the West. *Ekonomicheskiye sistemy*, 2019: 12(1): 33–41 (in Russ.). EDN: HINZIR.
11. Deych T. L. China in Africa: “neocolonialism” or a “win-win” strategy? *Kontury global nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 2018: 11(5): 119–141 (in Russ.). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141; EDN: YOLFUL.
12. Dementyev V. E., Novikova E. S., Ustyuzhanina E. V. Russia's place in global value chains. *Natsionalnyye interesy: priority i bezopasnost*, 2016: 12 (1): 17–30 (in Russ.). EDN: VHYWRD.
13. Dubrovin M. A. Global neocolonialism: formulation of the concept. *Voprosy ekonomiki i prava*, 2019: 130: 14–17 (in Russ.). DOI: 10.14451/2.130.14; EDN: HVOTCZ.
14. Dunayeva M. D. Neocolonialism as the basis of relations between France and Algeria at the present stage. In Science. Education. Innovations: the current state of current problems. Anapa: OOO “NICESP” v YuFO, 2023: 15–19 (in Russ.). EDN: KYBGPO.
15. Zhdanovskaya A. A. Vneshniy dolg kak forma ekonomicheskoy zavisimosti [External debt as a form of economic dependence]. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN*, 2018: (2): 173–187 (in Russ.). EDN: YWYRKA.
16. Intellectual colonialism in the global educational market. Ed. by S. A. Sharonov, N. V. Trubnikova. Moscow, RUDN, 2017: 229 (in Russ.). EDN: ZQSJTR.
17. Kuzmenko I. V. Neokolonializm v mezhdunarodnykh institutakh podderzhki slaborazvitykh gosudarstv (na primere Vsemirnogo banka) [Neocolonialism in international institutions supporting underdeveloped states (on the example of the World Bank)]. *Filosofiya prava*, 2009: 2(33): 86–89 (in Russ.). EDN: KWSMIT.
18. Ledenyova M. V. Politika natsional nogo bogatstva kak faktor vyzhivaniya v usloviyakh globalizatsii [The policy of national wealth as a factor of survival in the context of globalization]. *Natsional nyye interesy: priority i bezopasnost*, 2011: 7(32): 12–20 (in Russ.). EDN: NYHVYP.
19. Ledenyova M. V. Globalization and neocolonialism: how to get rid of addiction? *Voprosy bezopasnosti*, 2015: 6: 1–16 (in Russ.). DOI: 10.7256/2409-7543.2015.6.17933; EDN: VSPOFV.
20. Lenin V. I. Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma (Populjarnyj ocherk) [Imperialism, the Highest Stage of Capitalism]. In Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. [Complete Works: in 55 vol.]. 5th ed. Moscow, Gospolitizdat, 1969: 27: 299–426 (in Russ.).
21. Martynenko T. S. Environmental inequality: modern approaches to the conceptualization of the concept. *Vestnik Tomskogo gosun-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2020: 57: 200–214 (in Russ.). DOI: 10.17223/1998863X/57/19; EDN: VIJPAC.
22. Pantserev K. A. Informatsionnyy imperializm: prepyatstviye na puti stran tropicheskoy Afriki k nezavisimomu razvitiyu [Information imperialism: an obstacle on the path of Tropical African countries to independent development]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*, 2009: 114: 355–362 (in Russ.).
23. Pantserev K. A. Information imperialism as a form of neo-colonialism in Africa: past, present, future In Africa: postcolonial discourse: Abstracts of reports of participants of the All-Russian Conference. Ed. By T. M. Gavristova, N. E. Khokholkova. Yaroslavl, Filigran, 2020: 90–92 (in Russ.). EDN: SEOCNZ.
24. Parfenov D. A. Ekonomicheskaya politika Rossii v kontekste sovremennogo neokolonializma [The economic policy of Russia in the context of modern neocolonialism]. *Rossiyskoye predprinimatel stvo*, 2012: 21(119): 4–10 (in Russ.). EDN: PFCUKH.

25. Popov V. A. Neotraditionalism, neo-nationalism and neo-colonialism in Africa: postcolonial discourse. In *Africa: postcolonial discourse*. Ed. By T. M. Gavristova, N. E. Khokholkova. Yaroslavl, Filigran, 2020: 92–94 (in Russ.). EDN: AQJXYA.
26. Prebish R. *Periferiynny kapitalizm: yest li yemu alternativa?* [Peripheral capitalism: is there an alternative to it?]. Moscow, ILA, 1992: 331 (in Russ.).
27. Sirotkina A. I. Evolution of theoretical views on neocolonialism as an economic category. *Voprosy politicheskoy ekonomii*, 2020: 3: 82–97 (in Russ.). DOI: 10.5281/zenodo.4067063; EDN: WARNLO.
28. Sirotkin A. I., Al'pidovskaya M. L. Neocolonialism of the XXI century: globalism and the world-system. *Teoreticheskaya ekonomika*, 2020: 12(72): 96–109 (in Russ.). EDN: GOPGKI.
29. Subetto A. I. Economic colonialism and the collapse of market reforms in Russia. In *The advent of the era of great noospheric socialist transformations*. Ed. by A. V. Vorontsova. St. Petersburg, Asterion, 2019: 52 (in Russ.).
30. Khalidov D. SH. Rossiyskaya versiya neokolonial'noy sistemy obrazovaniya [The Russian version of the neocolonial education system]. *Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoye proyektirovaniye*, 2013: 6(1): 110–112 (in Russ.). EDN: QOUHTD.
31. Shulga A. A. Neocolonialism in Africa and globalization: What do they have in common? *Izvestiya Irkutskogo gosun-ta. Ser.: Politologiya. Religiovedeniye*, 2016: 18: 68–74 (in Russ.). EDN: WNDLZZ.
32. Yagutkina E. S., Yagutkin S. M. Technologies of modern anti-Russian socio-intellectual neocolonialism. In *Management in the XXI century*. Belgorod, ID “Belgorod”, 2015: 344–349 (in Russ.). EDN: ZGXMNP.
33. Acselrad H. Grassroots reframing of environmental struggles in Brazil. In Carruthers D. V. (ed.) *Environmental Justice in Latin America: Problems, Promise, and Practice*. Cambridge, MIT Press, 2008: 75–97.
34. Adoko T. et al. (Neo)-Colonialism, globalised modernisation and global energy and environment: A review of available opportunities and their threats to globalization. *International Journal of Social Science and Humanities Research*, 2021: 9(3): 95–207.
35. Adow M. The climate debt: what the West owes the rest. *Foreign Affairs*, 2020: 99(3): 60–68. Accessed 15.02.2024. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-04-13/climate-debt>
36. Alonso A., Costa V., Maciel D. The formation of the Brazilian environmental movement. Working paper series, 259. Brighton: IDS, 2005. Accessed 10.01.2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/237402569_The_Formation_of_the_Brazilian_Environmental_Movement
37. Aydin M., Turan Y. E. The influence of financial openness, trade openness, and energy intensity on ecological footprint: revisiting the environmental Kuznets curve hypothesis for BRICS countries. *Environmental Science and Pollution Research*, 2020: 27(34): 43233–43245. DOI: 10.1007/s11356-020-10238-9.
38. Bourdieu P., Passeron J. C. et al. *Reproduction in education, society, and culture*. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington, D.C., Sage. 2013: 288.
39. Brand U. The Global Political Economy of the imperial mode of living. *Global Political Economy*, 2022: 1(1): 26–37. DOI: 10.1332/PEIR2693.
40. Cheon Y., Danilova N. et al. Does trade openness convey a positive impact for the environmental quality? Evidence from a panel of CIS countries. *Eurasian Geography and Economics*, 2019: 60(3): 333–356. DOI: 10.1080/15387216.2019.1670087.
41. Couldry N., Mejias U. A. *The costs of connection: how data is colonizing human life and appropriating it for capitalism*. Stanford, California, Stanford University Press, 2019: 324.
42. Couldry N., Mejias U. A. Data colonialism: Rethinking big data's relation to the contemporary subject. *Television & New Media*, 2019: 20(4): 336–349. DOI: 10.1177/1527476418796632.
43. Dafoe A. On Technological Determinism: A Typology, Scope Conditions, and a Mechanism. *Science, Technology, & Human Values*, 2015: 40(6): 1047–1076. DOI: 10.1177/0162243915579283.
44. Dever J., Dever J. Information Age Imperialism: China, ‘Race,’ and Neo-Colonialism in Africa and Latin America. *University of Miami Inter-American Law Review*, 2021: 1: 1–48. Accessed 15.02.2024. Available at: <https://repository.law.miami.edu/umialr/vol52/iss2/3>
45. Devine J. A., Baca J. A. The political forest in the era of green neoliberalism. *Antipode*, 2020: 52(4): 911–927. DOI: 10.1111/anti.12624.

46. Doğan B., Ghosh S. et al. Are economic complexity and eco-innovation mutually exclusive to control energy demand and environmental quality in E7 and G7 countries? *Technology in Society*, 2022: 68(1): 101867. DOI: 10.1016/j.techsoc.2022.101867.
47. Gould K. A., Pellow D. N., Schnaiberg A. Interrogating the treadmill of production: Everything you wanted to know about the treadmill, but were afraid to ask. *Organization and Environment*, 2004: 17(3): 296–316.
48. Imbong R. A. Neocolonialism and the Technopolitics of Specialization: Toward a Reimagination of the Sociotechnical Imaginaries Approach. *Bandung*, 2023: 10: 283–301. DOI: 10.1163/21983534-10020008.
49. Jabłoński M. The ‘Illusion’ of Social Research/Action. Reflections on Neo-Colonial Pedagogy. *Qualitative Sociology Review*, 2021: 17(1): 96–109. DOI: 10.18778/1733-8077.17.1.7.
50. Kitchin R., Lauriault T., McArdle G. Smart cities and the politics of urban data. In Marvin S., Luque-Ayala A., McFarlane C. (eds), *Smart urbanism: Utopian vision or false Dawn?* Routledge, 2013: 16–33.
51. Langan M. *Neo-Colonialism and the Poverty of ‘Development’ in Africa*. Palgrave Macmillan, Cham, 2018: 253.
52. Latour B., Schultz N. *On the Emergence of an Ecological Class: A Memo*. Cambridge, Polity, 2022: 92.
53. Lin B., Liu X. Dilemma between economic development and energy conservation: energy rebound effect in China. *Energy*, 2012: 45(1). DOI: 10.1016/j.energy.2012.06.077.
54. Mann M. *The New Climate War: The Fight to Take Back our Planet*. New York, Public Affairs, 2021: 272.
55. McCarthy D. Imposing Evenness, Preventing Combination: Charting the International Dynamics of Innovation in American Foreign Policy. *Cambridge Review of International Affairs*, 2021: 34(2): 296–315. DOI: 10.1080/09557571.2021.1877617.
56. Mouton M., Burns R. (Digital) neo-colonialism in the smart city. *Regional Studies*, 2021: 52(12): 1890–1901. DOI: 10.1080/00343404.2021.1915974.
57. Murphy R. *Rationality and Nature: A Sociological Inquiry into a Changing Relationship*. Boulder, Westview Press, 1994: 294.
58. Navarro R. Climate Finance and Neo-colonialism: Exposing Hidden Dynamics. In Cash C., Swatuk L. A. (eds) *The Political Economy of Climate Finance: Lessons from International Development*. International Political Economy Series. Palgrave Macmillan, Cham. 2022: 179–203. DOI: 10.1007/978-3-031-12619-2_8.
59. Newell P. Race, class and the global politics of environmental inequality. *Global Environmental Politics*, 2005: 5(3): 71–94. DOI: 10.1162/1526380054794835.
60. Obikwelu J., Gérard-Marie M., Odumegwu A. The Effects of Neocolonialism on Africa’s Development. *PanAfrican Journal of Governance and Development*, 2023: 4(2): 3–35. DOI: 10.46404/panjogov.v4i2.4846.
61. Opoku E. E. O., Boachie M. K. The environmental impact of industrialization and foreign direct investment. *Energy Policy*, 2020: 137: 111178. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.111178.
62. Patel S. Anti-colonial thought and global social theory. *Frontiers in Sociology*, 2023: 8. DOI: 10.3389/fsoc.2023.1143776.
63. Polloni-Silva E., Ferraz D. et al. Environmental Kuznets curve and the pollution-halo/haven hypotheses: an investigation in Brazilian municipalities. *Sustainability*, 2021: 13(8). DOI: 10.3390/su13084114.
64. Sklair L. *The Transnational Capitalist Class*. Maiden, MA, Blackwell. 2001: 335.
65. Tayebi S. K., Younespour S. The effect of trade openness on environmental quality: evidence from Iran’s trade relations with the selected countries of the different blocks. *Iranian Economic Review*, 2012: 16(32): 19–40.
66. Viola E., Gonçalves V. K. Brazil ups and downs in global environmental governance in the 21st century. *Revista Brasileira de Política Internacional*, 2019: 62 (2). Accessed 10.02.2024. URL: <https://www.scielo.br/j/rbpi/a/b4VFtsXTyzCK9FDzJcjM4DS/?lang=en>
67. Wallerstein I. *The modern world system: Capitalist agriculture and the origins of the European world economy in the sixteenth century*. New York, Academic press, 1974: 244.

68. Xuereb K. Neo-colonialism in cultural governance in the EU: a Maltese case study. *European Journal of Cultural Management and Policy*, 2019: 9(1): 4–17. Accessed 15.02.2024. URL: <https://www.encatc.org/media/5137-neocolonialism-in-cultural-governance-in-the-eu-a-maltese-case-study.pdf>
69. Yu C., Nataliia D., Yoo S.-J., Hwang Y.-S. Does trade openness convey a positive impact for the environmental quality? Evidence from a panel of CIS countries. *Eurasian Geography and Economics*, 2019: 60(3). DOI: 10.1080/15387216.2019.1670087.
70. Yurdakul M., Kazan H. Effects of eco-innovation on economic and environmental performance: evidence from Turkey's manufacturing companies. *Sustainability*, 2020: 12(8). DOI: 10.3390/su12083167.
71. Zografos C. The contradictions of Green New Deals: green sacrifice and colonialism. *Soundings*, 2022: 80: 37–50. DOI: 10.3898/SOUN.80.03.2022.

The article was submitted on: April 4, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Inna A. Vershinina, Doctor of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Modern Sociology

Anna V. Liadova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Chair of Modern Sociology

Tatiana S. Martynenko, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Chair of Modern Sociology

Ekaterina A. Grigoreva, Junior Researcher at the Department of Theoretical Analysis of Social Transformations; Senior Methodologist

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 73108 от 9 июня 2018 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Ольга Владимировна Аксенова,
Полина Михайловна Козырева

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная верстка: Ильдар Мансурович Ситдинов

Журнал «Вестник Института социологии» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения
редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник Института социологии» обязательна.

2024. Том. 15. № 3 Дата выхода в свет 30.09.2024.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Тел.: 8 499 125-00-79. E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <https://www.vestnik-isras.ru>